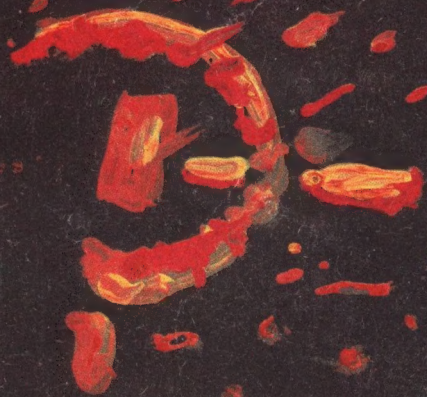

Большой Террор

Роберт
Конквест

РОБЕРТ КОНКВЕСТ

БОЛЬШОЙ ТЕРРОР

II

перевод с английского
Л. Владимирова

«РАКСТНИЕКС»
Рига 1991

ББК
К

Перевод с английского
Л. Владимирова
Художник В. Решетов

© Robert Conquest, 1968
© «Ракстниекс», 1991

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ВАКХАНАЛИЯ

Самым ценным для нас являются люди, кадры.

Сталин

Западному читателю невозможно вообразить себе страдания, которые пережил в то время советский народ. Для того, чтобы исследовать сталинский террор и по-настоящему его показать, нужны не только интеллектуальные, но и моральные усилия. Приведенные факты дают лишь общую цепь доказательств и, строго говоря, дальше этого исследователь идти не обязан. Но ведь эти факты приводятся для того, чтобы на их основе читатель мог составить моральное суждение. При самом хладнокровном их рассмотрении мы должны воспринимать происходящее так, как его воспринимал Пастернак, который закончил «Автобиографический очерк» следующими словами: «Продолжать его было бы непомерно трудно... Писать о нем (о происходившем) надо так, чтобы замирало сердце и подымались дыбом волосы»¹.

До сих пор мы рассказывали о том, как пострадала от репрессий партия. Об этом имеется гораздо больше сведений, особенно из советских источников, чем о судьбе «простого советского человека». Но на каждого пострадавшего члена партии приходилось 8-10 брошенных за решетку простых граждан.

Партийные деятели, о которых шла речь выше, были сознательно вовлечены, в большей или меньшей степени, в политическую борьбу. «Правила игры» были им известны. Многие из них несли личную ответственность за аресты и смерть миллионов крестьян во время коллективизации. Мы не должны, понятно, отказывать им в жалости, но все же они имеют меньше прав на сострадание, чем простые

советские граждане. Если Крыленко был осужден и казнен, то до этого он сам послал на смерть сотни других по сфабрикованным обвинениям. Если Троцкий был убит в изгнании, то он сам отдавал приказы о расстреле тысяч рядовых членов партии, потирая руки с чувством исполненного долга. Пушкин сказал однажды, что русские бунтовщики «люди жестокосердые, которым и своя шейка — копейка, и чужая головушка — полушка»². Это может быть применимо к таким людям, как Розенгольц, но явно неприменимо к его жене. Ее пример дает нам представление о судьбе и чувствах рядовых беспартийных граждан, вовлеченных в агонию Большого террора.

Состояние всеобщей подавленности хорошо передано в отрывке из романа «Доктор Живаго»:

«Не только перед лицом твоей каторжной доли, но по отношению ко всей предшествующей жизни тридцатых годов, даже на воле, даже в благополучии университетской деятельности, книг, денег, удобств, война явилась очистительной бурей, струей свежего воздуха, веянием избавления... И когда возгорелась война, ее реальные ужасы, реальная опасность и угроза реальной смерти были благом по сравнению с бесчеловечным владычеством выдумки и несли облегчение, потому что ограничивали колдовскую силу мертвой буквы»³.

Нам, выросшим в условиях устойчивого общества, не хватает воображения, чтобы понять, что во главе великого государства могут стоять люди, которых в нормальных условиях сочли бы преступниками. Также трудно проникнуться чувствами советского гражданина, которому пришлось жить при Большом терроре. Легко говорить о постоянном страхе и ожидании стука в дверь, который обычно раздавался на рассвете; о голоде, изможденности и беспросветной судьбе узников трудовых лагерей. Но представить себе, что это хуже, чем ужасы войны, все же кажется трудно.

Россия переживала террор и раньше. Ленин заявлял об этом открыто, считая террор орудием политики. Во время гражданской войны в массовом порядке проводились казни «классовых врагов». Но тогда обстоятельства были другими. В те дни многое делалось сгоряча, несправедливости и жестокости чинились по всей стране. Но они были редко частью большой, спланированной и «спущенной сверху» операции. Это были скорее яростные и стихийные удары по врагу, который готов был ответить тем же и был для этого достаточно силен. Вещи назывались своими именами. Это

были поистине ужасные дни: отряды ЧК расстреливали так называемых классовых врагов сотнями и тысячами. Люди, прошедшие через это, очевидно, думали, что худшего быть не может.

Террор Ленина был продуктом войны и насилия, распада общества и администрации. Руководство, вынесенное на гребне волны, отчаянно боролось за то, чтобы выжить, за сохранение своей власти.

Сталин, с другой стороны, полностью подчинил себе страну в период относительного спокойствия. К концу 20-х годов население примирилось, хотя и неохотно, с существованием и стабильностью советского правительства. Правительство, в свою очередь, пошло на некоторые экономические и другие уступки, что привело к развитию хозяйства и повышению жизненного уровня. Новый цикл террора был начат Сталиным намеренно и хладнокровно. Сначала партия пошла войной на крестьянство. После выполнения этой сталинской операции положение начало снова стабилизироваться, и тогда, в середине 30-х годов, на беззащитное население, с тем же хладнокровием, были обрушены новые страдания. Хладнокровие сопровождалось другой, специфически сталинской чертой террора: абсолютной лживостью выдвинутых причин и обвинений.

Есть еще один фактор, который необходимо учесть. Во время первой мировой войны, как пишет Роберт Грейвз в книге «Прощай, всё», солдат мог выдержать лишения и опасности окопной жизни только некоторое время. Затем, после первого же месяца, силы начинали сдавать. «Через шесть месяцев офицер был еще на что-то годен, но через девять-десять — становился обузой для других офицеров. Через двенадцать-пятнадцать месяцев он был более чем бесполезен». Грейвз отмечает, что люди в возрасте более 33 лет, а особенно после 40, обладали меньшей выносливостью. Офицеры, прослужившие свыше двух лет, становились алкоголиками. Солдаты были «совершенно апатичны и бесчувственны, и в этом состоянии шли на выполнение задания». «Самому мне, — пишет Грейвз, — потребовалось десять лет, чтобы полностью оправиться». Он добавляет, что это объяснялось не только физическим состоянием организма: в хорошем батальоне физические недомогания были редки.

Говоря о жизни советских людей в 1936-38 годах, очень трудно передать этот бесконечный, еженощный, бросающий в пот страх, страх в ожидании того, что арест наступит еще до рассвета. Сравнение с войной вполне правомерно,

даже с точки зрения числа жертв. При других диктатурах аресты шли выборочно; брали людей, подозреваемых в антиправительственной деятельности, и для этого имелись какие-то основания. В эру Ежова очередной жертвой мог стать любой человек.

Ночью — страх, а днем — бесконечное притворство, лихорадочные усилия доказать свою преданность Системе Лжи. Таково было «нормальное» состояние советского гражданина.

ДОНОСЫ

Сталин требовал не только подчинения, но и соучастия. Отсюда — душевный кризис, который так хорошо описал Пастернак в 1937 году в устной беседе с доктором Нильсоном:

«... они однажды пришли ко мне ... с какой-то бумагой, где было написано, что я одобряю решение партии о казни генералов. В каком-то смысле это было доказательство того, что мне доверяют. Они не приходили к тем, кто был в списке подлежащих уничтожению. Моя жена была беременна. Она плакала и умоляла меня подписать эту бумагу, но я не мог. В тот день я взвесил все и попытался установить, сколько у меня шансов остаться в живых. Я был убежден, что меня арестуют — пришел и мой черед. Я был к этому готов. Вся эта кровь была мне ненавистна, я больше не мог терпеть. Но ничего не случилось. Меня, как выяснилось впоследствии, косвенным путем спасли мои коллеги. Никто не осмелился доложить высшему начальству, что я отказался поставить свою подпись»⁴.

Такое нравственное величие было доступно немногим. Все были изолированы. Что значил молчаливый индивидуальный протест по сравнению с гигантскими митингами, которые одобряли казнь генералов и на которых раздавались крики: «Собачья смерть!» — по отношению к лидерам оппозиции? Откуда мог тайный оппозиционер знать, искренне говорят выступающие или нет? Никаких признаков оппозиции или даже нейтралитета не было. Все тонуло в массовом подражании энтузиазму. Даже дети и родственники осужденных публично отрекались от своих родителей.

Разрушение семейных связей было осознанной целью Сталина. Когда в ноябре 1938 года Сталин ликвидировал руководство ВЛКСМ во главе с Косаревым, он жаловался на

то, что организации «не хватает бдительности». По мнению Сталина, комсомол слишком много внимания уделял исполнению устава, который провозглашает эту организацию политической школой для будущих коммунистов. Сталин считал, что хорошему молодому коммунисту нужна не политическая подготовка, а качества энтузиаста-стукача.

Много доносов было сделано из страха. Любой человек, который слышал неосторожно сказанное слово и не сообщил об этом, мог поплатиться сам. Членов партии, которые не могли отыскать «врагов народа» среди своих знакомых, «прорабатывали» на собраниях за «недостаток бдительности». Иногда случалось и такое: разговор между старыми знакомыми становился вдруг слишком откровенным и заканчивался тем, что они доносили друг на друга. Только старые, испытанные друзья могли вести беседы, которые хоть немного отклонялись от официальной линии. Отбор был очень тщательным. Илья Эренбург рассказывает в своих воспоминаниях, что у его дочери был пудель, который научился закрывать дверь гостиной, как только разговор гостей становился приглушенным. Он получал за свою бдительность кусочек колбасы и научился безошибочно распознавать характер разговора⁵.

Но не все сознательные граждане безотказно выполняли свой стукаческий долг. В своей книге «Я выбрал свободу» Кравченко приводит такой эпизод: «Директор одного предприятия подвез как-то на своей машине мать «врага народа», старую женщину, после чего его шофер сказал: «Товарищ директор, я, может быть, сукин сын, который должен сообщать обо всем, что видит и слышит. Но клянусь собственной матерью, на этот раз не скажу ни слова. Моя мать — простая женщина, а не такая интеллигентная дама. Но я ее люблю, и спасибо вам, Виктор Андреевич, говорю как русский — русскому». И действительно, об этом инциденте никто не узнал, хотя впоследствии директору были инкриминированы различные «серьезные преступления»⁶.

Если нацизм способствовал выходу наружу садистских инстинктов, учредив это законодательным порядком, то сталинский тоталитаризм автоматически поощрял подлость и злопыхательство. Даже сегодня в советской печати можно натолкнуться на заметки об «особо сознательных» гражданах, которые сообщают в милицию о проступках (истинных или воображаемых) своих сограждан и в результате добиваются их высылки в отдаленные районы. Во времена Сталина это было общепринятой практикой. Интриганы, вызывающие

склоки дома и на работе, авторы анонимных писем и т. д. могут причинить неприятности в любом обществе. При Сталине эти люди процветали.

«Я видел,— пишет Эренбург в третьей книге своих воспоминаний,— как в передовом обществе некоторые люди, казалось бы приобщенные к благородным идеям, совершали низкие поступки во имя личного благополучия или своего спасения, предавали товарищей, друзей; жена отрекалась от мужа, расторопный сын чернил попавшего в беду отца»⁷. А не так давно в СССР был напечатан рассказ, довольно типичный, о том, как студент геологического института донес на своего друга. На танцах он подслушал, как его друг рассказывал своей девушке, что его отец был казнен. При поступлении в институт он этот факт скрыл. Студента исключили и сослали в трудовой лагерь на 15 лет⁸.

Деятельность доносчиков разрослась до невероятных размеров. В украинских газетах сообщалось, что один житель Киева донес на 69 человек⁹, а другой — на 100¹⁰. В Одессе один коммунист донес на 230 человек¹¹. В Полтаве член партии «разоблачил» всю свою организацию¹².

На XVIII съезде партии, когда «перегибы», допущенные во время чисток, подвергались запоздалой и частичной критике, огласили рассказ одного доносчика о том, как ему удалось добиться снятия пятнадцати секретарей местных партийных организаций. Другой известный клеветник из Киева, как сообщалось на съезде, «обратился с такой просьбой: «Я выбился из сил в борьбе с врагами, а поэтому прошу путевку на курорт». (Громкий смех)»¹³.

Некоторые совершенно бредовые доносы вели к невероятным результатам, анонимные письма представляли собой просто злопыхательские выдумки, но они достигали цели. Вот пример: некто Силаков дезертировал из Красной Армии, а затем сдался в Киеве. Он рассказал о том, что планировал налет на почтовое отделение, чтобы достать деньги для террористической организации, но потом решил добровольно отдать себя в руки советской власти. НКВД этого было мало. Силакова как следует избили, и после этого была выработана другая версия, в которой фигурировал уже не только он сам и его друзья, но целое военное подразделение. Во главе заговора стоял теперь не Силаков, а его командир. Они намеревались совершить террористические нападения на членов правительства. Почти все подразделение, от командира до шоферов, было арестовано, причем многие — вместе с женами. В дело были вовлечены

также обе сестры Силакова, его старая больная мать и его отец. Привлекли даже дядю, который всего один раз виделся с племянником, но он был унтер-офицером (т. е. младшим сержантом) в царской армии. По новой версии дядя превратился в «царского генерала».

Это нелепое дело раздулось до такой степени, что «в киевской тюрьме не осталось ни одной камеры, где бы не сидел человек, связанный с заговором Силакова»¹⁴. После падения Ежова и его киевского представителя Успенского в 1938 году, Силаков и все осужденные вместе с ним были допрошены заново. Им была дана возможность отказаться от своих показаний. Некоторые на это не соглашались, опасаясь ловушки, и тогда с ними пришлось говорить по-другому. Этих людей насильно заставили отказаться от ложного признания своей вины в преступлении, которое грозило им смертной казнью. В результате сам Силаков был приговорен к трем годам тюремного заключения, но лишь за дезертирство.

Но доносительство процветало не только на любительской добровольной основе. НКВД повсеместно организовал специальную сеть «сексотов» (секретных сотрудников), которые вербовались из местного населения.

Сексоты разделялись на две группы: в первую входили добровольцы — откровенные подонки и злопыхатели, которые хотели досадить своим знакомым, и «идеалисты», уверенные в том, что они работают для блага «Дела». Вторую группу составляли сексоты по принуждению; часто этим людям обещали облегчить судьбу их родственников, находящихся в тюрьме. Они надеялись, что будут говорить правду и не доставят неприятностей своим друзьям. Но это был самообман: нажим становился все сильнее и сильнее. Сексота, который не поставлял информации, автоматически брали на подозрение. А поскольку население в целом научилось держать язык за зубами, доносчикам приходилось все больше сообщать о безобидных поступках и словах, по-своему истолковывать или просто выдумывать, чтобы удовлетворить одолевавшую НКВД жажду заговоров¹⁵.

В воспоминаниях очевидцев есть история о том, как один украинский сексот стал убежденным коммунистом. Он не смог вступить в партию из-за прошлых связей с Белой армией, и поэтому решил служить делу коммунизма единственным доступным ему способом. Вначале он старался соблюсти беспристрастность. Он всего лишь выполнял свой долг, а это всегда приятно. Когда ему удавалось преодолеть

угрызения совести, личные склонности и антипатии, он чувствовал себя настоящим героем¹⁶. Но одних намеков на враждебное отношение к правительству было недостаточно. Сотрудники НКВД, конечно, прекрасно знали, что в эту категорию попадает широкий слой населения, и требовали новых конкретных сведений. Сексот попытался сопротивляться, но был сам обвинен в том, что скрывает факты. И он начал по-своему «истолковывать» подслушанные разговоры, пока всякое различие между правдой и ложью не стерлось у него в уме. Но даже несмотря на это он был на плохом счету, потому что пытался сохранить в своих доносах подобие убедительности. Его измышления казались начальству слишком сдержанными, и он сам был арестован.

Любой отчет о работе советского учреждения, научно-исследовательского института и т. д., даже до Большого террора, говорит о том, что жизнь в нем представляла собой клубок интриг. То же самое, наверное, можно сказать о многих других странах. Но средства, доступные интригану в советских условиях, делали его гораздо более опасным. Для того, чтобы продвинуться, нужно было «компрометировать» других, добиваться их исключения из партии, а зачастую и их ареста. Это был общепринятый способ служебного продвижения. Объектом мог быть соперник, чье положение казалось слишком прочным, или же один из его подчиненных, с помощью которого можно было очернить начальника. По самым приблизительным подсчетам, каждый пятый сотрудник советского учреждения в те годы был в той или иной форме осведомителем НКВД¹⁷.

Вот, например, как обстояло дело в сталелитейной промышленности. Вслед за Гвахарией, племянником Орджоникидзе и одним из гениев индустриализации, все директора крупных литейных предприятий на Украине были арестованы. «Через несколько месяцев были арестованы и те, кто пришел им на смену. Обычно удерживался только третий или четвертый по счету состав руководства. Литейная промышленность попала в руки молодых и неопытных людей. У них не было даже обычных преимуществ молодости, потому что отбор носил исключительно «негативный» характер. Это были люди, которые в прошлом неоднократно доносили на других. Они неизменно становились на колени перед теми, у кого было больше власти. Они были искалечены морально и нравственно»¹⁸.

Сталин неуклонно разбивал все формы солидарности и товарищества, за исключением тех, которые были созданы

на основе личной преданности ему самому. Террор полностью разрушил личное доверие. Больше всего пострадали, конечно, организационные и коллективные связи, которые все еще существовали в стране после 18 лет однопартийного правления.

Самой могущественной и важной организацией, требующей приверженности по отношению именно к себе, к своим идеалам, была партия или, точнее, ее досталинский состав. Затем — армия. Потом уж интеллигенция, которая справедливо считалась потенциальным носителем еретических идей. Все эти групповые «приверженности» возбуждали особенно яростную реакцию. Но когда Сталин стал действовать против всего народа как такового, он был совершенно логичен. Только такими методами можно было раздробить общество, уничтожить всякое доверие и всякую преданность, за исключением преданности ему самому и его ставленникам.

Бабель говорил: «Теперь человек разговаривает откровенно только с женой — ночью, покрыв голову одеялом»¹⁹. Только самые закадычные друзья могли намекнуть друг другу о несогласии с официальными взглядами (да и то не всегда). Рядовой советский гражданин не мог определить, в какой степени официальная ложь «срабатывает». Такой человек думал, что он, вероятно, принадлежит к разброзанному и беспомощному меньшинству, что Сталин выиграл свою битву, уничтожив представление о правде в умах людей. Но не все приписывали вину Сталину. Он всегда умел остаться на заднем плане, обманув даже таких людей, как Пастернак и Мейерхольд²⁰. А если в заблуждении оказались умы такого калибра (хотя и не политического склада), то ясно, что аналогичные представления были широко распространены. Страх и ненависть всей страны сосредоточились на Ежове.

МАССОВЫЙ ОХВАТ

Хрущев сообщил на XX партийном съезде, что «число арестов по обвинению в контрреволюционных преступлениях возросло в 1937 году, по сравнению с 1936 годом, больше, чем в десять раз»²¹. Щупальцы НКВД потянулись ко всем, кто был в контакте, хотя бы самом незначительном, с осужденными членами партии. Секретарь одного из обкомов партии на Урале, Кабаков, посетил в 1932 году рабочие кварталы, где поговорил с какой-то старой женщиной. Она

рассказала, что ее сын был вынужден поехать отдыхать за свой счет. Кабаков дал указание руководству предприятия, где работал этот рабочий, возместить стоимость путевки. Пять лет спустя, когда самого Кабакова арестовали, кто-то сообщил в НКВД, что он заступился за молодого рабочего. Парень был втянут в дело и обвинен в «подхалимстве перед Кабаковым»²².

К делу Николаева, который действовал в одиночку, было привлечено 13 сообщников. Это было возведено в общий принцип. «Бдительность» стала пробным камнем сознательности гражданина или служащего — и, конечно, члена партии. Сотрудники НКВД на предприятиях и в учреждениях находились под постоянным давлением: они должны были, не щадя сил, искоренять врагов. От каждого арестованного требовали назвать сообщников, а всех его знакомых автоматически брали на заметку.

На показательных процессах, естественно, всплывали имена не только политических соратников, но и множества людей, не имевших ничего общего с партийной борьбой. На процессе Бухарина, например, подсудимый Зеленский сообщил, что «в аппарате Центросоюза было при мне около 15% бывших меньшевиков, эсеров, анархистов, троцкистов и так далее. В некоторых областях количество чуждых выходцев из других партий, колчаковских офицеров и так далее... было значительно выше»²³. Эти люди, сказал Зеленский, были центром притяжения всякого рода антисоветских элементов. Понятно, что такие показания вызывали цепную реакцию арестов по всей стране.

Однако массовый характер репрессий объясняется не только этим явлением «цепной реакции». В 30-х годах в Советском Союзе были еще живы сотни тысяч людей, которые когда-то принадлежали к небольшевистским партиям, служили в Белой армии, людей свободных профессий, побывавших за границей, националистов, местной интеллигенции и т.д. Все более и более яростная кампания за «бдительность» и разоблачение «скрытых врагов» охватила всю страну — не только партию; об этом шумели пресса и радио.

Значительная часть всего населения Советского Союза уже была занесена в списки Особого отдела НКВД и его местных отделений. Они были разбиты на несколько категорий:

АС — антисоветские элементы;

Ц — регулярно посещающие церковь;

С — член религиозной секты;

П — повстанец — всякий, кто в прошлом участвовал в антисоветских выступлениях;

СИ — имеет связи с иностранцами.

Принадлежность к одной из этих категорий не давала еще законченных оснований для преследования, но все эти люди были взяты на учет. Как только местному отделению НКВД нужно было продемонстрировать рвение, их арестовывали.

В списке «опасных элементов», составленном после аннексии Литвы в 1940 году, проводится более детальная классификация²⁴. К январю 1941 года, после полугодовой оккупации, в Литве насчитывалось всего две с половиной тысячи коммунистов²⁵. Самые заклятых врагов — троцкистов — было совсем мало. Такая маленькая территория не представляла никакой угрозы положению Сталина, но для того, чтобы превратить ее в надежную советскую вотчину, кое-кого нужно было уничтожить. Подход к их ликвидации был во многом тем же, что и на русской территории. В списках по группам перечислены: все бывшие руководящие работники государства, армии и судебной системы, все бывшие члены коммунистических партий, все активные члены студенческих корпораций, члены национальной гвардии, все, кто боролся против Советов в 1918-1920 годах, беженцы, представители иностранных фирм, служащие и бывшие служащие иностранных миссий, фирм и компаний, люди, имевшие контакт с границей, включая филателистов и эсперантистов, все духовенство, бывшее дворянство, помещики, купцы, банкиры, коммерсанты, владельцы гостиниц, ресторанов, магазинов, бывшие работники Красного Креста. Подсчитано, что в списках числилось 23 процента всего населения²⁶.

Многие представители этих групп в самом Советском Союзе давно уже умерли или же эмигрировали. Но кое-кто все-таки остался. И каждый был окружен естественно расширяющимся кругом коллег и знакомых, на которых автоматически распространялось подозрение в общении с «чуждыми элементами»: любой служащий, например, чей начальник «оказался» троцкистом; любой, кто покупал продукты у бывшего «кулака» или жил по соседству с армянским «буржуазным националистом».

Таким образом, к середине 1937 года практически все население Советского Союза стало потенциальным объектом террора. Очень немногие чувствовали себя в безопасности, почти каждый мог ждать, что за ним придут. Пастернак великолепно передает это ожидание:

«Однажды Лариса Федоровна ушла из дому и больше не возвращалась. Видимо, ее арестовали в те дни на улице, и она умерла или пропала неизвестно где, забытая под каким-либо безымянным номером из впоследствии запропастившихся списков, в одном из неисчислимых общих или женских концлагерей севера»²⁷.

Те, кто вернулся осенью 1937 года из-за границы, как, например, Илья Эренбург, были глубоко потрясены изменениями в стране. По пути из Испании Эренбург остановился в Париже, откуда позвонил своей дочери. Но он не мог выдать из нее ничего, кроме разговора о погоде. В Москве он обнаружил, что многие писатели и журналисты исчезли. В редакции «Известий» уже перестали вывешивать дверные таблички с именами начальников отделов. «Курьерша объяснила мне, что не стоит печатать: «Сегодня назначили, а завтра заберут», — запишет потом Эренбург²⁸. То же самое можно было наблюдать в министерствах и в других учреждениях — пустые места, осунувшиеся лица, полное нежелание вступать в разговоры. Американский журналист Фишер, который жил в Москве летом 1937 года, вспоминает, что НКВД произвел аресты в половине из 160 квартир его дома, и дом этот не был исключением²⁹.

Ареста можно было избежать различными способами. Один широко известный ученый избежал первой волны репрессий, прикинувшись пьяницей. Другой пошел дальше: он напился пьяным и стал дебоширить в парке, получил 6 месяцев, но избежал политических неприятностей³⁰. Интересно, что некоторые из самых убежденных противников режима — очевидно самые дальновидные — спаслись тем, что удалились в тень. Николай Стасик, например, бывший министр в антикоммунистическом правительстве Украинской Рады в 1918 году, уцелел в Мариуполе. До прихода немцев во время второй мировой войны он работал в городском парке³¹.

Иногда между увольнением человека и его арестом проходило некоторое время, так что можно было уехать из крупных городов. С. Поплавский (которого впоследствии, после войны, Сталин назначил заместителем Главнокомандующего польской армии) в 1937 году учился в академии им. Фрунзе. После исключения из партии и из академии он, чтобы избежать возможных последствий, сразу же покинул Москву, а через год или полтора, т.е., очевидно, после падения Ежова, появился вновь. Его реабилитировали и восстановили в академии³².

Вообще, частое передвижение с места на место давало известную гарантию безопасности. Обычно проходило по крайней мере месяцев шесть или даже год, прежде чем местное отделение НКВД начинало интересоваться приезжим или собирало о нем достаточно сведений. Много времени уходило на пересылку личного дела из старого отделения НКВД в новое, по месту жительства: такие документы шли не обычной почтой, а по специальным каналам НКВД. Иногда они вообще не доходили³³.

Довольно безопасно было, например, в Сибири. Местные власти были сравнительно рады новым поселенцам и не делали особых различий между теми, кто находился в ссылке, и приехавшими по своей воле. НКВД в какой-нибудь области европейской России не был заинтересован в доставке «неблагонадежных» своим коллегам в Сибири. Конечно, всегда можно было потребовать возвращения того или иного лица «под подозрением», но это было хлопотно, и за исключением особо важных случаев, игра не стоила свеч. Но далеко не все могли получить такую, хотя бы и временную, гарантию безопасности. Под арест шли миллионы.

Помощник Вышинского, Рогинский, получивший 15 лет, и в лагере продолжал защищать действия властей. Он утверждал, что руководство поступает правильно, изолируя от общества большие группы людей, которые могут надевать неприятностей. Он считал, что нужно до максимума использовать труд всех, правых и виноватых, кто стал «экономически бесполезен»³⁴. Поднаторевшие аппаратчики, члены партии и НКВД, оправдывали репрессии более искусно. Даже простой анекдот или легкая критика в адрес правительства несет в себе зародыш активной оппозиции в будущем,— заявляли они,— и НКВД, пресекая эти попытки в корне, проводит оправданную превентивную операцию.

На предприятиях проходили специальные собрания, на которых члены коллектива выступали с взаимными разоблачениями. В это движение был вовлечен весь рабочий класс. В романе Стаднюка «Люди не ангелы» описывается типичное собрание 1937 года: «В позапрошлую смену,— гневно заявил низкорослый, в бараньем треухе мужчина,— мастер Середа не дал мне бетона. Я еще тогда думал, что это подозрительно. А вчера узнал, что Середа скрывает свое родство с махновцем, за которым замужем его двоюродная сестра! Электромонтажник Цвиркун при поступлении на работу скрыл, что его батька был церковным старостой!— сообщил второй оратор. Третий разоблачал бывшего свое-

го товарища, родители которого лишались избирательных прав за саботаж во время коллективизации . . .»³⁵.

Размер репрессий по всей стране не был результатом, как считают некоторые, чрезмерного рвения со стороны местных работников НКВД. Как раз наоборот — на этом настаивал центр. 29 ноября 1936 года Вышинский «распорядился в месячный срок истребовать и изучить все уголовные дела о крупных пожарах, авариях, выпуске недоброкачественной продукции с целью выявления контрреволюционной, вредительской подоплеки этих дел и привлечения виновных к более строгой ответственности». Руководство некоторых районов, где не была выполнена разверстка по выявлению контрреволюционной деятельности, получило строгое взыскание от Генерального прокурора. В 1937 году по всему Восточно-Сибирскому бассейну только восемь дел этой категории было направлено в суд. «Вышинский объяснил это слабой, недостаточной борьбой за выкорчевывание вредительских гнезд»³⁶.

Весь этот период прошел под знаком периодически возникавших, тщательно организованных массовых процессов. В мае 1937 года дальневосточные газеты сообщали, что на этих судах было вынесено 55 смертных приговоров³⁷, в июне — 91, в июле — еще 83, и так в течение всего года. В Белоруссии, начиная с июня, не проходило и недели, чтобы где-нибудь не было раскрыто шпионское гнездо — в промышленности, в Академии Наук, в Польском театре, в спортивных организациях, в банках, в цементной промышленности, среди ветеринаров, в организациях по снабжению хлебом и на железных дорогах. Руководство местных железных дорог было «разоблачено» 8 октября 1937 года, и его сотрудники объявлены не только польскими, но, согласно установившейся железнодорожной традиции, и японскими шпионами. То же самое происходило в Средней Азии: в ноябре в Казахстане было объявлено о казни 25 человек³⁸, в Узбекистане — 18³⁹. В январе 1938 года в Киргизии было официально казнено 26 человек⁴⁰ и в Узбекистане — еще 134⁴¹.

28 июля 1937 года Евдокимов собрал партийное руководство Северного Кавказа и дал инструкции о проведении особо тщательных чисток. 31 июля начались аресты в Чечено-Ингушской АССР. Пять тысяч человек уместилось в тюрьмах в городе Грозном, набив их до отказа; еще пять тысяч было загнано в гараж нефтяного треста в том же городе и тысячи других — в различные здания, специально выделенные для

этой цели. В общей сложности в Чечено-Ингушетии было арестовано 14 тысяч человек, т.е. около 3 процентов всего населения. В октябре еще одна массовая операция подобного рода была проведена под личным наблюдением Шкирятова⁴².

Массовые аресты и высылки проводились с невозмутимым спокойствием и деловитостью. Вот, например, приказ Серова («Инструкция НКГБ») № 001233 «О порядке проведения операции по выселению антисоветского элемента из Литвы, Латвии и Эстонии»:

«... Операция будет начата с наступлением рассвета. Войдя в дом выселяемого, старший оперативной группы собирает всю семью выселяемого в одну комнату... Ввиду того, что большое количество выселяемых должно быть арестовано и размещено в специальные лагеря, а их семьи следуют в места специальных поселений в отдаленных областях, поэтому необходимо операцию по изъятию как выселяемых членов семьи, так и глав их, проводить одновременно, не объявляя им о предстоящем их разделении...». (Полный текст «Инструкции» воспроизведен в «Новом журнале», №107, 1972, Нью-Йорк, стр. 193-199).

ПРОЦЕДУРА

Стук в дверь всегда раздавался на рассвете, вне зависимости от того, была ли это специальная операция или обычный, положенный по разверстке арест. Группа НКВД обычно состояла из 2-3 человек. Одни вели себя грубо, другие пытались соблюдать внешние приличия. Затем начинался обыск, он мог быть коротким, но мог и затянуться на несколько часов, особенно когда нужно было просматривать книги и документы. Арестованный и его жена (если он был женат) находились в это время под стражей — до тех пор, пока его уводили. Сообразительная женщина могла спасти жизнь своему мужу, дав ему с собой теплую одежду. Формальности продолжались недолго, и утром, как правило, арестованный уже находился в камере.

Вот как описывает свой арест генерал Горбатов:

«В два часа ночи раздался стук в дверь моего номера гостиницы ЦДКА. На мой вопрос: «Кто?» ответил женский голос: «Вам телеграмма». «Очевидно от жены», подумал я, открывая дверь. Но в номер вошли трое военных, и один из них с места в карьер объявил мне, что я арестован»⁴³.

Новая конституция формально содержала гарантии от незаконного ареста. Статья 127 гласит, что никто не может быть арестован без постановления суда или санкции прокурора. Но поскольку судебная власть не является независимой, это утверждение — фикция.

Правосудие в СССР совершенно официально есть «средство укрепления социалистического строя, охраны прав граждан и подавления врагов народа, троцкистско-бухаринских агентов иностранных разведок»⁴⁴.

Существует разница между понятиями «арестован» и «задержан». Человек может быть «задержан без санкции суда или прокурора во всех случаях, когда его поведение создает угрозу общественному порядку или безопасности». Более того, согласно Исправительно-трудовому кодексу, «Для приема в места лишения свободы обязательно наличие приговора или постановления органов, уполномоченных на то законом, или открытого листа»⁴⁵ (курсив автора).

Обычно арест производился по предъявлению ордера, подписанного прокурором, но иногда с этой формальностью не считались. Кравченко, например, пишет, что во время одного ареста на Украине вместе с человеком, на которого был выписан ордер, было схвачено двое совершенно случайных людей. Никакого ордера на их арест не было, но их также посадили и выпустили на свободу только через пять месяцев⁴⁶. Нередко по ошибке арестовывали людей с такими распространенными фамилиями, как Иванов. Через несколько недель или месяцев эти люди выходили на свободу. Но прежде чем ошибка была обнаружена, некоторые из них успевали сознаться в шпионаже и других преступлениях. Несмотря на это, их все же иногда выпускали⁴⁷.

Жене не сообщали, где находится арестованный муж. Ей самой приходилось ходить по тюрьмам, чтобы выяснить это. В Москве жены шли сначала в «справочный центр» — Кузнецкий мост, 24, напротив Лубянки, потом в Сокольники, потом в Таганку, в Бутырку, в военную тюрьму Лефортово; а потом начинали сызнова. Сотни женщин стояли в очереди у каждой тюрьмы. Дождавшись своей очереди, женщины просили передать заключенным 50 рублей, на которые те имели право до вынесения приговора. Иногда администрация тюрьмы в результате какой-нибудь бюрократической неувязки заявляла, что такого заключенного нет. Некоторым женщинам удавалось точно установить место нахождения мужа только на второй или третий год.

Сын Анны Ахматовой, молодой востоковед Лев Гумилев, сидел в Ленинграде. «В страшные годы ежовщины,— пишет поэтесса,— я провела семнадцать месяцев в тюремных очередях в Ленинграде. Как-то раз кто-то «опознал» меня. Тогда стоящая за мной женщина с голубыми губами, которая, конечно, никогда не слыхала моего имени, очнулась от свойственного нам всем оцепенения и спросила меня на ухо (там все говорили шепотом):

— А это вы можете описать?

И я сказала: могу. Тогда что-то вроде улыбки скользнуло по тому, что некогда было ее лицом»⁴⁸.

Ахматова пишет, что ее ртом «кричит стомиллионный народ»⁴⁹ и что

«... если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только условием — не ставить его
Ни около моря, где я родилась:
Последняя с морем разорвана связь,
Ни в царском аду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов»⁵⁰.

Сын Ахматовой, Лев Гумилев, был в заключении еще в 1956 году, когда Фадеев написал следующее письмо:

«В главную Военную прокуратуру... в справедливости его изоляции сомневаются известные круги научной и писательской интеллигенции... При разбирательстве дела Л. Н. Гумилева необходимо также учесть, что (несмотря на то, что ему было всего 9 лет, когда его отца, Н. Гумилева уже не стало) он, Лев Гумилев, как сын Н. Гумилева и А. Ахматовой, всегда мог представить «удобный» материал для всех карьеристских и враждебных элементов для возведения на него любых обвинений»⁵¹.

Из письма ясно, что Лев Гумилев, подобно многим другим, пострадал как «родственник».

Женщины, которые всеми силами пытались добиться освобождения своих мужей, практически никогда не достигали этой цели. Кравченко рассказывает такой случай: жена одного из осужденных пришла в 12 часов ночи в местное отделение НКВД. Начальник отделения грубо крикнул ей: «Что вы бегаєте из тюрьмы в тюрьму, как сумасшедшая,

и добиваетесь освобождения мужа. Я приказываю вам прекратить эту беготню. Я приказываю вам не надоедать. Все: убирайтесь!»⁵².

Очень трудно было узнать, куда направили мужа после суда. Некоторые писали во все лагеря, о существовании которых им удалось узнать у других жен. Иногда после многочисленных ответов «в данном лагере такого заключенного нет» вдруг оказывалось, что он именно там⁵³, и после этого, в некоторых случаях, в зависимости от приговора, у жены начинали принимать передачи.

Участь этих женщин была поистине ужасна. Генерал Горбатов пишет:

«Много думал я о жене. Ее положение было хуже, чем мое. Ведь я находился среди таких же отверженных, как сам, а она — среди свободных людей, и как знать, может быть, среди них найдутся такие, что отвернутся от нее, как от жены «врага народа»...»⁵⁴.

Есть масса сведений о том, что женщины теряли работу, жилье, прописку, что им приходилось распродавать свое добро, жить случайной работой или на иждивении родственников. Они ничего не знали о судьбе своих мужей — будущее было совершенно беспросветным⁵⁵.

КАМЕРА

Сначала арестованный попадал в приемный пункт тюрьмы. Там его регистрировали и тщательно обыскивали с ног до головы. Одежду осматривали по швам. Шнурки и все металлические принадлежности, включая пуговицы, отбирали. Эти обыски периодически повторялись во время заключения; приблизительно раз в две недели обыскивали каждую камеру.

Условия и распорядок тюремной жизни были одинаковыми по всей стране: страшная теснота, недостаток пищи, тоска и грязь, а в перерывах — допросы. Вариации были очень незначительны. Все согласны в том, что при царе жизнь в тюрьмах была несравненно лучше, чем в советские времена. Во всяком случае не было такой скученности.

Бывший заключенный московской Бутырской тюрьмы рассказывает, что в 1933 году в камеру, предназначенную для 24 человек, было втиснуто 72. В ноябре 1937 года в ней было уже 140 человек⁵⁶. 110 женщин находились в камере, пред-

назначенной для 25. В этой камере стояло несколько кроватей, несколько больших ведер-параши и стол. Весь пол был устлан досками, на которых спали. Заключенные не могли спать на спине, а только на боку. Если кто-то хотел повернуться, то должен был согласовать это со всеми остальными, спящими по обе стороны от него, чтобы все могли повернуться одновременно⁵⁷. В камере, рассчитанной на 24 человека, помещалось по 70, 80 и 95 человек⁵⁸.

Приведенные выше описания, сделанные бывшими заключенными, касаются в основном тюрем Москвы, Ленинграда и Киева. Условия в них были гораздо лучше, чем в провинциальных тюрьмах. Рассказывают, что заключенные из Челябинска или Свердловска, попадая в переполненные камеры Бутырок, были в восторге. «Здесь просто курорт,— заявляли они,— по сравнению с тем, что мы видели раньше»⁵⁹. Когда арестованных накапливалось слишком много, то в Сибири, например, выкапывали в земле ямы, покрывали крышей и сгоняли в них арестованных. К осени 1937 года в харьковской тюрьме, предназначенной для восьмисот человек, находилось двенадцать тысяч⁶⁰.

Проблема перенаселенности решалась по-разному. В Москве заключенных заставляли спать под кроватями и на досках, уложенных между кроватями. Этим способом можно было разместить троих на одном квадратном метре. В провинциальных тюрьмах не было ни кроватей, ни досок, и арестованных сгоняли в кучу. Спали на боку в несколько рядов. Иногда скученность достигала такого предела, что половине заключенных приходилось стоять, в то время как другая половина спала⁶¹.

В каждой камере избирался староста, который отвечал за поддержание порядка, распределение спальных мест и т. д. Вновь прибывшего помещали вплотную к вонючей «параше», а затем, по мере того как увеличивался его стаж, он удалялся от «параши» все дальше и дальше.

Утренний туалет длился недолго. Например, 110 женщин, в распоряжении которых было 5 мест в уборной и 10 кранов, должны были управиться в 40 минут⁶². До того, как тюрьмы были переполнены, заключенных в больших городах раз в десять дней водили в баню. Им выдавали достаточно мыла и регулярно дезинфицировали одежду и белье. В провинциальных тюрьмах было много грязнее.

Во время ежовщины дневной рацион состоял из 500-600 граммов черного хлеба, 20 граммов сахара и жидкого капустного супа два раза в день. В некоторых тюрьмах три

раза в день выдавали горячую воду и по столовой ложке крупы. В Бутырьках суп из капусты чередовался с ухой, плюс к этому выдавали около 400 граммов черного хлеба, а вечером — кашу. Женщина, сидевшая тогда в тюрьме, вспоминает: это было хуже, чем до ареста в ее голодном городе — даже после того как она потеряла мужа и сына, но все-таки гораздо лучше, чем в лагерях⁶³.

Тюремные рационы выдавались регулярно и были, очевидно, составлены с таким расчетом, чтобы человек, который практически не двигался, мог остаться в живых.

Из-за недостатка света и воздуха лица заключенных приобретали особый голубовато-серый оттенок⁶⁴. Многие страдали дизентерией, цингой, чесоткой, воспалением легких и сердечными болезнями. Воспаление десен было у всех. «Цингой заболевали, особенно проведя в тюрьме год, два, три (были и такие)»⁶⁵.

Администрация тюрьмы несла прямую ответственность за жизнь заключенного. Это приводило к парадоксальным результатам: в одной и той же камере можно было найти заключенных, тяжело страдавших после пыток, и тех, кому в то же самое время регулярно выдавали лекарства от простуды, кашля и головной боли⁶⁶. Администрация делала все возможное, чтобы воспрепятствовать самоубийству.

Пока тянулся допрос, доктора редко вмешивались в дело. Но потом они начинали лечить раны и переломы, полученные при допросах, хотя официальный диагноз был другим⁶⁷. В провинциальных тюрьмах все выглядело по-другому: там прямо пытались установить — сколько заключенный может выдержать. В медицинских справках и, очевидно, в официальных отчетах откровенно говорилось об избиениях. Согласно В. Кравченко, так продолжалось и в начале 1938 года⁶⁸.

Взаимоотношения в камерах, если не считать стукачей, были, как правило, хорошими и доброжелательными, особенно в Москве. В воспоминаниях заключенных есть очень много рассказов о доброте и самопожертвовании. Венгерский коммунист Лендъел рассказывает, как одному заключенному его камеры, которого жестоко пытали, была на целый день предоставлена кровать. В этой камере, предназначенной для 25 человек, находилось 275. Каждый поделился с ним сахаром из своего рациона⁶⁹.

В тюрьмах читались лекции на самые разнообразные темы, рассказывались всевозможные истории. В каждой камере, вспоминает бывший заключенный Герлинг, был по

крайней мере один летописец, исследователь тюремной жизни. Он целый день занимался тем, что собирал истории, обрывки разговоров, подслушанных в коридоре, сообщения из газет, найденных в уборной, приказы администрации. Он следил за движением транспорта во дворе тюрьмы и даже прислушивался к приближающимся и удаляющимся шагам людей, проходивших мимо ворот⁷⁰.

Все без исключения люди, побывавшие в тюрьме, рассказывают, что знали ответственных работников, которые и в заключении сохраняли верность партии. Одни были убеждены, что Сталин и Политбюро ничего не знали о происходящем, другие считали себя не в праве решать подобные дела. Долг повелевал им подчиняться всем приказам партии, включая дачу показаний на суде.

Встречались и другие типы. В Бутырках в одну камеру были помещены сыновья пяти ответственных партийных работников. Четверо из них держались с наглостью, типичной для новой привилегированной молодежи. Они тут же отреклись от своих родителей и даже похвалялись этим. Порядочным парнем был только один — сын расстрелянного «лихача»⁷¹ генерала Горбачева⁷².

Заключенным разрешалось курить, но все игры были запрещены. Некоторые тайно играли в шахматы, вылепив фигуры из хлеба. В женских камерах Бутырок гадали на спичках. Обнаружив у кого-нибудь спички, надзирательница пересчитывала их. Всех женщин, у кого находили 41 спичку (количество, необходимое для гадания), наказывали⁷³.

Сообщают, что только в двух московских тюрьмах — Лубянке и Бутырках — можно было пользоваться книгами (впоследствии Берия разрешил игры и чтение). Библиотека в Бутырках была хорошо укомплектована по всем разделам: классика, переводы, история, научные издания. Это объясняется тем, что до революции в Бутырки помещали политических заключенных, а крупные издательства бесплатно отсылали в тюрьмы один экземпляр каждой изданной книги⁷⁴. Библиотека на Лубянке состояла в основном из книг, конфискованных у заключенных.

Ежов установил более строгие правила. Он приказал завесить все окна ставнями, которые до сих пор называются «ежовскими намордниками», так что оставалась видна только узкая полоска неба. (До этого ставни использовались лишь на Лубянке и в ленинградской тюрьме на Шпалерной)⁷⁵. После суда над Бухариным были введены новые карательные меры. Ставни открывались только один раз

в день на 10 минут. От сырости «хлеб покрывается плесенью еще до обеда. Стены насквозь прозеленели. Белье всегда влажное. Все суставы болят, точно их грызет кто-то»⁷⁶. За самый малейший проступок (например, если у кого-то находили иглу) заключенного отправляли в карцер, где он получал 200 гр хлеба и кружку кипятка на день, не имел права носить верхнее платье, и три соединенные деревянные доски вместо кровати опускались только ночью⁷⁷. В Ярославле в 1937 году карцеры делились на три категории. В карцере мягкого режима было светло, и заключенный был одет в обычную форму. Следующей ступенью была сырая грязная дыра в стене, где было холодно и абсолютно темно. Заключенный сидел в нижнем белье, получал один раз в день хлеб и воду. Гинзбург просидела там пять дней за то, что кто-то написал ее имя в комнате для умывания. Из карцера первой категории выходили «на скорый конец»⁷⁸.

В тюремных дворах были ликвидированы все деревья и цветочные клумбы. Заболоцкий пишет в стихотворении «Ивановы», что был лишен возможности видеть даже деревья — их заперли на замок. Одновременно были уволены все наиболее либеральные надзиратели — оставили только тех, кого заключенные не любили, предварительно отправив их на курсы «повышения квалификации»⁷⁹.

Во время допросов, когда расследовалось какое-нибудь важное дело, некоторых заключенных держали в так называемых «внутренних тюрьмах». Но кое-кто отбывал там и срок заключения. В обычных камерах люди жили и спали вповалку, на голых досках, в грязи и духоте, но все-таки здесь был коллектив: можно было поговорить или даже послушать лекцию специалиста на литературную или научную тему. Внутреннюю же тюрьму окрестили «могилой»⁸⁰. Камеры были чище и просторнее, каждый имел свою койку и даже постельное белье. Раз в месяц все белье, носильное и постельное, отдавалось в стирку. Но здесь было запрещено шуметь и даже громко разговаривать. Глазок в двери открывался каждые пять минут. С 11 вечера до 6 утра заключенный должен был находиться в постели, днем — сидеть, не облакачиваясь. Делать было абсолютно нечего. Бывший заключенный Вайсберг, сидевший в таком изоляторе на Украине, а потом в Москве, узнал о начале мировой войны только в конце октября 1939 года. Если в общих камерах находились тысячи и десятки тысяч людей, то во внутренних тюрьмах их бывало всего несколько сот.

В изоляторах перед сном нужно было раздеваться, а во время сна держать руки поверх одеяла. Говорят, эта мера была вызвана тем, что один заключенный умудрился сплести под одеялом веревку и повесился на ней. Во всяком случае, это была единственная возможность изготовить какой-то незаконный предмет⁸¹. Если надзиратель замечал, что во время сна заключенный спрятал руки под одеяло, он тут же входил в камеру и будил его.

Во внутренних тюрьмах было практически невозможно перестукиваться. На стук редко отвечали, опасаясь провокаторов⁸². В других местах это было распространено. Нередко при этом пользовались так называемой «азбукой декабристов»⁸³.

В одиночном заключении на первый план выдвигались психологические проблемы. Вот какие советы дает бывший артист Большого театра Орловский, отсидевший в изоляторе 5 лет:

«Во-первых, вы должны полностью отрешиться от действительности — перестаньте думать о себе, как о заключенном. Вообразите себя туристом, который на время попадает в непривычную обстановку. Не признавайтесь самому себе в том, что условия здесь плохие, потому что они могут быть еще хуже, и вы должны быть к этому готовы. Старайтесь не вникать в повседневную жизнь изолятора — не слышать его звуков, особенно ночью, не чувствовать его запахов. Старайтесь забыть о существовании часовых, не смотрите на них, не обращайтесь к ним, не выражайте свое отношение к ним. Перестаньте мечтать о том, что вскоре, возможно, вам удастся покинуть изолятор. Не пытайтесь вновь обрести свободу такими методами, как голодовка или признание своей вины, или мольбой о жалости. Перестаньте тосковать о друзьях, которых вы оставили на воле»⁸⁴.

Тюрьмы особой категории состояли из пяти-шести «политических изоляторов» — например в Суздале, Верхнеуральске, в Ярославле и Александровске «изоляторы» появились в самые первые годы советской власти. Тогда считалось, что это гуманный метод устранения из общественной жизни членов оппозиционных политических фракций, «левых уклонистов» и т. д. Еще в начале 30-х годов в этих тюрьмах с заключенными обращались мягче, но во время массовых репрессий они перестали быть исключениями. В пищу, которую давали в 1937 году в ярославском изоляторе, вообще не было витаминов. «Утром хлеб, кипяток и два кусочка пиленого сахара. В обед — баланда и сухая, без всяких

жиров каша. На ужин — похлебка из какой-то рыбешки, тошнотворно пахнувшая рыбьим жиром»⁸⁵. И все же эти тюрьмы сохранили свои отличительные черты. В них содержалось не более 400-500 заключенных. В Верхнеуральске были камеры, в которых сидело всего 10-25, а то и 3-8 человек, плюс несколько «одинок». Обычно в этих изоляторах отбывали срок более важные политические заключенные, не подлежащие немедленной ликвидации — в том смысле, что они были нужны для новых процессов.

КРУПНЕЙШИЕ ЦЕНТРЫ

Три из пяти московских тюрем — Лубянка, Лефортово и Бутырки — были предназначены только для «политических». В остальных местах все сидели вперемежку. Крупнейшим центром пыток было Лефортово. В более ограниченных масштабах пытки проводились также на Лубянке и в «специальном отделении» Бутырок.

Тюрьмы кишели клопами. Исключениями были Лубянка и несколько тюрем в Киеве. Любопытно, что хотя немецкие концлагеря были, по свидетельству очевидцев, гораздо чище советских и санитарные условия в них были много лучше, того же нельзя сказать о немецких тюрьмах. Например, в Берлинской центральной тюрьме было больше вшей, чем в тюрьмах московских⁸⁶.

В коридорах Лубянки было чисто, пахло карболкой и другими дезинфицирующими средствами. Это — самая известная тюрьма Советского Союза, примыкающая к Комитету Государственной Безопасности. В ней находились самые прославленные заключенные, она была свидетельницей исторических допросов и казней. Здание Лубянки находится всего в нескольких минутах ходьбы от Большого театра и других крупных туристских объектов, но посетителям Москвы на него редко указывают. Раньше здесь размещалось страховое общество. После того как старое здание, построенное в готическом стиле, перешло в руки ЧК, к нему был пристроен целый квартал. Пристройки были сделаны в два приема: одна часть выполнена в конструктивистском стиле 30-х годов, другая — в послевоенном «нарядном». Вся внешняя часть комплекса принадлежала Народному комиссариату внутренних дел. Тюрьма находится внутри двора. Это тоже старое здание: раньше здесь была гостиница, принадлежавшая страховому обществу. И хотя здание силь-

но перестроено изнутри, камеры выглядят гораздо приятнее, чем в других тюрьмах — с большими, хотя и прикрытыми ставнями, окнами. В Лубянке, вероятно, не более 150 камер, причем довольно небольших. Едва ли здесь могло находиться более 1000 узников одновременно.

Заключенных, чье поведение на предварительных допросах было «неудовлетворительным», переводили из Лубянки в Лефортово. Главным образом это были военные. О зверствах, чинимых в Лефортово, нет точных сведений. Но мы знаем, что заключенные, которые попадали оттуда в Бутырки, считали побои и другие методы физического воздействия просто детской игрой по сравнению с тем, что им пришлось пережить раньше⁸⁷. Лефортовская тюрьма была построена накануне первой мировой войны, и этим, очевидно, объясняются ее преимущества по сравнению с другими тюрьмами: уборные с унитазами находятся прямо в камерах.

Самая большая тюрьма, Бутырки, построена в XVIII веке. В нее бросали пойманных участников пугачевского бунта. Тюрьма состоит из бараков, примыкающих к центральной секции, так называемой «Пугачевской башне», где предводитель крестьян сидел, ожидая казни. В разгул сталинских репрессий в Бутырках было около 30 000 заключенных⁸⁸.

Генерала Горбатова пытали в Лефортово, а затем перевели в Бутырки, где, по его словам, жизнь была несравненно лучше. Хотя в камере, предназначенной для 25 человек, сидело 70, здесь каждый день выводили на получасовую прогулку. А в Лефортово — только на 10 минут, да и то раз в два дня⁸⁹. Во время прогулки заключенные шли парами, держа руки за спиной и опустив глаза вниз. Если кто-то делал движения руками или головой, его тут же одергивали⁹⁰.

Один из бывших узников Бутырок сообщает, что видел там женщин с новорожденными детьми⁹¹. Но вместе с ними сидели женщины, чьи дети, в том числе грудные младенцы, остались дома без всякого присмотра. Молодым матерям перевязывали грудь, чтобы молоко пропало⁹². Бутырская тюрьма была чище Таганки, где сидели и политические, и уголовники⁹³.

Километрах в двадцати-тридцати от Москвы находилась еще одна небольшая тюрьма, Сухановка, о которой стоит упомянуть. Заключенные говорили о ней со страхом и называли «дачей»⁹⁴. Сухановка представляла собой одноэтажное загородное здание, состоявшее из нескольких изоляторов, где пытки были обычным методом разговора

с заключенным. Говорят, что она была построена специально для всех тех, кто имел отношение к делу Рудзутака-Постышева. В этой тюрьме правила соблюдались так строго, что надзиратели практически никогда не разговаривали с заключенными. В ней не было ни библиотеки, ни ларька.

Система ленинградских тюрем во многом напоминала московскую. Роль Лубянки играла тюрьма «Шпалерная», состоящая приблизительно из 300 камер. Бывшие заключенные вспоминают, что там была чистота и порядок. «Нижегородская» тюрьма была крупнее по размерам с несколькими одиночными камерами для особо важных заключенных. Общее число заключенных в тюрьме «Кресты», местном эквиваленте Бутырок, составляло 30 000 человек⁹⁵. Была также специальная пересыльная тюрьма, где заключенные находились перед отправкой в лагеря. В камерах, предназначенных в царские времена для одного человека, сидело по шестнадцати. А туристам, приезжающим в Ленинград, показывают «пережиток проклятого прошлого» — Петропавловскую крепость, где до революции несколько политических заключенных жили в гораздо лучших условиях.

Вот в этих перечисленных нами тюрьмах (и других, разбросанных по всей стране), заключенные ожидали дальнейшей участи. В провинциальных тюрьмах, скажем, в Минске, Гомеле, Вятке или Волгограде, условия были хуже, но зато правила соблюдались не так строго. Тут было больше бесцеремонной грубости, но с другой стороны — больше и шансов попасть к симпатичному «вертухаю», который мог даже предупредить о стукачах⁹⁶. Как пишет Гинзбург — «чем грязнее тюрьма, чем хуже кормят, чем вольнее и грубее конвой и надзор, тем меньше непосредственной опасности для жизни»⁹⁷.

ТОВАРИЩИ ПО НЕСЧАСТЬЮ

Некоторых заключенных, только что прибывших в тюрьму, сразу вызывали на допрос; других, наоборот, оставляли на некоторое время в покое. За это время вновь прибывший мог выяснить из разговоров с товарищами по камере, какое дело ему «пришьют». В начале Большого террора некоторые арестованные думали, что другие заключенные сидят заслуженно, а с ними самими произошло недоразумение. К 1937 году население в массе уже понимало, что жертвы репрессий ни в чем не виноваты. Новые и старые заключен-

ные смотрели друг на друга как на товарищей по несчастью. Вероятность того, что кто-то из заключенных действительно совершил преступление, была очень мала. На Западе иной раз можно услышать мнение, что сталинский террор обрушился на многих невинных людей (а это непростительно!), но в то же самое время помог обнаружить действительных шпионов, засланных враждебными государствами. Владислав Гомулка думает по-другому. В ноябре 1965 года он заявил, что террор «только облегчил деятельность разведывательных служб империалистических стран»⁹⁸.

Если уж говорить о разведке, то Япония, Польша или Латвия, надо полагать, получили всю информацию, которая им требовалась. Не говоря уже о прямых операциях, возьмем хотя бы переход на сторону японцев начальника дальневосточного отдела НКВД Люшкова в 1938 году. Ясно, что это дало японцам неисчерпаемый источник информации. Люшков бежал, спасая собственную жизнь. Его побег был прямым результатом террора!

Среди шпионских дел есть только одно по-настоящему значительное — дело Конара, который до разоблачения был заместителем Народного комиссара сельского хозяйства. Конар работал на польскую разведку. В 1920 году он получил документы погибшего солдата Красной Армии, а через десять лет уже занимал свой ответственный пост. Он был разоблачен случайно — человеком, который когда-то видел настоящего Конара. В некоторых книгах есть упоминание о «настоящих» шпионах или людях, которые могли бы быть причастны к шпионажу⁹⁹. Есть такой человек в «Одном дне Ивана Денисовича» Солженицына. Но подобные упоминания чрезвычайно редки. Обнаружение настоящего польского шпиона в киевской тюрьме в 1939 году стало предметом искреннего удивления и гордости. А как только он признал свою вину, рассказывает Вайсберг, его стали избивать, чтобы выведать имена «причастных к делу» киевских партийных работников¹⁰⁰.

Почти все осужденные признавали, что в основе их дела лежала какая-то «объективная характеристика». Это могло быть социальное происхождение, нынешний или прежний пост, родственные связи или дружба с кем-то, национальность или связь с иностранным государством, деятельность в особых советских организациях. Таким образом, повод к аресту сразу становился ясен другим заключенным, товарищам по камере, но на допросах о нем никогда не упоминалось¹⁰¹. Арест мог быть вызван различными причина-

ми — например, связями с границей, высоким военным положением и т. д., но в официальном обвинении состав преступления был непременно сформулирован по-другому. Эти причины не влекли за собой ареста автоматически. Можно хотя бы вспомнить немецких коммунистов, которых не арестовали, хотя они были политическими беженцами¹⁰². Арест зависел от разнообразных факторов.

Один харьковский колхозник объяснил свой арест тем, что за четыре года до этого его незаслуженно посадили. Органам НКВД пришлось признать ошибку и извиниться. «И после этого они решили, — рассказывает колхозник, — что я их возненавидел». Случай был далеко не единичным. В тот период сотни тысяч людей были арестованы только за то, что в прошлом по отношению к ним была допущена несправедливость¹⁰³.

Малейшая связь с границей и с иностранцами была верным способом угодить в тюрьму. Все те, кому довелось побывать за границей — например, известные футболисты довоенного периода братья Старостины — к началу 40-х годов уже сидели в лагерях¹⁰⁴. Профессор Калмансон, заместитель директора Московского зоопарка, получил образование за границей, и в камере его считали «шпионом». Вернувшись с допроса, он с триумфом заявил другим заключенным, что на следствии был признан всего-навсего «вредителем» — за то, что 16% его обезьян умерло от туберкулеза. (Кстати, как отметил Калмансон, в Лондонском зоопарке смертность обезьян была выше). Но на втором допросе профессор действительно был обвинен в шпионаже — в пользу Германии¹⁰⁵. Вполне естественно, любой советский человек, связанный с «друзьями Советского Союза» за границей, автоматически становился неблагонадежным. Очень опасными были организации, занимавшиеся развитием международной переписки. Один студент, например, был осужден как немецкий шпион за переписку... с английским коммунистом из Манчестера. При этом его письма представляли собой голую советскую пропаганду¹⁰⁶.

Прямой контакт с дипломатическими представителями иностранных государств почти всегда оказывался роковым. Были арестованы доктора, лечившие немецкого консула, и ветеринар, лечивший консульских собак. Даже сыну этого ветеринара не удалось избежать тюрьмы. Вместе с ним на Украине сидел сторож, который, как он рассказывал заключенным, был «братом женщины, носившей молоко немецкому консулу»¹⁰⁷. Один поплатился свободой за то, что переписи-

сал на бумажку прогноз погоды, вывешенный в общественном парке, и передал бумажку польскому консулу¹⁰⁸.

В лагерях можно было встретить самых разных людей: оперную певицу, которая чаще, чем положено, танцевала с японским послом на каком-то официальном балу; кухарку, ответившую на объявление в «Вечерней Москве», а потом оказалось, кухарка требовалась японскому посольству, и ее сразу арестовали¹⁰⁹. Зимой 1937-38 годов были арестованы два инженера вместе с семьями. Один за то, что получил посылку от дяди из Польши: две пары обуви, две куклы и цветные карандаши. Второй поплатился десятью годами заключения за то, что был близким другом первого¹¹⁰. Доктор-грек был обвинен в шпионаже: в письме, отправленном родственникам в Салоники, он описал свойство какой-то рыбы, которую разводили для борьбы с малярийными комарами¹¹¹. В декабре 1937 года греков начали арестовывать повсеместно. Был, в частности, прочесан город Мариуполь, где якобы был раскрыт националистический заговор с целью создания на Украине греческой республики. В число арестованных попал один русский — профессор древнегреческого языка в Харьковском университете, который раньше год жил в Афинах. Премьер-министром греческой республики, как говорилось в обвинении, должен был стать... советник Центрального Комитета Украинской компартии по вопросам национальных меньшинств¹¹².

Китайцев также брали в массовом порядке. Одному из них предъявили следующее обвинение: он специально устроился работать водителем трамвая в Харькове, чтобы сбивать на перекрестках правительственные машины, везущие членов советского правительства¹¹³.

В русских городах национальные меньшинства были практически ликвидированы. В сентябре 1937 года по всей Украине была устроена облава на армян. Их было взято 600 человек только в одном Харькове¹¹⁴. В том же месяце аресты посыпались на латышей. Была «раскрыта» тайная организация, которая якобы стремилась к созданию «Великой Латвии», простирающейся далеко вглубь русской территории и включающей в себя Москву¹¹⁵.

Представители национальных меньшинств, больших и малых, были объявлены «буржуазными националистами». Вот что заметил по этому поводу один украинец: «Меня в любом случае должны были признать украинским буржуазным националистом. Сам я, правда, не имел ничего общего с украинским национализмом и никогда даже не симпатизи-

ровал этому движению. Но, во-первых, у меня была типично украинская фамилия и, во-вторых, среди моих знакомых были люди, симпатизирующие украинскому национализму»¹¹⁶.

Интересно, что в этот период почти никому не инкриминировались по-настоящему реакционные взгляды. Осужденные оказывались, как правило, меньшевиками, армянскими прогрессивными националистами «дашнаками», эсерами или уклонистами какого-то толка. И почти никогда — монархистами, кадетами и т. д.

Особенно опасной была связь с еврейским социал-демократическим «Бундом», и много осужденных евреев попало в две категории: бундовцев или сионистов. Один еврей, человек пожилой, выступавший защитником на ранних процессах в Донбассе, навлек на себя недовольство НКВД тем, что неоднократно запрашивал документы, которые, как он говорил, могли пригодиться при защите. Этот человек был достаточно искушен в судебных делах и вообще не стал защищаться, когда его самого забрали — он подписал все, не читая. Впоследствии он обнаружил, что был, оказывается, «главарем группы бундовцев», которая имела контакты с другими контрреволюционными организациями. Причем руководителем одной из этих организаций был секретарь местного обкома Саркисов, кандидат в члены ЦК. Однажды этому юристу сказали, что ему будет устроена очная ставка с сообщником по фамилии Абрамсон, о котором он никогда не слышал. Когда их свели вместе, следователь сказал: «Прекратите разглядывать друг друга так, как будто вы никогда раньше не виделись!». «Здравствуйте, Абрамсон» — произнес первый. «Здравствуйте, гм... гм...» — и члену бундовской группы пришлось подсказать фамилию «главаря». Затем оба они, не читая, подписали текст признания своей вины¹¹⁷.

Настоящие бундовцы, как сообщают, всегда держались на допросах очень стойко. Они лучше разбирались в марксизме, чем следователи, и были больше закалены подпольной деятельностью в царское время, чем большевики.

Были арестованы все бывшие эсеры — социалисты-революционеры. Рассказывают, например, об одном харьковчанине¹¹⁸, который в 1917 году примкнул к большевикам, но в 1905 распространял среди царских солдат эсеровские листовки. Он был тогда студентом, в партии эсеров не состоял, да и вообще не разбирался еще в разнице между ними и большевиками. Но любое инакомыслие, даже самое

безобидное, обычно заканчивалось лагерем. «Свидетели Иеговы», скажем, попадали туда автоматически. К ним присоединялись слишком набожные представители дозволенных религий — как например, Алеша-баптист, о котором рассказывает Солженицын. Было арестовано много толстовцев. Один из бывших заключенных видел в тюрьме совсем старую толстовку: он рассказывает, что когда за этой женщиной пришли сотрудники НКВД, ее 12-летняя внучка набросилась на них, стараясь спасти бабушку от ареста¹¹⁹.

Священникам всегда трудно жилось при советской системе. Но к концу 30-х годов они автоматически попадали под подозрение. Суды над духовенством проходили по всей стране. В журнале «Безбожник» рассказывается о крупном суде в Орле, в который были вовлечены епископ и 12 священников. Одно из предъявленных обвинений заключалось в издании молитвенников на старо-славянском языке¹²⁰.

Прочие обвинения были еще менее правдоподобны. Трое епископов были осуждены по обвинению в агитации за открытие закрытых церквей плюс в антисоветской деятельности¹²¹. Буддистов обычно объявляли японскими шпионами, которые занимались вредительством: то пытались взрывать мосты, то вредили, дескать, в колхозах¹²². «Деятельностью контрреволюционного мусульманского духовенства» тоже будто бы «руководила японская разведка»¹²³. Затем «органы НКВД в 1937 году вскрыли и уничтожили немало шпионских гнезд, возглавлявшихся «святыми» ксендзами и пасторами». Этих людей обвинили во вредительстве на фабриках и заводах, мостах и железных дорогах, в «подрыве колхозов» и в шпионаже¹²⁴. НКВД «раскрыло» также и «вражеское гнездо раввинов», которые в Москве «выполняли задания фашистских разведок»¹²⁵.

Если с национальностью, прошлым, политическими взглядами все было благополучно, то могли подвести связи. Репрессии, начавшиеся внутри партии, правительства и армии, шли вширь: у каждого осужденного были родственники и знакомые, а у знакомых — свои родственники. Мы уже упоминали о четырех списках людей, подлежащих расстрелу, которые Ежов направил Сталину. Список № 4 состоял из «жен врагов народа»¹²⁶. Мы рассказывали, как были ликвидированы или отправлены в тюрьму родственники репрессированных генералов. Военных обычно расстреливали быстрее, чем штатских, и без суда. В некоторых затянувшихся делах признания осужденных были получены в обмен на обещания не убивать членов семей. Иногда Сталин держал данное

слово. Одна осужденная беженка повстречала в лагере 12 жен, двух дочерей, невестку и двух сестер крупных партийных работников, включая жену Ягоды¹²⁷. Жены, как правило, получали по 8 лет.

Типичной жертвой следующей по значению категории был Салпетер, начальник охраны Сталина, латыш, который был арестован с женой. Она отказалась подписывать признание. Некоторое время спустя ей разрешили повидаться с мужем, который был в ужасном состоянии и пробормотал, что она якобы хотела снять портрет Сталина в их новой квартире (в бывшей квартире Ягоды). Она также получила 8 лет¹²⁸.

Жены руководящих советских работников медленнее всех привыкали к тюремной жизни. Им было особенно трудно. Им не в чем было признаваться, и они не могли даже опровергнуть обвинение — «жена врага народа»¹²⁹. В отличие от мужей, они зачастую не представляли себе возможных последствий. В тюрьме они держались заносчиво и вначале не общались с другими арестантками, думая, что те действительно в чем-то виновны¹³⁰.

Членам семей арестованных, оставшимся на свободе, приходилось почти так же тяжело. Бывший советский офицер Орлов рассказывает, что четверо детей казенных офицеров НКВД хотели покончить жизнь самоубийством. Детям было 13-14 лет, их нашли в полумертвом состоянии в Прозоровском лесу под Москвой¹³¹. Дочери заместителя начальника разведывательного управления Красной Армии Александра Карина было 13 лет, когда в 1937 году расстреляли ее родителей. В квартиру Карина въехал один из подчиненных Ежова, а девочку выгнали на улицу. Она решила пойти к лучшему другу своего отца Шпигельгласу, заместителю начальника иностранного отдела НКВД, где ее приютили на ночь. На следующий день позвонил секретарь Ежова и буквально приказал выставить ее на улицу. Шпигельглас помнил, что у девочки есть родственники в Саратове и направил ее туда. Через два месяца она вернулась — «худая, бледная, с глазами полными горечи. В ней не осталось ничего детского». Но это еще не все. Дочь Карина заставили выступить на пионерском сборе, публично назвать родителей шпионами и признать их казнь справедливой¹³².

Жена репрессированного Смирнова (не известно точно, кому из трех осужденных Смирновых она приходилась женой) осталась с тремя детьми: 14 лет, 6 лет и двухмесячным младенцем. Дочери она говорила, что отец в отъезде,

но старший сын знал, что произошло в действительности. Через некоторое время она была арестована сама, невзирая на ее отчаянную мольбу пощадить грудного ребенка. Смирнова отказалась отречься от мужа и получила обычный срок — 8 лет. Что случилось потом с детьми — неизвестно¹³³.

В харьковском тюремном лазарете Вайсберг видел детей, в том числе девятилетнего мальчика¹³⁴. Когда в начале 1939 года в советской печати стали появляться сообщения об арестах отдельных работников НКВД, которые вымогали у подследственных ложные показания, обнаружилось, что в одном случае в Ленинске-Кузнецком (Кемеровской области) это было проделано с детьми вплоть до десятилетнего возраста¹³⁵.

Четыре работника НКВД и Прокуратуры получили по пять и десять лет заключения. В общем сто шестьдесят детей, главным образом в возрасте от двенадцати до четырнадцати лет, были арестованы и, после строгих допросов, признали себя виновными в шпионаже, террористических актах, измене и связях с гестапо. Добиться у них этих признаний было сравнительно нетрудно. Один десятилетний мальчик капитулировал после одной ночи сплошного допроса и признал себя уже с семилетнего возраста членом фашистской организации. Аналогичные массовые процессы детей имели место и в ряде других городов¹³⁶. Есть свидетельства, что дети репрессированных родителей даже создали свою организацию. Они планировали убить сотрудников НКВД, виновных в смерти их родителей¹³⁷. Как заявил на XXII съезде КПСС И. В. Спиридонов, «репрессиям подвергались не только сами работники, но и их семьи, даже абсолютно безвинные дети, жизнь которых была надломлена таким образом в самом начале»¹³⁸.

В следующую категорию «подозрительных лиц» входили все, кто был связан с производством — главным образом инженеры. Здесь не нужно было особых доказательств — всех поголовно объявляли диверсантами, невзирая на прошлые заслуги. 3 марта 1937 года, выступая на пленуме ЦК, Сталин заявил: «Ни один вредитель не будет все время вредить, если он не хочет быть разоблаченным в самый короткий срок. Наоборот, настоящий вредитель должен время от времени показывать успехи в своей работе, ибо это — единственное средство сохраниться ему, как вредителю, втереться в доверие и продолжать свою вредительскую работу»¹³⁹.

Шпиономания НКВД в промышленности, судя по всему, была искренней. «Органы» занимались не только арестами, но значительно расширили к концу 1935 года систему всякого рода надсмотрщиков и надзирателей на предприятиях, в исследовательских институтах и других учреждениях. Операция преследовала двойную цель: бороться с воровством и не допустить утечки «секретных материалов», многие из которых не были секретными даже по советским понятиям. В нормальном обществе подобная информация вообще не считается секретной. К этому времени в каждом советском учреждении уже существовал «Особый отдел», ведающий политической благонадежностью персонала и техническими секретами. В его сейфы каждый вечер запиралось все, что имело сколько-нибудь доверительный характер. Из опубликованных в 1962 году «Итогов Всесоюзной переписи населения» следует, что в общее число трудящихся 78 811 000 человек входило не менее 2 126 000 надсмотрщиков и надзирателей, не считая милицию и НКВД. При этом шахтеров было всего 589 000, а железнодорожников — 939 000¹⁴⁰.

В этой обстановке любой инцидент или срыв на производстве автоматически расценивался как диверсия или вредительство. Из каждого отдельного случая вырастало «дело» в назидание другим — так же, как инцидент с Молотовым в Прокопьевске был раздут до покушения на его жизнь. Уже на процессе Пятакова осужденным были инкриминированы железнодорожные катастрофы. При этом Вышинский красочно и обстоятельно рассказывал об ужасах, постигших невинных пассажиров. На процессе Бухарина было заявлено, что падеж скота — результат сознательной деятельности заговорщиков. Шарангович сказал в своих показаниях: «В 1932 году была нами распространена чума среди свиней... В 1936 году в Белоруссии нами была широко распространена анемия... Вследствие этой меры пало... около 30 тысяч лошадей». Шарангович также «признался», что на некоторых предприятиях в Белоруссии, где он был первым секретарем ЦК — на текстильной фабрике, на цементном комбинате, на труболитейном заводе, на электростанции — по его распоряжению были предприняты диверсионные акты.

В осуществлении непосильных пятилетних планов срывы происходили то и дело. И даже если вина возлагалась на первого секретаря, то к делу обязательно привлекались и его подчиненные.

Советские методы планирования и отчетности превращали жизнь промышленных руководителей в пытку. Задания и сроки всегда были невыполнимы. Признать же невыполнение плана — значило сразу угодить в тюрьму, поэтому директора скрывали как могли истинное положение дел. Но это был заколдованный круг — в новом плане фиктивные цифры удваивались. Когда случался крупный провал, который невозможно было скрыть, находили козла отпущения. «Наступал кризис. Директор и несколько других начальников уезжали в лагеря, а пришедшие им на смену начинали действовать теми же методами. Система не оставляла им другой возможности», — вспоминает один из очевидцев¹⁴¹.

Особенно трудно было наладить работу на новом предприятии. Директору автозавода им. Сталина Лихачеву пришлось руководить работой 25 тысяч человек в полной неразберихе, при острой нехватке административных кадров и сырья. Директор завода им. Молотова в Горьком Дьяконов надорвал здоровье еще до ареста. В 1938 году были арестованы руководитель автомобильной промышленности Дыбец и его заместитель. В том же году директор Металлургического завода в Свердловске старый большевик Семен Магрилов застрелился в своем кабинете. Он оставил длинное и резкое письмо, осуждающее зверства советского руководства. Все, кто прочел или мог прочесть это письмо, были арестованы и исчезли¹⁴². На железных дорогах были установлены поистине драконовские законы. В статью 59 Уголовного кодекса РСФСР были включены и преступления на железных дорогах, «влекущие за собой срыв (невыполнение) намеченных Правительством планов перевозок»¹⁴³. Приводятся такие примеры: скопление погрузных товарных вагонов или несвоевременная отправка поездов. Наказание — 10 лет, а при установлении злого умысла — расстрел.

«В целях личной карьеры и утверждения своего культа на транспорте Каганович надумал так называемую «теорию контрреволюционного предельчества», пользуясь которой он организовал массовое избивание инженерно-технических кадров. За короткий промежуток времени было снято с работы и впоследствии арестовано большинство начальников железных дорог и политотделов дорог, многие руководящие работники центрального аппарата и линии...»¹⁴⁴.

Что касается «вредительства», то аварии на железных дорогах в то время происходили каждые пять минут, и результатом было массовое уничтожение железнодорож-

ных кадров. Мы рассказывали об этом подробнее в связи с процессом Пятакова. В начале 1936 года Каганович объехал железные дороги Дальнего Востока. Вслед за ним, в марте, там побывала Военная Коллегия, которая вынесла в двух городах — Красноярске и Томске — 15 приговоров: 5 смертных и 10 к длительным срокам заключения. Основание — вредительство «в пользу иностранной разведки». И это было только начало. По словам Шверника, в своем выступлении на собрании железнодорожного актива 10 марта 1937 года Каганович говорил:

«Я не могу назвать ни одной дороги, ни одной сети, где не было бы вредительства троцкистско-японского... И мало того, нет ни одной отрасли железнодорожного транспорта, где не оказалось бы таких вредителей». При Кагановиче аресты работников железнодорожного транспорта проводились по спискам. Без всякого основания были арестованы его заместители, почти все начальники дорог, начальники политотделов и другие руководящие работники транспорта»¹⁴⁵.

10 августа 1937 года Каганович написал записку в НКВД, требуя ареста десяти ответственных работников в Народном комиссариате путей сообщения — на том основании, что поведение этих людей казалось ему подозрительным. Они были арестованы как шпионы и диверсанты и расстреляны. Шверник сообщил, кроме того, что Каганович написал в НКВД по меньшей мере тридцать два письма с требованием ареста 83 руководящих работников транспорта¹⁴⁶.

Единственной железной дорогой, которой не коснулись повальные аресты в начале 1937 года, была Северодонецкая. Но в августе руководство этой дороги было вызвано в Москву, где получило указания выявить диверсантов. По подсчетам начальника локомотивной службы, на этой дороге из 45 тысяч рабочих и служащих в течение трех месяцев было арестовано около 1700. В середине ноября его самого вызвали в НКВД и задали вопрос: «Как вы предлагаете покончить с вредительством?» Но он не мог припомнить случаев вредительства — дорога работала очень хорошо. Он получил крупный нагоняй, а некоторое время спустя, 2 декабря, был арестован — заодно с другими, без всяких обвинений, без ордера на арест. Через два дня после ареста его жену и шестилетнего сына выселили из квартиры. Всех арестованных этой группы, включая заместителя начальника дороги и начальников нескольких станций, допрашивали очень грубо и часто били¹⁴⁷.

В маленьких городах, например в Полтаве, были созданы специальные железнодорожные тюрьмы. Вагоны с арестованными железнодорожниками отгонялись на боковые ветки. Дела этих людей были в ведении разъездных военных судов, которые колесили по всей стране¹⁴⁸. Почти все арестованные были объявлены японскими шпионами. Причина заключается в том, что в 1935 году СССР передал Китайско-Восточную железную дорогу Японии. Советские железнодорожники, которые ее обслуживали, вернулись в СССР. Если не считать дипломатов, то они были, вероятно, единственными людьми, побывавшими за границей, то есть в высшей степени подозрительными элементами. Вместе с семьями их насчитывалось около 40 тысяч. Они, как утверждалось, растеклись по разным железнодорожным линиям и занялись вербовкой своих коллег в японскую разведку.

ОБРАБОТКА

Арестованный, будь он военным или представителем «бывшей» интеллигенции, украинцем или инженером, мог узнать из разговоров с другими заключенными, «какое дело ему пришьют». А это важно. На допросах НКВД придерживался такой практики: не говорить арестованному, в чем его обвиняют, дать ему возможность выработать самостоятельную версию. Если на первых допросах арестованный упрямился, ему, как правило, «помогали припомнить».

Статья 128 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР гласила до 1961 года, что человеку, находящемуся под следствием, обвинение должно быть предъявлено не позднее чем через 48 часов после ареста. Это требование не соблюдалось. Более того, оно противоречило основному методу НКВД. Во многих случаях обвинение предъявлялось спустя несколько месяцев и даже лет. Или вообще никогда.

Иногда допросу предшествовала специальная подготовка. Венгерский коммунист Йожеф Лендьел рассказывает, как он был переведен из обычной камеры в особую, еще более ужасную, чтобы «прийти в форму» перед встречей со следователем. В первой камере 275 человек жили «на, между и под 25 железными койками». Новая представляла собой «герметически закрытое пространство», где было влажно и жарко. Свежий утром хлеб был покрыт плесенью в полудню. У некоторых заключенных начались сердечные

припадки. Другие сходили с ума. Сам он подхватил желтуху и какую-то кожную болезнь, от которой руки и ноги покрылись язвами. Когда Лендьел вернулся в прежнюю камеру, товарищи его не узнали¹⁴⁹.

Женщина-учительница, просидевшая 40 дней в одиночном заключении в темноте, также вернулась в камеру неизвестной¹⁵⁰. Она попала в тюрьму за то, что она обратилась к Британскому консулу за визой. Ее заставили признаться в том, что она намеревалась стать членом иностранной разведки. Еще хуже была «нора» на Лубянке — настоящая черная дыра, как пишет критик Иванов-Разумник. «Норой» называли темное и душное помещение в подвале размером около 25 квадратных метров, где не было никакой вентиляции, за исключением щели под дверью. Туда загоняли по 60 человек и держали неделю, а иногда и больше. У всех начиналась тошнота и сильное сердцебиение, многие страдали также экземой¹⁵¹. «Нора» была разновидностью знаменитой «парилки», которой пользовалось ОГПУ в двадцатых годах. Евгения Гинзбург рассказывает также о «стоячей камере» — узкой щели, где можно было только стоять. Заключенный стоял, прижавшись к стене, руки по швам — совершенно как замурованный. Один из секретарей татарского обкома простоял так два дня и потерял сознание¹⁵².

На допрос почти всегда вызывали ночью. Надзиратель входил в камеру и называл букву — первую букву фамилии. Все заключенные, чьи фамилии начинались на эту букву, должны были отозваться. Они по очереди выкрикивали свои фамилии, пока не отзывался тот, за кем пришли. Его уводили¹⁵³.

В воспоминаниях всех, кому довелось побывать в центральных тюрьмах, фигурирует такой факт: ведя заключенного по коридорам, надзиратели все время постукивали пряжкой ремня или просто щелкали языком. Это делалось для того, чтобы предупредить о своем приближении. Согласно инструкции, заключенный не должен был никого знать в лицо за пределами своей камеры. Если двое заключенных встречались в коридоре, одному приказывали повернуться лицом к стене. Во дворе Бутырок были специальные будки, похожие на будки часовых, куда можно было быстро втолкнуть заключенного, если навстречу шел кто-то другой. Лестничные пролеты были защищены сетками — на случай попытки к самоубийству.

Наконец, заключенного приводили в кабинет следователя. Все обычно начиналось с вопросов: «Знаете, где вы находитесь? . . . Вы находитесь в помещении центрального аппарата советской разведки . . . Как вы думаете — зачем вас сюда привели?» и т. д. Бывало, что в первые минуты следователь держался довольно вежливо. Но затем требовалось подписать признание вины. Если заключенный ничего собой не представлял и о подготовке к публичному процессу не было речи, признание становилось формальностью. Простой и ужасной формальностью. Оно должно было соответствовать уже готовому в общих чертах приговору. Личность арестованного больше никого не интересовала, но от него требовалось еще одно — назвать своих сообщников.

Допрос почти всегда начинался не с обвинения, а с вопроса: каковы ваши собственные предположения о причине ареста? Если рассказ арестованного выглядел невинно, применялись более грубые методы. Говорят, что следователи сталинского времени использовали список вопросов, составленный Святой Инквизицией в XVI веке¹⁵⁴. По методу, который был известен среди работников НКВД как метод Ежова, задача «состряпать дело» возлагалась на самого арестованного. Во всяком случае, он должен был сам выбрать главную линию. Заключенные приобрели большой опыт и всегда могли помочь новенькому составить подходящую версию. Это избавляло от лишних неприятностей и его самого, и следователя¹⁵⁵.

У следователей были свои приемы. Иногда они начинали допрос сдержанным и даже грустно-располагающим тоном, а потом вдруг раздражались ругательствами. Мат был обычным явлением. На некоторых заключенных это действовало.

Многие следователи НКВД сознавали абсолютную лживость обвинений и иногда даже признавались в этом. Другие утверждали, что во всех обвинениях есть «зерно правды», и этого им было достаточно, чтобы оправдаться перед самим собой¹⁵⁶. Такие взгляды характерны, главным образом, для раннего поколения работников НКВД. Потом эти люди сами были ликвидированы. Им на смену пришли свежие, выкованные Сталиным кадры, которые, казалось, больше верили в виновность осужденных.

Некоторым, наиболее стойким обвиняемым удалось пережить не одного следователя (двое заключенных сообщают, что за время их допроса сменилось десять человек). Репрессии внутри самого НКВД и частая смена следователей ободряюще действовали на моральный дух заключенных¹⁵⁷.

Обращение с арестованными офицерами НКВД было хуже, чем с остальными. Они с большим пессимизмом смотрели на возможность благополучного исхода их дела и, как вспоминают очевидцы, «держались упрямо, не хотели ни в чем признаваться, потому что знали, что их ожидает»¹⁵⁸. На допросах они нервничали сильнее других, ожидая, что в любую минуту их могут казнить.

Основные технические приемы допросов были рассмотрены в пятой главе настоящей книги. Здесь можно сказать, что в обычных делах главным методом оставался «конвейер» с периодическим рукоприкладством. Вот типичный случай: девушку — секретаршу директора фабрики арестовали, обвинив в причастности к гнезду троцкистов-диверсантов. Двое суток ее держали стоя с небольшими перерывами, а потом следователь схватил ее за горло и начал душить. В результате она подписала признание, которое позволило НКВД арестовать ее начальника и еще 30 с лишним работников фабрики¹⁵⁹.

Конвейер мог сломить любого за 4-6 дней, но большинство выдерживало только 2 дня. Наконец, наступил момент, когда темпы репрессий опередили производственную мощностъ следственных органов, и тогда был введен более простой метод избияния. Дата этого нововведения в Москве, Харькове и других местах известна точно: 17-18 августа 1937 года. В эту ночь — вспоминает один из заключенных тюрьмы «Холодная гора» — мы залепляли уши хлебом, чтобы уснуть — невозможно было слышать крики избиваемых женщин¹⁶⁰. В Казанской тюрьме одной из первых жертв нового метода стала жена председателя Совнаркома Татарской АССР¹⁶¹. В Бутырках в это лето был освобожден для ночных допросов целый этаж одного крыла. С 11 часов вечера до 3 часов утра женщины в расположенных поблизости камерах не спали — стоял страшный шум. «Над волной воплей пытаемых плыла волна криков и ругательств, изрыгаемых пытающими. Одна молодая женщина чуть не сошла с ума, думая, что узнала голос своего мужа», — рассказывает Гинзбург¹⁶².

Следователи поддерживали видимость местной инициативы. В ход шли сапоги, кулаки и ножки столов. Но Сталин и Ежов не опасались больше нареканий внутри партии, и широко известные факты официально скрывались более из приличия, нежели по другим мотивам. Сталин, судя по всему, дал официальное указание о применении пыток еще в начале 1937 года. Тогда эта инструкция осталась секретной,

о ней не узнали даже секретари обкомов. Но после падения Ежова, как сообщил XX съезду Хрущев, «руководители партийных органов с периферии стали обвинять работников НКВД в том, что к арестованным применялись методы физического воздействия», и Сталин подтвердил прежнее указание, и пост фактум и на будущее, в шифрованной телеграмме от 20 января 1939 года¹⁶³.

Есть указания на то, что НКВД все же соблюдал некоторые формальности. Методы допроса были, понятно, прямым нарушением закона, но заявления, подписанные заключенными, уничтожались редко. Они подшивались к делу¹⁶⁴. Берия, придя к власти, обнаружил в делах зафиксированные прокурорами жалобы на «незаконные методы следствия», и Генеральный прокурор СССР Вышинский дал указание впредь подобного не допускать. Некоторые заявления заключенных сохранялись после этого в особой папке, но не подшивались к судебным делам¹⁶⁵.

Вне зависимости от методов допроса, признания были более или менее однотипны и редко выходили за рамки, прочно установленные еще в 1931 году. Один хирург сознался в намерении отравить реку Днепр. Юрист сначала сознался, что взорвал мост, потом — что вынашивал террористические планы, и, наконец, в том, что он японский шпион. Инженер-электрик собирался мобилизовать артиллерийскую батарею, чтобы расстрелять рабочие кварталы Днепропетровска. Другой арестованный «признался», что встречался с президентом Франции Пуанкаре¹⁶⁶.

Один из руководящих работников лесной промышленности на Украине был арестован в начале тридцатых годов в связи с процессом Промпартии. Он «сознался», что умышленно не выполнял план лесозаготовок, так как стремился к восстановлению прав бывших помещиков и хотел сохранить принадлежавшие им леса. Он получил 10 лет, но, подобно многим другим, связанным с делом Промпартии, через год был освобожден и восстановлен на работе. При повторном аресте он «признался», что приказал вырубить слишком много деревьев, чтобы погубить леса. Другой работник лесной промышленности подписал обвинение, согласно которому он приказал прорубить в лесах дороги для входа польских и немецких танков¹⁶⁷.

Одну художницу по керамике обвинили в апреле 1936 года в том, что она исподтишка вписывала знак свастики в узор на чайных чашках, а также держала под матрацем два пистолета с целью убить Сталина¹⁶⁸. Инженер-еврей запла-

тился свободой за то, что спроектировал здание исследовательского института «в форме полусvastiки», потому что придерживался нацистской идеологии¹⁶⁹. Другая художница — тоже керамистка — сделала эскиз пепельницы, которая по форме напоминала, если внимательно присмотреться, шестиугольную звезду Давида. Ее арестовали, а всю партию пепельниц уничтожили¹⁷⁰. Артур Кестлер рассказывает о немецком докторе-коммунисте, которому предъявили три обвинения: прививку венерических заболеваний, распространение слухов о неизлечимости этих заболеваний и . . . шпионаж в пользу Германии¹⁷¹. Профессор Киевского университета Белин также был объявлен шпионом — в своем учебнике он привел данные о глубине Днепра в различных местах. Другой профессор — еврей, бежавший из Германии — «передал немецким агентам данные о судоходстве по реке Обь». Третий был связан с японской разведкой — он передавал сведения о «политических взглядах еврейских детей»¹⁷². Киевский рабочий сознался в намерении взорвать мост через Днепр (длиной в километр) с помощью нескольких килограммов мышьяка, но ему пришлось отказаться от своих планов из-за дождливой погоды¹⁷³. Евгения Гинзбург пишет о женщине средних лет, с виду похожей на прачку, которую обвинили в общении с иностранцами, посещении дорогих ресторанов и попытках соблазнить советских дипломатов с целью выведать у них секреты. « . . . Это ведь был июль 1937 года, и никто уже не заботился даже о тени правдоподобия в обвинениях»¹⁷⁴.

Б. Дьяков приводит еще более любопытный случай: один старый большевик отсидел пятнадцать лет за то, что сам себя убил. НКВД утверждал, что он выкрал документы погибшего человека и стал выдавать себя за него. Обвиняемый привел свидетельницу, которая знала его с раннего детства, но ее даже не стали слушать. Его осудили за «террор»¹⁷⁵.

Когда назревало крупное дело, некоторые местные следователи пытались нагреть на нем руки: они начинали отыскивать «сообщников» из числа своих же заключенных. После суда над Тухачевским младший следователь пытался вовлечь своего подследственного Вайсберга в «дело рейхсвера», то есть сфабриковать новый военный заговор. Его начальник, со своей стороны, хотел выставить Вайсберга свидетелем на процессе Бухарина, что было более логично, так как с Бухариным Вайсберг, по крайней мере, встречался¹⁷⁶.

Пятьдесят украинских студентов обвинили в создании организации с целью убийства Косиора. Ранее, на крупных московских процессах, Косиор был назван в числе главных жерв, намеченных заговорщиками. Следователи работали над этим сложным делом целый год. Но в 1938 году стало известно, что сам Косиор арестован как троцкист — и все решили, что студентов выпустят. Но начались новые допросы. Для начала студентов избили за дачу ложных показаний органам НКВД. Через несколько дней стукачи в камере намекнули, в чем следует сознаться на этот раз: нужно было изменить объект покушения, назвав вместо Косиора Кагановича. НКВД не хотел заниматься составлением нового дела с самого начала: проще было «провести» студентов по готовым материалам, заменив лишь фамилию жертвы. В конце концов все как-то утряслось, и студентов...отправили в лагерь¹⁷⁷.

Некоторые заключенные особенно тяжело переживали необходимость выдать «сообщников», то есть запятнать ни в чем не повинных людей. Один армянский священник, обладавший прекрасной памятью, назвал сообщниками всех соотечественников, которых он похоронил за последние три года. Новичку иногда подсовывали в камере список еще «неиспользованных» покойников¹⁷⁸. Выдавать тех, кто был уже арестован или осужден, не считалось низостью.

Но следователей редко удавалось провести такими уловками. Большинство арестованных так или иначе бросали тень на своих знакомых или сослуживцев, чьи имена им называли на допросе (эти люди уже были на подозрении в силу того, что знали заключенного).

В основной своей массе офицеры НКВД вели себя как привередливые, самодовольные, безжалостные бюрократы. Они обращались с заключенными, как со скотом — о сочувствии не могло быть и речи. Но бывали и исключения, свидетельствовавшие о том, что даже в этих условиях исконная русская человечность неожиданно прорывалась наружу. Двое бывших заключенных отмечают, что «среди работников НКВД всех уровней, от простого надзирателя до начальника тюрьмы и даже самих следователей, встречались люди, которые нередко шли на нарушение правил. Рискуя собственной свободой, они отыскивали возможности, чтобы улучшить участь заключенных, тайно передавали им продукты и сигареты или старались ободрить словом¹⁷⁹.

Очевидец рассказывает, что в Бутырской тюрьме с командиром РККА Васильевым был однажды такой случай: «Когда

окровавленного Василька — это прозвище дали ему его сокамерники — отводили с допроса в камеру, дежурный по коридору сжалился над ним и вместо того, чтобы ввести его сразу в камеру, открыл ему дверь в уборную, где он мог бы смыть кровь под краном умывальника. Василек подставил голову под кран — и рыдал, не столько от боли, сколько от пережитых оскорблений и издевательств, а дежурный стоял и смотрел на него, по-бабьи подперши щеку ладонью. — «Эх, товарищ, не сокрушайтесь! Всем не сладко живется, а терпеть надо. Ну избил он вас почем зря, а вы пренебрегите: его черной душе теперь может еще хуже, чем вашему белому телу. Кровь-то вы сейчас с себя смоете, а ему в какой воде свою черную душу отмыть?». Мы удивились: избитый Василек вошел в камеру спокойный и чуть не веселый: так утешил и обрадовал его неожиданный монолог дежурного . . .»¹⁸⁰.

Однако немецкая коммунистка вспоминает, что когда ее вместе с другими заключенными загнали в вагон для отправки в лагерь, часовой взглянул на нее и сказал: «Зачем плачешь? там будет не так уж страшно. Останешься жива и еще вернешься домой». (Позднее эту женщину передали нацистам. Она пишет, что среди гестаповцев также встретила несколько добрых и заботливых людей)¹⁸¹.

В 1937 году среди раннего поколения офицеров НКВД еще сохранялись люди, которые сочувственно относились к старым большевикам. Антонине Левкович, арестованной в 1937 году «жене врага народа», не раз приходилось встречаться с добротой, хотя обычно это ни к чему хорошему не приводило. Высланная с группой женщин из Москвы в Киргизию, она встретила в Джамбуле работника НКВД, который старался спасти ее и высланных с нею женщин от голода. Он был обвинен в «непозволительной жалости к женам врагов народа» и застрелился, чтобы избежать ареста¹⁸².

Не так давно в советской печати стали появляться рассказы о сотрудниках НКВД, которые пытались протестовать против репрессий (это был период благосклонного отношения к милиции и органам безопасности). Можно взять для примера историю казаха Севикгали Джакупова. Он выдвинулся в ЧК как непримиримый и безжалостный участник борьбы с басмачами в Средней Азии. В 1935 году, когда «сложная международная обстановка тех лет и целый ряд других причин привели к тому, что началась роковая стрельба по своим» его назначили на один из ведущих постов

в НКВД Казахстана. Протест Джакупова был вызван судьбой его личного друга, казахского поэта Сакена Сейфуллина. Джакупов протестовал против казней даже на открытых заседаниях. После ареста в 1937 году он продолжал писать письма Сталину, Ежову и Вышинскому, защищая своего друга и других. Его ликвидировали в январе 1939 года¹⁸³.

О таких случаях не следует забывать, но они являются редчайшими исключениями. Нормой была безжалостная жестокость или в лучшем случае — тупое безразличие к смерти и страданиям. Гинзбург пишет, что «не все они были садистами. И только единицы нашли в себе мужество покончить самоубийством. Шаг за шагом, выполняя все новые очередные директивы, они спускались по ступенькам от человека к зверю»¹⁸⁴. Офицерам НКВД, у которых сохранились остатки совести, не удалось пережить чистку наркомата, предпринятую Ежовым. В аппарат влилась новая струя хорошо обученных, откормленных, бессердечных гангстеров. Они твердо усвоили, что любое проявление сочувствия — уступка буржуазным настроениям, форма предательства в классовой борьбе. Репрессии развивались вширь и вглубь.

РАЗБОР ДЕЛА

По окончании допроса дела направлялись в юридические или полуюридические учреждения. С 1934 года политические дела находились в ведении Военной коллегии Верховного суда. Коллегия располагала огромным штатом и могла рассматривать несколько дел одновременно. На высокопоставленного служащего или генерала уходило всего несколько минут. Евгения Гинзбург вспоминает, что на разбирательство ее дела в 1937 году потребовалось ровно семь минут. Затем суд удалился на две минуты и зачитал приговор. По ее подсчетам, печатание этого приговора на машинке должно было занять все же минут двадцать¹⁸⁵.

В годы массового террора Коллегия «провернула» таким образом десятки тысяч дел. А эти десятки тысяч составляли очень незначительный процент общего числа заключенных.

Судебное разбирательство велось на основе Уголовного кодекса, статья 58 которого охватывала все виды преступлений, имеющих какой-то, хотя бы самый отдаленный политический характер. Статья 58 была достаточно емкой (так, во всяком случае, считал суд), чтобы подвести под нее любого

человека, которого НКВД хотел репрессировать. Она использовалась самым наглым образом. Постановление Верховного суда от 2 января 1928 года внесло изменение в формулировку контрреволюционных действий. С тех пор по ней можно было привлекать к ответственности и в тех случаях, когда совершивший эти действия и не ставил прямо контрреволюционной цели, однако сознательно допускал совершение или должен был предвидеть общественно опасный характер последствий своих действий¹⁸⁶. Понятие террора также было постепенно расширено, в него включалось нападение не только на партийных работников, но и на членов содействия проведению комиссии хлебозаготовок (1930), ударников (1931) и пионеров (1934)¹⁸⁷.

7 августа 1932 года был введен закон о смертной казни за различные преступления против государственной собственности. На практике суд мог растянуть рамки этого закона еще дальше — такая инициатива приветствовалась¹⁸⁸. К вредительству был причислен, например, сбор колосьев, оставшихся на поле после уборки. Раньше крестьянки подкармливали таким образом семью, а теперь автоматически получали 10 лет.

Зам. Ген. прокурора СССР Н. В. Жогин в 1965 году писал, что Вышинский «предложил квалифицировать умышленные поджоги имущества, принадлежавшего государству или общественным организациям, независимо от мотивов и целей, по статье 58-9 УК РСФСР (диверсия). Следовательно, по статьям о государственных преступлениях должны были квалифицироваться и такие действия, которые были предприняты без контрреволюционного умысла (например, поджог по мотивам неприязненных отношений, мести и т. д.). Вышинский заявил, что не существует общеуголовных преступлений, что сейчас эти преступления превращаются в преступления политического порядка. Он предложил пересмотреть общеуголовные дела в целях придания им политического характера»¹⁸⁹.

Тот же Жогин далее конкретизирует: «Вышинский требовал обязательно искать контрреволюционный умысел по всем уголовным делам о недостатках, связанных с уборочной кампанией. По его мнению, недостатки уборочной кампании во многих случаях вызывались деятельностью вредителей, которых необходимо было «обезвредить». Так, в 1937 году во время уборочной кампании было выявлено заражение ряда сельскохозяйственных культур клещом. Это заражение приписывалось деятельности вражеских контрре-

волюционных элементов, в связи с чем было возбуждено большое число уголовных дел. Многие обвинения в связи с заражением злаков клещом были совершенно необоснованы. Между тем Вышинский потребовал от прокуроров, чтобы они настаивали на применении суровой меры наказания по всем уголовным делам, возбужденным в связи с заражением сельскохозяйственных культур клещом»¹⁹⁰.

Когда дело доходило до суда, пишет Жогин, Вышинский «неоднократно утверждал, что в уголовном процессе вполне достаточна вероятность выводов о виновности. Поучая прокуроров «искусству распознавания вредителей», Вышинский утверждал, что это достигается не путем всесторонней, полной, объективной оценки собранных по уголовному делу доказательств, а «политическим обонянием»¹⁹¹. Вышинский заметно упростил судебную процедуру, заявив: «без особой нужды незачем повторять то, что было установлено на предварительном следствии»¹⁹².

Результаты были самыми невероятными. Одна женщина получила 10 лет по статье 58 (пункт 10) за то, что сказала после ареста Тухачевского, что он был красивый мужчина¹⁹³. Художник лишился свободы на 5 лет, добавив букву «у» к имени Сталина в надписи «Жить стало лучше, жить стало веселее. Сталин». Получилось — ...Сталину¹⁹⁴. Человека, знавшего, но не донесшего о преступлении, рассматривали как соучастника. Даже в мелких делах, где обвиняемого присуждали к 6 годам, за укрывательство можно было получить 3 года по статье 58-12¹⁹⁵. Один одессит получил три года за то, что «сочувственно улыбался», в то время как пьяные грузчики за соседним столом рассказывали друг другу антисоветские анекдоты¹⁹⁶. Одна татарка, которая вначале значилась как троцкистка, была переименована в «буржуазную националистку» на том основании, что «по троцкистам у НКВД план перевыполнен, а по националистам они отстали, хоть и взяли многих татарских писателей»¹⁹⁷. Одного 22-летнего математика, совершенно не интересующегося политикой, репрессировали за то, что его мать — старая эсерка — попала в 1937 году в облаву и была арестована. Сам он родился в царской тюрьме¹⁹⁸.

Однако в суд попадала только небольшая часть дел. В статье 8 Исправительно-трудового кодекса говорится, что «лица, приговоренные к заключению в исправительно-трудовые лагеря, направляются туда а) по приговору суда; б) по постановлению административного органа». Под последним обычно имелось в виду Особое совещание НКВД, созданное

постановлениями от 10 июля и 5 ноября 1934 года. Один заключенный, отсидевший 6 лет в двух лагерях и нескольких тюрьмах, подсчитал, что приблизительно 90% политических заключенных были приговорены Особым совещанием¹⁹⁹.

Оно состояло из заместителя Наркома внутренних дел, уполномоченного НКВД в РСФСР, начальника Главного управления милиции и Наркома внутренних дел той союзной республики, на территории которой «совершенно преступление». На заседаниях должен был также присутствовать Генеральный прокурор СССР или его заместитель²⁰⁰. Особое совещание, судя по всему, выносило сотни приговоров ежедневно.

В начале его приговоры не должны были превышать 5-летнего срока, но вскоре это ограничение было либо отменено, либо забыто. Упоминаются сроки в 8 и даже 10 лет²⁰¹. Но если заключенных, приговоренных судом, часто выпускали на свободу по отбытии срока, приговоренные «ОСО» автоматически получали дополнительный срок. Оформлением документации занималась Москва, и затем местный представитель Особого отдела НКВД зачитывал приговор прямо в лагере.

С августа 1937 года в провинции стали действовать так называемые «тройки». Это был внесудебный орган, чьи функции напоминали деятельность чрезвычайных трибуналов во время гражданской войны. Тройка состояла из первого секретаря местного партийного комитета, представителя НКВД и прокурора. В отличие от ОСО, у нее были полномочия выносить смертный приговор. Тройки действовали целиком по своему усмотрению — даже без формальных ссылок на Уголовный кодекс.

На рассмотрение Особого совещания обычно выносились дела, «по которым не было собрано доказательств, достаточных для предания обвиняемого суду»²⁰².

Кроме того, «дела рассматривались заочно. Следовательно, лицо, привлекавшееся к ответственности, было лишено возможности защищаться от обвинения. Этим нарушались не только права и законные интересы обвиняемого и других участников процесса, но и создавались условия для преднамеренного вынесения необоснованных приговоров с жестокими мерами наказания»²⁰³.

Хотя суды и истолковывали статьи Уголовного кодекса весьма свободно, Особое совещание в большинстве случаев считало и такое истолкование чересчур ограниченным.

Статья 58 обычно служила «основой». В дальнейшем обвиняемые распределялись по следующим категориям:

- КРТД — контрреволюционная троцкистская деятельность — обычный приговор 5-10 лет.
- КРД — контрреволюционная деятельность — обычный приговор 5 лет и более.
- КРА — контрреволюционная агитация — обычный приговор 5 лет и более.
- ЧСИР — член семьи изменника родины — обычный приговор 5-8 лет.
- ПШ — подозрение в шпионаже — обычный приговор 8 лет.

Последний случай является уникальным в мировой истории права.

Существовали еще две категории, к которым заключенный мог быть причислен лично прокурором. В этом случае дело даже не рассматривалось Особым совещанием, и заключенного сразу направляли в лагерь:

- СОЭ — социально опасный элемент — обычный приговор 5 лет.
- СВЭ — социально вредный элемент — обычный приговор 5 лет²⁰⁴.

Право налагать наказание, когда состав преступления фактически отсутствует, изложено в статье 22 «Основ уголовного законодательства»:

«Наказание в форме ссылки может быть наложено постановлением прокурора в отношении лиц, признанных социально опасными, без возбуждения против этих лиц уголовного дела по обвинению в совершении конкретного преступления или проступка. Наказание может быть наложено в тех случаях, когда эти лица были оправданы судом и признаны невиновными в совершении конкретного преступления»²⁰⁵.

В начале 1937 года подсудимые отделялись довольно легкими приговорами. Вот типичный случай КРТД: арест электрика, который раньше лично знал нескольких троцкистов и в чьей квартире во время ареста было обнаружено первое издание «Истории гражданской войны» (в нем, конечно, были факты, свидетельствующие о важной роли Троцкого в тот период). Срок — 3 года²⁰⁶. Другой подсудимый, бывший троцкист, получил более длительный срок за то, что

1 декабря 1934 года приехал из Москвы в Ленинград²⁰⁷. Человек, у которого нашли стихотворение о Лионе Фейхтвангере и Андре Жиде, также получил три года — КРА²⁰⁸. Профессор астрономии, который противился браку своей дочери с работником НКВД, получил пять лет — КРА²⁰⁹. Типичный случай категории ПШ — профессор, который в 1915 году был захвачен в плен в Австрии. Это было его единственным преступлением²¹⁰.

Постановление от 14 сентября 1937 года²¹¹ дало возможность налагать наказание за контрреволюционную деятельность без всякого соблюдения судебных норм. Приговоры стали строже. Более того — дела арестованных в 1933 и 1935 годах подвергались, по образному выражению того времени, «переследствию», с тем чтобы, как говорили следователи, мягкие приговоры (3-5 лет) «перевести на язык тридцать седьмого года»²¹².

Заклученный не присутствовал на суде Особого совещания и ничего о нем не знал. После суда ему при случае вручали приговор.

По мере накопления дел усиливалась неразбериха. Некоторых заключенных нельзя было отправить в лагеря, потому что на них не поступило документов. Говорят, что в Бутырках для таких заключенных было выделено целое крыло. Их судили группами, и у судьи не хватало времени оформить личные дела²¹³.

Смертные приговоры составляли не более 10% от общего числа²¹⁴. Обычно вся камера знала о предстоящей казни, потому что в таких случаях за арестованным приходил офицер НКВД в сопровождении нескольких надзирателей. Иногда арестованному давали время проститься с остальными и раздать оставшееся имущество, главным образом одежду.

Выступая на XXII съезде КПСС, Спиридонов заявил, что «многие люди были уничтожены без суда и следствия»²¹⁵. Но сам Вышинский был сторонником этого метода. Он неоднократно повторял, что «если ставить вопрос об уничтожении врага, то мы и без суда можем его уничтожить»²¹⁶. На самом же деле до 1937 года без суда казнили немногих, если не считать ликвидацию оппозиционеров, уже находившихся в лагерях. Первые удары обрушились, судя по всему, на иностранцев, живущих в СССР, включая тех, кто уже получил советское гражданство. У них не было влиятельных защитников внутри партии, и их было легче обвинить в

контактах с зарубежной разведкой. Их начали ликвидировать с конца 1936 года.

Подвалы Лубянки, где совершались казни, были разделены на отдельные комнаты, расположенные вдоль коридора. Позднее, когда казни стали неотъемлемой частью тюремной жизни, в одной из этих комнат заключенный снимал тюремную одежду и переодевался в специальное белье. Затем его приводили на место казни и убивали выстрелом в затылок из автоматического пистолета. Врач подписывал последний документ, прилагаемый к делу, — свидетельство о смерти. После этого из комнаты выносили кусок брезента, специально положенный на пол. Его регулярно мыла уборщица, которую держали для этой цели²¹⁷.

Так было везде. В Горьком, например, в годы самого страшного террора из здания НКВД на Воробьевке выносили ежедневно от 50 до 70 трупов. Один арестант постоянно занимался тем, что белил стены в камерах заключенных сразу после того, как их увозили на расстрел в управление НКВД. Он замазывал фамилии, нацарапанные на стенах²¹⁸.

Распространенной формой приговора было «заключение без права переписки». А это дает все основания полагать, что число уничтоженных людей было больше, чем приговоренных к казням, ибо о заключенных, отбывающих срок по этому приговору — в лагерях или в тюрьмах — нет абсолютно никаких сведений. С другой стороны, в массовых могилах в Виннице были найдены трупы людей, получивших именно этот приговор (см. приложение А).

Между тем, репрессии продолжались, все глубже и глубже вгрызаясь в каждый общественный слой. Теперь на очереди была рабоче-крестьянская масса (до этого простые рабочие и крестьяне часто фигурировали как соучастники вредительства). Большинство крестьян и неквалифицированных рабочих, как пишет один из очевидцев тех лет, отделялись простыми показаниями — вроде того, что они занимались контрреволюционной агитацией, распространяя слухи о недостатке продовольствия или керосина, о низком качестве обуви, выпускаемой советскими фабриками, и т. д. Этого было достаточно, чтобы приговорить подсудимого к 3-7 годам принудительных работ по статье 58²¹⁹.

Воспоминания очевидцев изобилуют рассказами вроде следующего:

В сентябре 1937 года в харьковскую тюрьму неожиданно привезли 700 колхозников. Начальство тюрьмы не имело

понятия, за что они арестованы. Колхозников избили, чтобы заставить их хоть в чем-то сознаться. Но они не могли сказать ничего путного — они сами ничего не знали. Тогда быстро состряпали дело. Обвинения были довольно просты: большинство заставили признаться в контрреволюционной агитации и в диверсиях. Например, в намерениях отравить колодцы, поджечь амбары, в агитации крестьян не выходить на работу и т. д. Словом — пустяки. Но около 20 человек попались как следует — они были обвинены в заговоре. Их группа якобы планировала украсть лошадей, прискакать в соседний город и поднять там восстание. О начале восстания должен был возвестить церковный колокол. В действительности ничего этого не произошло: колодцы не были отравлены, скот не пострадал, лошади и амбары остались целы, церковный колокол не звонил и крестьянского восстания в этом районе не было. История была выдуманная от начала до конца²²⁰.

Теперь подавляющее большинство заключенных по тюрьмам людей составляли колхозники — и продолжали составлять до самого конца ежовщины. Причем их группы были почти тождественными по составу. Сначала арестовывали председателя колхоза. Он «выдавал» ближайших сообщников, за ними шли бригадиры и, наконец, простые крестьяне. Обычно колхозники сознавались сразу, как только узнавали, что от них требуется. НКВД сообщал об этом через стукачей, распределенных по камерам. Колхозников, как сообщает очевидец, партиями отправляли в северные лагеря — два раза в неделю²²¹.

В отдельных районах происходило то же самое. Английский наблюдатель, находившийся в то время в Ленкорани (Азербайджан), видел, как по городу один за другим проезжали грузовики с местными крестьянами. Их сопровождал конвой НКВД. Суда, в том числе пассажирские, были сняты с рейсов и подогнаны к азербайджанскому побережью, чтобы перевезти этих людей через Каспийское море²²².

Е. Гинзбург пишет, что к лету 1937 года «Нас охватило ощущение колоссальных масштабов того действия, в центр которого мы попали. Исполнители всех операций были перегружены донельзя, они бегали, метались, что называется, высунув языки. Нехватало транспорта, трещали от переполнения камеры, круглосуточно заседали судебные коллегии»²²³.

Офицер НКВД, арестованный в ноябре 1938 года, говорит, что уже за шесть месяцев до этого НКВД стало ясно: дальше репрессии такими темпами продолжаться не могут²²⁴. В сейфах было накоплено достаточно материалов, чтобы объявить шпионом практически любого руководящего работника в стране. Многие из этих людей так и не были арестованы. Хороший пример — профессор Богомолец, президент Академии Наук Украины. Он умер своей смертью, но по крайней мере десять арестованных ранее ученых называли его в своих показаниях фашистским шпионом²²⁵.

К этому времени половина городского населения уже была занесена в черные списки НКВД. Арестовать их всех было нельзя. С другой стороны, всякие различия исчезли: было столько же оснований взять одного, как и другого и третьего. Представители ранее установленных «категорий» — бывшие партизаны, старые большевики, участники оппозиции и т. д. — были в основном уничтожены. О тупике свидетельствуют новые репрессии внутри самого НКВД. Там стали поговаривать, что аресты проводились без всякого разбора, и теперь «никто даже не знает, что с этими людьми делать»²²⁶.

К моменту падения Ежова было арестовано не менее 5% населения — каждый двадцатый. Можно сказать, что из каждой второй семьи в стране один человек ушел в лагеря или сидел в тюрьме. Среди образованных классов норма была гораздо выше.

В 1938 году Сталин решил, что так дальше продолжаться не может. Следователи по-прежнему спрашивали обвиняемых — кто ваши сообщники? Таким образом, за каждым арестом автоматически следовало еще несколько. Если бы репрессии продолжались еще некоторое время, и каждый подсудимый называл 2-3 сообщника, то новая волна поглотила бы 10-15% населения, а потом — 30-45%. Существует много теорий относительно мотивов действий Сталина на протяжении всего этого устрашающего периода. Многие исследователи до сих пор задаются вопросом — почему Сталин прекратил террор на этой стадии? По нашему мнению — просто потому, что террор достиг крайнего предела. Продолжать было невозможно — экономически, политически и даже физически: следователей больше не было, тюрьмы и лагеря были забиты до отказа. Но между тем массовый террор выполнил свою задачу. Страна была подавлена.

НА КУЛЬТУРНОМ ФРОНТЕ

Русская интеллигенция всегда была рассадником вольнодумства. На протяжении столетия, предшествовавшего революции, она упорно сопротивлялась всякому деспотизму и, главное,— подавлению мысли. Естественно поэтому, что на интеллигенцию репрессии обрушились с особой силой. Коммунисты создали систему «правильных» и «ошибочных» взглядов с неукоснительным подавлением последних. Кроме того, они разработали теории о форме и методах в искусстве и науках, теории отражения и познания действительности. Это давало возможность уличать в крамоле и репрессировать даже горячих сторонников советской власти — если они придерживались неверных мнений по части, например, драматургии или биологии.

После установления советской власти участие ученых в управлении было шире, чем в других странах в тот период. Экономисты были привлечены к работе Госплана, а затем, в начале 30-х годов, почти полностью уничтожены. В других сферах деятельности, например, в иностранных делах и культуре, было также немало специалистов. О судьбе одного профессора из Наркомата иностранных дел рассказал на XXII съезде Шверник:

«В 1937 году к Молотову, как председателю Совнаркома, обратился один из профессоров, работавших в Наркоминделе. Он писал Молотову о том, что его отец арестован, очевидно, по недоразумению, и просил вмешаться в судьбу отца. Молотов написал резолюцию: «Ежову: Разве этот профессор все еще в Наркоминделе, а не в НКВД?» После этого автор письма был незаконно арестован»²²⁷.

В марте, апреле и мае 1937 года в печати появились статьи, атакующие «уклоны» в истории, экономике и литературе. Статья Молотова, опубликованная в «Правде», заострила тон этой кампании²²⁸.

Историки оказались особенно уязвимыми. На них часто навешивали ярлык «террористов». Была арестована вся школа историков партии, последователей Покровского. Сокольников на суде замечает совершенно естественным образом, что «среди историков начались аресты»²²⁹. Любопытно, что во главе многих «террористических банд» стояли ученые историки: Пригожин (один из руководителей группы, которую судили в те годы), Карев, Зейдель, Анишев, Ваняг, Закс-Гландев, Пионтковский и Фридлянд, названные на процессах 1936 и 1937 годов активными террористами. Радек

заявил, что Фридланд возглавлял террористическую группу, состоявшую из историков, и добавил: «Между собой мы называли ее исторической или истерической группой»²³⁰. Профессора университетов были на особом подозрении, так как они могли формировать последователей из числа студентов, а в применении к последним обвинение в терроре выглядело вполне убедительно. Студенты в целом также пострадали очень сильно. На процессе Пятакова в 1937 году было заявлено, что террористические организации Сибири вербуют кадры «главным образом среди молодежи высших учебных заведений»²³¹.

Фридланд и другие, будучи видными историками, находились в центре идеологических споров. Однако преподаватели неполитических дисциплин также оказались в трудном положении. Рядовому советскому человеку достаточно было научиться держать язык за зубами, а профессорам приходилось читать лекции аудитории, среди которой неизбежно были осведомители. Некоторые их коллеги также сотрудничали с тайной полицией²³².

Специалист по древней истории, профессор Константин Штеппа, попал в немилость после того, как назвал Жанну д'Арк нервной и экзальтированной особой. До середины 30-х годов если ее вообще упоминали, то упоминали враждебно, но с появлением Народного фронта во Франции она вдруг стала героиней Сопротивления. Поэтому замечания профессора противоречили генеральной линии. После этого началась серия неприятностей: сначала Штеппа упомянул в неподходящем контексте царя Мидаса, а затем, говоря о древней и христианской демонологии, отметил, что сельские жители всегда бывают более отсталыми. К сожалению, наряду с другими эту мысль как-то высказал Троцкий. И наконец, рассказывая об одном движении в Северной Африке во времена Римской Империи, Штеппа заявил, что оно было не просто крестьянским восстанием, но имело национальную окраску. Он был объявлен буржуазным националистом. В это время, в 1937 году, многие его друзья и коллеги уже находились под арестом. Как вспоминают люди, лично знавшие Штеппу, он на это сказал:

«Конечно, мне было жаль моих друзей. Но я испытывал по отношению к ним не только жалость. Я их боялся. Они, в конце концов, могли сослаться на какие-то наши разговоры, в которых не всегда выражалась строго официальная точка зрения. В этих беседах не было ничего преступного или антисоветского. Но мелкие критические замечания, жа-

лобы, выражение недовольства или разочарования, которые прорываются в любом разговоре, заставили каждого советского человека чувствовать себя виновным»²³³.

Вскоре произошло самоубийство Любченко и его жены Н. Крупеник. Она, к сожалению, была университетским преподавателем, и весь штат Киевского университета попал на особое подозрение. В ВУЗах и культурных организациях была вскрыта «разветвленная сеть буржуазных националистов». Тем не менее профессор Штеппа до марта 1938 года находился на свободе. После сурового допроса, который вели 13 следователей в течение 50 дней, его объявили одним из заговорщиков, замышлявших покушение на жизнь Косиора. После падения Косиора это обвинение было снято как с него, так и с многих других и заменено . . . шпионажем в пользу Японии.

Новая версия была основана на таких фактах. Профессор Штеппа некоторое время возглавлял Комитет византологии в АН Украины. Затем это название сочли реакционным и велели переменить на Комитет по Ближнему Востоку. Всякая связь с «Востоком» автоматически вызывала подозрение в симпатиях к Японии или шпионаже в ее пользу. Было отмечено, что профессор читал лекции об Александре Македонском и Ганнибале группе старших офицеров Красной Армии. А контакт с армией дал ему возможность выполнять шпионские задания. Было доказано, что он встречался с иностранцами в лице профессора Грозного, крупнейшего чешского специалиста по истории готтов, который «завербовал» его через византолога, читавшего лекции на советском Дальнем Востоке, то есть в непосредственной близости от Японии. И, наконец, был установлен косвенный контакт с профессором из Одессы, который встречался там с японским консулом. В донесениях, направляемых по шпионской сети в Токио, содержались данные о «политическом и моральном состоянии» армии. В конце дела фигурировал действительный факт: обвиняемый заявил в разговоре с коллегой, что некоторые офицеры путали Наполеона I с Наполеоном III и Александра Македонского с Цезарем»²³⁴.

После снятия Ежова стало чувствоваться некоторое послабление. Оставшиеся в живых ученые отказались от своих показаний, обвинения стали мягче. И, наконец, осенью 1939 года профессор Штеппа был освобожден. Ему повезло. Заместителя директора Института красной профессуры В. Ч. Сорина осудили в 1939 году как врага народа. Он умер

в лагере или тюрьме в 1944 году²³⁵. Такая же участь постигла многих беспартийных преподавателей ВУЗов.

Случалось, что на партийном собрании, посвященном разоблачению одного из сотрудников, вставал кто-нибудь из коллег и просил привести доказательства обвинения. Ни один из подобных инцидентов не прошел бесследно. Людей, задававших вопросы, всегда заставляли замолчать и часто арестовывали. Обычным обвинением были контрреволюционные взгляды. Например, когда на собрании в украинской Академии Наук разбиралось дело профессора Копершинского, другой ученый-коммунист, Каминский, заметил: «Когда говорит классовый инстинкт, никакие доказательства не нужны». Его тоже вскоре арестовали. Секретаря Академии публично обвинили в местной печати за то, что он потребовал доказательств в аналогичном деле²³⁶. Он был одним из тринадцати секретарей Академии, сменявших друг друга с 1921 по 1938 годы. Все как один были арестованы. Из семи ректоров Киевского университета шестеро были арестованы и один умер естественной смертью²³⁷.

Нужно отметить, что жертвами повальных репрессий среди ученых были не только византологи и представители других редких специальностей — без них страна, стремящаяся к скорейшему развитию техники, еще могла обойтись. Представители естественных и точных наук пострадали в меньшей степени. Вот как описывает физик Вайсберг положение в харьковском Институте физики:

«Послушай, сказал я. Наш институт — один из самых важных ВУЗов такого рода в Европе. Да и вообще, наверно, нет больше института с таким количеством различных и хорошо оборудованных лабораторий. Советское правительство не жалеет денег. Наши ведущие специалисты частично учились за границей. Их постоянно посылают за государственный счет к крупнейшим физикам мира, чтобы повысить знания и опыт. У нас было восемь отделов и во главе каждого стоял одаренный ученый. А что происходит сейчас? Обремов, начальник лаборатории кристаллографии — под арестом. Начальник лаборатории низких температур Шубников — тоже. Начальник второй лаборатории низких температур Руман — выслан. Начальник лаборатории расщепления атома Лейпунский — арестован. В тюрьме начальник рентгеновского отдела Горский, начальник отдела теоретической физики Ландау и я — начальник экспериментальной станции низких температур. Насколько мне известно, на работе

остался только Слуцкий, начальник отдела ультракоротких волн . . .»²³⁸.

Среди названных Вайсбергом основатель и первый директор Института Обремов; академик Лейпунский, который потом тоже стал директором; профессор Лев Давидович Ландау — крупнейший физик-теоретик Советского Союза. ГПУ еще раньше заставило Ландау уйти из института. Он уехал в Москву и стал работать с академиком Капицей. Под наблюдением Вайсберга строилась экспериментальная станция низких температур, но прежде чем она вступила в действие, его арестовали. Наследником Вайсберга стал Комаров — но его тоже арестовали. «Кто же — спрашивает Вайсберг — должен был продолжать работу? . . . Чтобы подготовить инженера, нужно пять лет. Но сколько трудов стоило правительству укомплектовать новые предприятия хорошими инженерами! А на подготовку хорошего ученого-физика требуется 10-15 лет»²³⁹.

Лев Давидович Ландау, один из самых выдающихся физиков в России, сам описывал, как он едва не погиб в тюрьме в качестве «германского шпиона». Его спас П. Л. Капица, с исключительным мужеством выступавший в его защиту и сумевший убедить Сталина в его научных заслугах²⁴⁰.

Эти аресты были подтверждены в советских изданиях 60-х годов. Академик Берг писал, например:

«Потом настали трудные времена. 1937 год, потеря близких друзей. Вскоре по нелепому дурацкому доносу арестовали и меня. В тюрьме я провел ровно 900 дней. Незадолго перед войной меня освободили. Радиотехника за эти годы понесла большой урон. Закрылись институты и лаборатории, исчезли люди»²⁴¹.

Больше всего пострадала, конечно, биология. С восходом звезды Лысенко в начале 30-х годов началась неистовая «идеологическая» борьба. Уже в 1932 году были арестованы (и позднее выпущены) цитологи Г. А. Левицкий и Н. П. Абдулов. Тогда же были арестованы и многие другие биологи.

В декабре 1936 года профессора Агола, одного из крупнейших советских биологов, обвинили в троцкизме и расстреляли. Начались гонения на других биологов. К декабрю 1936 года профессор С. Г. Левит, директор Института медицинской генетики был уволен с работы и исключен из партии на том основании, что его научные взгляды были «пронацистскими». Народный комиссар здравоохранения Каминский получил взыскание за то, что пытался защитить Левита²⁴².

Левит был арестован в мае 1937 года и умер в тюрьме. Ряд других видных биологов, Левицкий, Карпеченко и Говоров погибли, как и знаменитый Н. М. Тулайков, директор Института зерна, арестованный в 1937 и погибший в одном из Беломорских лагерей в 1938 году.

В области биологии, как и в политической сфере, второстепенные работники арестовывались в первую очередь, замыкая таким образом ловушку, приготовленную их начальникам. Самая крупная игра развернулась вокруг Н. И. Вавилова, крупнейшего ученого, специалиста по генетике и в свое время любимца Ленина. В 1935 году он вынужден был передать руководство Всесоюзной Академией Сельскохозяйственных Наук им. Ленина (ВАСХНИЛ) А. И. Муралову, ставшему зам. Наркома земледелия. Муралов был арестован 4 июля 1937 года; его заменил профессор Г. К. Мейстер. Но в начале 1938 года взяли и Мейстера, а Лысенко в результате злобной и грязной интриги стал во главе ВАСХНИЛ.

В начале 1940 года Вавилов оказался в затруднении в ходе спора о том, какую сельскохозяйственную политику следует применять в аннексированной части Финляндии. Последовала прямая стычка с Лысенко. В августе Вавилов был в поездке по Украине. Из Черновиц его внезапно вызвали в Москву и 6 августа арестовали. В протоколах по его делу (к которому ведущие биологи были допущены после падения Лысенко в 1964 году) находится письмо Берии Молотову как члену Политбюро, ведающему вопросами науки, требующее разрешения на арест Вавилова. Вавилова продержали одиннадцать месяцев под следствием, в ходе которого было свыше сотни допросов. Суд над ним состоялся 9 июля по обвинению в заговоре правых уклонистов, шпионаже в пользу Англии и т. п. Его приговорили к смерти, но не расстреляли. (По-видимому Берия, жена которого была биологом, не утвердил приговора).

Заслуженный биолог академик Н. Прянишников, вместе с братом Вавилова, академиком Сергеем Ивановичем (физиком), хлопотали перед Берией и Молотовым, тщетно пытаясь добиться его освобождения. Прянишников, по-видимому, обращался и к жене Берии, прося об улучшении тюремного режима и проявил беззаветное мужество, предложив Н. И. Вавилова кандидатом на Сталинскую премию 1941 года. Ученого держали между тем в Саратовской тюрьме. Он представился своим сокамерникам словами: «Перед вами, если говорить о прошлом, член Академии Наук Николай

Вавилов, теперь же, по мнению моих следователей, говно и больше ничего». Его почти год продержали, не выводя даже на прогулку, в камере смертников — подвальном помещении без окон. Тут его чуть не спасло избрание в 1942 году в члены Королевского Общества в Лондоне. Было, однако, уже поздно. Дистрофия зашла слишком далеко; он был уже доходягой и умер 26 января 1943 года. Его жена и сын были эвакуированы из осажденного Ленинграда в Саратов и в 1942 году жили не так далеко от тюрьмы, в которой он умирал. Но им было сказано, будто их муж и отец в Москве, и они так и не узнали, что он был близко²⁴³.

Триумф лысенковщины был, пожалуй, самым убедительным признаком интеллектуальной дегенерации партии, последовавшей после того, как в начале 30-х годов Сталин упразднил мыслящую часть руководства, заменив ее своими ставленниками вроде Митина и Мехлиса. Злым гением всей этой драмы был шарлатан И. И. Презент, который осуществил повсеместное внедрение теории Лысенко на практике, подведя под нее наукообразную базу, составленную из цитат классиков марксизма. Здесь нужно отдать справедливость Жданову: его Лысенко не смог полностью одурачить. Советская биология была окончательно уничтожена только к 1948 году — после политического поражения Жданова и его смерти. А между тем Лысенко с помощью чудовищных интриг и очковитирательства сохранял главенствующее и даже монопольное положение.

Развитие лингвистики также было поставлено в зависимость от косной, антинаучной доктрины. К концу 20-х годов учение Марра было принято в качестве марксистской линии (в других странах его полностью отвергли). В результате старые профессора попали в опалу, их книги исчезли, а в 1937-38 годах их стали арестовывать. Среди них оказался профессор Е. Д. Поливанов. В марте 1937 года его схватили, а 26 января следующего года он был расстрелян («погиб»). В результате, рукописи его затерялись и, когда в 1964 году приступили к изданию его работ, пришлось обратиться через газету «ко всем, кто может и хочет помочь в собирании и публикации материалов о Е. Д. Поливанове»²⁴⁴. В 1950 году, после террора, направленного против антимарристов, Сталин вдруг отошел от марризма и обрушился на его последователей за то, что они запугивали антимарристов и установили в своей науке «аракчеевский режим».

Но, пожалуй, самой ужасной была судьба советских писателей. Они находились между двух огней: с одной стороны

им был навязан «единственно правильный» творческий метод, а с другой — поставлены тематические рамки. Содержание их произведений находилось под самым тщательным присмотром. Как пишет Эренбург в четвертой книге своих воспоминаний, из 700 писателей, присутствовавших на первом съезде в 1934 году, только «может быть полсотни» дожили до второго съезда в 1954 году²⁴⁵. Даже если сделать скидку на естественную смертность (хотя, согласно протоколам Первого съезда писателей, средний возраст делегатов составлял 38,9 года, а 71% не было еще 40)²⁴⁶, эта цифра поразительна.

По словам Александра Солженицына в письме IV съезду писателей СССР, «мы узнали после XX съезда партии, что их было более шестисот — ни в чем не виновных писателей, кого Союз (Писателей) послушно отдал тюремно-лагерной судьбе». А имея в виду тех, кто не успел развернуть своего дарования, Солженицын добавляет: «однако, свиток этот еще длинней. . .»²⁴⁷. Молодой советский историк Р. Медведев считает, что в общем итоге носителей культуры погибло «более тысячи»²⁴⁸.

Началось сведение старых счетов. Один из даровитейших советских прозаиков Исаак Бабель служил в армии Буденного во время гражданской войны в Польской кампании. В 1924 году он опубликовал свой изумительнейший сборник рассказов из истории гражданской войны — «Конармия». Буденный яростно запротестовал. Он считал эти безжалостно точные зарисовки клеветой и предпочитал псевдогероичку военных корреспондентов. Бабеля защитил Горький, ценивший его талант. Это Бабель первым произнес на съезде писателей 1934 года слова о «героизме молчания» — они стали символом неблагонадежности и сопротивления режиму. Бабель был знаком с женой Ежова. Иногда он ходил к ней, хотя понимал, что это опасно, но ему хотелось, как он говорил, «разгадать загадку»²⁴⁹. Он был уверен, что «дело не в Ежове»²⁵⁰. В 1937 году его перестали публиковать и вскоре арестовали: в мае 1938 года на его даче в писательском поселке Переделкино. О его гибели в советской «Литературной энциклопедии» сказано только: «В 1937 году Бабель был незаконно репрессирован. Реабилитирован посмертно»²⁵¹.

Бабель не только лично оскорбил Буденного и пустил дурную славу о Первой Конной армии, откуда Сталин стал черпать кадры для высшего командования. Он даже, как говорят, необдуманно пошутил в адрес Генерального секретаря. Но этот поступок кажется незначительным по сравне-

нию с тем, что сделал Борис Пильняк — другой крупный, хотя и меньшего калибра, талант, рожденный революцией. Его «Голый год» посвящен жизни провинциального города в 1919 году. Писатель показывает, как в борьбе за хлеб насущный проявляется неуравновешенность, эксцентричность и богатство русского характера.

Еще в 20-х годах его имя оказалось связано с одним из самых загадочных преступлений, приписываемых Сталину. Весной 1924 года заместителем Наркома по военным делам был назначен М. Фрунзе. Он практически взял армию в свои руки. Троцкий, смещенный лишь в 1925 году, почти не оказал ему сопротивления. Симпатии Фрунзе были, видимо, на стороне группы Зиновьева-Каменева. В конце лета 1925 года он заболел и умер 31 октября того же года. В Москве ходили слухи, что по приказу ЦК, то есть Сталина, ему пришлось лечь на операцию, которая и стала причиной смерти. Если бы Фрунзе умер в 1936 или 1937 году, то возникновение таких слухов вполне можно было бы понять. Любопытно, что слух распространился так рано, когда Сталин не проявил еще себя с этой стороны. До того прецедентов не было.

Последние советские книги о Фрунзе проявляют повышенную чувствительность к этому делу. В новой биографии²⁵², изданной в 1962 году, подробно рассказывается о заключении врачей, которые заявили, что операция совершенно необходима, и не отходили от больного в последние дни его жизни. Биография написана В. Н. Петровым, военным историком, который в других работах занимает открыто враждебную позицию по отношению к казни генералов, предпринятой Сталиным. Возможно, что написанная им биография была основательно отредактирована перед публикацией. Но возможно, что она отражает веру в невиновность Сталина — даже со стороны людей, которые хотели бы знать правду.

Пильняк был до тех пор совершенно аполитичным писателем. Он заявлял, что ничего не смыслит в политике и, не будучи коммунистом, не может писать как коммунист. Но на основе разговоров о смерти Фрунзе он написал «Повесть непогашенной луны», предпослав ей подзаголовок «Смерть командарма». Герой повести — Гаврилов, известный командир Красной Армии, который возвращается в Москву по приказу начальства и узнает из газет, что ему предстоит операция. Раньше он страдал язвой желудка, но полностью вылечился. Он идет на встречу с «самым важным из трех», как говорится в книге, стоящих во главе партии, и получает

указание — лечь на операцию. Осмотрев его, врачи объявляют, что операция необходима. А потом, в частном разговоре, признаются, что это не так. Командарм умирает от повышенной дозы хлороформа. Повесть должна была появиться в «Новом мире», но в последнюю минуту номер конфисковали. В следующем номере редколлегии пришлось признать, что рекомендация к печати была ошибкой, и опубликовать письма читателей, в которых повесть объявлялась «злой клеветой на нашу партию». Но рукописные книги долго ходили по рукам, и в 1927 году книга вышла в Софии.

Ясно, однако, что человек, обладающий политическим чутьем, не написал бы «Повесть непогашенной луны». Возможно, что Пильняку посоветовал ее написать кто-нибудь из друзей, более глубоко вовлеченных в идейно-политическую борьбу. Во всяком случае, тогда дело было замято.

В 1929 году Пильняк стал председателем Всероссийского Союза писателей, по-настоящему творческой организации, которая сопротивлялась политическим интригам РАППа (Рабочей ассоциации пролетарских писателей). РАПП был основан в 1925 году, во главе его стоял Авербах — племянник жены Ягоды. Ассоциация имела целью установить идейно-бюрократический контроль над творчеством. Самоубийство Маяковского также частично приписывается травле со стороны рапповского руководства²⁵³. Перед лицом оппозиции лучших писателей и даже самого Горького РАПП распался. Позднее многие его члены также были репрессированы.

Предлогом для гонений на Пильняка послужило его последнее произведение — «Красное дерево». Сначала оно должно было появиться в Германии, а потом в России (это было распространенной практикой, связанной с использованием авторских прав). После немецкого издания книга была объявлена антисоветской, а публикация ее — белогвардейской провокацией. Пильняк попал в трудное положение и был готов пскориться судьбе. Одновременно начались нападки на Евгения Замятина, председателя ленинградского отделения Союза писателей. Его роман «Мы», послуживший моделью для «1984» Орвелла, был опубликован за границей при сходных обстоятельствах. Замятин смело потребовал права на выезд из страны, отказался идти на попятный и разоблачил всю систему «закручивания гаек» в литературе. Он заявил, что московское отделение вынесло резолюцию о Пильняке, не выслушав защиты. Приговор предшествовал расследованию. Замятин отказался быть членом организа-

ции, которая допускает такие вещи, и вышел из Союза. За Пильняка и Замятина вступился Горький. Он выступил со статьей в «Известиях», в которой писал о нетерпимой привычке выдвигать людей на ответственные посты, а потом смешивать их с грязью и с горечью указывал на карьеристов, набрасывающихся на человека, допустившего ошибку, в расчете, что его уберут и можно будет занять его место²⁵⁴.

Пильняку было предложено одуматься и заняться созданием просоветских произведений. Замятин был вознагражден за свою смелость — ему позволили выехать из СССР. Он принадлежал к немногим советским писателям, получившим хорошую марксистскую подготовку, и отвергал большевизм. Футуристы же, в том числе и Маяковский, восторженно, хотя и несколько абстрактно, приветствовали приход большевиков. Кстати, итальянские футуристы того времени с меньшим романтическим пылом относились к возникновению нового динамического движения — фашизма.

Пильняк начал писать конформистский роман «Волга впадает в Каспийское море». Ежов лично наблюдал за созданием этого романа и, прочитав его окончательный вариант, распорядился переписать около 50 страниц. Пильняк был глубоко подавлен и сказал Виктору Сержу (эта фраза приводится в мемуарах последнего): «В этой стране нет ни одного мыслящего взрослого человека, который не задумывался бы о том, что его могут расстрелять»²⁵⁵. И все же у него хватило мужества вступить за Сержу, когда того арестовали в 1933 году. В мае 1937 года В. Кирпотин выступил в «Правде» с резкими нападениями на Пильняка и заявил, что обвиненный в троцкизме критик Воронский подсказал Пильняку тему контрреволюционной «Повести о непогашенной луне»²⁵⁶. По-видимому Пильняка расстреляли как японского шпиона в 1938 или 1939 году²⁵⁷. Пильняк, действительно, побывал в Японии, так что эта версия выглядела правдоподобной.

Среди других крупных прозаиков, уничтоженных в тот период, — Пантелеймон Романов, автор «Трех пар шелковых чулок» и «Без черемухи»; Тарасов-Родионов; Артем Веселый; И. И. Китаев; С. Третьяков — автор знаменитой книги «Рычи, Китай!»; корреспондент «Правды» Михаил Кольцов, арестованный 12 декабря 1938 года по подозрению в том, что он агент лорда Бивербрука²⁵⁸, и 1 февраля 1940 года осужденный Ульрихом на десять лет заключения без права переписки²⁵⁹. Кольцов погиб, по-видимому, в 1949 году²⁶⁰. Среди репрессированных, которым удалось выжить, —

Юрий Олеша и Остап Вишня. Вишня, обвиненный в подготовке убийства Постышева и других руководителей партии, был освобожден в 1943 году и должен был осмеивать в печати тех, кто за рубежом протестовал против его предполагаемой ликвидации.

Поэзия и раньше была опасной профессией в Советском Союзе. Н. Гумилева, мужа Ахматовой, расстреляли по приказу Агранова еще в августе 1921 года. Он был обвинен в контрреволюции. В том же месяце не стало Блока, давно пережившего короткий период энтузиазма по отношению к Красной гвардии. Его здоровье было подорвано недоеданием. В 1925 году покончил с собой Есенин, а в 1930— Маяковский.

Теперь же были уничтожены многие другие ведущие советские поэты. Владимир Смиренский (Андрей Скорбный) получил в 1931 году 10 лет как член группы, которая занималась обсуждением политики — но только в применении к искусству²⁶¹. Мы не знаем, какие обвинения были предъявлены другим поэтам, уничтоженным в это время. Судя по всему, им редко ставились в вину «художественные преступления». Но вместе с тем, одна из заключенных познакомилась с поэтессой, сосланной в Карагандинские лагеря на 8 лет²⁶². Эта молодая поэтесса написала «Гимн свободе», который был квалифицирован как «призыв к террору». Шестнадцать украинских поэтов, начиная с Влысько, были казнены или умерли в лагерях между 1934 и 1942 годами. Большинство — в Соловецких лагерях и несколько — на Колыме. Об обвинении, предъявленном Николаю Клюеву и другим, ничего не известно. В своем лучшем произведении «Плач о Есенине»²⁶³ Клюев уже в 1926 году говорил: «Только б коснуться покоя . . .». Он провел три дня в «парной» ленинградского ОГПУ²⁶⁴ еще в 20-х годах, но был освобожден. После второго ареста в 1933 году его сослали в Сибирь. В августе 1937 года, отбыв срок ссылки, он выехал из Томска и исчез бесследно. Есть сведения, что он умер от сердечного приступа²⁶⁵.

Поэт Павел Васильев выступил в защиту Бухарина, назвав его «человеком высочайшего благородства и совестью крестьянской России». Это произошло во время суда над Пятаковым. Васильев обрушился на писателей, ставящих свои подписи под антибухаринскими выступлениями в печати. «Это порнографические каракули на полях русской литературы»²⁶⁶, — сказал он. 7 февраля 1937 года он пошел вместе с сыном хозяина квартиры побриться в парикмахерс-

кую. Дома осталась его жена Елена. О том, что произошло потом, мы читаем в «Литературной России» от 11 декабря 1964 года:

Через несколько минут юноша вернулся.

— Лена, Павла арестовали...

... На вопрос: нет ли среди арестованных Васильева? во всех тюрьмах отвечали одинаково:

— Нет. Васильев Павел Николаевич не значится.

Так прошли месяцы.

Научила какая-то женщина:

— А вы передачу приготовьте. Где примут, там и он. В одной из тюрем, действительно, передачу приняли. Больше того, сказали, что в другой раз можно придти 16 июля.

— Переведен в другое место,— ответил дежурный 16 июля. А через 20 лет, хлопоча о посмертной реабилитации мужа, Елена Александровна узнала, что именно 16 июля 1937 года не стало Павла Васильева²⁶⁷.

Ведущий грузинский поэт Яшвили «застрелился из ружья» 22 июля 1937 года²⁶⁸. Это произошло после ареста других литераторов Грузии, в частности его друга поэта Тициана Табидзе²⁶⁹. Табидзе исчез и только через семнадцать лет, после его реабилитации, сообщили его вдове, что он был расстрелян 16 декабря 1937 года. Армянский поэт Гурген Маари выжил в лагерях и в 1954 году вернулся в Ереван. Он рассказал о пережитом в журнале «Вопросы литературы»²⁷⁰:

«9 августа 1936 года ночью меня арестовали. Я не удивился. Месяц назад трагически погиб первый секретарь ЦК КП Армении Агаси Ханджян. В Доме писателей атмосфера была очень тяжелой».

Маари был уверен, что испытание скоро кончится — проверят и выпустят. Его даже не выводили на прогулку. Суд состоялся только через два года после заключения.

«... Заседает Военная коллегия Верховного суда Советского Союза. Я обвиняюсь в террористических действиях, в желании отделить Армению от Советского Союза и присоединить ее к лагерю империализма, я намеревался убить Берия...

Суд закрытый, суд в три минуты... Меня присудили к десяти годам лишения свободы. И опять Сианос (тюрем-

щик, который воспитывался в одном детдоме с Маари) сопровождает меня. На этот раз — в камеру приговоренных.

— Сколько дали? — спрашивает он шепотом.

— Десять лет.

— Слава Тебе, Господи. Легко отделался.

— Десять лет, — повторяю я.

— Третью ночь, как уводят, стреляют, — шепчет он...

Среди 40 заключенных камеры, в которую посадили Маари, было два архитектора, три писателя, четыре инженера, один народный комиссар, остальные — государственные служащие и партийные работники. Пессимисты думали, что сроки (10-25 лет) вынесены только для проформы и что на самом деле всех расстреляют. Но этого не случилось.

«В 1938 году осенью, ночью, нас набили в грузовые машины и, прикрыв брезентом, как запрещенный товар, доставили на вокзал. На вокзале было пусто, ни одной живой души — лишь военные».

Шесть первых месяцев заключенные провели в тюрьме города Вологды. А потом перевезли в Красноярск: «здесь кишела, копошилась большая армия заключенных, составленная из представителей многих народов Советского Союза. Особенно выделялись жители Средней Азии в своих ярких национальных одеждах». Строжайший медицинский осмотр определил, кому ехать дальше, в Норильск, а кому оставаться на месте. У одного из заключенных оказался кусочек зеркала, и Маари смог увидеть свое лицо — второй раз за три года. Он себя едва узнал.

В Норильске он познакомился с Эгертом, известным в свое время киноактером. Через некоторое время 200 заключенных перегнали в Новоивановский 3-й лагерный пункт. Они шли пешком. Позже большинство участников этого этапа погибло. Маари прожил там до 1947 года. Он дает в своих воспоминаниях сравнительные портреты начальников двух лагерей. Один «краснощекий, со злыми глазами, особенно не любил «интеллигентных сволочей» и посылал их на самые тяжелые работы». Другой «любил читать книги, был человеколюбив и заботлив, и значительно облегчал жизнь «интеллигентным сволочам», в том числе и мне».

После освобождения в 1947 году Маари не было разрешено печататься под своим именем. Его гражданские права не были восстановлены, а в 1948 году он был арестован снова. На этот раз камера «была полна военных, вернувшихся из плена. Они обвинялись в измене родине». В 1948-49 годах

Маари побывал в 9 тюрьмах девяти различных городов. Он попал в разряд «пожизненно ссыльных».

Ленинградский поэт Николай Заболоцкий был арестован 19 марта 1938 года по «ложному политическому обвинению»²⁷¹. Он много лет провел в лагерях на Дальнем Востоке, на Алтае и в Казахстане. После возвращения в Москву в мае 1946 года до конца жизни он тяжело страдал туберкулезом, начавшимся в лагерях.

Блестящая поэтесса Марина Цветаева уехала из СССР вскоре после революции. Ее муж, литературный критик Эфрон, сражавшийся в Белой армии, уже находился за границей. «В конце тридцатых годов он вернулся в Советский Союз, но был оклеветан, репрессирован и погиб». Их дочь уехала из Парижа на розыски отца и тоже была «оклеветана и репрессирована»²⁷². Он был казнен, а дочь была сослана в лагеря на 16 лет. В 1939 году вслед за ними поехала Марина Цветаева. 31 августа 1941 года, измученная долгими страданиями, поэтесса покончила с собой в городе Елабуге²⁷³.

Ее стихи, написанные со сверкающим мастерством, стали широко известны и распространялись в самиздате. Но несмотря на влияние и популярность в литературных кругах, Цветаеву не публиковали, потому что много ее стихотворений и в частности «Лебединый стан», сборник романтической лирики, связаны с трагедией Белой армии:

«Где лебеди?— А лебеди ушли.
А вороны?— А вороны остались».

И даже опубликование в 1957 году небольшого сборника ее наиболее безобидных стихов, это, по словам Солженицына, «первое робкое напечатание ослепительной Цветаевой было объявлено грубой политической ошибкой»²⁷⁴.

Другой большой поэт, Осип Мандельштам, был нервно больным человеком. В 1934 году его вызвали в НКВД по приказу самого Ягоды, допрашивали целую ночь и бросили в тюрьму. Говорят, что он написал эпиграмму на Сталина. Известно, что Пастернак умолял Бухарина вступить за поэта — это еще одно доказательство наивности Пастернака, (Вероятно, в этой связи Сталин позвонил Пастернаку и спросил: хороший ли поэт Мандельштам?). Другие писатели ходили к Енукидзе, все еще сохранявшему влияние. Возможно, что в то время, когда террор не развернулся еще в полную силу, подобное вмешательство могло облегчить

судьбу жертвы. Во всяком случае, Мандельштам был приговорен всего к трем годам ссылки за «заговорщическую деятельность». Отбывая срок в Чердыни недалеко от Соликамска, поэт попытался покончить с собой. Его жена обратилась в Центральный Комитет с просьбой о помиловании.

Тогда его перевели в Воронеж, где условия были лучше. В мае 1937 года он вернулся в Москву, но права на жительство не получил. 2 мая 1938 года Мандельштам был снова арестован, доставлен в Бутырку и приговорен Особым совещанием к 5 годам лагерей с отправкой на Дальний Восток. В пересыльном пункте недалеко от Владивостока, где заключенные ждали парохода на Магадан, Мандельштама избили уголовники и отняли у него еду. Потом его, уже полусумасшедшего, выбросили из барака, и он жил, как животное, выклянчивая корки у дверей. Мандельштама на время спас врач из Воронежа, работавший в лагере. Он поместил его в палату для душевнобольных, где поэт, вероятно, и умер 27 декабря 1938 года²⁷⁵. Вот как описал Мандельштам свою эпоху, свое время:

«И еще набухнут почки,
Брызнет зелени побег,
Мой прекрасный жалкий век.
И с бессмысленной улыбкой
Вспять глядишь, жесток и слаб,
Словно зверь, когда-то гибкий,
На следы своих же лап»²⁷⁶.

Аресты производились на основании так называемых «объективных данных». А это означало, что выбор мог пасть на кого угодно — предугадать судьбу было невозможно. Эренбург пишет в воспоминаниях, что его зять Борис Лапин пытался обосновать аресты писателей в 1937 году следующим образом:

«Пильняк был в Японии; Третьяков часто встречался с иностранными писателями; Павел Васильев пил и болтал; Бруно Ясенский — поляк, польских коммунистов всех забрали; Артем Веселый был когда-то «перевальцем»; жена художника Шухаева была знакома с племянником Гогоберидзе . . .»²⁷⁷.

Судьба литературных чиновников и всех, кто был связан с идейно-политическими спорами, находилась в прямой зависимости от политической конъюнктуры. Попытка рапповцев установить контроль над литературой потерпела провал

в 1932 году, но они остались на свободе. У Авербаха была «рука» — Ягода приходился дядей его жене. Вскоре после ареста Ягоды Авербаха вместе с другими писателями обвинили в троцкизме. В эту группу входили Карев (раньше он примыкал к зиновьевцам, которых ликвидировали без суда)²⁷⁸, Киршон, польский поэт Бруно Ясенский, литературный критик князь Дмитрий Святополк-Мирский. Было объявлено, что все они находились под покровительством Ягоды. Святополк-Мирский, убежденный коммунист, вернулся в Россию из Англии, но продержался на свободе недолго. В апреле 1937 года он уже фигурировал как «мерзкий врангелевец и белогвардейский офицер»²⁷⁹. Согласно имеющимся данным, он помешался и умер в сибирском лагере. 15 мая 1937 года «Литературная газета» сообщила об исключении из партии Киршона — к этому времени вся группа, должно быть, уже была арестована. Киршон был тесно связан с политикой — знаменательно, что его расстреляли в тот день (в 1938 году), когда состоялась казнь над политическими деятелями и военными. Их старый коллега по РАППу Владимир Ермилов спас свою шкуру тем, что выступил главным свидетелем против арестованных.

В литературных кругах, как и везде, были свои доносчики и жертвы, трусы и проходимцы. Пастернак отказался подписать документ, одобряющий казнь генералов. Отказался, чтобы остаться честным перед самим собой, — но его имя все равно было внесено в список. А Яков Эльсберг, автор нескольких книг о Герцене, Щедрина и т. д., стал выдавать всех подряд, чтобы смыть пятно с репутации: он был раньше секретарем Каменева. Среди творческой интеллигенции СССР широко распространено мнение, что Н. В. Лесючевский написал доносы на поэтов Бенедикта Лившица и Бориса Корнилова, расстрелянных в 1937 году, на писательницу Елену Тагер, которая провела много лет в лагерях, и на Николая Заболоцкого.

Во время «оттепели» 1962 года московской писательской организации удалось добиться исключения Эльсберга на том основании, что в 30-х годах он был доносчиком. Одновременно был поднят вопрос о Лесючевском, но дело замяли. К концу 1962 года московская организация оказалась на короткое время в руках либерального руководства. Писатели проголосовали за повторное рассмотрение дела Лесючевского, но опять безуспешно²⁸⁰. Такие люди, как он, остались, а честный сталинист Фадеев, пытавшийся спасти

некоторых своих политических врагов, застрелился в 1956 году, когда был разоблачен его покровитель.

Кроме агентов тайной полиции, были люди, которые просто продались Сталину. Например, Алексей Толстой, написавший, что «Ставрогин Достоевского был типичным потенциальным троцкистом». Он сделал карьеру наемного писаки. Другие мирились с истреблением своих коллег, считая, что так и надо. Сурков, например, заявил: «Я видел, как мои друзья, писатели, исчезали прямо на глазах. Но тогда я считал, что это необходимо, что этого требует революция»²⁸¹.

Отдельные виды искусства пострадали приблизительно одинаково. Дирижера Миколодзе расстреляли в 1937 году²⁸². В лагерях было много актеров — Ширин, О. Щербинская, З. Смирнова, много музыкантов и танцовщиков. Ширин был сослан за то, что сказал: «Не кормите нас советской соломой, дайте нам играть классиков!»²⁸³. Е. Гинзбург пишет о балерине, которая пришла на ужин, устроенный ее иностранными поклонниками, и была осуждена по статье 58²⁸⁴.

Известная Наталия Сац, создательница Московского Детского театра, была женой Тухачевского. Ее арестовали в 1937 году и отправили в лагерь Рыбинск. Она осталась жива и вышла на свободу.

Но самой огромной утратой советского театра был Всеволд Мейерхольд. В начале 1938 года появилось короткое постановление «О ликвидации театра им. Вс. Мейерхольда», в котором Комитет по делам искусств «признал, что театр... скатился на чуждые советскому искусству позиции». В конце постановления сказано, что «вопрос о возможности дальнейшей работы Мейерхольда в области театра обсудить особо»²⁸⁵. 14 июня 1939 года Мейерхольду, как рассказывает художник Анненков, — «было предложено выступить с самокритикой на всесоюзном съезде театральных режиссеров под председательством довольно своеобразного режиссера, режиссера человеческой мясорубки Андрея Вышинского»²⁸⁶. Мейерхольд выслушал критику и смело перешел в контрнаступление:

«Там, где недавно творческая мысль была ключем, где люди искусства в поисках, ошибках, часто оступаясь и сворачивая в сторону, действительно творили и создавали — иногда плохое, а иногда и великолепное, там, где были лучшие театры мира, — там царит теперь, по вашей милости, уныние и добропорядочное среднеарифметическое, потрясающее и убивающее своей бездарностью. К этому вы

стремитесь? Если да,— о, тогда вы сделали страшное дело. Желая выплеснуть грязную воду, вы выплеснули с ней и ребенка. Охотясь за формализмом, вы уничтожили искусство!»²⁸⁷.

На следующий день Мейерхольд был арестован. «Театральная энциклопедия» датирует его смерть 2 февраля 1940 года; «Малая советская энциклопедия» дает другую дату: 17 марта 1942 года²⁸⁸. (О жертвах НКВД советские официальные источники часто дают противоречивые сообщения, как читатель уже видел в главе об участии командного состава советской армии и флота — Егорова, Дыбенко и др.). Его жену Зинаиду Райх, которая раньше была женой Есенина, через несколько дней нашли в квартире мертвой: ей было нанесено семнадцать ножевых ран и выколоты глаза. Обстоятельства ее смерти до сих пор неизвестны, и расследования проведено не было²⁸⁹.

Театр Мейерхольда погиб раньше, чем его создатель. За исчезновением автора следовало исчезновение или переименование всего, что он сделал. После ареста скульптора Кратко его работы исчезли из музеев и галерей. После ареста авиаконструктора А. Н. Туполева пришлось «перекрестить» самолет АНТ. Арестованный в 1937 году, Туполев, по совету Муклевича, признал себя виновным, чтобы избежать истязаний²⁹⁰. И он, и его жена были впоследствии освобождены²⁹¹. Один бывший заключенный рассказывает о физике, который написал работу в соавторстве с четырьмя другими учеными и докладывал о ней в Академии Наук. Его посадили, и работа была опубликована в научных журналах под двумя именами — тех, кто остался на свободе²⁹². «Крамольные» произведения пропадали в архивах НКВД. Те, что не были уничтожены, вероятно, все еще хранятся там, включая последние дневники Горького и стихи Марины Цветаевой.

В результате проведения такой политики в области искусства и литературы яркая передовая культура была сведена до уровня затхлого конформизма. Но мы не ставили себе целью рассмотреть общие последствия этого процесса. Мы лишь привели несколько иллюстраций того, какими методами были уничтожены творческие умы России — несколько эпизодов, несколько имен. Однако в их числе есть величайшие имена русской истории XX века.

В 1961 году в докладе, прочитанном на собрании актива партийной организации Грузии, В. П. Мжаванадзе задал риторический вопрос о том, «сколько погибло в Грузии выдаю-

щихся писателей, художников, ученых и инженеров, без всякого законного основания репрессированных, подвергшихся пыткам, сосланных или расстрелянных?»²⁹³. Вопрос вполне можно отнести к Советскому Союзу в целом.

Судьба тех, о ком мы коротко рассказали, лишь одно из свидетельств уничтожения духа.

ГЛАВА 9

1. Б. Пастернак, «Сочинения», т. II, Ann. Arbor, Univ. of Michigan, 1961, стр. 52.
2. А. Пушкин, «Капитанская дочка», гл. 13.
3. Б. Пастернак, «Доктор Живаго», Изд. Фельтринелли, Милан, 1958, стр. 586-7.
4. См. *Daily Mail*, 24 окт. 1958.
5. Илья Эренбург, Собр. соч., т. 9, Москва, 1967, стр. 187 («Люди, годы, жизнь», кн. 4, гл. 28).
6. Kravchenko, *I Chose Freedom*, p. 211.
7. Илья Эренбург, Собр. соч., т. 8, Москва, 1966, стр. 441 («Люди, годы, жизнь», кн. 3, гл. 39).
8. Михаил Демин в «Москве» № 4, 1965 («Посмотри мне в глаза») (Любопытно, что автор рассказа Мих. Демин в 1968 году попросил политического убежища во Франции).
9. «Більшовик України», № 1, 1938, стр. 53.
10. «Вісті», 23 мая 1938.
11. Там же, 17 июня 1938.
12. Там же, 14 февр. 1938.
13. XVIII съезд ВКП[б], стенограф. отчет, Москва, 1939, стр. 521 (доклад А. А. Жданова).
14. Beck and Godin, *Russian Purge and the Extraction of Confession*, pp. 166-171.
15. Там же, стр. 143; см. также замечательное описание сексотов, которому посвящена глава 7 книги Василия Гроссмана «Все течет», Франкфурт-на-Майне, 1970, стр. 59-71.
16. Там же, стр. 174-9.
17. Kravchenko, *I Chose Freedom*, p. 448.
18. Weissberg, *Conspiracy of Silence*, p. 364.
19. Эренбург, Собр. соч., т. 9, стр. 188 («Люди, годы, жизнь», кн. 4, гл. 28).
20. См. там же, стр. 189.
21. Хрущев, Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 22.
22. Brzezinski, *The Permanent Purge*, p. 205.
23. «Дело Бухарина», стр. 302.
24. Подробные сведения о ней на основании документации, захваченной во время войны 1941-45 гг., можно найти в *Lithuanian Bulletin*, New York, vol. III-VIII, 1945-50.

25. См. Отчет Мандатной комиссии XIX съезда КПСС (опубликован также в «Правде» 9 окт. 1952 г.).
26. См. Ордера 001233 и 0054 в *Lithuanian Bulletin* и в *The Dark Side of the Moon*, pp. 50-51.
27. Б.Пастернак, «Доктор Живаго», стр. 582.
28. И.Эренбург, Собр. соч., т. 9, стр. 185-6 («Люди, годы, жизнь», кн.4, гл. 28.)
29. Fisher, *Men and Politics*, p. 409.
30. Beck and Godin, pp. 88-89.
31. См. John A. Armstrong, *Ukrainian Nationalism*, New York, 1963, p. 274.
32. А. Т. Стученко, «Завидная наша судьба», стр. 65.
33. См. Beck and Godin, p. 88; См. также Гинзбург, «Крутой маршрут», стр. 28.
34. Ekart, *Vanished Without a Trace*, p. 283.
35. И. Стаднюк, «Люди не ангелы», в журнале «Нева», № 12, 1962, стр. 96.
36. См. Н. В. Жогина в «Советском государстве и праве», № 3, 1965, стр. 24 («Об извращениях Вышинского»).
37. См., напр., «Тихоокеанская звезда», 9 мая 1937.
38. «Социалистик Казахстан», 23 ноября 1937.
39. «Кизил Узбекистан», 11 ноября 1937.
40. «Советская Киргизия», 11 января 1938.
41. «Кизил Узбекистан», 17 января 1938.
42. А. Авторханов в «Посеве», 24 дек. 1951 («Покорение партии») (Он же, Uralov, *The Reign of Stalin*, p. 140; см. также А. Авторханов, «Народоубийство в СССР», Мюнхен, 1952).
43. Горбатов, «Годы и войны», стр. 126.
44. БСЭ, 1-ое изд., т. 46, Москва, 1940, стр. 667 (статья «Правосудие»).
45. «Исправительно-Трудовой Кодекс РСФСР», принятый ВЦИК СНК 1 авг. 1933, статья 45.
46. Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 175.
47. Beck and Godin, p. 132.
48. Анна Ахматова, «Сочинения», Изд. Международного литературного содружества, 1965, т.1, стр. 353.
49. Там же.
50. Там же, стр. 361.
51. См. «Новый мир», № 12, 1961, стр. 195 (переписка А. А. Фадеева).
52. Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 192.
53. Там же, стр. 192-4.
54. Горбатов, стр. 131.
55. См., напр., А. И. Солженицын, Собр. соч., т. 3, Франкфурт-на-Майне, 1969, стр. 184, 214-15 («В круге первом»).
56. Иванов-Разумник, «Тюрьмы и ссылки», стр. 242.
57. Напр., Buber-Neumann, *Als Gefangene bei Stalin und Hitler*, s. 33.
58. Elinor Lipper, *Elf Jahre in Sowjetischen Gefängnissen und Lagern*, Zürich, 1950, s.11.
59. Иванов-Разумник, стр. 388.
60. Weissberg, *Conspiracy of Silence*, p. 89.
61. Beck and Godin, p. 66.
62. Buber-Neumann, s. 37.
63. Там же, стр. 40.
64. Там же, стр. 140.
65. Иванов-Разумник, «Тюрьмы и ссылки», стр. 245.
66. Beck and Godin, p. 59.
67. Там же, стр. 65.

68. Kravchenko, *I Chose Justice*, pp. 155-6.
69. Yozsef Lengyel, *From Beginning to End*, Eng. ed., London, 1966, p. 15.
70. Herling, *A World Apart*, p. 9.
71. См. «Дело Бухарина», стр. 233.
72. Иванов-Разумник, стр. 387.
73. Buber-Neumann, s. 38, s.45.
74. Weissberg, p.
75. Иванов-Разумник
76. Гинзбург, стр. 241.
77. Beck and Godin, p. 62, Иванов-Разумник, стр. 352.
78. Гинзбург, стр.247; см. также Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 253; Иванов-Разумник, стр. 365.
79. Lermolo, pp. 163-4.
80. Weissberg, p. 421.
81. Там же, стр. 432.
82. Beck and Godin, p. 60.
83. См., напр., Гинзбург, стр. 73.
84. См. Lermolo, pp. 191-2.
85. Гинзбург, стр. 197.
86. Beck and Godin, p. 65.
87. Иванов-Разумник, стр.349
88. Lipper, s. 11.
89. Горбатов, стр. 135.
90. Buber-Neumann, p. 40.
91. Там же, стр. 58.
92. Lipper, s. 29; Гинзбург, стр. 162.
93. Иванов-Разумник, стр. 382.
94. Личная информация автора; см. также Солженицын, Собр. соч., т 3, стр. 207 («В круге первом»).
95. Herling, p. 9.
96. Weissberg, p. 89.
97. Гинзбург, стр. 106.
98. См. *Трубуна Луду*, 23 ноября 1961.
99. Напр., Herling, p. 105.
100. Weissberg, pp. 447-51.
101. Напр., Beck and Godin, p. 45.
102. Там же, стр. 87.
103. Weissberg, p. 285.
104. Ekart, *Vanished Without a Trace*, p. 204.
105. Иванов-Разумник, стр. 343.
106. Beck and Godin, p. 118.
107. Там же, стр. 119.
108. Там же, стр. 46.
109. Buber-Neumann, s. 38.
110. Kravchenko, *I Chose Justice*, pp. 189-90.
111. Beck and Godin, p. 114.
112. Там же, стр. 154.
113. Kravchenko, *I Chose Justice*, pp. 161-2.
114. Weissberg, p. 326.
115. Beck and Godin, p. 114.
116. Там же, стр. 154.
117. Kravchenko, *I Chose Justice*, pp. 161-2.
118. Weissberg, pp. 350-1.
119. Buber-Neumann, s. 125-6.
120. «Безбожник», № 7, 1937.

121. Ф. О. Олещук, «Борьба церкви против народа», Москва, 1939, стр. 85-6.

122. Там же, стр. 65.

123. Там же, стр. 87.

124. Там же, стр. 55.

125. Там же, стр. 61.

126. См. XXII съезд КПСС, т. III, стр. 152 (выст. Сердюка).

127. Brzezinski, p. 229.

128. Buber-Neumann, s. 43.

129. Lermolo, p. 202.

130. Там же, гл. XVIII, стр. 198-203; Buber-Neumann, s. 41-42.

131. Orlov, pp. 226-7.

132. Там же, стр. 227-8.

133. Lipper, s. 26-29.

134. Weissberg, pp. 407-8; см. также Иванов-Разумник, стр. 354.

135. Orlov, p. 251; см. также «Советская Сибирь», 17 и 21-4, 1939.

136. Л. Петровский в открытом письме ЦК КПСС 5 марта 1969 («Самиздат»).

137. Lipper, s. 66.

138. XXII съезд КПСС, т. III, стр. 114.

139. Сталин, Собр. соч., т. XIV, Станфорд, 1967, стр. 214 (Доклад на Пленуме ЦК ВКП[б] 3 марта 1937: «О недостатках партийной работы и мерах ликвидации троцкистских и иных двурушников»).

140. «Итоги всесоюзной переписи населения 1959 года», т. I, Москва, 1962, стр. 161-4.

141. Ekart, p. 156.

142. Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 288.

143. Уголовный кодекс РСФСР, Ст. 59, пункт 3в. См. Уголовное законодательство СССР и Союзных Республик — Сборник (основные законодательные акты) под ред. профессора Д. С. Карева, Москва, 1957, стр. 51.

144. XXII съезд КПСС, т. II, стр. 497 (выст. Б. П. Бещева).

145. Там же, т. II, стр. 215.

146. Там же.

147. Kravchenko, *I Chose Justice*, Chap. 9.

148. Beck and Godin, p. 99.

149. Lengyel, p. 14.

150. Buber-Neumann, s. 49-50.

151. Иванов-Разумник, стр. 327-334.

152. Гинзбург, стр. 81.

153. См., напр., Горбатов, стр. 129.

154. Ciliga, p. 141.

155. См., напр., Beck and Godin, p. 47.

156. Там же, стр. 57.

157. Там же, стр. 145.

158. Там же, стр. 147.

159. Buber-Neumann, s. 64.

160. Weissberg, p. 281.

161. Гинзбург, стр. 123.

162. Там же, стр. 160.

163. Хрущев, Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 29.

164. Weissberg, p. 241.

165. Н. В. Жогин в «Советском государстве и праве» № 3, 1965 («Об извращениях Вышинского»).

166. Kravchenko, *I Chose Justice*, pp. 177-9.

167. Beck and Godin, p. 101.

168. Arthur Koestler, Предисловие к книге Вайсберга, *Conspiracy of Silence*.
169. Beck and Godin, p. 102.
170. Там же.
171. Arthur Koestler, в сборнике *The God That Failed*, London, 1950, p. 77.
172. Beck and Godin, p. 46.
173. Там же.
174. Гинзбург, стр. 159.
175. Борис Дьяков в «Октябре» № 7, 1964 («Повесть о пережитом»).
176. Weissberg, p. 231.
177. Там же, стр. 368-9.
178. Beck and Godin, p. 47.
179. Там же, (с другой стороны, Йожеф Лендьел [Lengyel, pp. 92-3] пишет, что он может припомнить «гуманных охранников» и «порядочных комендантов», все без исключения следователи «были омерзительны». Это небольшое расхождение отражает, вероятно, постепенное ожесточение НКВД).
180. Иванов-Разумник, стр. 281-2.
181. Buber-Neumann, s. 66.
182. «Известия», 6 сентября 1964: А. Левкович, «Об этом нельзя забыть».
183. «Казахстанская правда», 17 янв. 1965: Г. Аксельрод, «Верность чекиста».
184. Гинзбург, стр. 63.
185. Там же, стр. 171-2.
186. «Сорок лет советского права», Ленинград, 1957, т. II, стр. 486.
187. См. Пионтковский и Меньшагин, «Курс советского уголовного права», Москва, 1955, стр. 173.
188. См. А. А. Герцензон, В. Д. Меньшагин, Б. С. Ошерович, А. А. Пионтковский, «Уголовное право, Особенная часть. Государственные преступления». Юридическое издательство НКЮ СССР, Москва, 1938, стр. 95-110: «Постановление ЦИК и СНК Союза ССР «Об охране имущества государственной (социалистической) собственности», (СЗ, 1932 г., № 62, стр. 360), принятое 7 августа 1932 года»; см. также «Сорок лет советского права», т. II, стр. 485-504; см. также Пионтковский и Меньшагин, стр. 189 и сл. (гл. о саботаже).
189. Н. В. Жогин в «Советском государстве и праве», № 3, 1965, стр. 23-24.
190. Там же, стр. 24.
191. Там же, стр. 28.
192. Там же, стр. 28.
193. Lipper, p. 46.
194. Wolin and Slusser, *The Soviet Secret Police*, p. 186.
195. V. Petrov, *It Happens in Russia*, p. 64.
196. Wolin and Slusser, p. 188.
197. Гинзбург, стр. 135-6.
198. Там же, стр. 113.
199. Wolin and Slusser, p. 182.
200. См. Kulski, *The Soviet Regime*, Syracuse, 1954, pp. 233-4.
201. См. примеры в книге Wolin and Slusser, *Police*.
202. Н. В. Жогин в «Советском государстве и праве» № 3, 1965, стр. 27.
203. Там же.
204. Примеры см. в книге Wolin and Slusser, см. также Lipper, стр. 33.
205. Уголовный кодекс РСФСР, Общая часть.
206. Wolin and Slusser, p. 191.

207. Иванов-Разумник, стр. 351.
208. Там же, стр. 350.
209. V. and E. Petrov, *Empire*, p. 89.
210. Wolin and Slusser, p. 134.
211. «Законы СССР», 1937, 61:266.
212. Гинзбург, стр. 76.
213. А. Авторханов в «Посеве» 24 дек. 1951 («Покорение партии»); он же, Uralov, p. 147.
214. Beck and Godin, p. 72.
215. XXII съезд КПСС, т. III, стр. 114.
216. См. Жогин в «Советском государстве и праве», № 3, 1965, стр. 27.
217. V. and E. Petrov, *Empire of Fear*, p. 71.
218. Kravchenko, *I Chose Justice*, pp. 281-2.
219. Beck and Godin, p. 46.
220. Weissberg, p. 286.
221. Там же, стр. 288-9.
222. Fitzroy MacLean, *Eastern Approaches*, London, 1949, pp. 40-41.
223. Гинзбург, стр. 141-2.
224. Weissberg, p. 414.
225. Beck and Godin, p. 49.
226. Weissberg, p. 414.
227. XXII съезд КПСС, т. II, стр. 216 (выступление Н. М. Шверника).
228. См. «Правду» 21 апреля 1937.
229. «Дело Пятакова», стр. 163 англ. изд.; в русском изд. пропущено.
230. Там же, стр. 94 англ. изд.; в русском изд. пропущено.
231. Там же, стр. 217 англ. изд.; стр. 94 русского изд.
232. Kravchenko, *I Chose Justice*, Chap. 11.
233. Beck and Godin, p. 154.
234. Там же, стр. 149-65.
235. А. К. Кучкин в «Вопросах истории КПСС» № 1, 1965 («В. Г. Сорин»).
236. Beck and Godin, p. 29.
237. Там же, стр. 37.
238. Weissberg, pp. 359-60.
239. Там же.
240. См. «Комсомольскую правду» 8 июня 1965.
241. «Неделя» (приложение к «Известиям») 3-9 ноября 1963.
242. New York Times, 27 декабря 1936.
243. Подробности о Н. И. Вавилове даны в книге Ж. А. Медведева (Zhores A. Medvedev, *The Rise and Fall of T. D. Lysenko*, New York, 1969). На русском языке из этой работы напечатаны только большие отрывки (около 120 страниц) в №№ 70 и 71, 1969, журнала «Грани» (Франкфурт). Немало материала имеется и в опубликованной в СССР книжке С. Резника «Николай Вавилов». Впрочем, как сообщает «Хроника» № 10, книжка эта изъята снова из обращения.
244. «Правда Востока», 5 сент. 1964, статья Л. Леонтьева «Е. Д. Поливанов, его слово и слово о нем».
245. Эренбург, Собр. соч., т. 9, стр. 36 («Люди, годы, жизнь», кн. 4, гл. 7).
246. См. Протоколы I съезда Советских Писателей, Москва, 1934; см. также IV съезд писателей СССР, стеногр. отчет, Москва, 1967, стр. 173 (выступление М. Шолохова).
247. А. Солженицын, Собр. соч., Франкфурт-на-Майне, 1970, т. 6, стр. 10.
248. Рой Медведев, стр. 43.
249. Эренбург, Собр. соч., т. 9, стр. 189-190 (кн. 4, гл. 28).

250. Там же.
251. Краткая литературная энциклопедия, т. 1, стр. 387.
252. Ф. Н. Петров, «М. В. Фрунзе», Москва, 1962.
253. МСЭ, 2-ое изд., т. 5, Москва, 1959, стр. 1064 (Статья «Маяковский»).
254. См. Max Hayward in Survey, № 36, April-June, pp. 85-91.
255. Victor Serge, *Memoirs d'un revolutionnaire*, p. 291.
256. См. «Правду» 17 мая 1937 (статья «Троцкистская агентура в литературе»).
257. См. Эренбург, Собр. соч., т. 9, стр. 179 («Люди, годы, жизнь», кн. 4, гл. 28). См. также Иванов-Разумник, «Тюрьмы», стр. 252, стр. 346.
258. Orlov, p. 196.
259. Б. Ефимов, «Михаил Кольцов, каким он был», стр. 75.
260. Краткая литературная энциклопедия, т. 3, Москва, 1966, стр. 676 указывает дату смерти 4 апреля 1942; см. также Энциклопедический словарь, т. 1, стр. 516.
261. Wolin and Slusser, p. 187.
262. Buber-Neumann, s. 109.
263. См. Николай Ключев, «Сочинения», Мюнхен, 1969, т. II, стр. 323.
264. Иванов-Разумник, стр. 270.
265. См. Р. Иванов-Разумник, «Писательские судьбы», Нью-Йорк, 1951, стр. 36-37; см. также вводную статью Б. Филиппова к книге: Н. Ключев, «Сочинения», Мюнхен, 1969, т. 1, стр. 151-2.
266. См. «На рубеже», № 3/4, 1952.
267. Людмила Бондина: «Неуемною песней звенеть...» в «Литературной России», № 50, 11 декабря 1964.
268. Эренбург, Собр. соч., т. 9, стр. 183 («Люди, годы, жизнь», кн. 4, гл. 28).
269. См. Энциклопедический словарь, т. 2, Москва, 1964, стр. 473.
270. Гурген Маари в «Вопросах литературы», т. II, 1964, («Пережитое», стр. 102-107).
271. См. Н. А. Заболоцкий, «Стихи и поэмы», Москва, 1965, стр. 37.
272. «Новый мир», № 4, 1966, стр. 223, статья Павла Антокольского: «Книга Марины Цветаевой».
273. См. вводную статью В. Орлова к книге «Марина Цветаева», Избранные произведения, Ленинград, 1964.
274. А. Солженицын, Собр. соч., т. 6, стр. 8 (Письмо IV съезду СП).
275. См. вводную статью Глеба Струве к тому 1, Собр. соч. О. Мандельштама, Изд. Международного Литературного Содружества, 1964, стр. LXXIII-LXXIV.
276. О. Мандельштам, Собр. соч. под ред. Г. П. Струве и Б. А. Филиппова, Вашингтон, т. 1, стр. 103.
277. Эренбург, Собр. соч., т. 9, стр. 183 («Люди, годы, жизнь», кн. 4, гл. 28).
278. «Литературная газета», 20 апреля 1937.
279. Там же, 26 апреля 1937.
280. Анализ «борьбы с культом» в литературных кругах дается в книге Priscilla Johnson, *Khrushchew and the Arts*, Cambridge, Mass, 1965; см., в частности, стр. 13-14.
281. «Младост» (Белград), 2 октября 1957.
282. «Заря Востока», 28 июня 1963.
283. Dallin and Nicolaevsky, *Forced Labor*, p. 22.
284. Гинзбург, стр. 361.
285. «Правда», 8 января 1938.
286. Юрий Анненков, «Дневник моих встреч», Изд. Международного Литературного Содружества, т. II, 1965, стр. 97.

287. Там же; см. также Nicolai A. Gorchakov, *The Theatre in Soviet Russia*, New York, 1957, p. 364.

288. Театральная энциклопедия, т. 3, Москва, 1964 (Статья «Мейерхольд»); МСЭ, 2-ое изд., т. 5, стр. 1118 (Статья «Мейерхольд»).

289. Ю. Анненков, «Дневник моих встреч», т. II, стр. 98; см. также Dallin and Nicolaevsky, *Forced Labor*, p. 123.

290. Иванов-Разумник, «Тюрьмы и ссылки», стр. 280. О деятельности Туполева в заключении есть подробное свидетельство А. Шарагина «Туполевская шарага», Франкфурт-на-Майне, 1971.

291. Brzezinski, p. 299.

292. Beck and Godin, p. 33.

293. «Заря Востока», 19 ноября 1961.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

ВО ГЛУБИНЕ ...

Во глубине сибирских руд...

Пушкин

Уделом тех счастливых, что избежали высшей меры, был ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь.

«Исправительно-трудовой кодекс» тех лет перечислял три вида лагерей:

1. Исправительно-трудовые колонии, в которых «лишенные свободы» преступники подлежали «трудовому перевоспитанию» (статья 33).

2. Исправительно-трудовые лагеря массового типа, в том числе и расположенные в «отдаленных районах» и предназначенные для «социально-опасных элементов», содержащихся в условиях более «строгого режима» (статья 34).

3. Штрафные лагеря для «строгой изоляции» тех, кто ранее содержался в других «местах лишения свободы» и уличен в повторных нарушениях режима (статья 35).

Лагеря первой категории заполнялись главным образом людьми, осужденными за мелкие служебные проступки, а также неопасными воришками. Все осужденные по статье 58 либо приговоренные Особым совещанием (ОСО) сразу же направлялись в лагеря второй категории.

ИТЛ были одной из главных опор всей сталинской системы. А сокрытие от внешнего мира подлинной сути исправительно-трудовых лагерей было одним из крупнейших сталинских достижений.

Ибо к концу сороковых годов на Западе уже имелись потрясающие и подробные свидетельства о лагерях. За границу попадали тысячи бывших узников ИТЛ, и их согласующиеся между собой рассказы подкреплялись солидной документацией. Так в книге Д. Далина и Б. Николаевского «Принудительный труд в советской России» были приведены

фотокопии множества бланков, форм и писем. Красноречивым документом был и сам «Исправительно-трудовой кодекс РСФСР», в 1949 году представленный делегацией Великобритании в ООН для ознакомления делегатов. И тем не менее, интеллектуальные круги Запада находили возможным не верить всем этим материалам и присоединяться к инспирируемым Советским Союзом кампаниям по «разоблачению клеветы».

Действительно, длительное время имела хождение иная, советская версия событий. Правда, гласила эта версия, в Советском Союзе имеются исправительно-трудовые заведения, но исключительно полезного типа. Их деятельность отражалась в таких произведениях, как, скажем, пьеса Н. Погодина «Аристократы», показывающая «перековку» преступников трудом на Беломорканале и в других местах. Погодин показывает бандитов, воров и инженера-вредителя, перевоспитанных трудом. К перевоспитанному инженеру, с энтузиазмом работающему над проектом, приезжает его старушка-мать. Добрый начальник лагеря предоставляет в ее распоряжение свой автомобиль; она не нарадуется здоровому виду сына. Один вор рассказывает, как здорово его перевоспитали, а другой поет: «Я вновь рожден, хочу я жить и петь!»

Ну, а что касается «вражеских свидетельств», то они, по советской версии, исходили в основном от людей, считавших свое заключение в лагерь несправедливым и превратившихся в противников сталинского режима. Поэтому они «антисоветчики», поставщики «антисоветской пропаганды». Такая позиция, разумеется, позволяла отметить любые фактические сведения.

В предисловии к книге Герлинга о советских лагерях знаменитый английский философ Бертран Рассел писал: «Эта книга заканчивается письмами видных коммунистов о том, что таких лагерей не существует в природе. Авторы писем и те попутчики, которые позволяют себе доверять их письмам, несут свою долю ответственности за почти невыносимые ужасы, обрушившиеся на миллионы несчастных, медленно умерщвляемых каторжным трудом и голодом в условиях полярной стужи. Попутчики, отказывающиеся верить свидетельствам таких книг, как написанная Герлингом, безусловно лишены гуманности. Ибо если бы у них оставалась хоть какая-то доля гуманности, то они не стали бы просто отмечать свидетельства, а постарались бы в них разобраться»¹.

Как верно отметил Рассел, несчастных было именно миллионы. До сих пор не было, однако, ни одного официального советского признания по этому пункту — о семизначных числах. Опубликование повести А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича» и различных мемуаров бывших лагерников подтверждают, что столь долго оспаривавшиеся на Западе свидетельства о лагерях скрупулезно точны. Однако это относится к характеру лагерной системы и не характеризует — или недостаточно отчетливо характеризует — ее масштабы.

Многим людям доброй воли было труднее всего поверить не в само существование лагерной системы и ее «прелестей», а как раз в количество заключенных. Когда упоминались цифры в десять или пятнадцать миллионов, а то и больше, возникало инстинктивное ощущение, что это противоречит здравому смыслу, не согласуется с обычным жизненным опытом.

Что ж, конечно, это противоречило всякому смыслу и ни с каким опытом не согласовалось. Но ведь реальность сталинских порядков вообще нередко ставилась под сомнение, поскольку представлялась немыслимой. Весь сталинский стиль в том и состоял, чтобы творить дела, дотоле морально и физически невообразимые.

Но все равно трудно соглашаться с гигантскими цифрами, трудно не усматривать в них «очевидных» преувеличений. И когда анализируешь различные свидетельства, то приходится делать над собой определенные усилия, чтобы осознать достоверность даже самых осторожных цифр. Свидетельства, имеющиеся в распоряжении, многообразны, но неточны, и оценка численности заключенных в сталинских лагерях дает цифру как минимум пять миллионов. Но это, конечно, самая осторожная из всех оценок. Я склонен принять цифру восемь миллионов человек, находившихся в лагерях в течение 1938 года. Ни в коем случае эта цифра не может быть далека от истины.

В 1938 году в Софии вышла книга Никонова-Смородина «Красная каторга»². В ней приведен детальный список тридцати пяти лагерных групп, причем каждая группа состояла примерно из двухсот лаготделений со средним наполнением каждого в тысячу двести человек. В 1945 году был составлен более полный отчет на основе показаний поляков, выехавших из СССР по советско-польскому соглашению. Два польских автора Мора и Звезняк опубликовали в Риме подробные данные о 38 группах лагерей с приложением

карты. Восемь групп из этих тридцати восьми относились к ведению Дальстроя³. Множество данных о лагерях на севере Европейской России содержится в книге Михаила Розанова⁴. В упомянутой выше сводной работе Далина и Николаевского на основе тщательного исследования описана деятельность 125 лагерей или лагерных групп, причем отмечается, что есть сведения о многих других лагерях, однако сведения, не полностью подтвержденные⁵.

Подобно другим механизмам, из которых Сталин построил свою систему террора, лагеря не были его изобретением.

За малым исключением наши главные сведения о лагерьной жизни поступают от представителей интеллигенции, которые попали в лагеря в 1935-36 годах и позже. Дело в том, что среди жертв ежовщины был гораздо более высокий процент городской интеллигенции и иностранцев, чем среди жертв репрессий в предшествующие годы. В результате создается впечатление, что грандиозные количественные и качественные изменения в карательной системе возникли или происходили в начале ежовщины. Правда, есть несколько свидетельств интеллигентов-заклученных о более раннем периоде. Показания, например, профессора Чернявина, Ивана Солоневича⁶ и других лиц мало отличаются от того, что рассказывали люди, прошедшие лагеря позднее. Однако в целом основную массу жертв репрессий в первое пятилетие тридцатых годов составляли крестьяне — то есть люди, менее склонные писать мемуары, — хотя в конце войны в результате плена и переселения определенный процент этих людей оказался в Западной Европе.

Надо отметить одно важное исключение. Многие из тех, кто побывал в лагерях в начале тридцатых годов, а после войны очутился на Западе, однажды прервали свое молчание. Когда крупный советский работник Виктор Кравченко, посланный в 1944 году в Америку, отказался вернуться в СССР, он написал книгу «Я выбрал свободу». В этой книге правдиво описана обстановка индустриализации, деятельность органов ОГПУ-НКВД и так далее. Французский коммунистический журнал «Леттр франсез» назвал эту книгу «фальшивкой», и Кравченко подал на журнал в суд. Вот здесь-то к автору этой книги неожиданно потекли свидетельства бывших советских граждан, живших на Западе. Многие из них были как раз крестьянами, репрессированными в начале тридцатых годов. Все свидетели подтвердили рассказанное в книге «Я выбрал свободу», и Виктор Кравченко выиграл процесс.

Эти неожиданные свидетельские показания, частично приведенные Виктором Кравченко в его второй книге «Я выбрал справедливость» (а также и более ранние свидетельства), ясно показывают, что задолго до начала ежовщины лагерная система уже существовала почти в таком же виде, разве что с меньшим количеством узников. Описываются даже такие жестокости, которые к середине тридцатых годов, накануне ежовщины, стали применяться значительно реже. Вероятно, жестокость сотрудников НКВД к их жертвам в начале тридцатых годов объясняется тем, что жертвы были объявлены «кулаками» и считались подлинно вражеским элементом. В том же направлении действовала старая традиция: мужику — зуботычины, а с интеллигентом повежливей — мало ли, вдруг у него найдутся влиятельные родственники или друзья. Несколько позже, конечно, именно интеллигенция сделалась главной мишенью еще более жестоких эксцессов. Но до самого 1936 года политзаключенные пользовались известными привилегиями в лагерях — даже троцкисты, позже ставшие жертвами особенно злодейских расправ.

Возникновение первых лагерей относится еще к середине 1918 года, а первый декрет, узаконивший их существование, был издан в сентябре того же года⁷. Первый настоящий лагерь смерти был организован в 1921 году в Холмогорах, вблизи Архангельска. В 1923 году в Москве вышла адресно-справочная книга «Вся Россия»; в ней есть перечень из шестидесяти пяти концлагерей, находившихся в 1922 году в ведении Главного управления принудработ⁸. В октябре того же года Главное управление принудработ слилось с Центральным исправительно-трудовым отделом (ЦИТО) Наркомата юстиции и образовалось Главное управление мест заключения (ГУМЗ), подведомственное ГПУ.

Первым лагерем по-настоящему крупного масштаба был Соловецкий на дальнем севере европейской части России. Он был организован на базе знаменитого монастыря. С организацией лагеря при нем на время оставили некоторых старых монахов, чтобы учить заключенных рыбному промыслу. Позднее, как сообщает Кравченко, монахов ликвидировали как вредителей⁹.

Санитарно-гигиенические условия в Соловецких лагерях были очень скверными. Есть сообщения, что только в 1929-30 годах эпидемии сократили численность заключенных с 14 до 8 тысяч человек¹⁰. Это вообще был тяжелый период для заключенных Беломорских лагерей; а в районе побережья

Белого моря лагерей появлялось все больше. Между 1929 и 1934 годом заключенный Беломорских лагерей мог в среднем протянуть не больше двух лет, потом погибал¹¹. Подобные условия почти всегда являлись результатом злоупотреблений и бездеятельности тюремщиков. Лекарство против этой болезни было обычным. Как рассказывает один из выживших заключенных, Чилига, «из Москвы приезжала комиссия ГПУ, половину лагерной администрации расстреливала, после чего жизнь заключенных быстро становилась столь же ужасной, как и прежде»¹².

7 апреля 1930 года было принято «Положение об исправительно-трудовых лагерях». В период стремительного роста лагерной сети ИТЛ приняли ту форму, которая сохранилась к началу ежовщины и в значительной мере — по сей день.

В разговоре с Черчиллем на Тегеранской конференции Сталин сказал, что во время коллективизации пришлось вести борьбу против десяти миллионов кулаков. Из них «громадное большинство», по свидетельству Сталина, «было уничтожено»¹³. Третья же часть, приблизительно, была отправлена в лагеря. В 1933-35 годах крестьянское население лагерей оценивалось примерно в три с половиной миллиона человек, — что составляло около семидесяти процентов общего числа заключенных¹⁴.

Самые осторожные оценки численности лагерников в доежовский период выглядят следующим образом:

в 1928 году было 30 тысяч заключенных;

в 1930 году — свыше 600 тысяч (известны шесть крупных групп лагерей, существовавших в 1930 году);

в 1931-32 годах — около 2 миллионов (оценка может быть сделана на основе количества газет, распространявшихся среди заключенных);

в 1933-35 годах все оценки в основном сходятся на цифре в 5 миллионов человек;

в 1935-37 годах — 6 миллионов¹⁵.

Для сравнения укажем, что в царские времена максимальное число сосланных на каторгу (1912 год) составляло 32 тысячи человек, а максимальное общее число заключенных по всей стране было — 183949¹⁶.

ЭТАП

С самого начала своей деятельности лагерная система требовала все новых и новых поступлений. По вынесении приговора осужденных втискивали в тюремные кареты —

«черные вороны». До революции каждый «черный ворон» был рассчитан на семерых арестантов, но после революции перегородки внутри «черных воронов» были перестроены и размеры клеток снижены до минимума. В результате каждый «черный ворон» теперь мог брать по двадцать восемь человек¹⁷. Потом, обычно по ночам, заключенных сажали в железнодорожные вагоны и везли к месту назначения. Вагоны были либо товарными теплушками (рассчитанными в дореволюционные годы на «12 лошадей или 48 человек», а теперь вмещавшими до ста заключенных)¹⁸, либо так называемыми «столыпинскими» — по имени царского министра. Армянский писатель Гурген Маари, по личному опыту знакомый с этими вагонами, не без основания спрашивает: «почему они назывались «столыпинскими», эти ужасные, узкие каторжные вагоны? Они были совсем недавнего происхождения. . .»¹⁹.

Железнодорожные переезды до лагеря подчас длились месяцами. Бывший заключенный В. Петров описывает поездку в арестантском эшелоне от Ленинграда до Владивостока, занявшую сорок семь суток²⁰. Нередко в свидетельствах бывших лагерников утверждается, что транспортировка в эшелонах была более тяжким испытанием, чем сам лагерь. Переполненные товарные вагоны практически не отапливались зимой, а летом в них царила невыносимая жара. Недостаток и скверное качество воды и плохие санитарные условия приводили к тяжелым страданиям и высокой смертности в пути. Венгр Лендьел пишет о том, как он провел шесть недель в трюме парохода, плывшего «по одной из широчайших рек мира», получая четверть литра воды в день²¹.

Охрана эшелонов — так называемые конвойные войска НКВД — отличалась особой жестокостью и пренебрежением к заключенным. Во время транспортировки или этапа даже формально не соблюдались соответствующие инструкции НКВД о выдаче ежедневной пищи, хотя обычно органы НКВД были прямо одержимы манией соблюдения инструкций и всяческих правил. Подчас заключенные вообще не получали кипятка. Нередко пищевой рацион изо дня в день сокращался, и в конце концов его вообще переставали раздавать. Даже воду охрана эшелона забывала иногда раздавать в течение одного, а то и двух дней²². Евгения Гинзбург описывает, как страдали в вагоне из-за того, что на протяжении поездки от Москвы до Дальнего Востока каж-

дая женщина-заключенная получала по кружке воды в день — на все надобности²³.

Один из тех поляков, которых в 1939-40 году, после захвата Советским Союзом части Польши, отправили в Сибирь, вспоминает о поездке в следующих словах: «Почти немыслимо, чтобы живое существо, не охваченное особым приступом гнева или мстительности, упорно отказывалось подать ведро воды пятидесяти или шестидесяти другим живым существам, запертым в вагоне. Причем, подавая воду, человек не уменьшал свой собственный водный рацион. Однако факт тот, что эти люди, охранники, систематически отказывались давать воду. Целые сутки проходили без единой капли воды, поданной в вагоны. Бывали безводные периоды и по тридцать шесть часов»²⁴.

Тот же автор добавляет, что получив несколько сот²⁵ письменных свидетельств своих соотечественников об условиях этапа, он отметил лишь один случай, когда охранник подал в вагон ведро воды сверх рациона, и пять случаев открытия вагонных дверей конвойными на десять минут, чтобы облегчить зловоние внутри. Что касается врачей и фельдшеров, следовавших с эшелонами, то в свидетельских показаниях поляков фигурируют несколько случаев «чего-то лучшего, чем полное равнодушие» по отношению к детям и два эпизода с проявлениями настоящей доброты²⁶.

Ожесточение в партии, в свое время отмеченное Бухариным, достигло низов и повсюду усилило жестокость.

Транспортировка серьезно подрывала силы заключенных. Евгения Гинзбург рассказывает, как партия мужчин, только что выгруженных из эшелона в дальневосточном транзитном лагере, была направлена в порт, грузиться на магаданский корабль — без еды. После того, как несколько человек упали мертвыми, остальные отказались двигаться дальше. Охранники начали панически пинать ногами трупы, а потом ««убили несколько волочивших ноги людей «при попытке к бегству»»²⁷.

Во время этапа либо немедленно по прибытии в лагерь политзаключенных чаще всего грабили блатные, отнимая наиболее ценные вещи — теплую одежду или крепкую обувь. Делалось это довольно открыто, на глазах охраны. Старый уголовный мир царской России теперь сильно разросся. Гражданская война, разруха, голод начала двадцатых годов наложили на уголовный мир свой отпечаток. Уже тогда в него вливались беспризорные. Впоследствии коллективизация и другие социальные эксперименты разрушили

еще много миллионов семей и предоставили уголовному миру новые подкрепления.

Процент осужденных по уголовным статьям кодекса колебался в лагерях от десяти до пятнадцати. Но большинство уголовников были так называемыми «бытовиками» — расстратчиками либо осужденными за халатность на производстве, за злоупотребления служебным положением и так далее. Настоящие «урки» редко составляли больше пяти процентов лагерного населения. В некоторых лагерях их не было совсем или почти не было — особенно в лагерях более строгого режима, вроде описанного Солженицыным в «Одном дне Ивана Денисовича». В таких лагерях почти все «зэки» сидели по статье 58 — в истолковании ОСО. В других лагерях «урки» были полновластными хозяевами, и там убийства политзаключенных по ночам в бараках, когда охрана и надзорсостав не решались вмешиваться, было обычным делом. Согласно нескольким свидетельствам, Карл Радек, приговоренный в 1937 году к заключению в лагерях, был убит именно при таких обстоятельствах²⁸.

К 1940 году НКВД навел больше порядка в лагерных бараках. В то время лишь в отдельных смешанных лагерях, как, например, в Каргополе, охрана смотрела сквозь пальцы на групповые изнасилования. Но и эти поцессы были подавлены в 1941 году. Однако потом, в годы войны и после нее, контроль значительно ослабел опять. И в случае обычного грабежа или избиения охранники и надзиратели никогда не вмешивались.

Все это ныне подтверждено официальными советскими изданиями. Так, в воспоминаниях генерала армии Горбатова, читаем: «В Охотском море со мной стряслось несчастье. Рано утром, когда я, как и многие другие, уже не спал, ко мне подошли два «уркогана» и вытащили у меня из-под головы сапоги. Сильно ударив меня в грудь и по голове, один из уголовных с насмешкой сказал: «Давно продал мне сапоги и деньги взял, а сапог до сих пор не отдает». Рассмеявшись, они с добычей пошли прочь, но, увидев, что я в отчаянии иду за ними, они остановились и начали меня снова избивать на глазах притихших людей. Другие «уркаганы», глядя на это, смеялись и кричали: «Добавьте ему! Чего орешь? Сапоги давно не твои». Лишь один из политических сказал: «Что вы делаете, как же он останется босой?». Тогда один из грабителей, сняв с себя опорки, бросил их мне»²⁹.

Подобные вещи происходили с Горбатовым-заключенным еще несколько раз. Однажды, при покупке банки рыбных консервов у расконвоированного заключенного, у Горбатова выкрали все деньги, письма и фотографии жены, причем уголовники отказались вернуть даже фотографии. А когда Горбатов открыл купленную банку, там вместо рыбы оказался песок³⁰.

Горбатов с удивлением убеждался, что охрана ничего против грабежей не предпринимала. В золотопромышленном приисковом лагере Мальдяк Магаданской области, где Горбатов отбывал срок, содержалось четыреста политзаключенных и пятьдесят уголовников. Последние были в привилегированном положении и тем или иным путем лишали политических значительной части даже положенного им ничтожного рациона:

«Работа на прииске была довольно изнурительная, особенно если учесть плохое питание. На более тяжелую работу посылали, как правило, «врагов народа», на более легкую — «друзей», то есть уркаганов. Из них же, как я уже говорил, назначались бригадиры, повара, дневальные и старшие по палаткам. Естественно, что то незначительное количество жиров, которое отпускалось на котел, попадало прежде всего в желудки «друзей». Питание было трех категорий: для невыполнивших норму, для выполнивших и для перевыполнивших. В числе последних были «друзья». Хотя они работали очень мало, но учетчики были из их же компании, они жульничали, приписывая себе и своим выработку за наш счет. Поэтому уголовники были сыты, а мы голодали»³¹.

Вне лагерных зон — на пересылках, этапах, станциях и т. п. — уголовников вообще почти не ограничивали. У них в обычае было играть в карты на одежду какого-нибудь соседа, политзаключенного. Проигравший должен был раздать жертву и отдать вещи выигравшему. Шла игра и на жизни заключенных. Заключенный венгр, сидевший в лагерьях на Воркуте в 1950-51 годах, сообщает о такой игре на чужую жизнь между малолетними преступниками — подростками по 15 лет. Проигравший был обязан зарезать того несчастного, которого заранее избрали жертвой.

Вообще малолетние правонарушители — обычно в возрасте от 14 до 16 лет — редко появлялись во «взрослых» лагерях, они главным образом содержались отдельно. «Малолетки», как их называли в лагерном мире, были наиболее ужасающим элементом в советском обществе. Они были

совершенно асоциальны. Убийство для них ничего не значило. Из таких несовершеннолетних сформировалось ядро широкого слоя хулиганской молодежи — слоя, по сей день существующего в Советском Союзе. С политической точки зрения банды хулиганов могут в любой момент стать штурмовыми отрядами, используемыми какой угодно группировкой в случае волнений в стране.

В воспоминаниях генерала Горбатова фигурирует беспальный уголовник, объясняющий генералу, как он лишился трех пальцев на руке: он проиграл другому вору одежду какого-то политзаключенного, но не успел стащить вещи с «политика», потому что того внезапно увезли на этап. Над ним немедленно учинили суд за невыплату долга и приговорили к отрубанию пальцев, причем уголовник-истец требовал отрубить все пять, но «совет старейшин» присудил отрубить только три. «У нас тоже есть свои законы» — говорил беспальный³². Однажды при групповом изнасиловании женщин на борту магаданского теплохода с заключенными, воровской вожак указал женщину, которую собирался взять себе, но какой-то уголовник перехватил ее раньше. Этому уголовнику в виде наказания выкололи глаза иглой³³. Другого вожака, тоже на борту теплохода, самого постигла печальная участь: он проиграл в карты хлебный паек всей бригады, и уголовники, осудив его, разрубили на куски³⁴.

Уголовники (носившие такие клички, как «Вошь», «Гитлер», «Кнут») в тридцатые годы назывались на жаргоне «урками» или «уркаганами». Позднее они именовались «блатными», а сами о себе говорили, что они «в законе» — то есть подчиняются лишь законам уголовного мира.

Одним из этих законов (в то время неукоснительно соблюдавшимся, а позже, как говорят, видоизмененным) был отказ настоящего «урки» от работы. Поскольку приказы воровского штаба в пределах лагеря были столь же эффективны, как распоряжения лагерной администрации, с этим обычно ничего нельзя было поделать. Есть свидетельство об одном коменданте лагеря, который назначал «урок» на фиктивные работы, существовавшие только на бумаге. Как отмечает Горбатов в приведенном выше отрывке, уголовники фактически имели негласное соглашение с лагерными властями насчет того, что за них (и за себя, конечно) будут работать политические. Разумеется, уголовники-бытовики и воришки, еще не возведенные «в закон», работали тоже.

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

Высокий процент среди женщин в лагерях составляли уголовные преступницы. В основном они были грубы и бесстыдны. Правда, есть воспоминание о женщине-уголовнице, которая при людях, даже в бане, никогда не снимала панталон: татуировка на нижней части ее живота была столь неприличного свойства, что «даже владелица несколько стеснялась этих рисунков»³⁵.

По воспоминаниям тех лет, женщины, принадлежавшие к уголовному миру, звали себя «фиалочками», а политических заключенных звали с оттенком презрения «розочками»; в дальнейшем за ними укрепилось — и, по-видимому, держится до сих пор — жаргонное имя «воровайки». Единственными представителями чуждого им круга, к которым «фиалочки» относились более или менее сдержанно, были заключенные-монахини³⁶.

В целом женщины в лагерях выживали чаще, чем мужчины. Вероятно, поэтому свидетельств женщин, прошедших лагерь, пропорционально больше, чем свидетельств мужчин. Фактически, по надежным данным, в лагерях содержалось менее десяти процентов женщин, причем очень многие из них принадлежали к уголовному миру³⁷. Тем не менее и этих десяти процентов было достаточно, чтобы заполнить «неисчислимые общие и женские концлагеря на Севере», которые упоминает Пастернак в «Докторе Живаго»³⁸.

В общих лагерях женщины, не принадлежавшие к преступному миру, нередко подвергались групповому изнасилованию уголовниками или продавали себя за хлеб или отдавались «под защиту» какого-нибудь лагерного начальника. Те, которые не отдавались, шли на тяжелейшие работы, пока не капитулировали. В. Кравченко рассказывает следующую типичную историю из жизни заключенных на Беломорско-Балтийском канале. Молодая женщина отказалась уступить домогательствам начальника. Тогда он послал ее на работу вместе с группой уголовников-мужчин. Те в тот же вечер завязали ей глаза, изнасиловали и вырвали у нее изо рта несколько золотых зубов. Жаловаться было некому, потому что начальник лагеря, как было хорошо известно, сам изнасиловал несколько женщин-заключенных³⁹.

Охрана и надзиратели часто бывали жестоки с женщинами. В 1963 году на французском языке вышли воспоминания

женщины, сидевшей в советских лагерях. Она пишет о молоденькой девушке, опоздавшей выйти на работу и спрятавшейся под настил пола. На нее напустили сторожевых собак, а сами охранники выволокли ее из укрытия с такой жестокостью, что буквально оскальпировали. Эта семнадцатилетняя девушка отбывала срок за кражу картошки⁴⁰. Кстати говоря, свидетельства о пребывании в лагерях семнадцатилетних и даже шестнадцатилетних девушек относительно многочисленны.

Порядочные люди среди заключенных делали для женщин, что могли. Однако деморализация женщин из-за ухудшения физических условий существования была исключительно интенсивной. «Я думаю,— пишет Кравченко,— что нет более ужасного зрелища для нормального человека, чем несколько сот грязных, болезненного вида, опустившихся женщин. Романтизм, свойственный любому мужчине, глубоко этим возмущается»⁴¹.

В только что упомянутой книге Андре Сенторен рассказывает свою жизнь простой француженки, вышедшей замуж за русского, выехавшей с ним в СССР и там разошедшейся с мужем. Выехать из страны ей, однако, не разрешили и в 1937 году арестовали. Она получила восемь лет как «жена врага народа». Среди эпизодов ее жизни в лагере есть такой. Колонну женщин гнали под конвоем сорок километров, а потом два часа держали перед воротами в зону под проливным холодным дождем — начальство смотрело кинофильм и не желало отвлекаться на прием заключенных⁴².

В лагерях тех лет было очень мало тракторов или лошадей. Тяжести перетаскивали на бревнах-волокушах. По свидетельству Кравченко, в волокушу впрягали либо пятерых мужчин, либо семерых женщин⁴³. Аналогичное свидетельство польского журналиста, бывшего заключенного: в лагерях на Печоре, где он отбывал срок, несколько сот женщин перетаскивали тяжелые бревна, а позже — рельсы для строящейся железной дороги⁴⁴.

В 1937 году на Потье, в Мордовии, было организовано в составе лагерного комплекса особое лаготделение для семи тысяч жен и сестер «врагов народа». Позже лагерь был расформирован, часть женщин отправили в Караганду, а около двух тысяч — в район станции Сегета Кировской железной дороги. Есть сообщения, что эти женщины были освобождены по амнистии 1945 года⁴⁵.

НА НОВЫХ МЕСТАХ

Быстрое расширение лагерной сети при Ежове знаменовалось открытием все новых и новых лагерей. Например, в Архангельской области Каргопольлаг, состоявший из множества отделений, расположенных в радиусе пятидесяти пяти километров, насчитывал в 1940 году около тридцати тысяч заключенных; этот лагерь был основан в 1936 году силами всего шестисот заключенных, которых просто высадили из поезда среди леса, после чего они построили себе бараки и огородили зону. Смертность среди этих первых обитателей Каргопольского лагеря была очень высока. По свидетельству одного из них, Герлинга, первыми погибали находившиеся в этом контингенте польские и немецкие коммунисты, за ними представители азиатских меньшинств⁴⁶.

Несомненно, Борис Пастернак пользовался рассказами своих друзей, прошедших лагерные ужасы, когда описывал устройство нового лагеря:

«Партию вывели из вагона. Снежная пустыня. Вдалеке лес. Охрана, опущенные дула винтовок, собаки овчарки. Около того же часа в разное время пригнали другие новые группы. Построили широким многоугольником во все поле, спинами внутрь, чтобы не видели друг друга. Скомандовали на колени и под страхом расстрела не глядеть по сторонам, и началась бесконечная на долгие часы растянувшаяся унижительная процедура переклички. И все на коленях. Потом встали, другие партии развели по пунктам, а нашей объявили: «Вот ваш лагерь, устраивайтесь, как знаете». Снежное поле под открытым небом, посередине столб, на столбе надпись «ГУЛАГ 92 Я Н 90» и больше ничего.

...Первое время в мороз голыми руками жердинник ломали на шалаши. И что же, не поверишь, постепенно сами обстроились. Нарубили себе темниц, обнесли частокколами, обзавелись карцерами, сторожевыми вышками,— все сами. И началась лесозаготовка»⁴⁷.

Есть совершенно аналогичное свидетельство поляка-заключенного. Его вместе с другими, одетого в лохмотья, пригнали в некий пункт замерзшей тундры, где не было ничего кроме знака: «Лагпункт № 228». Заключенные вырыли землянки, покрыли грунтом и мерзлыми ветками, стали жить. В пищу давали ржаную муку, замешанную на воде⁴⁸.

Есть показания и другого заключенного, относящиеся к 1939 году. Его этап пригнали к временному лагерю, который даже при максимальном уплотнении не мог вмес-

тить больше одной пятой части прибывших эзков. Не поместившихся оставили на несколько дней вне лагеря в грязи. Люди стали жечь костры, используя доски от лагерных барачков, за что охранники бросались на них и избивали. Дважды в день давали по трети литра супа и примерно полкило хлеба на сутки⁴⁹.

Прибывая в уже устроенные лагеря, заключенные подвергались сортировке по категориям труда. Для этого достаточно было осмотреть их ноги⁵⁰. Первая категория означала пригодность к наиболее тяжелым физическим работам. (Евгения Гинзбург рассказывает, как первую категорию дали политзаключенной Тане Станковской «за четыре часа до смерти»)⁵¹. Затем заключенных разводили по баракам, где, как пишет Солженицын, «на пятидесяти клопьяных вагонках спало двести человек» — на досках или матрацах, набитых «спрессовавшимися опилками»⁵².

Повсюду было переполнено и тесно. В. Кравченко в бытность директором завода в Кемерово, договаривался с НКВД о поставке заводу двух тысяч эзков⁵³. Трудность состояла не в том, где их взять, а в том, как разместить их по имеющимся в округе лагерям. Хозяйственникам показали лагерь, где, казалось, яблоку негде было упасть — но комендант этого лагеря согласился со своим начальником, что можно устроить в бараках дополнительный ярус нар и втиснуть еще больше заключенных.

В бараках имелись печи, но они не могли дать достаточно тепла этим хибарам, наскоро построенным в Арктике. К тому же «дают дневальным на каждую печку по пять килограмм угольной пыли, от нее тепла не дождешься», пишет Солженицын⁵⁴. И он же рассказывает еще об одной принадлежности барака: «Тяжело ступая по коридору, дневальные понесли одну из восьмиведерных параш. Считается инвалид, легкая работа, а ну-ка, поди вынеси, не пролья!»⁵⁵.

Не считая воров-блатных, которые в нештрафных лагерях хозяйничали, как хотели, заключенные представляли собой разношерстный набор «политиков». Непременно были «вредители» — специалисты, инженеры. На первых порах они использовались на технических работах, но когда террор принял массовый характер, в лагерях оказалось столько инженеров и вообще специалистов, что шансы получить техническую должность (чем многие до того спасались от верной смерти) стали пропорционально ниже.

В рассказе о лагерях Джезказгана⁵⁶ в числе заключенных упоминаются бывший член коллегии ЧК и посол в Китае,

солист Большого театра, неграмотные мужики и генерал ВВС. Обычными категориями заключенных были бывшие военнослужащие, интеллигенты, а как особые категории «националы» (национальные меньшинства, украинцы и другие) и «религиозники» (активные верующие и члены сект). Солженицын указывает, что баптисты попадали в лагерь иногда просто за молитву. За это в те времена, о которых он пишет, «всем вкруговую по двадцать пять сунули. Потому пора теперь такая: двадцать пять, одна мерка»⁵⁷. Есть многочисленные сообщения о сектантах, избитых или посаженных в карцер за отказ от работы в воскресенье⁵⁸. В 1937 году в лагере видели священника, потерявшего зрение от побоев⁵⁹.

Как во все времена бед и притеснений, в те годы процветали хилиастические секты. Подобные же голоса — от имени угнетенных и потерявших надежду — доносятся до нас из эпох великих рабовладельческих империй. В годы террора некоторые секты проповедывали, что переживаемые ужасы ниспосланы Богом как испытание и что из униженного и деморализованного русского народа поднимается народ святых. В ноябре 1965 года на Воркуте все еще оставалось больше религиозных общин различного толка, чем в других районах страны⁶⁰. Неудивительно: ведь на Воркуте осели бывшие заключенные тамошних лагерей и среди них много людей с обостренными религиозными и национальными чувствами.

Права заключенных были практически сведены к разрешению подавать письменные жалобы и заявления. Результат (по Солженицыну): «Ждут, время считают: вот через два месяца, вот через месяц ответ придет. А его нету. Или: «отказать»⁶¹. К тому же начальство недолжбило тех, кто надоедал ему жалобами.

Однако в каторжных лагерях была определенная свобода слова:

«А в комнате орут:

— Пожалееет вас батька усатый! Он брату родному не поверит, не то что вам, лопухам!

Чем в каторжном лагере хорошо — свободы здесь от пуза. В устьиженском скажешь шопотком, что на воле спичек нет, тебя садят, новую десятку клепают. А здесь кричи с верхних нар что хошь — стукачи того не доносят, оперы рукой махнули.

Только некогда здесь много толковать...»⁶².

Многие воспоминания бывших лагерников содержат рассказы о заключенных, оставшихся преданными партии и правительству и объяснявших свой арест ошибкой⁶³. Обычно такие «преданные» основательно раздражали других заключенных. В некоторых случаях — хотя и не всегда — эти люди становились доносчиками, стукачами. Так или иначе обычная практика НКВД состояла в том, чтобы иметь много стукачей. Тех из них, кого разоблачали, рано или поздно убивали в лагерях. Если лагерное начальство не успевало вовремя убрать стукача из зоны, то по поводу его смерти шума обычно не поднимали. В книге Герлинга есть рассказ о бывшем известном следователе НКВД, который попал в лагерь и был там опознан. Его поначалу сильно избили, однако не убили до смерти; он бросился искать защиты у надзирателей, но те ничего не предприняли для его спасения, и через месяц, после бесконечных издевательств и напрасных попыток жаловаться, его прикончили.

РАСПОРЯДОК ДНЯ

Побудка, как сообщает большинство очевидцев, давалась обычно в пять утра ударами молотка о кусок рельса, висевший перед надзирательской. Любого заключенный, которого через несколько минут после побудки заставляли еще на койке, мог получить на месте несколько суток штрафного изолятора. Зимой в этот час еще темно. Прожектора «били по зоне наперекрест с дальних угловых вышек»⁶⁴. Помимо колючей проволоки и охранников на вышках, во многих лагерях использовали для охраны еще и собак. Их длинные цепи заканчивались кольцами, и кольца эти скользили по проволоке, натянутой между вышками. Скрежет этих колец по проволоке вспоминается многими бывшими заключенными как непрерывный звуковой фон⁶⁵.

Первой заботой заключенных на протяжении всего дня была пища. Утром раздавался завтрак — наиболее приятная часть дневного рациона (позже мы подробнее рассмотрим питание заключенных — центральный момент всей системы норм и ключ к сталинским расчетам на эффективный рабский труд).

Затем происходил развод на работу. Заключенных выводили из лагерной зоны бригадами, обычно по двадцать-тридцать человек в каждой. Звучало предупреждение («молитва») конвоя:

«Внимание, заключенные! В ходу следования соблюдать строгий порядок колонны! Не растягиваться, не набегать, из пятерки в пятерку не переходить, не разговаривать, по сторонам не оглядываться, руки держать только назад! Шаг вправо, шаг влево — считается побег, конвой открывает огонь без предупреждения! Направляющий, шагом марш!»⁶⁶.

«Не считая сна, лагерник живет для себя только утром десять минут за завтраком, да за обедом пять, да пять за ужином»⁶⁷. Люди так недосыпали, что как только находили уголок потеплей, их сразу бросало в сон. Если воскресенье бывало свободным днем (а таковым бывало не каждое воскресенье), то люди спали, сколько могли⁶⁸.

С обувью, как свидетельствует Солженицын, ситуация могла меняться. «Бывало, и вовсе без валенок зиму перехаживали, бывало, и ботинок тех не видали, только лапти да ЧТЗ (из резины обутка, след автомобильный)»⁶⁹. Одежду без конца латали и чинили: «заключенные . . . одетые во всю свою рвань, перепоясанные всеми веревочками, обмотавшись от подбородка до глаз тряпками от мороза»⁷⁰.

По многим воспоминаниям, язвы на теле — следствие грязной одежды — были общим явлением. Одежда время от времени подвергалась дезинфекции, когда заключенных водили в баню. В лагере, где сидел солженицынский Иван Денисович, баня была примерно раз в две недели⁷¹. Но часто для мытья и стирки белья не оказывалось мыла⁷².

Можно было заявить о плохом самочувствии и получить освобождение от работы на один день. Но если уж заключенного признавали больным и выписывали ему больничное питание — это обычно означало, что жить такому человеку оставалось недолго. Впрочем, освобождение на день тоже зависело не только от состояния здоровья — была еще и квота: «Но право ему было дано освободить утром только двух человек — и двух он уже освободил»⁷³. Евгения Гинзбург вспоминает, что освобождение от работы лекарь давал, «начиная с 38 градусов и выше»⁷⁴.

В книге Далина и Николаевского есть такое описание медосмотра в строящемся лагере:

«Нарядчик и лекпом, вооруженные палками, входят в землянку. Начальник спрашивает первого встречного, почему тот не выходит. «Я болен» — следует ответ. Лекпом пробует пульс и определяет, что человек здоров. На заключенного обрушивается град ударов, его выбрасывают наружу. «Почему не идешь на работу?» — спрашивает начальник

следующего. «Болен» — все тот же упрямый ответ. Накануне этот заключенный был у лекпома и отдал ему последнюю вшивую рубашу. Теперь лекпом считает пульс и находит высокую температуру. Человек освобожден. Третий заключенный отвечает, что у него нет ни одежды, ни обуви. «Возьмите одежду и обувь у больного» — нравоучительно приказывает начальник. Больной протестует, и его вещи стаскивают силой»⁷⁵.

Старый опытный заключенный Иван Шухов в повести Солженицына знает, что утром на работу надо идти медленно: «Кто быстро бегаёт, тому сроку в лагере не дожить — упарится, свалится»⁷⁶. Вообще те заключенные, которые выживали в первые месяцы лагерного существования, становились необыкновенно изощренными в трудном искусстве сохранять жизнь. Вместе с тем их приемы и обычаи делались традицией, входили в постоянный обиход. Например, Солженицын описывает, как заключенные подбирали щепу на строительной площадке, делали вязаночки и несли в лагерь⁷⁷. Носить дрова в лагерь было запрещено, однако охрана ничего не предпринимала, пока колонна не приближалась к самому лагерю. Здесь заключенным приказывали бросить дрова: охранники тоже нуждались в дополнительном топливе, а носить дрова своими силами, вместе с автоматами, не могли.

Заключенные бросали вязаночки, но не все. При проходе через вахту следовал повторный приказ бросить топливо, и опять лишь часть оставшихся дров сбрасывалась на землю. В конце концов заключенным удавалось пронести в зону некоторую долю своей топливной добычи. Это устраивало обе стороны — и заключенных и охрану. Ведь если бы дрова при входе в лагерь отбирались подчистую, то заключенным не было бы смысла собирать их в рабочей зоне и нести с собой; они перестали бы это делать, и охрана осталась бы без дополнительного топлива. Тем не менее никакого открытого соглашения на этот счет не существовало. Соглашение было вполне негласным.

Так, в микрокосме, можно наблюдать становление правил и традиций нового общественного порядка.

В те годы сформировались и подлинно кастовые предрассудки. Заключенных стали считать людьми худшего сорта, как в древние времена. Постепенно распространилось мнение, что даже простой контакт с заключенными был чем-то унижительным для вольного человека. Считалось недопустимым, чтобы вольнонаемный ел ту же пищу, что и заключен-

ные, спал с ними под одной крышей или находился с кем-либо из них в дружеских отношениях. Доходило до крайностей. Известен случай, когда начальник лагеря сделал выговор оператору лагерного санпропускника: как смел он пустить в прожарку вместе с вещами заключенных рубаху вольнонаемного механика электростанции?⁷⁸

Вольнонаемные граждане на Колыме иногда пытались помочь заключенным, с которыми вместе работали. Вольные «врачи, инженеры, геологи по мере возможности старались освобождать товарищей по профессии из числа невинно осужденных от катания тачки и использовать их по специальности». Один геолог, аттестуемый как «рыцарь Севера», отдал жизнь при попытке защитить нескольких узников от произвола. Вот примерный диалог этого человека с начальством:

«— Поторапливайтесь, товарищ! Люди могут погибнуть!

— Какие же это люди? — усмехнулся тот (представитель лагерной администрации). — Это враги народа!»⁷⁹.

Есть множество свидетельств о том, что лагерное начальство, в том числе порою и врачи, рассматривало заключенных как своих рабов. Даже в деталях сортировка заключенных по прибытии в лагерь напоминала иллюстрации к книгам о работорговле. Некто Самсонов, начальник Ярцевского лаготделения, обычно удостаивал своим присутствием медосмотр вновь прибывших и с довольной улыбкой щупал их бицепсы и плечи, хлопал по спинам⁸⁰. Существовало мнение, что советская система принудительного труда «это шаг на пути к новому социальному расслоению, включающему слой рабов»⁸¹ в древнем, прямом смысле слова. Последующие события, однако, приняли другое направление.

В нашумевшей статье «Иван Денисович, его друзья и недруги» литературный критик В. Лакшин писал: «Вся система заключения в лагерях, какие прошел Иван Денисович, была рассчитана на то, чтобы безжалостно подавлять, убивать в человеке всякое чувство права, законности, демонстрируя и в большом и в малом такую безнаказанность произвола, перед которой бессилён любой порыв благородного возмущения. Администрация лагеря не позволяла энкам ни на минуту забывать, что они беспразны и единственный судия над ними — произвол»⁸².

В сороковые годы заключенный каторжного лагеря был обязан «перед надзирателем за пять шагов снимать шапку и два шага спустя надеть»⁸³. А вот слова начальника конвоя

после того, как в результате повторных путаных проверок нашелся недостающий заключенный:

«— Что-о?— начкар заорал.— На снег посадить? Сейчас посажу. До утра держать буду.

Ничего мудрого, и посадит. Сколь раз сажали. И клали даже: «Ложись! Оружие к бою!» Бывало это все, знают зэки»⁸⁴.

Буквально все воспоминания бывших заключенных содержат сведения о применении охраной физической силы⁸⁵. Отказ от работы наказывался по-разному: на Дальнем Востоке немедленным расстрелом, в других местах выкидыванием раздетого человека на снег, пока не сдастся, в большинстве же лагерей «кондеем» — карцером с 200 граммами хлеба в день. За повторный отказ наиболее вероятной была смертная казнь. Не только «саботаж», но и «антисоветская пропаганда» могли наказываться смертью⁸⁶.

Периодическое подтягивание лагерной дисциплины вело к массовой раздаче наказаний за самые незначительные проступки. Ссылки заключенных на правила внутреннего распорядка рассматривались как повторный и злостный отказ от работы. Известно, что именно по такому обвинению в Караганде было расстреляно в 1937 году четыреста человек одновременно⁸⁷. В лагере возле Кемерово произошел «бунт». В действительности была забастовка протеста против гнилой пищи. Четырнадцать зачинщиков забастовки — двенадцать мужчин и две женщины — были расстреляны перед строем заключенных, а потом команды от всех бараков рыли им могилы⁸⁸.

Кроме этих дисциплинарных казней, часто открыто объявлявшихся по лагерям для пущего устрашения заключенных, было много убийств и другого сорта. Из Москвы поступали приказы о ликвидации определенного числа бывших участников оппозиции — и эти приказы выполнялись после беглого опроса намеченных жертв. Допрос касался не лагерной жизни, а будто бы вновь открывшихся обстоятельств их основного преступления, после чего оно переквалифицировалось в наказуемое высшей мерой. В некоторых случаях, для массовых операций такого рода, в лагеря направлялись особо уполномоченные комиссии, в распоряжение которых передавались на время обширные помещения. Туда свозили обреченных для допросов и последующих казней. Есть свидетельство об одном таком центре на Воркуте — он действовал зимой 1937 года на заброшенном кирпичном

заводе, и там было уничтожено около тысячи трехсот заключенных⁸⁹.

В большинстве крупных лагерных районов существовали также особые и совершенно секретные «центральные изоляторы», обслуживавшие целую группу лагерей каждый. Есть свидетельство, что за два года — 1937 и 1938 — в центральный изолятор Бамлага (Байкало-Амурский комплекс лагерей) было переведено около пятидесяти тысяч заключенных и там уничтожено. Жертвы связывали проволокой, грузили как дрова на машины, везли в укромные места и расстреливали⁹⁰.

Венгерский писатель-коммунист Лендьел, ветеран-заключенный сталинских лагерей, описывает один из таких лагерей уничтожения возле Норильска в своем рассказе «Желтые маки». Закрытие этого лагеря было выполнено так: сперва расстреляли всех оставшихся заключенных, а потом прибыли спецкоманды НКВД и расстреляли персонал и охрану закрываемого лагеря. Из-за вечной мерзлоты похоронить убитых было невозможно, и из трупов сделали естественно выглядевшие холмики, сложив их кучами и засыпав привезенным на грузовиках грунтом. Даже в ближайших лагерях об этом ничего не знали — и не узнали даже тогда, когда бывший лагерь смерти заняла тюремная больница.

Но и обычное наказание, отбываемое в штрафных изоляторах, имевшихся при каждом лагере, могло быть смертельным. Вот описание:

«Сами клали БУР, знает 104-я: стены там каменные, пол цементный, окошка нет никакого, печку топят — только чтоб лед со стенки стоял и на полу лужей стоял. Спать — на досках голых, если зубы не растрясешь, хлеба в день — триста грамм, а баланда — только на третий, шестой и девятый дни.

Десять суток! Десять суток здешнего карцера, если отсидеть их строго и до конца, — это значит на всю жизнь здоровья лишиться. Туберкулез, и из больничек уже не вылезешь.

А по пятнадцать суток строгого кто отсидел — уж те в земле сырой»⁹¹.

Но и среди тех, кто избежал карцера, процветал авитаминоз. Герой Солженицына, лишившийся зубов от цинги в Печорском лагере Усть-Ижма, где он «так доходил, что кровавым поносом начисто его пронесило», оказался счаст-

ливцем и оправился⁹². Вообще же от цинги открывались раны, гноились нарывы на теле.

Столь же распространенной была и пеллагра. Постоянно угрожала заключенным пневмония — обычно со смертельным исходом. Часто можно было видеть признаки дистрофии — опухание ног и лица, а на последней, губительной стадии — вздутие живота⁹³. В показаниях лиц, сидевших в сельскохозяйственных лагерях, отмечаются эпидемии бруцеллеза⁹⁴. В северных лагпунктах частым явлением была гангрена с последующей ампутацией конечностей⁹⁵. Туберкулез был частой и непосредственной причиной смерти. У женщин-заключенных примерно через два года лагерной жизни развивались постоянные маточные кровотечения⁹⁶.

Позднее вошло в обычай, когда труп приносили в морг, «разбивать голову большим деревянным молотком, перед тем, как отвозить в могильник»⁹⁷.

Из лагерей иногда происходили побеги, но очень редко успешные. Это были акты отчаяния; и, конечно, степень людского отчаяния была достаточной, чтобы толкнуть на что угодно. В районе Печоры НКВД выдавал пять кило белой муки за поимку беглого зэка. В начале тридцатых годов крестьяне в разных районах страны еще укрывали беглых, но в годы всеобщего террора колхозники, запуганные насмерть, делали это уже неохотно и редко. Тем не менее, изредка побеги удавались. Особенно цыганам, если им удавалось достичь любого цыганского табора. Там была полная солидарность и надежное укрытие.

Успешные побеги совершили также некоторые выдающиеся личности, как, например, испанский коммунист, генерал республиканской армии Эль Кампесино.

Заключенных, пойманных при побеге, всегда жестоко избивали и почти всегда расстреливали.

За каждый побег заключенного из колонны вне лагеря охранников судили как соучастников и приговаривали к двум-трем годам, причем этот срок они отбывали также в должности охранников, но без оплаты. Это делало охранников исключительно настороженными и бдительными. В самом лагере тоже «если кто бежал — конвою жизнь кончается, гоняют их безо сна и еды. Так так иногда разъярятся — не берут беглеца живым»⁹⁸.

В результате такой сверхбдительности заключенных постоянно считали и пересчитывали.

«А второй вахтер — контролер, у других перил молча стоит, только проверяет, счет правильный ли.

И еще лейтенант стоит, смотрит.

Это от лагеря.

Человек — дорожке золота. Одной головы за проволокой не достанет — свою голову туда добавишь»⁹⁹.

«Считают два раза при выходе: один раз при закрытых воротах, чтоб знать, что можно ворота открыть; второй раз — сквозь открытые ворота пропуская. А если померещится еще не так — и за воротами считают»¹⁰⁰.

Здесь мы встречаем одну из нескольких интересных параллелей с рассказом Достоевского о каторге сороковых годов прошлого века — с его «Записками из мертвого дома». Вот как описывал аналогичную процедуру Достоевский:

«Поверка производилась унтер-офицером с двумя солдатами. Для этого арестантов выстраивали иногда во дворе, и приходил караульный офицер. Но чаще эта церемония происходила домашним образом: поверяли по казармам. Так было и теперь. Поверяющие часто ошибались, обсчитывались, уходили и возвращались снова. Наконец, бедные караульные досчитались до желанной цифры и заперли казарму».

Сравнивая нынешнее столетие с прошлым, мы видим, что во времена Достоевского арестанты имели значительно большую свободу внутри лагеря. Да и вне его они были не под такой суровой охраной, хотя Достоевский подчеркивает: арестанты мертвого дома отбывали несравненно худшую из трех разновидностей каторги. Правда, в остроге у Достоевского главным наказанием за внутренние провинности был не изолятор, а страшные розги, от которых человек иногда умирал; но за этим исключением жизнь арестантов мертвого дома была куда приятнее той, какую описывают Солженицын и другие авторы лагерных воспоминаний. В самом деле, каждый арестант имел сундучок с замком и ключиком; узники содержали домашних животных; они не работали по воскресеньям, по церковным праздникам и даже в дни своих именин. Евреи и мусульмане имели параллельные привилегии. Питание каторжников у Достоевского было намного, несравненно лучше, а больным каторжникам разрешалось выходить в город и покупать табак, чай, говядину, а на Рождество — так даже молочных поросят и гусей. Хлеба у них было так много, что они подкармливали им даже водовозную клячу.

Между тем, арестанты мертвого дома были ведь действительно преступниками — часто убийцами, как главный герой

Горянчиков,— хотя из тридцати каторжан в казарме и была дюжина политических.

Остроги того типа, какой описан Достоевским, были в пятидесятых годах XIX века ликвидированы (писатель указывает, что пишет о временах прошедших). Однако заключенные сталинских лагерей — не литературные персонажи, а живые люди — могли делать и другие сравнения. Например, один польский коммунист до того, как попасть в советские лагеря, отбыл два года в польской тюрьме Вронки для политических преступников. Там, в польской тюрьме, заключенных запирали только на ночь, а днем им разрешали гулять в саду; им разрешали получать от родных и знакомых любые книги, корреспонденция не ограничивалась и раз в неделю полагалась баня; наконец, их было всего пять в большой камере¹⁰¹.

НЕВИДИМАЯ ИМПЕРИЯ

На огромных просторах Севера и Дальнего Востока СССР под управление НКВД переходили целые районы, равные по площади иным немалым государствам. Разумеется, множество лагерей было рассыпано по Уралу, по Архангельской области, а особенно вокруг Караганды и Турксиба. Но все это были сравнительно небольшие владения НКВД. Даже в карагандинском комплексе содержалось «всего» около полутора тысяч заключенных, и лаготделения Карлага были разбросаны среди поселков, где жили и вольные и ссыльные.

Эти ссыльные или так называемые «вольные поселенцы» представляли собой тех, кто даже в глазах карательных органов выглядели ни в чем не виноватыми. По некоторым свидетельствам, они в ряде районов нередко бродяжничали, ночевали где попало, выпрашивали на хлеб и подрывались на любую работу — а иногда даже просились под арест, чтобы спастись от голода¹⁰².

Двумя крупнейшими, подлинно колониальными владениями ГУЛАГа были, однако, огромная территория на севере европейской России за Котласом — примерно совпадающая с границами Коми АССР, — и еще более обширный район Дальнего Востока вокруг колымских золотых приисков. До прихода НКВД в качестве новых хозяев эти районы были заселены лишь горсткой русских и несколькими тысячами представителей арктических народностей. Через десять лет

там было от миллиона с четвертью до двух миллионов заключенных.

Теперь и в Советском Союзе и за его пределами опубликованы достоверные свидетельства о том, что происходило в обоих крупнейших лагерных комплексах. Воспоминания генерала Горбатова, произведения Солженицына и другие опубликованные в Москве работы подтверждают и дополняют большое количество материалов, давно имеющих на Западе.

Советская Арктика — особый мир. Ощущения арестанта, выброшенного из нормальной жизни, усиливаются местными физическими условиями. Зимой это исключительный, невообразимый мороз; это короткие дни, когда огромное багровое солнце на считанные часы восходит над горизонтом — или, глубже в Арктике, лишь подсвечивает небо, не появляясь; это беззвучно переливающиеся ионные потоки северного сияния. Летом — долгие-долгие дни, мошकारа, слякотное болото оттаявшей почвы с необычной растительностью — мхами, лишайниками, карликовыми деревцами; и подо всем этим вечная мерзлота, твердая, как камень. К югу от этой полярной тундры лежит еще более дикий лесной пояс — тайга, в которой был размещен громаднейший комплекс лесных лагерей.

КОЛЫМА

Самый обширный лагерный район находился в ведении Дальстроя — дальневосточного строительного управления. Точные границы тогдашних владений Дальстроя еще полностью не определены, но известно, что они охватывали весь район к востоку от Лены и к северу от Алдана, простиравшийся на восток по крайней мере до Олойского хребта — а эта территория вчетверо больше Франции.

Население лагерей Дальстроя никогда не достигало численности заключенных во втором (европейском) крупном комплексе. Равнялось оно приблизительно полумиллиону. Но смертность была так высока, что с ее учетом количество заключенных, прошедших через лагеря Дальстроя, оказывается наивысшим. Поскольку доставка заключенных в Магадан шла морем, а количество кораблей, их вместимость и частота рейсов известны с достаточной точностью, мы можем несложным подсчетом определить минимальное

число погибших в «империи» Дальстроя за 1937-1941 годы. Этот минимум — один миллион¹⁰³.

Лагеря в основном концентрировались вокруг колымских месторождений золота, базирующихся на Магадан и бухту Нагаева¹⁰⁴. В широких масштабах добыча золота развернулась там в начале тридцатых годов. В 1935 году были торжественно объявлены правительственные награды за успехи в этой области, опубликованы хвалебные статьи о награжденных. Большинство награжденных, как было сказано, работали на Колыме под руководством Е. П. Берзина. Среди указов о награждении орденами был один и несколько иного сорта — об освобождении пяти инженеров от наказания и восстановлении их во всех правах за заслуги в организации золотодобычи.

Говорят, что Берзин более или менее терпимо относился к жалобам заключенных¹⁰⁵. Но он вместе с женой и ближайшим помощником Филипповым (по слухам, покончившим с собой в Магаданской тюрьме) были арестованы в 1937 году, во время ежовской чистки органов НКВД. Разумеется, с ними арестовали и великое множество других сотрудников Дальстроя. Передают также, что центральное руководство НКВД боялось сопротивления аресту Берзина и потому арест был обставлен так: в Магадан прибыла многочисленная делегация НКВД якобы для награждения и чествования Берзина, которая и арестовала его в момент, когда он провожал «гостей» на аэродром¹⁰⁶.

Берзина сменил Гаранин, который открыл на Колыме кампанию террора, маниакальную даже по масштабам НКВД. Гаранинщина ознаменовалась пытками и казнями. Только в спецлагере Серпантинка Гаранин расстрелял в 1938 году около двадцати шести тысяч человек. Через несколько месяцев такого правления он был отозван и приговорен то ли к пятнадцати годам заключения, то ли, по другим сведениям, к расстрелу. Сменивший его Вишневецкий тоже продержался очень короткое время и в свою очередь получил пятнадцать лет за катастрофически неудачную экспедицию по разведке новых месторождений.

Новый начальник Иван Никишов — человек, по многим свидетельствам, холодно и беспощадно жестокий — правил Дальстроем дольше. Он женился на сотруднице НКВД Гридасовой, которая была назначена начальницей женского лагеря в Магадане. Жили они в комфортабельном загородном доме в семидесяти километрах к северо-западу от Магадана и имели даже собственные охотничьи угодья¹⁰⁷.

Путь эзков на Колыму включал морское путешествие в задраенных трюмах кораблей от бухты Ванино до Магадана. В трюмы набивали тысячи людей, переход длился восемь-девять дней и был страшен. Была также сделана попытка переправлять заключенных Северным морским путем в бухту Амбарчик, лежащую в устье реки Колыма, в Северном Ледовитом океане. Протяженность этого трудного полярного маршрута составляла больше шести тысяч километров, плавание должно было занимать два месяца. Первый же корабль «Джурма», посланный этим путем, был захвачен осенним льдом, и когда после морской зимовки, в 1934 году, он прибыл в Амбарчик, на его борту не было ни одного из тысячи двухсот первоначально отправленных заключенных.

Случилось это как раз в то время, когда был затерт льдами и погиб исследовательский корабль «Челюскин». Команда «Челюскина» спустилась на лед, причем погиб лишь один человек, и устроила лагерь на льдине. Судьбой храбрых полярников был захвачен весь мир. Однако американские и другие предложения о помощи лагерю челюскинцев с воздуха были отклонены. Причина этого, как полагают, заключалась в близости зимовавшей «Джурмы»: советское руководство очевидно опасалось, что иностранные летчики могут наткнуться на злополучную «Джурму»¹⁰⁸.

После этого «Джурма», «Индибирка» и другие суда ходили в Магадан лишь коротким дальневосточным маршрутом¹⁰⁹. На них разыгрывались наихудшие сцены воровского засилья. Как раз на борту «Джурмы» лишился сапог генерал Горбатов (см. выше). К 1939 году охранники на судах вообще перестали спускаться в трюмы к заключенным — они лишь стояли на палубе с оружием наизготовку, когда заключенных малыми группами выпускали в уборную. В результате блатные имели в трюмах большую свободу действий, чем где бы то ни было. В каждом переходе происходили убийства и изнасилования. В 1939 году на той же «Джурме» уголовники проломали стену трюма и прорвались к складу пищевых продуктов — после чего в этом складе возник пожар. Огонь стали тушить, но когда судно вошло в порт, в складском трюме что-то еще горело. При этом не было сделано ни малейшей попытки выпустить из трюмов заключенных, и когда они поняли, что в случае гибели судна их просто бросят в закрытых трюмах, началась паника¹¹⁰.

Е. Гинзбург со своей стороны дает историю пожара «Джурмы» на море — вероятно, более детальную версию того же события. «Блатари хотели воспользоваться паникой для побега,— пишет она.— Их заперли наглухо в каком-то уголке трюма. Они бунтовали, их заливали водой из шлангов для умирения. Потом о них забыли. И вода эта от пожара закипела. И над «Джурмой» потом долго плыл опьяняющий аромат мясного бульона»¹¹¹.

В другом рейсе корабль имел на борту несколько сот молодых женщин, приговоренных к небольшим срокам за прогулы, совершенные на оборонных предприятиях. Женщины были в отдельном трюме, но уголовники сумели прорваться туда и стали насиловать женщин. Несколько заключенных, пытавшихся защищать женщин, были убиты. На сей раз командир охраны корабля был арестован¹¹².

По прибытии в бухту Нагаева (Магадан) «доходяг выносили по очереди на носилках. Их выносили и складывали на берег аккуратными штабелями, чтобы конвой мог отчитаться, чтобы не было путаницы с актами о смерти»¹¹³.

Выжившие на пути в Магадан оказывались в очень странном мире.

Только бассейн реки Колыма занимает почти такую же площадь, как вся Украина. Это район страшного холода — до семидесяти градусов мороза. Заключенные выводились на наружные работы при температуре до пятидесяти градусов¹¹⁴. Тем не менее в 1938 году во всех лагерях Дальстроя была запрещена меховая одежда — разрешались только ватники; валенки заменили парусиновыми ботинками.

Лед на реках этого района держался восемь-девять месяцев в году. Недаром пелось по лагерям:

«Колыма-Колыма, дивная планета —

Двенадцать месяцев зима, остальное — лето!».

Примерно два зимних месяца солнце не всходило вообще. В английском издании очень сдержанных воспоминаний Элиноры Липпер, бывшей колымской заключенной, найдем главу, деловито названную: «Болезни. Членовредительство. Самоубийства»¹¹⁵.

Конечно, все это происходило не только на Колыме. Но на Колыме смертность была особенно высока — так же, как и степень отчаяния. Цитированный выше генерал Горбатов был человеком сильной воли, он сумел даже выстоять на следствии, ничего не подписав. Но пробыв меньше года в золотопромышленных колымских лагерях, он выжил лишь чудом. Среди заключенных, работавших в шахтах, смерт-

ность оценивается в тридцать процентов всего состава в год¹¹⁶ — хотя эта цифра до известной степени варьировалась в зависимости от расположения шахты, вида работ и характера коменданта лагеря.

На колымском рационе питания было вообще трудно выжить больше двух лет. Самое позднее к четвертому году заключенный был уже неспособен ни к какой работе, а к пятому году не мог остаться в живых¹¹⁷. В одном из штрафных лагерей Колымы поселили три тысячи заключенных. К концу первого года существования лагеря из этих трех тысяч тысяча семсот умерли, а еще восемьсот человек лежали в госпитале с дизентерией¹¹⁸. В другом — не штрафном — лагере умирало по две тысячи заключенных в год при наполнении лагеря в десять тысяч человек¹¹⁹. Через пятнадцать месяцев пребывания в колымских лагерях умерло шестьдесят процентов из доставленных туда трех тысяч поляков¹²⁰.

В своих «Колымских записях» Г. Шелест рассказывает, что на Колыме в день «за сто процентов добычи давали 800 граммов [хлеба] три раза затируху и раз овсяную кашу» и что на открытых приисках у заключенных существовало строгое разделение труда: два человека разжигают костер, высекая огонь древним способом, без спичек; другие двое привозят на санках с реки воду со льдом, остальные разогревают, размягчают огнем участок мерзлой земли «парят грунт», раскапывают его и начинают мыть «старательское золото».

В этот лагерь привезли трех юношей лет семнадцати. Они выглядели моложе своих лет, потому что были так худы, что остались только кожа да кости. Один из них нашел дома после смерти отца «Завещание Ленина» в конверте, вложенном в один из томов собрания сочинений Ленина. Мальчик показал находку друзьям — и вот все друзья, которые видели текст «Завещания», а также, конечно, сам нашедший, были арестованы по обвинению в терроре и контрреволюции. Все получили по пятнадцать лет. Трое ребят и еще две девочки из группы угодили на Колыму, остальные затерялись в разных лагерях страны¹²¹.

На Колыме было несколько женских лагерей. В лагере Мульга женщины работали в гипсовом карьере¹²². Еще хуже была штрафная командировка Эльген. Работавшая там Евгения Гинзбург, — мать писателя Василия Аксенова, — спасаясь только тем, что ее неожиданно сделали медсестрой, рассказывает об Эльгене так, что становится ясно: лагерь

мало чем отличался от лагерей уничтожения. Нормы на лесоповале были невыполнимы; женщины готовы были торговать своим телом, лишь бы спастись; освобождение от работы по болезни давалось «в пределах лимита», и этот лимит неизменно заполняли уголовные преступницы; способы выжить были только угрозы, интриги и подкуп. Среди тех, кого посылали в Эльген, были женщины, забеременевшие в других лагерях; общение с мужчинами запрещалось, и беременность означала «нарушение». Тем, кто рожал, разрешалось несколько раз в день пытаться кормить младенцев. Но из-за непосильной работы и голодного рациона молоко почти не появлялось и через несколько недель врачи констатировали «прекращение лактации». «Младенцу предлагается отстаивать свое право на жизнь при помощи бутылочек «Бе-риса» и «Це-риса». Так что состав мамок страшно текуч»¹²³. Горбатов и другие отмечают, что сотрудники НКВД порой спасали прежних коллег по работе, попавших в лагерь, или бывших партийных начальников, направляя их на сравнительно легкую работу. Старые связи помогали всем тем заключенным, у кого они были. Шелест описывает, как начальник управления лагерей встретил однажды среди заключенных своего бывшего комкора и сразу же закрепил его устройство на вещевом складе¹²⁴.

Лагерная администрация на Колыме была более жесточайшей и допускала больше произвола, чем в других лагерных комплексах. У одного колымского заключенного в 1937 году кончился срок. Он даже расписался в документе о своем освобождении. Но положенной справки об освобождении — единственного документа, на основании которого освобождаемому выдавался паспорт, — этому человеку не выписали. Без справки об освобождении было бессмысленно куда-либо уезжать, и бедняга продолжал выходить на работу в лагере в весьма двусмысленном качестве «освобожденного зэка». Он благоразумно не протестовал, ибо опасался какого-нибудь худшего оборота дела, а так его положение было все-таки несколько лучше, чем у остальных. В конце концов, на исходе 1939 года он получил справку об освобождении и ему разрешили поселиться в европейской части страны, хотя и не в той области, откуда он был родом¹²⁵.

В 1944 году произошел уникальный случай во всей истории концлагерей: Магадан посетил вице-президент Соединенных Штатов Америки Генри Уоллес. В качестве представителя Управления военной информации США вице-президента сопровождал профессор Оуэн Латтимор. Отчет о том,

что они видели, сильно отличается от информации, которую мы имеем от бывших заключенных¹²⁶.

Уоллес нашел, что Магадан — место идиллическое. Об ужасающем Никишове он с одобрением писал, что тот «весело кружился вокруг нас, явно наслаждаясь прекрасным воздухом». Уоллес отметил материнскую заботу Гридасовой и восхищался вышивками, которые она ему показывала. (Об этих вышивках упоминается, между прочим, в книге Липпер:¹²⁷ женщины-заключенные, умевшие красиво вышивать, делали художественные вещи для жен лагерной аристократии — высших сотрудников НКВД — за ничтожные хлебные подачки. Делали в свободное время, то есть после десяти-двенадцатичасового рабочего дня, в условиях лагерных барачков. Подобную ситуацию упоминает и Солженицын: «художников в лагере трое, пишут для начальства картины бесплатные»¹²⁸).

Профессор Латтимор¹²⁹ сурово осудил жестокости царизма в Сибири. К счастью, писал он, те времена миновали. Освоение Севера ведется в СССР планомерно, под руководством «замечательного объединения Дальстрой, которое можно лишь приблизительно сравнить с американской Компанией Гудзонова залива».

На него также произвели большое впечатление мистер Никишов и его супруга. «Мистер Никишов, начальник Дальстроя, был только что удостоен звания Героя Социалистического Труда за свои исключительные достижения. Он и его жена проявляют интерес к искусству и музыке, свойственный образованным и чувствительным людям. У них отмечается также глубокое чувство гражданской ответственности».

Латтимор с одобрением цитирует еще одного участника поездки, восхищавшегося балетным спектаклем местного театра. По словам этого человека, то было высокое наслаждение, естественно сочетавшееся там с главным предметом добычи — золотом. Столь же высоко этот ценитель балета ставил высокие способности руководства. Латтимор замечает даже, что обстановка в Дальстрое выгодно отличалась от атмосферы американских приисков времен золотой лихорадки, где процветали «водка, грех и драки». В Дальстрое, писал профессор, озабочены главным образом состоянием оранжерей, где выращиваются помидоры, огурцы и даже дыни, чтобы у шахтеров было достаточно витаминов.

Помидоры, о которых Латтимор упоминал с таким лиризмом, действительно выращивались. У той же колымчанки Элиноры Липпер есть описание помидорных теплиц, кото-

рые были под надзором грубой, но деятельной женщины-врача в тюремной больнице северного участка. Большая часть помидоров шла начальству, но кое-что доставалось и тяжело больным, о чем автор пишет как о явлении, совершенно необычайном¹³⁰.

Надо сказать, что Никишов действительно проявил «высокие способности руководства», приписанные ему Латтимором. Ибо прием американской делегации был организован поистине великолепно. Всех заключенных района заперли в бараках. Сторожевые вышки на время визита быстро сняли. Были приняты и другие меры, чтобы обмануть гостей. Например, Уоллесу показали образцовую свиноферму, где роли свинарок играли упитанные сотрудницы ГУЛАГа. В витрины магаданских магазинов поставили все промтовары, какие только имелись на складах. И так далее¹³¹.

Американским посетителям показали и золотую шахту в Колымской долине. На опубликованной Латтимором фотографии видна группа крепких мужчин, ничем не похожих на заключенных, о которых мы знаем из советских и других источников. Подпись под снимком гласила: «Им нужно быть сильными, чтобы противостоять суровой зиме»¹³². Сама по себе фраза правильна, однако применительно к реальным заключенным ее, пожалуй, надо понимать в другом смысле: поскольку им все равно не выдержать суровой зимы, нет необходимости поддерживать их силы.

ПЕЧОРА

Ни один лагерный комплекс в СССР не имел такой репутации, как Колыма, в смысле холодов, изоляции и смертности. Но были районы с условиями, приближавшимися к колымским, — особенно обширный северо-восточный угол европейской части СССР вдоль бассейна реки Печоры. Бассейн Печоры занимает территорию, более крупную, чем Британские острова или Новая Англия, штаты Нью-Йорк и Нью-Джерси в США вместе взятые. Здесь, между Котласом, представлявшим собой «ворота» в район, и угольными месторождениями Воркуты, была самая густая в стране концентрация лагерей — больше миллиона заключенных.

Две трети года температура на Воркуте держится ниже нуля. Более ста дней в году тундру продувает «ветер всех ветров». Тех, кто попадал на Воркуту с юга России, местный климат убивал: очень немногие из них выдерживали больше

года-двух¹³³. Большинство свидетельских показаний заключенных относится как раз к этому району.

В 1936 году начальником Печорских лагерей был майор Мороз. Об этом майоре из НКВД вспоминают по-разному: иногда как об особенно жестоком человеке, иногда как о начальнике, достаточно разумном, чтобы в обмен на хорошую работу давать приличную еду и сносные условия. Его заместитель Богаров, человек жуткого и жестокого вида, по-видимому был на самом деле гуманен, по крайней мере, настолько, насколько позволял его пост, и именно благодаря ему во все времена Мороза условия были несколько лучше. Мороз сам короткое время был заключенным — между двумя высокими назначениями в системе НКВД. Потом он исчез.

Мороза сменил закоренелый садист Кашкетин, про которого говорили, что от него спасаются только те, о чьем существовании он не знает. Через несколько месяцев правления Кашкетина лишь в одной группе лагерей в изоляторы попали две тысячи заключенных, из коих в живых осталось семьдесят шесть человек. Жестокость Кашкетина помогла ему не больше, чем Морозу его «мягкость»: он тоже исчез вместе со своими ближайшими подчиненными в конце ежовщины.

Аналогичные условия царили в меньшем, но все же немалом масштабе во всей системе ГУЛАГа: от Белого моря до Сахалина, от огромных Карагандинских лагерей до сих пор не описанных «лагерей смерти» на Таймырском полуострове и Новой Земле, или, по словам Солженицына, «от полюса холода Ой-Мякон до медных копей Джезказгана»¹³⁴.

РАБОВЛАДЕЛЬЧЕСКОЕ ХОЗЯЙСТВО

Миллионы рабов-заключенных в распоряжении ГУЛАГа играли важную экономическую роль и воспринимались как нормальный компонент советского народного хозяйства.

Специальный комитет, назначенный Организацией Объединенных Наций по резолюции ЮНЕСКО и Международной организации юристов, расследовал этот вопрос. В комитет входили известный индийский адвокат, бывший председатель Верховного суда Норвегии и бывший министр иностранных дел Перу. В 1953 году комитет представил ООН сдержанный и обоснованный документ, не оставлявший сомне-

ний в том, что в советской экономике принудительный труд занимает «значительное место».

В древнем мире государственные рабы считались обычной категорией. Древние Афины разрабатывали серебряные рудники в Лаврионе именно с помощью своих государственных рабов. В древнем Риме тоже были общественные рабы, так называемые *servi publici*.

Однажды, когда начальник одного из промышленных главков РСФСР запросил несколько сот заключенных на срочные работы военного значения, сотрудник НКВД заявил ему, что их не хватает: «Маленкову и Вознесенскому нужны рабочие руки, Ворошилов требует строителей дорог . . . Что нам делать? Факт тот, что мы пока недовыполняем планы по арестам. Спрос на рабсилу превышает предложение»¹³⁵.

Обычно считают, что типичными советскими лагерями были лесозаготовительные. Однако, по самым надежным оценкам, в 1941 году (когда население лагерей было, кстати сказать, не очень большим) лишь 400 тысяч заключенных были заняты лесоповалом. Остальные распределялись по следующим главным категориям:

горношахтные работы — 1 миллион;

сельское хозяйство — 200 тысяч;

поставка заключенных предприятиям по договорам — 1 миллион;

сооружение и обслуживание лагерей — 600 тысяч;

изготовление лагерного инвентаря — 600 тысяч;

строительные работы — 3 миллиона 500 тысяч¹³⁶.

Даже в северо-восточном лесном массиве большой процент заключенных был занят строительством железной дороги Котлас-Воркута. Многие другие, подобно герою Солженицына, возводили различные промышленные или шахтные сооружения.

Часто указывалось на то, что рабский труд экономически неэффективен. Любопытно, что публикуя впервые некоторые рукописи Маркса к «Капиталу», сталинская партия в 1932 году, когда ГУЛАг уже становился своего рода «государством в государстве», довела до сведения читателя следующие слова основателя своей экономической теории: «У раба минимум заработной платы представляется независимой от его труда постоянной величиной. У свободного рабочего эта стоимость его способности к труду и соответствующая ей средняя заработная плата представляются не в таких предопределенных, независимых от его собственного труда, опре-

деляемых только его физическими потребностями границах»¹³⁷.

Таким образом, по Марксу, неэффективность рабского труда очевидно объясняется отсутствием стимулов.

Того же мнения придерживаются и супруги Сидней и Беатриса Вебб. Стоит, кстати, процитировать соответствующее место из книги «Советский коммунизм — новая цивилизация», хорошо отражающее определенный взгляд на советские дела, характерный для тридцатых годов. Критикуя свидетельство профессора Чернявина о его пребывании в советских лагерях, супруги Вебб пишут следующее:

«Приходится пожалеть, что это свидетельство — конечно сильно тенденциозное — смешивает личный опыт и наблюдения над обстановкой, по совести говоря, достаточно скверной, со всякими неподтвержденными сплетнями и явно преувеличенными статистическими домыслами, не поддающимися проверке. Этот рассказ имел бы больший вес, если бы он основывался на достаточно серьезных фактах, непосредственно знакомых автору. Его наивная вера, будто те или иные места ссылки содержатся и непрерывно пополняются тысячами ссылных рабочих и технических специалистов с явной целью извлечь из их принудительного труда добавочный доход для государства, покажутся невероятными для каждого, кто знаком с экономическими результатами работы каторжан или тюремных заключенных в любой стране мира»¹³⁸.

Что ж, массовые аресты, действительно, остаются в основном явлением политическим. Желание получить даровую рабочую силу могло быть лишь вторичным мотивом. Ведь инженеры и ученые, врачи и адвокаты не потому арестовывались, что кому-то хотелось превратить их в плохих лесорубов. Как пишет Вайсберг:

«После двадцати лет бесчисленных трудностей и громадных расходов советскому правительству удалось наконец собрать трудоспособный коллектив действительно талантливых физиков. И что же случилось? Шубников, один из ведущих специалистов по низким температурам в стране, помогает строить канал на Севере. Там же и наш первый директор, профессор Обремов, тоже один из ведущих советских физиков и специалист по кристаллографии. Можете сами вообразить, сколько стоят землекопы вроде Шубникова и Обремова!»¹³⁹.

Все это так. Но когда масса людей уже была под арестом, их возможная эксплуатация представлялась экономически

целесообразной. Не упуская из виду некую иррациональность сталинского террора, надо признать, что в решении влить труд заключенных в хозяйство страны нет ничего, противоречащего здравому смыслу. В этом вопросе Сидней и Беатриса Вебб просто не разобрались в мотивах Сталина.

Больше того, Сталин прекрасно знал об экономических возражениях Маркса против рабства. И, как обычно, не принимая во внимание исторические прецеденты, он решил преодолеть неблагоприятный прогноз. Сталин применил простой, но никем еще не испытанный способ: не давать рабу заранее отмеренных средств к существованию, а связать его рацион с выработкой. Предполагалось, что отсутствие стимулов, указанное Марксом, будет таким путем преодолено.

Разумеется, проекты, построенные на использовании принудительного труда, как и многое другое в сталинских хозяйственных расчетах, часто бывали абсолютно необоснованными — даже по советским меркам. У нас есть свидетельство, что в 1947 году, во время крупной волны арестов, Сталин заявил на заседании Совета Министров, что русский народ давно мечтал иметь надежный выход в Ледовитый океан из устья Оби. Этого замечания оказалось достаточно, чтобы было принято решение строить железную дорогу на Игарку. И в течение четырех с лишним лет, зимой в глубочайшем снегу, при морозах до 55 градусов, а летом на болотах под тучами комаров, трудились на гигантской трассе заключенные. Восемьдесят лагерей, расположенные с интервалом около пятнадцати километров, строили 1300 километровый путь. Если бы эта работа была когда-нибудь завершена, то стоимость каждого километра дороги составила бы от четырех до шести миллионов рублей. В конце концов было уложено 850 километров рельсовых путей, на протяжении 450 километров поставлены телеграфные столбы. Но после смерти Сталина «стройку прекратили из-за ненужности дороги. Увезли технику, ушли люди . . . Сотни километров рельсов ржавеют»¹⁴⁰. «В тундре остались рельсы, поселки, паровозы, вагоны», пишет работавший на стройке инженер¹⁴¹.

Однако здесь сказалась нерациональность самой советской политической и плановой системы. Когда дело шло об обычных работах — вроде, скажем, лесозаготовок, — то могло показаться, что действительно был найден метод обеспечения государства очень дешевой рабочей силой.

Некоторые заключенные пытались на месте определять экономическую ценность их лагерей. Один мой знакомый был заключенным на Воркуте, в лесозаготовительном лагере. Некоторое время он там находился на административной работе (1950-52 годы). По его словам, результаты работы в значительной мере фальсифицировались, шли постоянные приписки — как на многих советских предприятиях того времени. Масса непроизводительных работ засчитывалась в выполнение нормы. И хотя заключенные получали только абсолютный минимум самого необходимого, расходы на содержание лагеря, на его охрану, администрацию и так далее значительно превосходили приносимый в виде продукции доход. В книге А. Экарта¹⁴² о Воркуте те же результаты получаются и по угольным шахтам — хотя, правда, шахты эти были бы, вероятно, нерентабельны и с вольнонаемной рабочей силой ввиду удаленности от районов потребления продукции и высокой стоимости производства в воркутинских условиях. Существует и более общий расчет¹⁴³, показывающий, что если и был какой-то доход от принудительного труда в масштабе всей страны, то доход этот был ничтожен.

Свидетельство советского автора подтверждает эту точку зрения. Инженер Побожий вспоминает о разговоре, в ходе которого другой инженер, сам бывший заключенный, отзывается на мнение о том, что использование рабочей силы заключенных обходится сравнительно дешево:

«— Это так только кажется,— возразил он.— Ведь заключенных нужно хоть как-то кормить, обувать, одевать и их нужно стеречь, и стеречь хорошо, строить зоны с вышками для часовых, кондеи, да и содержание охраны дорого обходится. А потом оперче, кавече, петече и прочие «че», которых, кроме лагеря, нигде нет... В общем, штат большой. Дрова, воду им возят, полы моют, бани топят опять-таки заключенные. Да мало ли что еще нужно для живых людей?... А сколько на колоннах и лагпунктах всяких дневальных, поваров, кухонной прислуги, водовозов, дровиколов, бухгалтеров, плотников, учетчиков и прочих «придурков», как их называют в лагере! Так что, если в среднем взять, на каждого работагу приходится полторы прислуги. А главное, охрана не может обеспечить фронт работы: то механизмы нельзя применять, а то десятникам и прорабам, тоже заключенным, просто из-за разводов, проверок и прочей кутерьмы некогда подумать об организации труда...»¹⁴⁴.

Следует отметить, что необходимость охранять лагеря приносила также и чисто военный ущерб. В течение всего периода войны лагеря продолжали охраняться отборными частями НКВД в пропорции приблизительно один охранник на двадцать заключенных. Таким образом советское правительство не использовало в военных операциях по меньшей мере четверть миллиона обученных и здоровых солдат.

При всем том в определенных условиях принудительный труд был экономически целесообразен: цена на печорский и карагандинский уголь была иногда значительно ниже цены на уголь донецкий¹⁴⁵. Более того, есть области, где наемная рабочая сила обходится невероятно дорого и где принудительный труд, по-видимому, экономически предпочтителен — например на шахтах и стратегических дорогах северо-восточной Сибири. В 1951 году в конгрессе США были объявлены невероятно высокие цифры стоимости рабочей силы на строительстве авиабазы в Гренландии. Можно быть уверенным, что эквивалентные авиабазы в советской Сибири обошлись куда дешевле с применением принудительного труда — дешевле даже по сравнению с более низкими расходами на оплату советских вольнонаемных рабочих. Иными словами, хотя система принудительного труда годится отнюдь не везде, есть определенные области, где она может быть доходной.

Но пытаться абстрактно исследовать экономику труда заключенных — явная ошибка. Ведь получается, что человек, уничтоженный одним-двумя годами безжалостной каторги, «полезнее» человека, содержащегося в тюрьме. Нет, лагеря были прежде всего эффективны политически. Они изолировали от народа всех потенциальных зачинщиков беспорядков, они служили страшнейшим пугалом против любой антисоветской деятельности или даже сомнительных разговоров. Если предположить, что политический террор был кому-то необходим, то лагеря были, так сказать, полезным конечным продуктом террора.

Как все остальное в сталинскую эпоху, система лагерей действовала по принципу давления сверху. Каждый лагерь имел свой план, каждый начальник лагеря работал с перспективой либо наград, либо наказаний. Иногда это приводило к странным результатам. Так, есть сообщения о начальниках, которые держали у себя пойманных беглецов из других лагерей. Они не хотели отдавать работников по принадлежности, как было положено. Или известен случай с группой стариков и инвалидов в пересыльной тюрьме в Котласе: они

жили и жили в тюрьме, потому что ни один лагерь не желал принимать их по, так сказать, очевидным экономическим причинам. Так прожили они больше года и в конце концов проблема разрешилась сама собой — несчастные постепенно все и умерли на пересылке¹⁴⁶.

РАЦИОН И ЖИЗНЬ

В лагерях применялась система норм и рационов. Основной принцип состоял в том, что существовали различные «котлы» питания. Принцип этот несложен. Точные цифры варьируют довольно значительно. Элинора Липпер дает следующий типичный рацион для колымских лагерей, где она была заключенной. Мужчины в этих лагерях получали тот же рацион, что и женщины, за исключением шахтеров и других занятых очень тяжелым физическим трудом, получавших повышенный рацион.

Суточный рацион хлеба (в граммах):

	Мужчины на тяжелых работах	Мужчины на «легких» работах и женщины
для выполняющих и перевы- полняющих нормы — до	800-900	600
для выполняющих от 70% до 99%	700	500
для выполняющих от 50% до 69%	500	400
штрафная норма	300	300

В дополнение к этому, все эки получали похлебку, 100 гр соленой рыбы и 60 гр крупы; 5 гр муки, 15 гр растительного масла, 10 гр сахара, 3 гр чая, 300 гр кислой капусты¹⁴⁷. Заключенный поляк, находившийся на Колыме в 1940-41 годах, вспоминает, что за половину нормы давали пайку в 500 граммов, а за меньшую выработку — 300¹⁴⁸.

В книге Далина и Николаевского приводится рацион одного из северных лагерей в ту же зиму 1941-42 годов: за полную норму — 700 граммов хлеба плюс суп и каша; для невыполняющих — 400 гр хлеба и суп.¹⁴⁹

Большинство северных лагерей имело нормы, близкие к указанным выше. Вне арктических районов хлеба давали меньше:

за перевыполнение нормы	750-1000 гр.
за 100% нормы	600—650 гр.
за выполнение от 50% до 100%	400—475 гр.
штрафная норма (ниже 50%)	300—400 гр. ¹⁵⁰ .

Любопытно сравнить эти нормы с нормами известного японского лагеря для военнопленных на реке Куай (Тха Махан). Там пленные получали на день 700 гр. риса, 600 гр. овощей, 100 гр. мяса, 20 гр. сахара, 20 гр. соли и 5 гр. растительного масла, что составляло 3400 калорий, в составе которых, как и в СССР, сильно недоставало витаминов¹⁵¹.

Можно сделать и некоторые другие сравнения. В начале тридцатых годов, когда на Украине свирепствовал голод, нормы хлеба в украинских городах были такие: 800 граммов для рабочих тяжелой промышленности, 600 граммов для остальных рабочих, 400 граммов для служащих. Во время блокады Ленинграда в 1941-42 годах, когда от одной трети до половины населения умерло от голода, рационы хлеба в самый худший период были следующие:

октябрь 1941 года— 400 граммов в день для работающих и
200 граммов для иждивенцев;
конец ноября 1941— 250 граммов для работающих и
125 граммов для иждивенцев;
конец декабря 1941— до 350 граммов для работающих и
200 граммов для иждивенцев¹⁵².

В Ленинграде выдавались еще небольшие количества мяса и сахара; занятые на тяжелых работах получали дополнительные рационы сверх нормы; а главное отличие заключалось в том, что в лагерях заключенные никогда не получали своих рационов полностью, и если где-то оказывались порченные или низкосортные продукты, то они и шли в арестантские котлы. Солженицын рассказывает:

«Паек этих тысячу не одну переполучал Шухов в тюрьмах и в лагерях, и хоть ни одной из них на весах проверить не пришлось... но всякому арестанту и Шухову давно понятно, что честно вешая, в хлеборезке не удержишься. Недодача есть в каждой пайке — только какая, велика ли?»¹⁵³.

Объясняется это просто:

«С утра, как из лагеря выходить, получает повар на большой лагерной кухне крупу. На брата, наверно, грамм по

пятьдесят, на бригаду — кило, а на объект получается немногим больше пуда. Сам повар того мешка с крупой три километра нести не станет, дает нести шестерке. Чем самому спину ломать, лучше тому шестерке выделить порцию лишнюю за счет работяг. Воду принести, дров, печку растопить — тоже не сам повар делает, тоже работяги да доходяги — и им он по порции, чужого не жалко. Еще положено, чтоб ели, не выходя со столовой: миски тоже из лагеря носить приходится (на объекте не оставишь, ночью вольные сопрут), так носят их полсотни, не больше, а тут моют да оборачивают побыстрее (носчику мисок — тоже порция сверх). Чтобы мисок из столовой не выносили — ставят еще нового шестерку на дверях — не выпускать мисок. Но как он ни стереги — все равно унесут, уговорят ли, глаза ли отведут. Так еще надо по всему, по всему объекту сборщика пустить: миски собирать грязные и опять их на кухню стаскивать. И тому порцию. И тому порцию.

Сам повар только вот что делает: крупу да соль в котел засыпает, жиры делит — в котел и себе (хороший жир до работяг не доходит, плохой жир — весь в котле. Так эки больше любят, чтоб со склада отпускали жиры плохие). Еще — помешивает кашу, как доспевает. А санинструктор и этого не делает: сидит — смотрит. Дошла каша — сейчас санинструктору: ешь от пуза. И сам — от пуза. Тут дежурный бригадир приходит, меняются они ежедён — пробу снимать, проверять будто, можно ли такой кашей работяг кормить. Бригадиру дежурному — двойную порцию.

Тут и гудок. Тут приходят бригадиры в черед и выдает повар в окошко миски, а в мисках тех дно покрыто кашицей, и сколько там твоей крупы — не спросишь и не взвесишь, только сто тебе редек в рот, если рот откроешь»¹⁵⁴.

И так было во всем: «И здесь воруют, и в зоне воруют, и еще раньше на складе воруют»¹⁵⁵.

Эффективность эксплуатации заключенных несколько поднималась, особенно в лесозаготовительных лагерях, с помощью разделения заключенных на бригады с коллективной ответственностью за плохую работу.

«Кажется, чего бы эку десять лет в лагере горбить? Не хочу, мол, да и только. Волочи день до вечера, а ночь наша.

Да не выйдет. На то придумана — бригада... Тут так: или всем дополнительное, или все подышайте. Ты не работаешь, гад, а я из-за тебя голодным сидеть буду? Нет, вкалывай, падло!

А еще подождет такой момент, как сейчас, тем боле не рассидишься. Волен не волен, а скачи да прыгай, поворачивайся. Если через два часа обогрелки себе не сделаем — пропадем тут все на хрен»¹⁵⁶.

Бригадир-заклученный, под контролем учетчика и десятника, записывал бригадную выработку. Затем сотрудники лагеря оценивали выработку в сравнении с дневными нормами. Их решение передавалось в продстол, который и выписывал бригадам рационы в зависимости от выполнения этих норм¹⁵⁷.

«От процентовки больше зависит, чем от самой работы. Который бригадир умный — тот на процентовку налегает. С ей кормимся. Чего не сделано — докажи, что сделано; за что дешево платят — оберни так, чтоб дороже. На это большой ум у бригадира нужен. И блат с нормировщиками. Нормировщикам тоже нести надо.

А разобраться — для кого все эти проценты? Для лагеря. Лагерь через то со строительства тысячи лишние выгребают, да своим лейтенантам премии выписывают. Тому же Волковому за его плетку. А тебе — хлеба двести грамм лишних в вечер. Двести грамм жизнью правят»¹⁵⁸.

Бригадир Тюрин в «Одном дне Ивана Денисовича» однажды «хорошо закрыл процентовку». Это означало, что «теперь пять дней пайки хорошие будут. Пять, положим, не пять, а четыре только: из пяти дней один захалтуривает начальство, катит на гарантийке весь лагерь вровень, и лучших и худших»¹⁵⁹.

Что до качества еды, то тут опять интересно привести отрывок из «Ивана Денисовича». Цезарь и Буйновский говорят о фильме Эйзенштейна «Броненосец «Потемкин»». Кавторанг Буйновский сомневается в реалистичности червей на мясе, вызвавших бунт моряков. Слишком крупные, мол, «как дождевые ползают». Цезарь возражает, что более мелких «средствами кино не покажешь». И тогда следует фраза Буйновского: «Думаю, это б мясо к нам в лагерь привезли вместо нашей рыбки, да не моя, не скребя, в котел бы ухнули, так мы бы...»¹⁶⁰.

А вот и более подробное описание еды:

«Баланда не менялась ото дня ко дню, зависело — какой овощ на зиму заготовят. В летошнем году заготовили одну соленую морковку — так и прошла баланда на чистой морковшке с сентября до июня. А нонче — капуста черная. Самое сытное время лагернику — июнь: всякий овощ конча-

ется и заменяют крупой. Самое худое время — июль: крапиву в котел секут.

Из рыбки мелкой попадались все больше кости, мясо с костей сварилось, развалилось, только на голове и на хвосте держалось. На хрупкой сетке рыбьего скелета не оставив ни чешуйки, ни мясинки, Шухов еще мял зубами, высасывал скелет — и выплевывал на стол. В любой рыбе ел он все: хоть жабры, хоть хвост, и глаза ел, когда они на месте попадались, а когда вываривались и плавали в миске отдельно — большие рыбы глаза, — не ел. Над ним за то смеялись...

На второе была каша из магары. Она застыла в один слиток. Шухов ее отламывал кусочками. Магара не то что холодная — она и горячая ни вкуса, ни сытости не оставляет: трава и трава, только желтая, под вид пшена. Придумали давать ее вместо крупы, говорят, от китайцев. В вареном весе триста граммов тянет — и лады: каша не каша, а идет за кашу»¹⁶¹.

И рационы и нормирование зависели от самых различных факторов. Прежде всего от мнения начальства насчет того, какими должны быть нормы. В некоторых случаях нормы на те или иные работы далеко превышали все человеческие возможности — так было, к примеру, на строительстве дороги Котлас — Воркута. Выполнить больше тридцати процентов такой нормы было немыслимо, так что за эту самую тяжелую работу не получалась пайка больше 400 граммов¹⁶². На ветке той же дороги, в направлении на Халмер-Ю, средняя жизнь лагерника длилась три месяца¹⁶³.

Трагедия состояла в том, что люди готовы были есть все, что угодно. Кухонные мусорные ящики становились объектами массовых налетов. Если кухонные помои в лагере выливались в выгребные ямы при уборных, то даже и там на помои немедленно бросались группы голодных¹⁶⁴. Когда показывалась свежая трава, ее рвали, кипятили в жестянках и ели. Интеллигентные заключенные ели траву чаще других, полагая ее безвредной. На самом деле конечный результат питания травой мог быть смертелен. Другие пытались утолить аппетит горячей водой с солью — столь же безуспешно¹⁶⁵.

Солженицынский Иван Денисович, даже сидя в том страшном режимном лагере, где прошел его «один день», вспоминает свои семь лет на севере, как нечто еще худшее. Бывало, бригаду, не выполнившую дневного задания, оставляли на всю ночь в лесу. И гарантийная пайка была там на сто

граммов ниже¹⁶⁶. На Дальнем Севере, к востоку от Урала, существовал ряд лагерей особенно сурового режима, так называемые «лагеря строгой изоляции». О том, что там творилось, известно лишь по слухам, поскольку из тех лагерей людей ни при каких обстоятельствах не выпускали живыми. Смертность, как говорят, была там непомерно высокой. Норильск был центром группы лагерей, более страшных, чем колымские. Такую же исключительно скверную репутацию имели лагеря на островах Новая Земля — от туда возвращались немногие, да и были ли такие?

Есть множество свидетельств о специальных штрафных лагерях. После того, как в начале сороковых годов был введен в действие режим каторги, приговоренные к ней должны были первые три года спать без матрацев и одеял, их рабочий день был дольше, работа тяжелее и условия хуже¹⁶⁷. В отдельных лагерях заключенных, нарушавших режим, заковывали в кандалы до окончания сроков¹⁶⁸.

Особой суровостью отличался женский лагерь в Сталиногорске (ныне Новомосковск). Заключенных женщин посылали на подземные работы в шахты. Во втором лаготделении Алексеевке в Каргопольской группе было полно заключенных-иностранцев, которые не успели совершить никаких нарушений в других лагерях, ибо были посланы прямо туда. Тем не менее этот лагерь считался особо тяжелой штрафной командировкой. В Алексеевке было немало польских евреев, сбежавших от наступавших гитлеровцев и вот теперь погибавших пачками в советском штрафном лагере. Эти люди ненавидели сталинский режим еще более сильно и страстно, чем кто бы то ни было из заключенных¹⁶⁹.

Солженицынскому Шухову повезло в одном отношении: он не попал на лесозаготовки. Лесозаготовительные лагеря отличались низкими рационами питания и тяжелыми нормами выработки. Профессор Свяневич, в свое время переживший лагерь, пишет, что бывшие заключенные склонны преувеличивать численность людей, отправленных на лесоповал. Пропорция заключенных-лесорубов кажется выше потому, что во всех других лагерях постоянно слышалась угроза «отправить на лесоповал». Для человека, не привыкшего к тяжелой физической работе, направление на продолжительный срок на лесозаготовки было равносильно смертному приговору¹⁷⁰.

Имеются показания фельдшера одного из северных лесных лагерей. За две зимы, — говорит он, — в некоторых бригадах умерло по 50% заключенных. В среднем же

каждый год от смертей и истощения терялось около 30 процентов рабочей силы¹⁷¹.

Заклученный-поляк, короткое время пробывший в лагере Алексеевка, описывает необычную «смерть на ногах». Два человека упали мертвыми, когда бригады выходили из лагерных ворот. В его собственной бригаде в первый же день умерло на работе три человека¹⁷². Очень деятельный человек мог иногда оставаться внешне здоровым в течение года или полутора, выполняя 120-150 процентов нормы. Но такого человека подстерегала, как правило, скорострельная смерть от разрыва сердца. Этих «здоровяков» часто находили мертвыми на нарах по утрам¹⁷³.

Даже сравнительно мягкие лесные лагеря были лагерями смерти. Заклученные-финны — а уж они-то специалисты по лесозаготовкам — утверждают, что нормы были невыносимы даже при хорошем питании. «Выполнять» их заключенные умудрялись либо с помощью обмана — знаменитой лагерной туфты, — либо давая взятки учетчикам. В качестве примера туфты приводится сдача одного и того же дерева дважды — для чего незаметно отпиливался отмеченный учетчиком конец ствола.

Герлинг пишет, что ни разу не встречал заключенного, проработавшего на лесоповале больше двух лет. После года люди становились уже неизлечимыми. Их переводили на более легкую работу, как доходяг, а оттуда дорога вела в морг¹⁷⁴.

Стадия доходяги была последней стадией лагерной жизни очень многих. Изможденный человек, доведенный до такого состояния, когда от него нельзя было получить никакой серьезной работы, переводился на голодную пайку. Ему разрешалось оставаться в лагере и выполнять случайную работу в зоне, пока умрет. Существование доходяг признано теперь как западными, так и недавними советскими публикациями. Генерал Горбатов, например, описывает обычные симптомы доходяги¹⁷⁵ и подтверждает, что заболеть в лагере обычно означало умереть. Ибо если вы ослабевали, вам снижали пайку, и обратного хода уже не было¹⁷⁶.

Сам Горбатов — до ареста командир дивизии — радовался тому, что подметал полы в помещении лагерной администрации: он «в какой-то степени стал лучше утешать свой голод... сметая со столов крошки, корочки, а иногда и кусочки хлеба в свою торбу»¹⁷⁷. От смерти Горбатова спас

дружественно расположенный к нему доктор, который перевел его на легкую работу.

Все источники подчеркивают: в большинстве лагерей продолжительное выживание заключенного на общих работах было редкостью. Выживали большей частью те, кто на общие работы не попадал — то есть работал в конторе, обслуге, медчасти и т.п.

В плохие периоды особенно наполнялись лагеря для больных и инвалидов, а самые крупные бригады из тех, кто мог еще работать, рубили лес и копали могилы¹⁷⁸. Мертвецов хоронили в больших ямах, с бирками, привязанными к ноге¹⁷⁹.

По скромной оценке, из данного количества заключенных, отправленных в лагеря, через два-три года оставалась в живых половина¹⁸⁰. По сообщению бывшего работника НКВД¹⁸¹, на строительстве Беломорско-Балтийского канала было занято двести пятьдесят тысяч заключенных. Смертность составляла семьсот человек в день (эта цифра подтверждается и другими источниками)¹⁸². Однако каждый день на канал привозили полторы тысячи новых узников, так что наполнение лагерей все росло.

Из советских источников известно время выживания в лагерях многих осужденных. Так, Радек прожил два года после приговора, Раковский — три года, Сокольников — два¹⁸³.

В 1933 году смертность в советских лагерях оценивается в десять процентов всего количества заключенных. К 1938 году она поднялась до двадцати процентов¹⁸⁴. Почти все, арестованные в 1936 году, исчезли с лица земли к 1940 году. Женщина, работавшая в лагерном госпитале, свидетельствует, что в 1939 и 1940 годах госпиталь заполняли главным образом пациенты, осужденные в 1937 и 1938 годах, но к 1941 году их оставалось уже очень мало¹⁸⁵.

Согласно одному осторожному подсчету, в период 1927-1938 годов смертность превысила нормальную на 2,3 миллиона человек — в результате действия лагерей и ссылки¹⁸⁶. Конечно, после этого умерло еще большинство тех, кто попал в лагеря и тюрьмы во время ежовщины и к концу 1938 года оставался в живых. Другой весьма обоснованный расчет дает цифру умерших в лагерях с 1936 по 1939 год: два миллиона восемьсот тысяч. Согласно тому же расчету, с 1939 по 1941 год за колючей проволокой умерло еще 1,8 миллиона заключенных¹⁸⁷.

Во всяком случае на волю вышла лишь малая часть из тех, кто тогда попал в лагеря. Долгое время наилучшие свидетельства о лагерной жизни мы имели лишь от немецких коммунистов, взятых из лагерей и переданных Сталиным в руки гестапо в 1939-40 годах, от поляков, освобожденных по договору 1941 года, и от тех нескольких человек, которые освободились в силу стечения необыкновенных, исключительных обстоятельств. В целом же освобождение из лагерей было явлением редким — и так же редки выжившие в лагерях с ежовщины до послесталинских амнистий. «Зачем скрывать — их возвращалось мало» — писала Ольга Берггольц (сама пробывшая некоторое время в заключении)¹⁸⁸.

Длительность срока имела для приговоренных в годы ежовщины очень небольшое значение (тех, кого выпустили после войны, в 1947-48 годах снова арестовали). Обычно когда срок у политического заключенного кончался, его вызывали к оперуполномоченному и сообщали, что срок продлен на столько-то лет. Были и такие случаи, когда под конец срока заключенных этапировали в тюрьмы Москвы и других городов, заново допрашивали и осуждали за «новые» преступления. Вот как об этом у Солженицына:

«Шухову и приятно, что на него все пальцем тычут: вот, он-де срок кончает, — но сам он в это не больно верит. Вон, у кого в войну срок кончался, всех до особого распоряжения держали, до сорок шестого года. У кого и основного-то сроку три года было, так пять лет пересидки получилось. Закон — он выворотной. Кончится десятка — скажут, на тебе еще одну. Или в ссылку»¹⁸⁹.

Известны люди, пробывшие в лагерях по семнадцать лет, выжившие там и реабилитированные. Например, некий Снегов, упомянутый Хрущевым на XX съезде КПСС, или генерал-лейтенант Тодорский¹⁹⁰. Обычно такие отбывали сроки в менее тяжелых лагерях. Но большинство опубликованных в Советском Союзе свидетельств о лагерях исходят от людей типа Горбатова, который оказался в числе освобожденных в 1940 году командиров, а иначе бы не выжил. (Реабилитация даже тех немногих, кого она коснулась в те времена, проходила медленно. Как Горбатов узнал позже, за него заступился Буденный, и 20 марта 1940 приговор был отменен с назначением дела к пересмотру. Но Горбатова привезли из Магадана в Бутырскую тюрьму лишь 25 декабря 1940 года, 1 марта 1941 года перевели на Лубянку, а 5 марта того же года освободили)¹⁹¹.

Другие выжившие свидетели — это люди с судьбой Солженицына. Он сам пишет, что в сравнительно «хороший» период лагерной истории, т.е. после войны, человек мог продержаться в лагерях десять лет «не околев», но вряд ли дольше¹⁹². Самого Солженицына выпустили в ссылку через восемь, как раз после смерти Сталина. Его, к счастью, арестовали позже других. Человеку, арестованному в 1938 году, надо было выдержать не десять лет, а семнадцать — восемнадцать. Из тех, кого арестовали в 1936-38 годах, выжило вряд ли даже десять процентов. Эту цифру подтверждает, например, советский историк Рой Медведев. По его подсчетам в лагерях до войны погибло 90 процентов заключенных¹⁹³. А по подсчетам академика Сахарова процент погибших был значительно выше. Он пишет: «Лишь в 1936-39 гг. было арестовано более 1,2 миллиона членов ВКП(б) — половина всей партии. Только 50 тысячшло на свободу — остальные были замучены при допросах, расстреляны (600 тысяч) или погибли в лагерях»¹⁹⁴. Таким образом, можно полагать, что всех выживших в лагерном заключении по всему Советскому Союзу, было отнюдь не больше одного миллиона человек. А остальные семь с лишним миллионов? Из них около трех миллионов человек было либо казнено, либо умерло в лагерях только за два года пребывания у власти Ежова. В речи, произнесенной 1 августа 1951 года, член Политбюро Союза коммунистов Югославии Моше Пьяде сказал, что «в 1936, 1937 и 1938 годах в Советском Союзе было ликвидировано три миллиона человек»¹⁹⁵. Остальные погибли в последующие годы, причем фактическое количество смертей было еще выше — к ним ведь добавлялись жертвы продолжавшихся арестов¹⁹⁶.

В поэме «Теркин на том свете» Александр Твардовский писал:

«Там — рядами, по годам
Шли в строю незримом
Колыма и Магадан,
Воркута с Нарымом.

За черту из-за черты
С разницею малой
Область вечной мерзлоты
В вечность их списала.

Из-за проволоки той
Белой-поседелой —

С их особою статьей,
Приобщенной к делу...

Кто, за что, по воле чьей —
Разберись наука...»¹⁹⁷.

ГЛАВА 10

1. См. предисловие к книге: *Gustav Herling, A World Apart*, New York, 1951.
2. М. З. Никонов-Сморозин, «Красная каторга», София, 1938.
3. S. Mora-P. *Zwieznik, Sprawiedliwość Sowietcka*, Włochy, 1945.
4. М. М. Розанов, «Завоеватели белых пятен», Лимбург, 1951.
5. D. Dallin and V. Nicolaevsky, *Forced Labour in Soviet Russia*, London, 1948.
6. И. Л. Солоневич, «Россия в концлагере», Белград, 1935.
7. См. «Декреты Советской власти», т. 3, Москва, 1964, стр. 291-2. Два декрета 1919 года, относящиеся сюда же (см. «Собрание Указаний», 1919, № 12, стр. 124 и № 20, стр. 235), перепечатаны в книге Б. Яковлева, «Концентрационные лагеря СССР», Мюнхен, 1955.
8. «Вся Россия», Адресная книга, Москва, 1923, Ч. 3, кол. 55
9. Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 225.
10. Ciliga, *The Russian Enigma*, p. 180.
11. Там же, стр. 250.
12. Там же, стр. 180.
13. Winston S. Churchill, *The Second World War*, vol. IV, London, 1951, pp. 447-448.
14. Swianiewicz, *Forced Labor and Economic Development*, p. 123.
15. Dallin and Nicolaevsky, p. 54.
16. См. «Тюрьмы капиталистических стран», Москва, 1937, стр. 54, 61, 143 (ред. А. Я. Вышинский).
17. Ekart, *Vanished Without a Trace*, p. 71.
18. Lipper, *Elf Jahre in Sowjetischen Gefängnissen und Lagern*, s. 71.
19. Гурген Маари в «Вопросах литературы», № 11, 1964 («Пережитое»).
20. V. Petrov, *It Happens in Russia*, Chap. 3 («In the Train»);
21. Lengyel, *From Beginning to End*, p. 15.
22. Buber-Neumann, *Als Gefangene bei Stalin und Hitler*, s. 63.
23. Е. Гинзбург, «Крутой маршрут», стр. 293.
24. *The Dark Side of the Moon*, p. 66.
25. Там же, стр. 57.
26. Там же, стр. 67.
27. Гинзбург, стр. 357.
28. См. Herling, *A World Apart*, p. 22; V. and E. Petrov, *Empire of fear*, pp. 68-69.
29. Ген. А. В. Горбатов, «Годы и войны», стр. 140.
30. Там же, стр. 153.

31. А. В. Горбатов в «Новом мире» № 4, 1964, стр. 127. Отметим, что при издании воспоминаний Горбатова отдельной книжкой («Годы и войны») выражение «плохое питание» смягчено на «малокалорийное питание», а слово «друзья» опущено и заменено словами «уголовники» или «урки» (цитируемое место см. в ней на стр. 146).

32. Горбатов, стр. 159.

33. Lipper, s. 87.

34. *The Dark Side of the Moon*, p. 158.

35. Buber-Neumann, s. 115.

36. Lipper, s. 132.

37. Dallin and Nicolaevsky, p. 17.

38. Б. Пастернак, «Доктор Живаго», Милан, 1958, стр. 582.

39. Kravshenko, *I Chose Justice*, p. 258.

40. Andrée Sentaupens, *Dix-sept ans dans les camps soviétiques*, Paris, 1963, p. 122.

41. Kravshenko, *I Chose Justice*, p. 339.

42. Sentaupens, p. 119.

43. Kravshenko, *I Chose Justice*, p. 240.

44. Dallin and Nicolaevsky, p. 28.

45. Wolin and Slusser, *The Soviet Secret Police*, p. 194.

46. Herling, pp. 21-22.

47. Пастернак, «Доктор Живаго», стр. 585-6.

48. Dallin and Nicolaevsky, pp. 35-36.

49. Там же, стр. 34-5.

50. Buber-Neumann, s. 72.

51. Гинзбург, стр. 343.

52. А. И. Солженицын, Собр. соч., т. 1, Франкфурт-на-Майне, 1970, стр. 7-8 («Один день Ивана Денисовича»).

53. Kravshenko, *I Chose Freedom*, pp. 336-41.

54. А. И. Солженицын, Собр. соч., т. 1, стр. 87 («Один день Ивана Денисовича»).

55. Там же, стр. 6.

56. Б. Дьяков в «Октябре» № 7, 1964 («Повесть о пережитом»).

57. Солженицын, т. 1, стр. 128.

58. Например, Lipper, s. 127.

59. Ekart, p. 105.

60. См. «Науку и религию» № 11, 1965

61. Солженицын, т. 1, стр. 128.

62. Там же, стр. 116.

63. См., напр., Herling, p. 45.

64. Солженицын, т. 1, стр. 9.

65. Lengyel, p. 31.

66. Солженицын, т. 1, стр. 31.

67. Там же, стр. 15.

68. Там же, стр. 125.

69. Там же, стр. 11-12; см. также Ekart, p. 57; Lipper, s. 120; Дьяков в «Октябре» № 7, 1964, стр. 64.

70. Солженицын, т. 1, стр. 20.

71. Там же, стр. 18.

72. Dallin and Nicolaevsky, p. 12.

73. Солженицын, т. 1, стр. 18; см. также: V. Petrov, p. 185.

74. Гинзбург, стр. 430.

75. Dallin and Nicolaevsky, p. 36.

76. Солженицын, т. 1, стр. 93.

77. Там же, стр. 87 и 95.

78. Dallin and Nicolaevsky, p. 18.
79. В. Осипов в «Литературной газете» 4 апр. 1964.
80. Herling, p. 41.
81. Swianiewicz, pp. 21-22.
82. «Новый мир» № 1, 1964, статья В. Лакшина «Иван Денисович, его друзья и недруги», стр. 237-8 (статья перепечатана также в Собр. соч. А. Солженицына, т. 6; цитируемое место см. стр. 270-1).
83. Солженицын, т. 1, стр. 16.
84. Там же, стр. 91.
85. См., напр., там же, стр. 26, 106.
86. Примеры см. Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 237; см. также Гинзбург, стр. 379, 423, 428-9.
87. Buber-Neumann, p. 127.
88. Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 341.
89. Свидетельство Эдуарда Дунна приведено в книге: Abramovitch, *The Soviet Revolution*, Chap. 17, note 32 (p. 425).
90. «Социалистический вестник», № 1-3, 1951.
91. Солженицын, т. 1, стр. 122-3.
92. Там же, стр. 12.
93. Dallin and Nicolaevsky, p. 13.
94. Там же.
95. Там же.
96. El Campesino, *Listen Comrades*, p. 162.
97. Солженицын, Собр. соч., т.3, стр. 246 («В круге первом»).
98. Солженицын, собр. соч., т. 1, стр. 89 («Один день Ивана Денисовича»).
99. Там же, стр. 29.
100. Там же, стр. 82.
101. Ekart, p. 42.
102. Buber-Neumann, s. 105.
103. См. Dallin and Nicolaevsky, p. 137.
104. О Колыме см., в частности, у Горбатова, стр. 141-163; у Гинзбург, стр. 369-432; см. также Г. Шелест в «Знамени» № 9, 1964 («Колымские записи»); Lipper, s. 83-235; Kravchenko, *I Chose Justice*, pp. 268-70; Dallin and Nicolaevsky.
105. Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 269.
106. Dallin and Nicolaevsky, p. 130.
107. Lipper, s. s. 100-103.
108. Dallin and Nicolaevsky, pp. 128-9.
109. В 1968 г. академик А. Д. Сахаров писал о «кораблях смерти Охотского моря» («Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», стр. 21).
110. Lipper, p. 85.
111. Гинзбург, стр. 366.
112. Lipper, p. 86.
113. Гинзбург, стр. 369.
114. Lipper, s. 83, s. 183.
115. Lipper, *Eleven Years in Soviet Prison Camps*, London, 1951, Chap. 9 (В немецком оригинале эта глава отсутствует).
116. Lipper, *Elf Jahre in Sowjetischen Gefängnissen und Lagern*, s. 98.
117. Там же, стр. 175.
118. Там же, стр. 150.
119. *The Dark Side of the Moon*, p. 120.
120. Там же, стр. 121.

121. «Знамя» № 9, 1964, статья Георгия Шелеста «Колымские записки», стр. 162-180.
122. Lipper, s. 112.
123. Гинзбург, стр. 415.
124. Шелест в «Знамени» № 9, 1964, стр. 169-171.
125. Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 270.
126. Henry A. Wallace, *Soviet Asia Mission*, New York, 1946, p. 33 ff; (В частности, см. стр. 35 и 127).
127. Lipper, s. 102.
128. Солженицын, т. 1, стр. 24.
129. *National Geographic Magazine*, LXXXVI, Dec. 1944.
130. Lipper, s. 223.
131. Там же, стр. 235.
132. *National Geographic Magazine*, LXXXVI, Dec. 1944.
133. Dallin and Nicolaevsky, p. 38.
134. Солженицын, т. 4, стр. 803 («В круге первом»).
135. Kravchenko, *I Chose Freedom*, pp. 405-406.
136. Swianiewicz, p. 39.
137. «Большевик» № 5-6, 1932 («Неопубликованные рукописи Маркса») Цитата взята из отрывка IV на стр. 88 журнала.
138. Sidney and Beatrice Webb, *Soviet Communism, A New Civilization*, 2nd ed., London, 1937, p. 585. (Русский перевод: Сидней и Беатриса Вебб, «Советский коммунизм — новая цивилизация», Москва, 1937, т. 2, стр. 59).
139. Weissberg, *Conspiracy of Silence*, p. 321.
140. «Известия» 14 июля 1960 (Статья «Мертвая дорога»).
141. А. Побожий в «Новом мире» № 8, 1964, стр. 180 («Мертвая дорога»).
142. Ekart, p. 259.
143. Swianiewicz.
144. Побожий в «Новом мире» № 8, 1964, стр. 155 [Противоположной точки зрения придерживается десять лет проработавший в лагерях советский экономист М. Розанов («Завоеватели белых пятен», гл. «Расчетливая подлость»)].
145. Naum Jasny, *The Soviet Prices of Producer's Goods*, Stanford Univ. Press, 1952, p. 50, p. 151 (см. также Swianiewicz, pp. 193-4).
146. Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 250.
147. Lipper, s. 175.
148. *The Dark Side of the Moon*, p. 161.
149. Dallin and Nicolaevsky, p. 10.
150. *The Dark Side of the Moon*, p. 97.
151. См. *Rights and Wrongs*, edited by Christopher Hill for Amnesty International, London, 1969.
152. См. Д. В. Павлов, «Ленинград в блокаде», Москва, 1958; см. также L. Goure, *The Siege of Leningrad*, Oxford, 1962; Harrison E. Salisbury, *The 900 Days*, New York, 1969, parts III and IV.
153. Солженицын, т. 1, стр. 21 («Один день Ивана Денисовича»).
154. Там же, стр. 55-6.
155. Там же, стр. 56.
156. Там же, стр. 46.
157. Dallin and Nicolaevsky, p. 7.
158. Солженицын, т. 1, стр. 47.
159. Там же, стр. 65.
160. Там же, стр. 90.
161. Там же, стр. 15.
162. Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 235.

163. Ekart, p. 227.
164. Lengyel, p. 37.
165. Там же, pp. 37-38.
166. Солженицын, т. 1, стр. 53.
167. Lipper, s. 149-150.
168. Dallin and Nicolaevsky, p. 72.
169. Nerling, pp. 56-57.
170. Swianiewicz, p. 296.
171. Там же, стр. 297.
172. Там же, стр. 224.
173. Dallin and Nicolaevsky, p. 38.
174. Herling, p. 41.
175. Горбатов, стр. 148.
176. Там же, стр. 152.
177. Там же, стр. 155.
178. Lengyel, p. 15.
179. Там же, стр. 17; см. также Herling, p. 150.
180. Beck and Godin, *Russian Purge and the Extraction of Confession*.
181. White Book, p. 144.
182. См. Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 259.
183. См. даты их смертей в биогр. справках к стенограф. отчету XI съезда РКП[б], стр. 844, 850.
184. Swianiewicz, p. 17.
185. Lipper, s. 204.
186. Swianiewicz, p. 17.
187. V. Kosyk in *Russian Oppression in the Ukraine*, London, 1962.
188. «Тот год». См. «Новый мир» № 8, 1956, стр. 28.
189. Солженицын, т. 1, стр. 51-2.
190. Доклад на закр. заседании XX съезда КПСС, стр. 46, Б. Дьяков в «Октябре» № 7, 1964.
191. Горбатов, стр. 163-4 и 167-8.
192. Солженицын, т. 1, стр. 51.
193. Рой Медведев, стр. 45.
194. Сахаров, «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», Турин, 1968, стр. 49.
195. См. Wladimir Dedijer, *Tito Speaks*, London, 1953, p. 102.
196. Сколько вообще людей погибло в результате террора — см. Прилож. А.
197. А. Т. Твардовский, Собр. соч., т. 3, Москва, 1967, стр. 273-4 и «Известия» 18 августа 1963.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

БОЛЬШОЙ СПЕКТАКЛЬ

Подготовку самого крупного из всех процессов вели менее опытные люди, чем режиссеры предыдущих судебных спектаклей — судилищ над Зиновьевым и Пятаковым. Ветераны НКВД к тому времени уже сошли со сцены. Заместитель Наркома внутренних дел Агранов, в свое время личный друг Сталина, последовал за Ягодой и его людьми. Современная биографическая справка утверждает, что он «в 1937 году исключен из партии за систематические нарушения социалистической законности»¹, словно предлагая нам верить, будто партийное руководство в 1937 году не одобряло такую практику!

Агранов погиб (наиболее вероятно расстрелян) в 1938 году². Его жена тоже расстреляна³.

Прежних руководителей НКВД — Молчанова и Миронова, Агранова и Гая — заменила команда Ежова, в которой опытными людьми были Заковский из Ленинграда, бывший командир пограничных войск при Ягоде Михаил Фриновский и, до известной степени, бывший начальник ГУЛАГа Матвей Берман. (В январе 1938 года Берман был переведен с поста заместителя Наркома внутренних дел на должность Наркома связи. Его заменил Заковский). Иностраннный отдел НКВД возглавил Слуцкий⁴. Все четверо исчезли на протяжении последующего года, но они все же успели подготовить судебный спектакль, оказавшийся не на много хуже двух предыдущих. Заговор был более сложным и более ужасающим, и на процессе произошло больше ошибок в отдельных деталях — ошибок, привлечших внимание серьезных критиков. Но в целом процесс был достаточно успешным.

Можно думать, что к тому времени публичных процессов уже не требовалось. Ведь и оппозиция и все полунезависимые голоса в окружении Сталина были полностью подавле-

ны. Так что третий процесс был в этом смысле не более, чем «парадом победы». На процессе были собраны воедино все виды оппозиций, а также вредительство, террор, измена и шпионаж. Эти «компоненты» были представлены публике как составные части общего громадного заговора. Готовя первый из трех процессов — суд 1936 года над Зиновьевым, Каменевым и другими, — начальник отдела НКВД Молчанов представил Сталину особую диаграмму. На ней цветными линиями было обозначено, когда и через кого Троцкий якобы связывался с заговорщиками внутри страны⁵. Подобная диаграмма, начерченная для процесса Бухарина, Рыкова и других, была бы куда более сложной.

Судебный процесс открылся в Октябрьском зале Дома Союзов 2 марта 1938 года. На его подготовку ушло больше года, но масштаб спектакля был крупнее, чем масштаб двух предыдущих зрелищ того же рода.

Ибо теперь все нити были связаны в один узел. «Правые» — Бухарин и Рыков — оказались союзниками Троцкого и прежних троцкистско-зиновьевских «заговорщиков»; «открылись» их связи с так называемыми «бывшими троцкистами», которых еще не судили, с обычным набором террористических групп и, наконец, с разведками нескольких государств. «Выяснилось», что они успели создать два «резервных» центра; что были непосредственно связаны с делом Енукидзе и, не менее тесно, с «военным заговором» Тухачевского. Больше того, «вскрылись» их организационные связи с «националистическим подпольем» полудюжины нерусских республик. В «правые» группировки были будто бы вовлечены десятки людей, считавшихся верными сталинцами. И, наконец, их крупными соучастниками были сам Нарком внутренних дел Ягода со своими ближайшими помощниками.

Слабый свет зимнего пасмурного дня был недостаточен для узкого длинного зала. Все время, днем и вечером, горели электролампы⁶. При таком неверном смешанном свете в зал ввели разношерстный набор обвиняемых.

На первом из трех процессов, в 1936 году, только Зиновьев, Каменев и, в меньшей степени, Смирнов были видными фигурами. Главные действующие лица второго процесса — Пятаков, Радек и Сокольников — были еще меньшего калибра. И в том и в другом случае «окружение» главных обвиняемых составляли третьеразрядные «террористы» и чуть более интересные инженеры-«вредители». Теперь все выглядело иначе.

На скамье подсудимых сидели три члена ленинского состава Политбюро — Бухарин, Рыков и Крестинский. Рядом с ними был легендарный Раковский — руководитель революционного движения на Балканах и на Украине. Зловещий Ягода — олицетворение тайной полиции — поглядывал направо и налево с крысиной подозрительностью. А основное ядро остальных подсудимых составляли высшие работники сталинского государственного аппарата. Розенгольц, Иванов, Чернов и Гринько были до предыдущего года наркомаами; Зеленский возглавлял Центросоюз; Шарангович руководил Белорусской партийной организацией. Впервые рядом с этими «европейцами» сидели два «азиата» — узбеки Ходжаев и Икрамов, за год до того «разоблаченные» как «буржуазные националисты». К этим главным политическим обвиняемым были добавлены пять значительно более мелких работников: сотрудник советского торгпредства в Берлине Бессонов, сотрудник Наркомата земледелия Зубарев и бывшие секретари Ягоды, Куйбышева и Максима Горького. Наконец, в качестве ужасающей новинки на скамье подсудимых находились три человека, совсем далекие от общественной жизни, — врачи Плетнев, Левин и Казаков. Первые два были весьма известны в своей области, а также являлись самыми старшими среди обвиняемых (66 и 68 лет соответственно).

В обвинительном заключении перечислялось решительно все — шпионаж, вредительство, подрыв советской военной мощи, провокация нападения на СССР, заговор с целью расчленения Советского Союза, свержения общественного строя в стране и восстановления капитализма. С этими целями обвиняемые, дескать, создали широкую конспиративную организацию из троцкистов, зиновьевцев, «правых», меньшевиков, эсеров и «буржуазных националистов» на всей территории Советского Союза. Они будто бы действовали в тесном сотрудничестве с «военными заговорщиками». Многие из подсудимых, говорилось в обвинительном заключении, были немецкими, английскими, японскими или польскими шпионами с давних пор — с начала двадцатых годов. Некоторые были агентами царской охранки в революционном движении. Вредительские акты совершались в промышленности, сельском хозяйстве, торговле и финансовой области.

Что касается террора, то на обвиняемых была возложена ответственность за убийство Кирова, для чего Ягода создал условия через своего ленинградского сотрудника Запорожца. Кроме того, обвинительное заключение приписывало им

умерщвление Куйбышева и Максима Горького, умерших, как считалось до того, естественной смертью. Была якобы также ускорена смерть бывшего начальника ОГПУ Менжинского и сына Горького — Пешкова. Все это были, мол, «медицинские убийства», причем Ягода был обвинен также в попытке отравить Ежова. Помимо этого, в обвинительное заключение был вписан знакомый по прошлым процессам набор безуспешных попыток покушения на Сталина и других партийных руководителей.

Против главного подсудимого Бухарина было выдвинуто еще одно, совершенно новое, обвинение: он якобы пытался в 1918 году захватить власть, убив Ленина и Сталина.

Как и на двух предыдущих процессах, председательствовал Ульрих. Одним из членов суда был тоже знакомый по прошлым спектаклям Матулевич, другим — «новичок» Иевлев, более молодой по возрасту и стажу. Государственным обвинителем был опять Вышинский. Защитников имели только трое подсудимых — врачи. Левина защищал адвокат И. Брауде, а Плетнева и Казакова — Н. Коммодов. Эти два адвоката в меру сил помогали обвинителю на предыдущем процессе по делу Пятакова и других.

ПРИЗНАНИЕ, ВЗЯТОЕ ОБРАТНО

Первая сенсация на процессе произошла почти немедленно после его начала, когда суд приступил к опросу подсудимых, признают ли они себя виновными. Все, один за другим, признавали, пока дело не дошло до Крестинского.

Крестинский (по описанию присутствовавшего на процессе журналиста Маклина) «бледный, тусклый, потрепанного вида человечек со стальными очками на ястребином носу»⁷, твердо ответил Ульриху:

«Я не признаю себя виновным. Я не троцкист. Я никогда не был участником «право-троцкистского блока», о существовании которого я не знал. Я не совершил также ни одного из тех преступлений, которые вменяются лично мне, в частности я не признаю себя виновным в связях с германской разведкой».

Председательствующий: Ваше признание на предварительном следствии вы не подтверждаете?

Крестинский: Да, на предварительном следствии признавал, но я никогда не был троцкистом.

Председательствующий: Повторяю вопрос, вы признаете себя виновным?

Крестинский: Я до ареста был членом Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков), и по сей час остаюсь я таковым.

Председательствующий: Вы признаете себя виновным в участии в шпионской деятельности и в участии в террористической деятельности?

Крестинский: Я никогда не был троцкистом, я не участвовал в «право-троцкистском блоке» и не совершил ни одного преступления⁸.

После опроса подсудимых о признании ими вины был объявлен двадцатиминутный перерыв. Делались предположения, что перерыв понадобился для оказания некоторого закулисного давления на Крестинского. Возможно, что и так, однако перерыв после опроса объявлялся и на двух предшествовавших процессах, и в тех случаях был лишь на пять минут короче.

Заседание продолжилось допросом первого из обвиняемых — Бессонова, который, занимая пост советника посольства в Берлине, поддерживал якобы контакт с Троцким и его сыном Седовым. Бессонов «мрачный, с серым лицом, напоминавший скорее робота, нежели человека»⁹, был арестован 28 февраля 1937 года, через двадцать четыре часа после ареста Бухарина и Рыкова. До 30 декабря 1937 года он отрицал выдвинутые против него главные обвинения. Тем не менее, 13 августа 1937 года его судила Военная коллегия Верховного суда СССР, «заседавшая почти в том же составе, что и на настоящем процессе»¹⁰. Суд был закрытым, он не приговорил Бессонова к наказанию и не оправдал его, а направил дело на следствие.

Это не может означать ничего другого, кроме «консервации» Бессонова для использования на готовившемся большом процессе. У Бессонова было эсеровское прошлое, а дипломат невысокого ранга с подобным прошлым был заведомой жертвой террора — такие люди погибли почти все. Дело просто в том, что Бессонову была уготована роль курьера на предстоящем процессе — роль связиста, к которой он, по своей работе в Берлине, очень подходил. В свое время, в 1935 году, таким же образом была отложена расправа над несколькими комсомольскими работниками в Ленинграде — их держали в живых до суда над Зиновьевым.

Теперь, когда Бессонов показал, что участвовал в троцкистском заговоре вместе с Крестинским, Вышинский ему напомнил, что Крестинский свое участие отрицает. Бессонов улыбнулся. Вышинский спросил: «Чего вы улыбаетесь?» и услышал ответ: «Я улыбаюсь, потому что я стою здесь, на этом месте, потому что Николай Николаевич Крестинский назвал меня как связиста с Троцким. И, кроме него и Пятакова, никто об этом не знал»¹¹. Так проступают наружу отдельные детали механики получения признаний — когда у человека требуют назвать сообщника и в конце концов он называет первое попавшееся имя, а потом этот «сообщник» оговаривает его самого; так выявляется существование запутанной сети, в которую следователи ловили людей. Позже, в последнем слове на процессе, Бессонов опять заметил, что безнадежность сопротивления следствию стал понимать только в октябре 1937 года, когда Крестинский его оговорил¹².

В целом, после того как Бессонов ответил по нескольким пунктам о своих связях с Седовым и Пятаковым, его допрос превратился главным образом в повод для нападок прокурора на Крестинского. Последний признал, что встречался с Бессоновым на Западе, но отрицал какие-либо троцкистские связи:

Вышинский: А о троцкистских делах?

Крестинский: Мы с ним не говорили. Я троцкистом не был.

Вышинский: Никогда не говорили?

Крестинский: Никогда.

Вышинский: Значит Бессонов говорит неправду, а вы говорите правду. Вы всегда говорите правду?

Крестинский: Нет.

Вышинский: Не всегда. Подсудимый Крестинский, нам придется с вами разбираться в серьезных делах и горячиться не нужно. Следовательно, Бессонов говорит неправду?

Крестинский: Да.

Вышинский: Но вы тоже не всегда говорите правду. Верно?

Крестинский: Не всегда говорил правду во время следствия.

Вышинский: А в другое время говорите всегда правду?

Крестинский: Правду.

Вышинский: Почему же такое неуважение к следствию: когда ведут следствие, вы говорите неправду! Объясните.

Крестинский: (молчит)¹².

Несколько минут спустя Бессонов заговорил о формулировках, якобы слышанных им от Крестинского. Вышинский

перебил его недовольным тоном: «Коротко, потому что я думаю, что об этих задачах будет говорить сам Крестинский позже». А когда Бессонов изложил кратко свою версию, Вышинский обратился к Крестинскому и спросил: «Подсудимый Крестинский, вы не припомните таких «дипломатических» разговоров с Бессоновым?» На что Крестинский твердо ответил: «Нет, у нас не было таких разговоров»¹⁴.

Еще через две минуты — такой обмен репликами:

Вышинский: Вы деталей не помните, а Бессонов помнит.

Крестинский: Не было ни одного звука о троцкистских установках¹⁵.

В конце концов вопрос о показаниях Крестинского на предварительном следствии был поставлен прямо:

Вышинский: Но ваше признание?

Крестинский: На следствии я несколько раз давал неправильные показания.

Вышинский: Вы говорили, что «в состав троцкистского центра я формально не входил». Это правда или неправда?

Крестинский: Я вообще не входил.

Вышинский: Вы говорите, что формально не входили. Что здесь правда, что здесь неправда? Может быть все правда или все неправда, или наполовину правда? На сколько процентов, на сколько граммов здесь правды?

Крестинский: Я не входил в состав троцкистского центра, потому что я не был троцкистом.

Вышинский: Вы не были троцкистом?

Крестинский: Не был¹⁶.

Далее Крестинский рассказывает о своем разрыве с Троцким в 1927 году:

Крестинский: я датирую мой разрыв с Троцким и с троцкизмом 27-ым ноября 1927 года, когда я через Серебрякова, возвратившегося из Америки и находившегося в Москве, направил Троцкому резкое письмо с резкой критикой...

Вышинский: Письма этого у нас нет в деле. У нас есть другое письмо — ваше письмо на имя Троцкого.

Крестинский: Письмо, о котором я говорю, находится у судебного следователя, потому что оно изъято у меня при обыске, и я прошу о приобщении этой переписки.

Вышинский: В деле есть письмо от 11 июля 1927 года, изъятое у вас при обыске.

Крестинский: Там же есть письмо от 27 ноября.

Вышинский: Нет такого письма.

Крестинский: Не может быть...¹⁷.

В дальнейшем, под непрерывным нажимом в течение длительного допроса, Крестинский дал объяснение своим прежним «признаниям»:

Крестинский: Я дал прежде, до вас, на предварительном следствии неправильные показания.

Вышинский: ... И потом держались?

Крестинский: ... И потом держался, потому что на опыте своем личном пришел к убеждению, что до судебного заседания, если таковое будет, мне не удастся опорочить эти мои показания¹⁸.

Тут Вышинский обратился к Розенгольцу, который подтвердил, что Крестинский был троцкистом. Крестинскому стало дурно. Вышинский потребовал, чтобы он внимательно слушал. В ответ Крестинский сказал, что сейчас примет пилюлю и почувствует себя лучше, однако попросил не допрашивать его в ближайшие несколько минут.

Вслед за Розенгольцем, свидетельство о «виновности» Крестинского дал и Гринько. Придя в себя, Крестинский продолжал опровергать их показания.

Вышинский: И вот три человека с хорошим отношением к вам, подсудимый Крестинский, говорят то, чего не было?

Крестинский: Да...

После нескольких подобных отрицаний Вышинский спросил прямо: «Когда мы на предварительном следствии спрашивали у вас, как вы говорили по этому поводу?»

Крестинский: Давая показания, я не опровергал ни одного из своих прежних показаний, которые я сознательно подтверждал.

Вышинский: Сознательно подтверждали. Вы вводили прокуратуру в заблуждение. Так или нет?

Крестинский: Нет.

Вышинский: Зачем вам нужно было вводить меня в заблуждение?

Крестинский: Я просто считал, что если я расскажу то, что я сегодня говорю, что это не соответствует действительности, то это мое заявление не дойдет до руководителей партии и правительства¹⁹.

Маклин пишет, что это ясное заявление Крестинского вызвало в зале «гнетущую тишину»²⁰.

Допрашивая Крестинского дальше по поводу показаний, данных на предварительном следствии, Вышинский заметил: «Если спрашивают, есть ли претензии, то вам надо было бы сказать, что есть». Крестинский ответил: «Есть в том смысле, что я не добровольно говорил»²¹.

Тут Вышинский оставил эти вопросы и вновь взялся за свою официальную жертву — Бессонова, который пространно поведал о связях с Троцким. Бессонов добавил, что Троцкий якобы намекнул на необходимость физического уничтожения Максима Горького. Заседание закончилось еще одним диалогом между прокурором и Крестинским, причем Крестинский вновь отрицал свою вину.

После двухчасового перерыва, на вечернем заседании, начал давать показания бывший Нарком финансов Гринько. В свое время Гринько был украинским боротьбистом, а в начале двадцатых годов его сняли с поста Наркома просвещения Украины за излишнюю торопливость в проведении украинизации. Как человек с подобным прошлым, Гринько теперь оговорил Любченко и других украинских работников меньшего масштаба — например, заместителя председателя Совнаркома Украины Порайко, — представив их членами «национал-фашистской» организации. А в связи со своей последней должностью Наркома финансов в Москве Гринько показал, что высокопоставленные московские руководители — такие как Антипов, Рудзутак, Яковлев, Варейкис — были «правыми заговорщиками». Он описал, как Якир и Гамарник поручили . . . начальнику Управления сберегательных касс Наркомфина Озерянскому подготовку террористического акта против Ежова и как сотрудник Главсевморпути Бергавинов получил задание убить Сталина. Сам Гринько занимался, главным образом, вредительством в области финансов, о чем в показаниях на предварительном следствии рассказывал так:

«Подрывная работа по Наркомфину преследовала основную цель: ослабить советский рубль, ослабить финансовую мощь СССР, запутать хозяйство и вызвать недовольство населения финансовой политикой Советской власти, недовольство налогами, недовольство плохим обслуживанием населения сберегательными кассами, задержками в выдаче заработной платы и др., что должно было привести к организованному широкому недовольству Советской властью и облегчить заговорщикам вербовку сторонников и разворот повстанческой деятельности»²².

Эта тема — взваливание ответственности за ошибки и неурядицы советской экономики на подсудимых — «вредителей» — звучала на протяжении всего процесса. На скамье подсудимых нашлись «ответственные» за недовольство советских граждан во всех областях жизни.

Подобным образом Гринько стал «виновным», вместе с Зеленским и другими, за перебои в торговле:

Гринько: В области товарооборота Зеленский и другие вредители в этой области, например, Болотин по Наркомвнуторгу, осуществляли подрывную работу, создавали товарный голод, товарные затруднения в стране . . . Зеленский по директивам «право-троцкистского блока» в недородные районы завозил большую массу товаров, а в урожайные районы посылал товаров меньше, что создавало затоваривание в одних районах и товарную нужду в других²³.

Прокурор обратился к Рыкову, и тот подтвердил виновность Крестинского. Но Крестинский еще раз ясно заявил, что ничего не знал о нелегальной деятельности, и последующее вмешательство председательствующего Ульриха не заставило Крестинского сказать что-либо иное.

В свою очередь, показания Рыкова тоже не очень удовлетворяли суд, хотя и в другом смысле. В последний период перед арестом Рыков сильно запил и опустил. Его состояние не улучшилось и в тюрьме, где спиртных напитков не давали, но сказывалось тяжелое напряжение от допросов. Во время перекрестных допросов Рыков временами сбивался, перемежая свои ответы бессмысленным хихиканьем²⁴, затем снова овладевал собой. В ходе допроса Гринько Рыков говорил сперва туманно.

Гринько: От Рыкова я узнал об участии Ягоды в этой организации, но прямой связи с Ягодой не было.

Вышинский (обращается к суду): Разрешите спросить Рыкова? Обвиняемый Рыков, вы об этом говорили с Гринько?

Рыков: Я точно вспомнить не могу, но не могу исключать этого факта.

Вышинский: Значит, вы об участии Ягоды говорили?

Рыков: Да²⁵.

Потом был поднят вопрос о вредительстве.

Вышинский: Обвиняемый Рыков, вы подтверждаете этот разговор с Гринько насчет вредительства?

Рыков: Этого не принимаю. Я это отрицаю и не только потому, что я хочу смягчить свою вину. Я сделал много вещей гораздо более тяжелых, чем это²⁶.

Позже Рыков принялся развивать ту линию, которую он и (значительно более сильно и последовательно) Бухарин вели на протяжении всего процесса. Линия Бухарина и Рыкова состояла в следующем. Они признавали формирование нелегальной организации, «сознавались», что давали террористическую «ориентацию», абстрактно принимали на

себя ответственность за якобы совершенные другими лицами вредительские акты, но отрицали свою личную осведомленность о каких-либо конкретных преступлениях и свою личную причастность к преступлениям. Ведя такую линию, они могли заявлять, что добровольно признаются в своей тяжкой ответственности, так что отрицание ими своего участия в конкретных актах не может быть сочтено за попытку избежать наказания.

Последним допрошенным 2 марта был Чернов. Бывший меньшевик, бывший семинарист (подобно Бессонову, а также Микояну и Сталину), Чернов в 1929-30 годах руководил заготовками зерна на Украине, а позже занимал в Москве пост Наркома земледелия. Во время коллективизации он был беспощадным исполнителем сталинской воли, хотя, по-видимому, и не очень убежденным исполнителем. В книге бывшего советского полковника Токаева приводятся слова Чернова, относящиеся к 1930 году, к тому периоду, когда крестьяне резали скот, чтобы не отдавать его в колхоз: «Впервые за всю свою тяжкую историю русский крестьянин по крайней мере поел мяса досыта»²⁷. Чернов стал давать показания сразу же, в день ареста²⁸.

Теперь на суде он признался в своих сомнениях относительно коллективизации и сказал, что его сомнения разделялись широким кругом украинских руководителей, в том числе Затонским. Однако главная роль Чернова на скамье подсудимых состояла в том, чтобы принимать на себя ответственность за провалы сельского хозяйства. Он был снят с поста Наркома земледелия только 30 октября 1937 года²⁹, и потому его признания звучали убедительно.

К примеру, в больших масштабах происходил падеж скота. Был арестован старший ветеринарный врач Московского военного округа. Его обвинили в том, что он погубил 25 тысяч лошадей из конного состава армии путем инъекций им токсинов, и приговорили его к расстрелу³⁰. В сентябре 1937 года в связи с эпидемией инфекционной анемии у лошадей были арестованы начальник главного ветеринарного управления Наркомзема Недачин, начальник ветеринарной службы Красной Армии Никольский и ведущий специалист-ветеринар Наркомзема Черняк³¹. На процессе было объявлено, что предстоит суд над этими лицами, но ни о ком из них в дальнейшем не было ни слуху, ни духу. Тем не менее этот эпизод дал возможность Чернову «признаться» в распространении подобных же эпидемий — при посредстве других ветеринаров:

Чернов: ... Мною были проведены следующие диверсионные акты. Для того, чтобы добиться падежа скота в Восточной Сибири, я предложил начальнику ветеринарного управления Гинзбургу, участнику организации правых, а через него начальнику ветеринарного снабжения, также участнику организации правых, не завозить противоязвенные биопрепараты в Восточную Сибирь, зная о том, что в Восточной Сибири очень опасно по части сибирской язвы. Препараты эти туда завезены не были. Подготовка эта велась в 1935 году, и когда весной 1936 года там вспыхнула сибирская язва, то оказалось, что действительно препараты туда завезены не были и тем самым было погублено — я точно не могу сказать — во всяком случае, больше 25 тысяч лошадей.

Второе. Я поручил Гинзбургу и заведующему бактериологическим отделом Бояршинову произвести искусственное заражение в Ленинградской области свиней рожей, а в Воронежской и Азово-Черноморском крае — чумой...

Трудно оценить результаты, но во всяком случае нужно считать, что благодаря этому диверсионному акту было погублено несколько десятков тысяч свиней³².

Согласно Чернову, был проведен в жизнь также ряд других вредительских планов — неправильное назначение севооборотов, поставка плохого посевного материала и так далее. «Это должно было привести к уменьшению урожая в стране»³³.

Чернов показал, что в период работы на Украине он также старался вызвать недовольство крестьян-середняков и задеть украинские национальные чувства. С этой целью он приписывал проводимую им политику приказам Москвы. Он вошел в контакт с меньшевиками за границей и стал немецким шпионом. В организации правых Чернов поддерживал основной контакт с Рыковым. Вызванный с места бывший председатель Совнаркома опять-таки признал наличие заговора в целом, но отрицал, что он когда-либо одобрял конкретные действия, указав, что «все, что он говорит, по существу и в основном правильно, но то, что я являлся сторонником перегибов, в этой части, мне кажется, он неправ»³⁴.

По поводу проводившейся якобы подготовки свержения советской власти Рыков сказал: «С Черновым я не помню такого разговора, но возможность подобного разговора, конечно, не исключена»³⁵. Затем Рыков отрицал, что встречался в различных местах с Черновым для обсуждения

вредительских планов; а когда Чернов сказал, что если бы Рыков не давал ему подробных инструкций, то был бы плохим руководителем правых заговорщиков, Рыков саркастически ответил: «Может быть я должен был действовать так, как он говорит. У меня вышла ошибка»³⁶. На этом месте Ульрих внезапно закрыл судебное заседание.

Следующий день, 3 марта, начался допросом бывшего студента-медика Иванова, работавшего Наркомом лесной промышленности. Он, разумеется, подрывал эту промышленность, следуя инструкциям Розенгольца. Говоря о лесном демпинге — то есть о продаже леса на международном рынке по бросовым ценам для подрыва конкурентов, — о демпинге, ставшем в начале тридцатых годов зловещей чертой советской торговой политики, Иванов заявил: «Лес наиболее высококачественный продавался по сниженным ценам. На этом Советскому государству нанесен ущерб в несколько миллионов рублей в валюте. Бухарин пояснил эту меру как аванс английской буржуазии за ту поддержку, которая ею обещана. Иначе, говорил он, нас не будут считать серьезными людьми и потеряют к нам доверие»³⁷.

Что касается лесозаготовок в стране, то главной целью Иванова было, как ни странно, вредительство в области культуры:

Иванов: ... Главное внимание было направлено на срыв технического перевооружения лесозаготовок, на срыв капитального строительства, особенно целлюлозно-бумажной промышленности с тем, чтобы держать страну на голодном бумажном пайке и этим самым ударить по культурной революции, сорвать снабжение страны тетрадами и этим вызвать недовольство в широких массах»³⁸.

Иванов «признался» также в том, что участвовал в движении «левых коммунистов» против Ленина, что пытался организовать повстанческие отряды (частично по приказам из Великобритании) и террористические группы. В этой связи допрашивался и Бухарин. Он сказал, что давал распоряжения о формировании нелегальных организаций, но не повстанческих отрядов. Он якобы (хотя и позднее, чем говорил Иванов) предлагал «установку на повстанчество» — платформу Рютина. Он, дескать, не давал конкретных инструкций по подготовке восстаний, однако признавал себя ответственным за то, что «человек-практик» типа Иванова мог совершить на основе его установок³⁹.

Когда Вышинский обратился к Бухарину со словами: «Следовательно, эти показания о связях с английской развед-

кой...», Бухарин прервал его: «Относительно разведки и относительно планов я совершенно не был в курсе дела»⁴⁰.

Согласно порядку дня, следующим должен был допрашиваться Крестинский. Однако вместо него был вызван младший сельскохозяйственный специалист Наркомзема Зубарев. Он дал обширные показания о срывах продовольственного снабжения.

Вышинский: Скажите, в чем выражается ваша вредительская деятельность?

Зубарев: ... запутывание семеноводства, ухудшение качества семян, применение недоброкачественного материала, плохая его очистка, небрежное хранение, а в результате это вызывало не только снижение урожая, но и враждебное настроение со стороны крестьянства, недовольство этими, так называемыми, сортовыми семенами... моя преступная деятельность заключалась, прежде всего, в неправильном планировании посева овощей... Во-вторых, проводилась точно такая же работа в отношении слабого развития питомников по плодовым растениям... По линии совхозов основное вредительство заключалось в том, что до самого последнего времени не были установлены правильные севообороты, а в целом ряде совхозов вовсе не было севооборотов. Все это, естественно, снижало урожай. Целый ряд совхозов, имевших большое количество скота, вследствие неправильного построения севооборотов, оставался без кормов, в результате — падеж скота, медленное развитие скотоводства⁴¹.

И так далее и тому подобное. Зубарев также установил якобы связь с правыми и с осужденным на процессе 1937 года Мураловым. Он будто бы организовал в Наркомземе террористическую группу, выбравшую своей будущей жертвой Молотова. Он вел сельскохозяйственный шпионаж в пользу Германии.

Гвоздем показаний Зубарева была, однако, история о том, как в 1908 году он был завербован царской охранкой и далее работал на нее. Вышинский неожиданно вывел здесь на сцену свидетеля. Этот свидетель, Д. Васильев, был старшим приставом в городе Котельниче с 1907 по 1910 год. Он якобы завербовал Зубарева в агенты охраны.

Появление этого старого царского пристава было расценено судом и «публикой» как некая комическая интермедия. Даже Вышинский был с ним относительно добродушен, позволяя себе нападать на старика в той минимальной

степени, которая на фоне общей злобности Вышинского уже граничила с хорошим расположением духа⁴².

Этим допросом закончилось утреннее заседание.

Когда в шесть часов вечера заседание открылось вновь, Ульрих объявил сидевшим в напряжении судьям и сторонам, что сейчас начнется допрос Крестинского. Вмешался Вышинский и сказал, что хотел бы сперва задать несколько вопросов Раковскому.

Он спросил старого болгарина о письме Крестинского к Троцкому, в котором Крестинский объявлял о своем разрыве с троцкизмом. Крестинский, как мы помним, говорил об этом письме накануне. Раковский припомнил письмо и сказал, что оно было маневром, что Крестинский никогда с троцкизмом не порывал.

Тут Вышинский предъявил письмо, существования которого он сам накануне не признавал. И пустился в рассуждения о том, что само письмо, где говорилось о поражении оппозиции и необходимости работать в партии, следует понимать как призыв к тайной подрывной деятельности. Вообще говоря, такое истолкование не целиком нелепо, но оно не вяжется с «обманной» сдачей всех позиций, с «маневром».

Тут, наконец, прокурор обратился к Крестинскому. Принимает ли он такую формулу?

Крестинский, который, согласно Маклину «более чем когда-либо напоминал маленького потрепанного воробышка»⁴³, принял ее.

Вышинский спросил, означает ли это, что Крестинский прекратит теперь обманывать суд. В ответ прозвучало полное подтверждение показаний, данных Крестинским на предварительном следствии. Он признал свою вину. Если в первый день процесса Крестинский говорил, в общем, нормальным тоном и лишь иногда его голос выдавал раздражение после колкостей Вышинского, то теперь Крестинский говорил механически, без интонаций, с отчаянием в голосе⁴⁴.

Вышинский давил:

Вышинский: У меня один вопрос к Крестинскому: что значит в таком случае ваше вчерашнее заявление, которое нельзя иначе рассматривать, как троцкистскую провокацию на процессе?

Крестинский: Вчера под влиянием минутного острого чувства ложного стыда, вызванного обстановкой скамьи подсудимых и тяжелым впечатлением от оглашения обвинительного акта, усугубленным моим болезненным состояни-

ем, я не в состоянии был сказать правду, не в состоянии был сказать, что я виновен. И вместо того, чтобы сказать — да, я виновен, я почти машинально ответил — нет, не виновен.

Вышинский: Машинально?

Крестинский: Я не в силах был перед лицом мирового общественного мнения сказать правду, что вел все время троцкистскую борьбу. Я прошу суд зафиксировать мое заявление, что я целиком и полностью признаю себя виновным по всем тягчайшим обвинениям, предъявленным лично мне, и признаю себя полностью ответственным за совершенные мною измену и предательство⁴⁵.

И тут, не взирая на недавнее объявление Ульриха, что предстоит допрос Крестинского, Вышинский тотчас оставил его в покое и обратился к допросу Рыкова. Было очень похоже, что обвинение решило вести осторожную игру, стараясь избежать опасности, что обвиняемый опять станет отказываться от своих показаний.

Мы не знаем, что происходило на Лубянке в ночь со второго на третье марта, но общее мнение состоит в том, что к Крестинскому были применены все виды давления, лишь бы заставить его прекратить сопротивление. Есть, во всяком случае, одно свидетельство о том, что в ту ночь Крестинского пытали. Немецкий инженер Ганс Метцгер, в то время сидевший в лагерях, а затем вернувшийся в Германию, рассказывает, что в 1939 году ехал в тюремном эшелоне с Бессоновым (которого приговорили не к смерти, а к пятнадцати годам заключения). И Бессонов под секретом сообщил, что Крестинского той ночью пытали, что ему вывихнули левое плечо, но снаружи это было незаметно⁴⁶.

Согласно другой версии, Крестинского четыре часа держали под лучами ярких ламп, бивших в глаза, и повредили ему и без того плохое зрение. Тем не менее он дал согласие на признание вины только при условии, что к делу будет приобщено письмо Троцкому, о котором он говорил накануне⁴⁷.

Можно во всяком случае предполагать, что Сталин не остановился бы и перед использованием дочери Крестинского для давления на отца, как было сделано в 1936 году с дочерью Ивана Смирнова.

Так или иначе, если Крестинский и надеялся поднять остальных обвиняемых на сопротивление суду, то теперь ему следовало признать поражение. Но он, быть может, вообще не надеялся и не намеревался отрицать вину дальше,

а хотел лишь в первый день устроить демонстрацию в пределах собственных сил.

С другой стороны, имеются также и слухи, ходившие в кругах НКВД, о том, что вся история с отказом Крестинского признать вину, а потом с признанием вины, была заранее срепетированным спектаклем. Дескать, Сталин хотел показать, что подсудимые не признавались сразу, как автоматы, и полагал, что единичный и временный провал придаст процессу большее правдоподобие⁴⁸.

Но есть очень веские доводы против такого толкования. Слова Крестинского, сказанные в первый день, звучат сами по себе убедительно, и некоторые его заявления были явно весьма обоснованными, с одной стороны, и приводили прокурора в замешательство — с другой. Поведение Вышинского было зловещим, и это больше походило на настоящее запугивание Крестинского, чем на обращение к его разуму и совести, что, в случае «спектакля», должно было побудить его признать вину на следующий день.

Есть, однако, и другое свидетельство, взятое из самого процесса и весьма красноречивое. В начале судебного следствия Вышинский объявил порядок допроса всех подсудимых — их было двадцать один. Ясно, что это был заранее составленный список, поскольку, за исключением одной перестановки второстепенных обвиняемых, объявленная очередность выдерживалась и в предоставлении подсудимым последнего слова. Однако фактический порядок допросов оказался иным. Первый день шел по расписанию — Бессонов, Гринько, Чернов. Но на второй день сразу после Иванова должен был идти главный допрос Крестинского. Вместо этого, как мы видели, на утреннем заседании 3 марта допрашивался Зубарев, а на вечернем заседании Крестинский был вызван не для полного допроса, а лишь для краткого «отречения». Но и перед этим «отречением» произошел не предусмотренный расписанием допрос Раковского, направленный на то, чтобы подорвать позицию Крестинского по его письму Троцкому, дезавуирующему троцкизм.

На этом допрос Крестинского 3 марта и закончился. Его полный допрос был отложен до следующего вечернего заседания, причем допросы Розенгольца и Раковского были переставлены таким образом, чтобы первый предшествовал Крестинскому, а второй следовал за ним. Розенголец, как якобы ближайший сотрудник Крестинского, сообщил и о связях Крестинского с Троцким, и о своей заговорщицкой деятельности совместно с Крестинским и группой Тухачевс-

кого после процесса Пятакова и ареста Бухарина. Крестинский подтвердил и развил эти пункты, а Раковский окончательно закрепил их в свою очередь. Все это выглядело как чрезвычайный, поспешно выработанный порядок допросов.

Нетрудно также видеть, что обстоятельства предварительного следствия позволили Крестинскому взять показания обратно на суде. Крестинский был арестован в конце мая 1937 года. Из материалов самого процесса мы знаем, что свои показания он «сделал через неделю, на первом допросе»⁴⁹. Это очень ясно свидетельствует о характере «первого допроса». Нет сомнения, что к Крестинскому применили пресловутый «конвейер» в его наиболее интенсивной форме — когда следователи меняются, а подследственного допрашивают сутки за сутками без перерывов, не давая спать. Как раз к тому времени стал давать показания Бухарин, и, возможно, возникло намерение устроить следующий крупный процесс как можно скорее — почти с таким же кратким перерывом, как между процессами Зиновьева-Каменева и Пятакова-Радека (перерыв там был в пять месяцев).

Если так, то этот план, возможно, провалился, когда Бухарин стал брать некоторые из своих показаний обратно (об этом см. ниже). Весь цикл его допросов нужно было начинать сначала. Между тем с распространением террора на партийные ряды стали возникать выгодные «добавления» к планировавшемуся процессу, и в результате он состоялся лишь через девять месяцев после описываемых событий и через тринадцать с половиной месяцев после предыдущего судебного спектакля.

Как бы то ни было, Крестинский — ведущая фигура среди будущих подсудимых — находился в руках НКВД долгое время после дачи показаний. Он успел за это время отойти. «Конвейер» годился для получения нужных признаний, но, как уже отмечалось раньше, длительный отдых после «конвейера» давал жертве возможность восстановить моральные силы до такой степени, чтобы впоследствии даже отказаться от собственных показаний. Гораздо вернее действовало длительное и постоянное психологическое давление, с долгими перерывами между допросами, с изменением их характера, с выдерживанием на голодном режиме, с холодом или жарой в камерах и так далее. Долгая психологическая обработка доводила человека до такого состояния, что на суде он уже не мог проявлять никакой воли. Такой обработке Крестинский не подвергался — он ведь сразу дал

показания, и перед судом не нужно было ломать его сопротивление.

Отказ Крестинского от собственных показаний был не первым подобным случаем. На Шахтинском процессе (1928) подсудимый Скорутто отказался на суде от своих признаний.

На следующий день его на процесс не вывели, объявив больным. Через день он появился в зале суда и признал себя виновным, но затем опять взял это признание обратно. В конце концов, под влиянием тяжелой обстановки процесса, где один из обвиняемых сошел с ума, а другой, по официальной версии, «покончил самоубийством», Скорутто «признался» окончательно.

Аналогичный эпизод произошел во время суда над специалистами фирмы «Метрополитен-Виккерс» в 1933 году. Обвиняемый Макдональд отказался от показаний, данных на предварительном следствии, потом вновь подтвердил их. Эти отказы подсудимых от собственных показаний, данных под следствием, никогда не добавляли достоверности их окончательным «признаниям» (см. Приложение Е).

Таким образом теория о том, что Сталин «запланировал» весь эпизод с Крестинским, — весьма слаба. И хотя книга Орлова, откуда взята эта теория, оказалась впоследствии правдивой и надежной, сведения автора о 1938 годе, когда многие из коллег Орлова по НКВД уже исчезли, такой полной надежностью не отличаются (см. также стр. 417). Более правдоподобным выглядит предположение, что в кругах НКВД был специально пущен слух о «показном» поведении Крестинского, чтобы как-то оправдать очевидный провал.

Но если Сталин и не был подготовлен к провалу с Крестинским, то возможно, что на подобный случай имелись чрезвычайные планы, один из которых и был реализован. Как бы то ни было, поступок Крестинского, столь драматичный и столь убедительный по мотивам, мало подействовал на тот благосклонный прием, который оказала процессу западная публика. Сталин опять победил.

БЫВШИЙ ГЛАВА ПРАВИТЕЛЬСТВА

Главный допрос Рыкова шел почти без напряжения. Начался он в сравнительно мягких тонах, и вскоре всплыл вопрос о так называемом участии Ягоды в движении правых — «участии», будто бы длившемся с 1929 года. Тут же прокурор

обратился к Ягоде за подтверждением и получил одно из тех половинчатых признаний, которое любой объективный наблюдатель мог счесть отрицанием: «Факт был, но не так, как говорит Рыков»⁵⁰.

Далее Рыков стал описывать некое правое подполье, организовавшееся якобы в 1930 году. Потом перешел к платформе Рютина и заявил, что ответственен за нее — вместе с Томским, Бухариным, Василием Шмидтом и Углановым. Рютин будто бы выполнял лишь показную роль автора платформы, а Ягода прикрывал главных виновников. Дословно Рыков заявил тогда следующее: «Платформа признавала (насколько я помню, а я помню, ибо принимал участие в редактировании) насильственные методы изменения руководства партией и страной — террор, восстания. Она давала такую широкую формулировку, которая представляла собой директиву о применении насильственных мер в тех формах, которые могут найтись в нашем распоряжении». К этому он добавил, что правые располагали крупной организацией: «речь шла не о сотне-другой людей, а речь шла о более значительных кадрах». И потому, объяснил Рыков, «у меня в памяти не сохранилась фамилия Иванова»⁵¹. Явная ирония: ведь Иванов был наркомом и членом ЦК!

Когда дело дошло до кулацких восстаний, вопросы стали адресоваться и к Бухарину. Оба расплывчато признали свои связи с одним из восстаний в Сибири. Место восстания было подсказано Бухарину обвинителем, но он ответил, что не помнит, то ли это место.

Бухарин упомянул о платформе Рютина: «Меня столько раз допрашивали относительно Рютинской платформы...»⁵².

Рыков признал, что сформировал террористическую организацию под руководством своей бывшей секретарши Артеменко. Он «дал указание своей бывшей секретарше Артеменко о наблюдении за прохождением правительственных машин»⁵³ — без каких-либо результатов. Он и Бухарин (опять опрошенный) «сознались» в организации еще одной террористической группы, возглавлявшейся будто бы бывшим эсером Семеновым, для убийства Сталина и Кагановича — но опять без результатов. Что касается деталей, то показания обоих были явно неудовлетворительными. Рыков заявил, что «решение, чтобы в таком-то году убить того или другого члена Политбюро или правительства — такого решения центр не принимал. Он принял такие меры, которые,

в случае вынесения такого решения, давали бы возможность . . .»⁵⁴.

В этом месте, вполне понятно, Вышинский перебил Рыкова и обратился к Бухарину с вопросом: «А с Семеновым чья была инициатива?» Бухарин: «Я не помню, может быть моя. Я во всяком случае этого не отрицаю».

Рыков объявил, что правые были участниками плана захвата власти в 1934 году совместно с Енукидзе, Ягодой, Петерсоном и другими, включая, как он сказал, Тухачевского и других генералов. Но «реальная попытка не удалась»⁵⁵.

Рыков продолжал свои показания рассказом о связях с фашизмом, с меньшевиками, буржуазными националистами и другими группировками. Но, опять-таки, когда дошло до деталей, Рыков, так выяснилось, только «подозревал», но не знал, кого представлял Гринько; а когда вызвали Гринько, и он дал свои показания, Рыков в ответ на вопрос о правильности пояснений Гринько сказал, что не помнит.

За этим последовал разговор троих — Вышинского, Рыкова и Бухарина — о расчленении СССР и пораженчестве. Бухарин сказал, что не занимал пораженческих позиций, но отвечает «за это дело»⁵⁶. Рыков растерялся; он признал позицию полного пораженчества в отношении самого себя и всех правых, но взял обратно свое заявление на предварительном следствии, что главную ответственность за пораженчество нес Бухарин. В этом месте допроса Вышинский открыто выразил свою досаду.

В ходе дальнейшего допроса, после «признания» изменнических действий в Белоруссии, Рыков вновь отверг обвинения во вредительстве в области животноводства. Он сказал, что ничего не знал о связях Иванова с англичанами. Но зато, поддержанный Крестинским и Розенгольцем, он «подтвердил» участие в «блоке» Тухачевского⁵⁷.

Показания Рыкова не отличались последовательностью, в них не было ясной линии, однако он все же сумел отвести ряд существенных обвинений.

На следующий день первым был вызван для допроса первый секретарь ЦК КП Белоруссии Шарангович⁵⁸. После уверток и недомолвок предыдущего вечернего заседания Шарангович, несомненно, произвел отличное впечатление на тех наблюдателей, которые симпатизировали режиму, — он «искренне» и полностью признал все обвинения. Он, дескать, был польским шпионом с 1921 года; он сделался видным участником белорусской «национал-фашистской» организации, в которую входили также Голодед, Червяков

и большинство партийных руководителей республики. Рыков и Бухарин были прямо связаны с преступной деятельностью этой организации, в том числе с формированием трех террористических групп (две из трех групп намеревались совершить нападение на Ворошилова во время маневров 1936 года).

Велось якобы широкое вредительство, направленное на то, чтобы расстроить хозяйство и вызвать недовольство. Шарангович также распространял будто бы болезни среди скота:

Шарангович: Я должен также сказать, что в 1932 году была нами распространена чума среди свиней, в результате чего был большой падеж свиней, причем это делалось таким образом, что прививку чумы свиньям делали вредительски⁵⁹.

... Дальше по сельскому хозяйству я хочу сказать относительно нашей диверсии в области коневодства. В 1936 году в Белоруссии была нами широко распространена анемия. Это проводилось нами с целью, так как конь в Белоруссии играет огромное оборонное значение. Мы стремились подорвать эту сильную базу в случае, если она понадобится в связи с войной...

Вследствие этой меры пало, насколько я помню сейчас, около тридцати тысяч лошадей⁶⁰.

Знаменательно, что Шарангович принял на себя ответственность за эксцессы первого периода коллективизации. Эти эксцессы, оказывается, совершались в антипартийных целях:

Шарангович: В Белоруссии к этому периоду еще насчитывалось около ста тысяч единоличников. Нами была дана установка, что раз единоличник не идет в колхоз, то он является врагом Советской власти. Это было нами сделано в провокационных целях. К единоличникам, сопротивляющимся коллективизации, мы, исходя из своих провокационных установок, применяли такие налоговые мероприятия, которые создавали среди единоличников недовольство и повстанческие настроения.

По счастью, однако, Москва разобралась в чем дело:

Шарангович: ... Потом ЦК ВКП[б] принял соответствующие меры для исправления того, что было нами проделано, и положение изменилось. Настроение у единоличников, у той части, которая была спровоцирована, резко улучшилось⁶¹.

Такое толкование событий 1929-30 годов поистине поразительно и показывает, насколько сильно и постоянно Сталин

был озабочен ситуацией в деревне. Но и в промышленности «национал-фашисты» развернули деятельность в крупном масштабе:

Шарангович: Энергетика. Здесь, главным образом, внимание концентрировалось в отношении Белгрэса, который снабжает промышленность Витебска, Орши, Могилева. Здесь топливо не подвозилось своевременно. Тормозилось строительство. Конкретно беру Кричевский цементный завод, Оршанский льнокомбинат, Могилевский труболитейный завод ...⁶².

ВОСТОЧНЫЕ МОТИВЫ

За Шаранговичем последовал узбекский руководитель Ходжаев. Удобно рассматривать его показания вместе с «признаниями» его коллеги Икрамова, хотя последний допрашивался днем позже.

До сих пор «буржуазный национализм» представляли на процессе Шарангович и, в меньшей степени, Гринько. Теперь, в показаниях двух узбеков, он был выпячен открыто и ясно. Ибо Ходжаев и Икрамов не были подвижными аппаратчиками вроде Шаранговича и Гринько, которые могли посылаться на любую работу в любую республику. Вся их работа прошла в Средней Азии.

Ходжаев и Икрамов представляли также — подобно другим обвиняемым в других сферах — гораздо более широкий слой партийных и советских работников, павших жертвами или намеченных в качестве жертв. Так, например, они оговорили на процессе первого секретаря ЦК и председателя Совнаркома соседнего Таджикистана, возвели обвинения на «уклонистов» в своей собственной республике.

Похоже, что Ходжаев в какой-то степени действительно противился в прошлом централизаторским и денационализаторским тенденциям сталинизма. Но Икрамов никогда не сопротивлялся им. В компартии Узбекистана эти двое возглавили противостоящие друг другу группировки, но теперь, на суде, они говорили о своем единении в борьбе против режима и объясняли это единение тем, что «центр правых» оказывал на них давление. Икрамов показал, что они «под нажимом Бухарина и под непосредственным руководством Антипова сконтактировали работу двух националистических организаций»⁶³.

Ходжаев несомненно был наиболее выдающимся и способным узбекским деятелем из всех, кто сразу после революции принял сторону коммунистов в их борьбе против эмира Бухарского. С 1925 года, с первого съезда компартии Узбекистана, Ходжаев стал членом Бюро ЦК КП[б] Узбекистана и в течение долгого времени занимал пост председателя Совнаркома республики.

Но на VII съезд компартии Узбекистана (закончившийся 17 июня 1937 года) Ходжаева даже не выбрали делегатом. 27 июня 1937 года было объявлено о его снятии с должности председателя Совнаркома и исключении из ЦИК Узбекистана. В тот же день «Правда Востока» обрушилась с нападка на «контрреволюционные», «националистические» позиции Ходжаева. Совершенно очевидно, что к этому времени Ходжаев был уже под арестом. Его брат, тоже видный местный партийный работник, покончил самоубийством⁶⁴.

В сентябре 1937 года в Ташкент был послан А. А. Андреев. Он должен был проследить, чтобы террор в Узбекистане принял надлежащий размах. 8 сентября «Правда» объявила, что Ходжаев и еще семь человек, в том числе четыре члена Бюро ЦК КП[б] Узбекистана, были разоблачены как «враги народа», а «первый секретарь ЦК товарищ Икрамов» и все остальные члены Бюро получили порицание за недостаточную бдительность, а два дня спустя, 10 сентября, все та же центральная московская «Правда» уже резко напала и на Икрамова (на сей раз не называя его «товарищем») за то, что он защищал «троцкиста» — одного из секретарей ЦК.

10, 11 и 12 сентября «Правда Востока» печатала нападки на Икрамова, упрекая его в том, что он не противостоял «буржуазному национализму» и поддерживал Ходжаева. Вероятно, он, в согласии с Ходжаевым, «в разгар необоснованных репрессий в 1937 году протестовал против них»⁶⁵, чем и вызвал неудовольствие Сталина. (Поскольку во всем остальном Икрамов был верным сталинцем, его первого среди жертв открытых процессов реабилитировали после XX съезда КПСС).

27 сентября в «Правде» появилось сообщение о том, что Икрамов «изобличен», исключен из партии, и что дело его передано в следственные органы. Тем не менее, он все еще не был арестован. Еще до ареста, сделанного «по личному указанию Сталина»⁶⁶, ему были предъявлены показания оговоривших его лиц. Икрамов начисто отрицал все возведенные против него обвинения, невзирая на то, что с ним четыре раза беседовал сам Ежов⁶⁷. Это по-видимому означа-

ет, что Икрамов прибыл в Москву, все еще не находясь под арестом — факт странный, но отнюдь не единственный.

В тюрьме Икрамову была устроена очная ставка с Бухариным⁶⁸, который его оговорил. Тем не менее, Икрамов стал давать показания лишь на шестой или седьмой день допроса⁶⁹.

В тот же период террор охватил всю Среднюю Азию. Председатель Совнаркома Киргизской ССР пал 12 сентября⁷⁰, после чего прозвучал призыв к беспощадным мерам против всего ЦК компартии Киргизии⁷¹. Два секретаря ЦК Таджикской компартии и ряд других работников в республике были «разоблачены» как буржуазные националисты и шпионы⁷². (О председателе Совнаркома Таджикской ССР Рахимбаеве было сказано, что он держал гарем с тремя женами). Волна террора охватила все национальные окраины Советского Союза.

Под холодным светом люстр Октябрьского зала Дома Союзов Ходжаев «признавался», что вел антисоветскую деятельность с 1920 года. Он и Икрамов были, дескать, в контакте с правыми через Антипова и получали инструкции работать с англичанами для отделения Узбекистана от Советского Союза и превращения его в британский протекторат⁷³. Оба занимались вредительством в промышленности, причем действовали якобы примерно так же, как Шарангович в Белоруссии. «Ошибки» планирования делались преднамеренно и т. д.:

«Эстакаду для подвоза угля и переброски построили исходя из расчета 75.000 киловатт, здание для электростанции построено на 48.000, а запроектированная мощность станции составляет 70.000, как видите в основе проекта уже были элементы вредительства»⁷⁴.

Сельскохозяйственная политика в Узбекистане была катастрофически скверной — оказывается, эта политика тоже проводилась намеренно, чтобы вызвать недовольство Москвой.

Ходжаев: ... это означало вызвать колоссальное недовольство народа, потому что мы представили дело так: план московский, мы, якобы, московские приказчики, мы осуществляем директивы Москвы. «Недовольны? Так вот, жалуйтесь на Москву». Эту задачу мы поставили.

Вышинский: Провокационную задачу?

Ходжаев: Провокационную задачу, поставили ее сознательно и осуществляли в течение ряда лет.

К чему это привело? Это привело действительно к уничтожению севооборота, это привело к снижению поголовья скота, это привело к снижению шелководства, потому что и тут навредили. Это привело, в конце концов, и к снижению самой урожайности хлопка. И поэтому Узбекистан годами не выполнял планы по хлопку... Если у крестьянина 10 га земли, он должен на 8 га или на 9 га посеять хлопок. Сами понимаете, если один гектар остается на все остальное, то это хозяйство начинает гибнуть⁷⁵.

Согласно Ходжаеву, у них была и более важная экономическая задача — развить в Узбекистане независимую экономику. Это (в противоречии с вышеприведенными указаниями) осуществлялось такими плановыми методами, «чтобы меньше иметь хлопка, как культуру техническую, которая больше всего связывает Узбекистан с Союзом, во-вторых развернуть таким образом сельское хозяйство Узбекистана, чтобы иметь в большей мере не только на богарных, но и на поливных землях зерновое хозяйство, чтобы не зависеть от привозного русского хлеба, и, наконец, запланировать таким образом развитие промышленности, строительство дорог и прочее, чтобы мы в результате осуществления этой первой пятилетки оказались бы в экономическом отношении более независимыми от Советской России, от Советского Союза, чем когда бы то ни было».

Таким образом была на процессе представлена экономическая сторона «буржуазного национализма». Ходжаев постарался обрисовать ее как можно яснее.

Ходжаев: Я не знаю, известно ли суду, что у буржуазных националистов, особенно в Средней Азии, существовала такая теория — организовать замкнутое хозяйство, то есть сделать так, чтобы хозяйство Республики развивалось независимо от других частей Союза, чтобы по возможности Республика жила бы без нужды в остальном Союзе, на случай каких-либо возможностей для активной непосредственной борьбы⁷⁶.

Сходные показания дал и Икрамов. Упомянув о контактах с Зеленским, Антиповым и А. П. Смирновым, он рассказал о визите Бухарина, который в 1933 году прожил несколько дней у него в доме. Допрошенный по этому поводу Бухарин признал, что обсуждал с Икрамовым платформу Рютина и что «там было глухо и о терроре», но отрицал, что велись какие бы то ни было разговоры о вредительстве⁷⁷. Что касается последующей их встречи, в 1935 году, то на ней (зловещая подробность) якобы присутствовали и жены Буха-

рина и Икрамова, но заговорщицкие беседы велись, мол, в отсутствие жен. Бухарин, однако, отрицал, что во время этой встречи велись какие-либо политические разговоры. Произошел обмен резкими репликами между ним и Вышинским.

Вышинский: И вы, руководитель подпольной организации, встретивши через два года члена вашей организации, вами завербованного, не проверили — остается ли он на позициях вашей контрреволюционной организации, не интересовались этим, а стали говорить о погоде в Узбекистане. Так это было или не так?

Бухарин: Нет, не так. Вы мне задаете вопрос, который содержит в себе иронический ответ. А на самом деле я рассчитывал на следующую встречу с Икрамовым, которая случайно не состоялась, потому что он меня не застал.

Вышинский: Вы замечательно хорошо помните как раз те встречи, которые не состоялись.

Бухарин: Я не помню те встречи, которые не состоялись, потому что они — фантом, а помню те, которые реализовались⁷⁸.

Затем Икрамов дал пространные показания о важной роли Антипова в организации среднеазиатских подрывных групп. Антипов делал ставку на террор и якобы лично хвастался, что «кого наметили убить правые, тот до Средней Азии не доедет»⁷⁹. Наконец, Икрамов оговорил «многоженца» Рахимбаева и его таджикскую группу.

ДЕЛА ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ

Допросы Розенгольца и Крестинского вечером 4 марта удовлетворили обвинителя. Оба показали, что они вместе с Рудзутаком и Гамарником стали руководящим центром всего заговора после ареста Рыкова и Бухарина в феврале 1937 года. Они будто бы связывали все свои надежды с предстоявшим военным переворотом.

Оба заявили, что с 1922-23 года были связаны через Троцкого с немецкими органами шпионажа. Крестинский «признал» личную встречу с Троцким — ту самую, которую он 2-го марта отрицал. Троцкий, сказал он, дал полные инструкции по всем видам изменнической деятельности, шпионажа, вредительства, террора.

Некоторая неловкость произошла лишь тогда, когда Крестинский объявил, что он, Розенголец и Гамарник обсуждали

необходимость террористического акта против Молотова, и потом, когда Рыков, коротко опрошенный для подтверждения разговоров с Тухачевским и о Тухачевском, отказался их подтвердить⁸⁰.

Между прочим вина Рыкова и Бухарина в какой-либо заговорщицкой деятельности в последний период была практически сведена на нет замечанием Крестинского, согласно которому Троцкий считал, «что не надо ограничиваться Рыковым, Бухариным и Томским, так как хотя они и признанные вожди правых, но они в достаточной степени уже скомпрометированы и под надзором и что надо использовать для связи Рудзутака», который вне подозрений. Но ведь то, что Рыков и Бухарин были под надзором, что это обстоятельство делало их неподходящими участниками заговора — это фактически снимает любую возможность их вины с самого 1933 года, то есть со времени, предшествовавшего убийству Кирова и всем другим «злодейским убийствам».

Розенгольц дал показания о различных хищениях, о вредительском экспорте чугуна. Но, поскольку дело касается экспорта чугуна в чушках, оно проводилось по директиве за подписью лично Сталина, а за поставками металла наблюдал... Ежов!⁸¹.

Следующим допрашивали Раковского. Его отец был помещиком в южной Добрудже, которая в свое время входила в состав Болгарии, но отошла к Румынии, когда Раковский был ребенком. В двадцатилетнем возрасте Раковский был уже видным лицом в болгарском социалистическом движении и представлял свою партию на конгрессе Второго Интернационала. Он получил медицинское образование в Монпелье и вернулся на Балканы, где много раз арестовывался за участие в революционном движении — уже румынском. Последний раз румынские власти арестовали его в Яссах в 1916 году, а в мае 1917 года его из ясской тюрьмы освободили русские. Раковский поехал в Петроград и в 1919 стал членом ЦК РКП[б] и председателем Совнаркома Украины. Перейдя на троцкистские позиции, он потерял свой высокий пост и с 1924 по 1927 год был сперва поверенным в делах советского посольства в Лондоне, а потом послом в Париже. В ноябре 1927 года Раковского отозвали в Москву и в том же месяце вывели из состава ЦК за поддержку «левой оппозиции». На XV съезде партии он защищал взгляды этой оппозиции и в январе 1928 года был исключен из партии, выслан в Астрахань, а затем в Барнаул. Раковский

«раскаялся в своих ошибках» одним из последних, в феврале 1934 года, и был восстановлен в партии. Его арестовали под самый конец 1936 года в связи с подготовлявшимся процессом Пятакова — кто-то из тогдашних подсудимых дал против него показания⁸².

За исключением врачей, Раковский был старшим по возрасту среди подсудимых. И даже среди них, ветеранов, его революционная работа выделялась своей продолжительностью и яркостью. Раковский был легендарной личностью.

Восемь месяцев после ареста шестидесятипятилетний революционер отказывался давать показания в НКВД⁸³ — это один из наиболее долгих известных сроков сопротивления. Теперь, на суде, он «признавался», что был английским шпионом с 1924 года. А его разрыв с троцкизмом в 1934 году был предназначен для того, чтобы ввести партию в заблуждение⁸⁴.

После реабилитации 1934 года Раковский был послан в Японию в качестве руководителя делегации советского Красного Креста. Это обстоятельство было использовано для того, чтобы он в показаниях оговорил советских послов на Дальнем Востоке Юренева и Богомолова. Сам он якобы сделался, помимо английского, еще и японским шпионом.

В ходе допроса Вышинский сделал одну особенно низкую попытку очернить Раковского, используя тот факт, что отец Раковского был помещиком.

Вышинский: Значит, я не ошибаюсь, когда говорю, что вы были помещиком.

Раковский: Не ошибаетесь.

Вышинский: Вот мне важно было выяснить, откуда шли ваши доходы.

Раковский: Но мне важно сказать, на что шли эти доходы.

Вышинский: Это другой разговор⁸⁵.

Любой старый большевик знал, что Раковский отдавал все свои средства на революционное движение. Он финансировал созданную им румынскую социалистическую партию и газету этой партии, которую сам редактировал. Он субсидировал русских и других революционеров. Провокационные вопросы Вышинского довели Раковского до того, что он упомянул об этих фактах, и прокурор мгновенно заставил его сменить тему.

Когда Раковский заговорил об «оппозиции», Вышинский проворно перебил: «Вы в своих объяснениях сегодня вообще допускали целый ряд таких выражений, как будто бы забываете, что дело идет о вас, как о члене контрреволюци-

онной, бандитской, шпионской, диверсионной организации изменников. Я считаю себя обязанным вам об этом напомнить, ведя ваш допрос, и просить вас держаться ближе к существу совершенных вами изменнических преступлений, говорить без философии и тому подобных вещей, которые здесь совершенно не к месту»⁸⁶.

Раковский закончил объяснением того, почему после восьми месяцев допросов он все-таки начал давать показания. По его словам, летом 1937 года он получил информацию о нападении Японии на Китай и о масштабе германо-итальянской интервенции в Испании. «Это на меня подействовало потрясающим образом... Озлобление и честолюбие — все это отошло. Я считал, что отныне моя обязанность — помочь в этой борьбе против агрессора, что я пойду и разоблачу себя полностью и целиком, и я заявил следователю, что с завтрашнего дня я начну давать полные и исчерпывающие показания»⁸⁷.

Сегодняшнему западному читателю этот мотив знаком по книге Артура Кестлера «Тьма в полдень». Таковы же были на фоне допросов и морального истощения мотивы героя книги Рубашова. Фактически поведение Раковского ближе к поведению знаменитого кестлеровского героя, чем неохотные и частичные показания Бухарина, послужившего прообразом Рубашова⁸⁸.

Допрос Раковского был отложен в конце вечернего заседания 4 марта и продолжался 5-го утром. Потом суд взялся за Зеленского — фигуру гораздо менее колоритную. Тем не менее, Зеленский в свое время находился в высших партийных кругах, будучи в 1923-25 годах секретарем ЦК и МК партии. Сняли его с этих должностей за недостаточно враждебное отношение к Зиновьеву и Каменеву. Его, собственно, перевели в секретари Среднеазиатского бюро ЦК, где он работал до 1931 года, не теряя своего места в составе Центрального Комитета. В показаниях Ходжаева и Икрамова это обстоятельство было уже использовано, и Зеленский назван агентом Троцкого. Однако главная роль Зеленского на процессе заключалась в том, чтобы объяснить, как заговорщики «вызывали» народное недовольство. Дело в том, что с 1931 по 1937 год Зеленский работал председателем Центросоюза и фактически полностью держал в своих руках торговлю на селе и таким образом имел несравненные возможности вызывать это недовольство.

Начав с истории о том, как он был агентом царской охраны с 1911 года, Зеленский затем «признал» соучастие

в действиях Каменева в 1924 году и сказал, что в 1928-29 годах А. П. Смирнов завербовал его в «организацию правых». После «разоблачения» Смирнова (т. е. с 1933 года) Зеленский будто бы держал связь с Антиповым, по чьим инструкциям глубоко расстроил всю сельскую торговую сеть.

Зеленский: ... Правые организовали перебои в торговле товарами повседневного спроса. Так, например, такие перебои были организованы в Курской области. В первом квартале 1936 года в торговле сахаром, многие лавки в течение недели-двух не имели сахара. Такого же рода вредительские перебои были организованы в Ленинградской области в торговле махоркой. Такого же рода перебои были летом 1936 года в торговле печеным хлебом в ряде сельских местностей БССР, расположенных в пограничных районах.

Чтобы дать некоторое представление о том, какого характера были эти перебои, я укажу на следующее: из тридцати тысяч лавок, которые были обследованы торгово-кооперативными секциями советов и торговой инспекцией, в первом квартале 1936 года не было соли в 3 700 лавках. Из 42 тысяч лавок в 2 тысячах лавок отсутствовала продажа сахара. В третьем квартале 1936 года отсутствовала продажа махорки в 1 600 лавках из 36 тысяч лавок. Так что это были не единичные явления, а довольно распространенные»⁸⁹.

Дальше — снова в том же роде:

Вышинский: В 1936 году был такой случай, что Москва сидела без яиц по вашей вине, по вине не вашей персонально, а одного из активных участников этого заговорщического блока?

Зеленский: Был.

Вышинский: Не припомните ли, когда особенно резко это выявилось?

Зеленский: Я сейчас месяц не могу назвать, но могу сообщить о следующем факте. В 1936 году была допущена вредительская порча 50 вагонов яиц⁹⁰.

Зеленский также говорил об обмане покупателей.

Зеленский: Мне кажется, что вопросы обсчета, обмера и обвеса ясны для каждого, это очень ясно. Дело заключается в том, что когда человек приходит за покупкой в лавку, его обсчитывают, обмеривают и обвешивают, то есть ему назначают цену больше, чем та, по которой продается товар, либо ему дают вес меньший, чем это следует, либо отпускается товар не того качества.

Вышинский: Для чего это делается?

Зеленский: Для того, чтобы вызвать недовольство населения.

Вышинский: То есть с провокационными целями?

Зеленский: Понятно... Цены назначаются торгующими организациями или продавцами лавки очень часто по своему усмотрению, то есть бесконтрольно. Таким образом, поймать человека, обсчитывающего потребителя, почти невозможно. Это явление приняло серьезный характер и большое распространение. Чтобы дать характеристику размеров этого вредительства, я укажу на то, что из 135 000 лавок, которые были проверены инспекцией торгово-кооперативной сети, установлены случаи обсчета и обмана покупателей в 13 000 лавок. Фактически же количество их значительно больше.

Очень важный вид вредительства, также в целях вызова недовольства населения, заключается в замораживании товарооборота, достигаемом путем неправильной или несвоевременной засылки товаров. Так, например, были случаи, когда летние товары засылались зимой и, наоборот, зимние товары прибывали в лавки летом.

Вышинский: То есть летом населению предлагали валенки, а зимой тапочки?

Зеленский: Да⁹¹.

Все это, по Зеленскому, выполнялось подобранными им людьми.

Зеленский: ... Я имел задание и преследовал цель засорять этот аппарат чуждыми, враждебными, антисоветскими, повстанческими элементами. Засоренность аппарата Центросоюза видна из того, что в аппарате Центросоюза было при мне около 15 процентов бывших меньшевиков, эсеров, анархистов, троцкистов и так далее. В некоторых областях количество чуждых, выходцев из других партий, колчаковских офицеров и так далее, например, в Красноярском крае, Иркутске, Западной Сибири, было значительно выше⁹².

Любопытная перебранка между Зеленским и прокурором произошла по другому поводу.

Вышинский: А как было дело с маслом?

Зеленский: Маслом мы в деревне не торгуем.

Вышинский: Я не спрашиваю, чем вы торгуете. Вы торговали раньше всего основным — родиной. А я говорю о том, какие меры предпринимала ваша организация для того, чтобы сорвать товарооборот и лишить население необходимых первых предметов потребления. Кроме сахара и соли известно ли вам что-нибудь относительно масла?

Зеленский: Я сказал вам, что кооперация в деревне маслом не торгует...

Вышинский: Я спрашиваю вас: известны ли вам преступные операции в отношении снабжения населения маслом, в частности дешевыми сортами масла, или нет? Операции, которые были проделаны по указанию вашего «право-троцкистского блока», известны вам или нет?

Зеленский: Да, известны.

Вышинский: В чем они заключались?

Зеленский: Они заключались в следующем: все заготовительные организации при выработке масла пользовались мировыми стандартами, определяющими сортность масла.

Вышинский: Это не то.

Зеленский: Вот это и есть.

Вышинский: Нет.

Зеленский: Как нет? Это производилось...

Председательствующий: Подсудимый Зеленский, не пререкайтесь и отвечайте по существу.

Вышинский: А то масло, которое выпускалось, всегда было доброкачественным или вы тоже старались сделать его недоброкачественным?

Зеленский: Да.

Вышинский: Были ли случаи, что члены вашей организации, имеющие отношение к масляному делу, в масло подбрасывали стекло?

Зеленский: Были случаи, когда в масле оказывалось стекло.

Вышинский: Не «оказывалось», а подбрасывалось стекло. Вы понимаете разницу: подбрасывалось стекло? Были случаи такие или нет?

Зеленский: Были случаи, когда в масло подбрасывалось стекло.

Вышинский: Были ли случаи, когда ваши соучастники, сообщники преступного заговора против Советской власти и советского народа, подбрасывали в масло гвозди?

Зеленский: Были случаи.

Вышинский: С какой целью? Чтобы было «вкуснее»?

Зеленский: Это ясно.

Вышинский: Вот это и есть организация вредительской, диверсионной работы. В этом вы себя признаете виновным?

Зеленский: Признаю⁹³.

Помимо этих туманных неудовлетворительных для прокурора ответов, Зеленский заартачился и в ответе на важный вопрос.

Вышинский: Вы участвовали во вредительской, диверсионной, террористической, шпионской работе этого блока?

Зеленский: Во вредительской, диверсионной работе участвовал.

Вышинский: О шпионской работе вы пока умалчиваете?

Зеленский: (молчит).

Вышинский: Вы отвечаете за всю преступную деятельность блока?

Зеленский: Отвечаю⁹⁴.

Последний вопрос Вышинского был явно слабым ходом. Впрочем, под конец допроса Зеленский «признал» свою связь с А. В. Александером, лидером английской кооперативной партии. Они якобы обсуждали возможность прихода правых к власти в СССР.

За Зеленским последовал допрос Икрамова, нами уже описанный. В конце допроса Икрамова был снова вызван Бессонов. Он дал показания о связях, якобы поддерживавшихся с эмигрантами-эсерами, с Троцким и нацистами.

НОМЕР ОДИН

Только после этого начался допрос главного действующего лица процесса. Вышинский приступил к своей дуэли с Бухариным.

В ходе следствия Бухарина не пытали⁹⁵. После ареста 27 февраля 1937 года Бухарину дали очную ставку с Радеком, который, однако, выдвинул против Бухарина лишь ограниченные свидетельства, заявил, что Бухарин в известной степени противился союзу Троцкого с немцами⁹⁶, и отказался подтвердить некоторые из наиболее зловещих обвинений⁹⁷. После трехмесячных допросов, после угроз его молодой жене и ребенку, Бухарин в долгом разговоре с Ежовым и Ворошиловым согласился — как «представитель Политбюро» — признать все обвинения, в том числе замысел убить Ленина. Но когда два дня спустя Бухарину принесли на подпись его «показания», отредактированные и выправленные лично Сталиным, он был настолько потрясен, что взял все свои «признания» обратно.

Следствие началось заново, теперь его вела удвоенная бригада следователей. В конце концов Бухарин согласился дать показания, но отказался говорить о том, что будто бы планировал убийство Ленина⁹⁸. А одно из обвинений, выдвинутое против него теперь в зале суда, вообще не упомина-

лось в ходе следствия. Это обвинение — шпионаж. Несомненно, следователи понимали, что признания в шпионаже Бухарин ни за что не подписал бы, и вот это обвинение было брошено ему впервые прямо в зале суда⁹⁹.

Перед тем, как Вышинский начал задавать вопросы, Бухарин обратился к суду с просьбой разрешить ему излагать свои показания свободно, то есть без наводящих вопросов прокурора, и остановиться на описании идейных позиций «блока». Вышинский немедленно потребовал, чтобы ходатайство Бухарина было отклонено, как ограничивающее законные права обвинителя. После этого Бухарин объявил, что подтверждает свои показания, данные на предварительном следствии. Свою вину он признал в следующих осторожных подобранных фразах:

«Я признаю себя виновным в том, что я был одним из крупнейших лидеров этого «право-троцкистского блока». Я признаю себя, следовательно, виновным в том, что вытекает непосредственно отсюда, виновным за всю совокупность преступлений, совершенных этой контрреволюционной организацией независимо от того, знал ли я или не знал, принимая или не принимая прямое участие в этом или ином акте, потому что я отвечаю, как один из лидеров, а не как стрелочник этой контрреволюционной организации»¹⁰⁰.

Бухарин признал, что планировал насильственное свержение советской власти «... при помощи использования войны, которая прогностически стояла в перспективе», он якобы рассчитывал на поддержку иностранных государств, которым предполагалось сделать территориальные уступки.

Вышинский: А также путем ослабления обороноспособности?

Бухарин: Видите ли, этот вопрос не обсуждался, по крайней мере в моем присутствии¹⁰¹.

Что касается вредительства, то Бухарин показал, что «была принята ориентация на вредительство», но на конкретные вопросы по этой теме отвечал так:

Вышинский: Как вы видите из процесса, обстановка была достаточно конкретной. Вы с Ходжаевым разговаривали о том, что мало вредят, что плохо вредят?

Бухарин: Насчет того, чтобы форсировать вредительство, разговоров не было¹⁰².

После этого прозвучало «признание» Бухарина в том, что «блок» стоял за террор против высшего руководства. Вышинский немедленно спросил, было ли убийство Кирова

совершенно также с ведома и по указанию «право-троцкистского блока»?

Бухарин: Это мне не было известно.

Вышинский: Я спрашиваю: с ведома и по указаниям «право-троцкистского блока» совершенно было это убийство?

Бухарин: А я повторяю, что это мне не известно, гражданин Прокурор.

Вышинский: Специально об убийстве Сергея Мироновича Кирова вам не было известно?

Бухарин: Не специально, а...

Вышинский: Обвиняемого Рыкова разрешите спросить?

Председательствующий: Пожалуйста.

Вышинский: Подсудимый Рыков, что вам известно по поводу убийства Сергея Мироновича Кирова?

Рыков: Я ни о каком участии правых и правой части блока в убийстве Кирова не знаю.

Вышинский: Вообще о подготовке террористических актов — убийств членов партии и правительства — об этом вам известно?

Рыков: Я, как один из руководителей правой части этого блока, участвовал в организации целого ряда террористических групп и в подготовке террористических актов. Как я сказал в своих показаниях, я не знаю ни одного решения правого центра, через который я имел отношение к «право-троцкистскому блоку», о фактическом выполнении убийств...

Вышинский: О фактическом выполнении. Так. Известно ли вам, что «право-троцкистский блок» ставил одной из своих задач организацию и совершение террористических актов против руководителей партии и правительства?

Рыков: Я сказал больше того, что я лично организовывал террористические группы, а вы меня спрашиваете, знал ли я через какое-то третье лицо об этих задачах.

Вышинский: Я спрашиваю, имел ли «право-троцкистский блок» отношение к убийству товарища Кирова?

Рыков: В отношении правой части к этому убийству у меня никаких сведений нет, и поэтому я до настоящего времени убежден, что убийство Кирова произведено троцкистами, без ведома правых. Конечно я об этом мог и не знать¹⁰³.

Сбитый с толку Вышинский обратился к Ягоде. Тот сказал, что Рыков и Бухарин говорят неправду: Рыков и Енукидзе, дескать, присутствовали на заседании, где обсуждался этот вопрос. Однако Ягода стал тут же по собственной инициативе делать странные намеки.

Вышинский: Вы лично после этого приняли какие-нибудь меры, чтобы убийство Сергея Мироновича Кирова осуществилось?

Ягода: Я лично?

Вышинский: Да, как член блока.

Ягода: Я дал распоряжение...

Вышинский: Кому?

Ягода: В Ленинграде Запорожцу. Это было немного не так...

Вышинский: А вы дали потом указания не чинить препятствий к тому, чтобы Сергей Миронович Киров был убит?

Ягода: Да, дал... Не так.

Вышинский: В несколько иной редакции?

Ягода: Это было не так, но это неважно¹⁰⁴.

Вышинский поспешно оставил эту тему и начал допрашивать Бухарина по обвинению в намерении убить Ленина. Бухарин «признал», что в 1918 году имелся план ареста Ленина, но когда Вышинский предположил, что это означало убийство, Бухарин привел пример с арестом Дзержинского. Как известно, Дзержинский был однажды арестован эсэрами, но не убит. Допустив, что Сталин и Свердлов тоже могли быть арестованы вместе с Лениным, Бухарин добавил, что «ни в коем случае» они не были бы убиты. Дальнейшее разбирательство этого вопроса Вышинский отложил до вызова свидетелей.

После этого Бухарину разрешили высказаться подробнее. Ульрих предложил ему держаться темы о его «преступной антисоветской деятельности», но прошло десять, пятнадцать минут, а Бухарин все еще излагал теорию, согласно которой движение правых неизбежно должно было прийти к восстановлению капитализма. Ульрих прервал Бухарина, сказав, что тот не должен сейчас произносить свою защитительную речь.

Бухарин ответил: «Это у меня не моя защита, это у меня самообвинение. Я ни одного слова в свою защиту не сказал...»¹⁰⁵. Строго говоря, он и не сказал. Продолжил Бухарин тем, что признал: его программа означала сначала «сползание к буржуазно-демократической свободе», которая в свою очередь (как уточнил Вышинский, и уточнение было принято Бухариным) означала... «прямой оголтелый фашизм»!

Затем Вышинский обратился к шпионажу.

Вышинский: Тогда почему так легко вы пришли к блоку, который занимался шпионской работой?

Бухарин: Я относительно шпионской работы совершенно ничего не знаю.

Вышинский: Как не знаете?

Бухарин: Так.

Вышинский: А блок чем занимался?

Бухарин: Здесь прошло два показания относительно шпионажа — Шаранговича и Иванова, то есть двух провокаторов¹⁰⁶.

Здесь Бухарин хитро обернул всю тактику процесса против авторов его сценария. Ведь Иванов, по его собственным словам, был агентом царской охраны в революционном движении. Для партийной аудитории ничто не могло быть презреннее этого, никто не мог заслуживать меньшего доверия, чем подобная личность. Так свидетельство Иванова автоматически подрывалось. В то же время Бухарин ясно дал понять, что Иванов на процессе действует в том же качестве провокатора, только по приказу других хозяев.

Тут Вышинский сумел «выиграть очко», обратившись к Рыкову. Тот снова подтвердил, что знал о шпионаже, проводившемся белорусскими «национал-фашистами», и заявил, что «по-моему, знал и Бухарин». Бухарин отпарировал, что не знал. Его связь с австрийской полицией, о которой заговорил Вышинский, «заклучалась в том, что я сидел в крепости в Австрии».

Вышинский: Обвиняемый Шарангович, вы были польским шпионом, хотя и сидели в тюрьме?

Шарангович: Был, хотя и сидел.

Бухарин: Я сидел в шведской тюрьме, дважды сидел в российской тюрьме, в германской тюрьме¹⁰⁷.

Бухарин принялся затем излагать переговоры о создании «блока» и описывать его структуру, основываясь на своих разговорах с Каменевым в 1928 году и позже. При этом особое внимание Бухарин уделял платформе Рютина. Ульрих снова вмешался: «Пока еще вы ходите вокруг да около, ничего не говорите о преступлениях»¹⁰⁸.

Бухарин заговорил о планах переворота в 1935 году, якобы составленных Енукидзе и Петерсоном, которые не воплотились ни во что реальное. Продолжая давать показания на следующее утро, 7 марта, он развил эту тему, включив в число предполагаемых участников и группу Тухачевского. (Вышинский возражал против употребления Бухариным термина «дворцовый переворот»). Бухарин также «признал», что рассылал по областям организаторов беспорядков, но отрицал, что знал о связях этих организаторов

с белогвардейцами и немецко-фашистскими кругами. И снова произошла долгая перепалка: Вышинский пытался вынудить у Бухарина признание, что об этих связях ему было известно. Прокурор хотел также добиться, чтобы осведомленность Бухарина подтвердил Рыков. Но Рыков на сей раз собрался с силами и поддержал Бухарина.

Рыков пошел даже дальше, отрицая свою осведомленность о том, что Карахан был шпионом. По всей теме о переговорах с Германией Бухарин признал лишь, что Троцкий говорил об отделении Украины от СССР, но сам он, дескать, «не считал для себя обязательными»¹⁰⁹ указания Троцкого. Вот какой диалог состоялся по поводу переговоров, которые Карахан будто бы вел с немцами:

Вышинский: Вы эти переговоры одобрили?

Бухарин: Или дезавуировал? Не дезавуировал, следовательно одобрил.

Вышинский: Я вас спрашиваю, одобрили или нет?

Бухарин: Я повторяю, гражданин Прокурор: так как не дезавуировал, то, следовательно, одобрил.

Вышинский: Следовательно одобрили?

Бухарин: Если не дезавуировал, то, следовательно, одобрил.

Вышинский: Вот я и спрашиваю: значит, одобрили?

Бухарин: Значит, «следовательно» — все равно, что «значит».

Вышинский: Что значит?

Бухарин: Значит, одобрил.

Вышинский: А вы говорите, что вы об этом узнали постфактум.

Бухарин: Да, это ни капли не противоречит одно другому¹¹⁰.

Вышинский затем снова нацелился на тему о шпионаже, подняв вопрос с Рыковым о белорусах. И тут, на протяжении получаса, развернулся один из наиболее поразительных диалогов, известных в истории судебных процессов.

Вышинский: Это не шпионская связь?

Рыков: Нет.

Вышинский: Какая это связь?

Рыков: Там была и шпионская связь.

Вышинский: Шпионская связь в части вашей организации имела с поляками по вашей директиве?

Рыков: Конечно.

Вышинский: Шпионская?

Рыков: Конечно.

Вышинский: В том числе и Бухарина?

Рыков: Конечно.

Вышинский: Вы и Бухарин были связаны?

Рыков: Безусловно.

Вышинский: Значит, вы были шпионами?

(Рыков молчит).

Вышинский: И организаторами шпионажа?

Рыков: Я ничем не лучше шпиона.

Вышинский: Вы были организатором шпионажа, были шпионом?

Рыков: Можно сказать, да.

Вышинский: Можно сказать, что шпион. Я спрашиваю, вы организовали связь с польской разведкой и соответствующими шпионскими кругами? Вы признаете себя виновным в шпионаже?

Рыков: Если речь идет об организации, то в данном случае, конечно, признаю себя виновным.

Вышинский: Подсудимый Бухарин, вы признаете себя виновным в шпионаже?

Бухарин: Я не признаю.

Вышинский: А Рыков что говорит, а Шарангович что говорит?

Бухарин: Я не признаю.

Вышинский: Когда организовалась в Белоруссии организация правых, вы возглавляли ее, вы это признаете?

Бухарин: Я вам сказал.

Вышинский: Я вас спрашиваю, признаете вы или нет?

Бухарин: Я белорусскими делами не интересовался.

Вышинский: Вы интересовались шпионскими делами?

Бухарин: Нет.

Вышинский: А кто интересовался?

Бухарин: Я об этого рода деятельности не получал никаких информации.

Вышинский: Обвиняемый Рыков, получал ли Бухарин какую-нибудь информацию об этого рода деятельности?

Рыков: У меня с ним разговоров об этом не было¹¹¹.

Повторив весь круг своих вопросов, Вышинский добился только того, что Рыков вернулся на свои прежние позиции.

Рыков: То есть переходом этим мы непосредственно не руководили, но вопрос не в непосредственном руководстве, а касается общего руководства. Мы за это отвечаем совершенно определенно.

Вышинский: Вам незачем делать постное лицо, подсудимый Бухарин, и нужно признаться в том, что есть. А есть вот

что: у вас имелась группа ваших сообщников, заговорщиков в Белоруссии, возглавляемая Голодедом, Червяковым, Шаранговичем. Правильно, Шарангович?

Шарангович: Правильно.

Вышинский: И по директиве Бухарина и Рыкова, под их руководством вы связались с польской разведкой и польским генштабом. Правильно, Шарангович?

Шарангович: Совершенно правильно.

Вышинский: И относительно шпионской связи — под вашим руководством. Правильно, Шарангович?

Шарангович: Совершенно правильно.

Вышинский: Следовательно, кто был организатором шпионажа, которым вы занимались?

Шарангович: Рыков, Бухарин.

Вышинский: Значит, они были шпионами?

Шарангович: Совершенно правильно.

Вышинский: Так же как...

Шарангович: Как и я сам.

Вышинский: Садитесь. (К Рыкову) Подсудимый Рыков, в 1932 году Голодед вам рассказывал, что все сколько-нибудь крупные назначения людей на руководящие посты в Белоруссии предварительно согласовывались с польской разведкой?

Рыков: Да.

Вышинский: Бухарин об этом знал?

Рыков: Этого я не могу сказать.

Вышинский: Не знаете? Не хотите выдавать дружка?

Рыков: То есть в том, что я знаю, что он неправильно говорит, я его уличаю, а в том, что я не знаю, — я этого делать не могу и не буду.

Вышинский: Я спрашиваю вас о том, что поляки давали согласие на различные должностные назначения в Белоруссии. Об этом известно было вашему руководящему центру?

Рыков: Мне было известно. С Бухариным я об этом не говорил. Мне было известно также, что Червяков и Голодед имели связь, кроме меня, с Бухариным и Томским. Говорили они об этом с Бухариным или не говорили, я об этом сказать не могу, потому что при этих разговорах я не присутствовал.

Вышинский: Считаете ли вы, что было бы естественно тому же Голодеду иметь разговор с Бухариным по этому вопросу или же они должны были конспирировать это от Бухарина?

Рыков: Я думаю, что, естественно, он говорил с Бухариным, но о чем они говорили, мне неизвестно.

Вышинский: Я теперь в порядке предположения вас спрошу. Вы предполагаете, что Бухарин об этом был осведомлен?

Рыков: Это обстоятельство... Я предпочитаю говорить только о том, что я знаю. А чего не знаю — мое положение вовсе не таково в этом зале, чтобы я еще высказывал предположения¹¹².

О своих разговорах с Бухариным Рыков показал, что «об этой специально шпионской работе я не помню разговоров. не исключаю, чтобы они были, но я не помню»¹¹³.

После длительного обмена репликами с Рыковым по поводу значения некоторых мест из его показаний на предварительном следствии — причем Рыков утверждал, что его слова на следствии носили характер не констатации фактов, а лишь предположений, — Вышинский обратился к Бухарину, который немедленно заявил: «Меня на предварительном следствии об этом не спрашивали ни единого слова и вы, гражданин Прокурор, в течение трех месяцев не допросили меня ни одного слова»¹¹⁴.

При этих словах Вышинский потерял самообладание и закричал, что не Бухарину его учить, как вести следствие. Он снова взялся за Рыкова, но нисколько не продвинулся в своих попытках доказать шпионаж.

Заключение прокурора прозвучало слабо:

Вышинский: Позвольте считать установленным, что Рыков и Бухарин знали о существовании изменнической связи, в состав которой входил и шпионаж. Правильно, Рыков?

Рыков: То есть вытекал шпионаж.

Бухарин: Таким образом получается, что я знал что-то, из чего что-то вытекало¹¹⁵.

Ульрих вернул подсудимых к теме предполагавшегося «переворота». Вслед за тем Бухарин отверг обвинение в том, что он якобы говорил Ходжаеву о соглашении с Германией. В споре по этому поводу Вышинский снова вышел из себя, дав повод Бухарину заметить: «Напрасно вы машете рукой!». Ульрих призвал Бухарина к порядку, а Вышинский набросился на него: «Я вынужден буду тогда прекратить допрос, потому что вы, очевидно, придерживаетесь определенной тактики и не хотите говорить правду, прикрываясь потоком слов, крючкотворствуя, отступая в область политики, философии, теории и так далее». Бухарин спокойно возразил: «я отвечаю на ваши вопросы» и продолжал отрицать, что говорил Ходжаеву о связях с английскими разведчиками. В припадке ярости Вышинский заявил, что «вы являетесь,

очевидно, по всем данным следствия, шпионом одной из разведок». Бухарин поймал его на этом пункте:

Бухарин: За год моего сидения в тюрьме меня об этом ни разу не спрашивали.

Вышинский: Мы вас спрашиваем здесь на гласном пролетарском суде, мы спрашиваем здесь на этом суде перед всем миром.

Бухарин: Но раньше вы не спрашивали об этом.

Вышинский: Я еще раз спрашиваю на основании того, что здесь было показано против вас, не угодно ли вам признаться перед советским судом, какой разведкой вы были завербованы — английской, германской или японской?

Бухарин: Никакой.

Вышинский: Я к Бухарину пока не имею вопросов¹¹⁶.

Суд объявил перерыв. Прокурор потерпел явное поражение.

Когда заседание возобновилось, Бухарин перечислил свои контакты с эмигрантами — меньшевиками и эсэрами — и упомянул об уступках, которые должны были быть сделаны в пользу Германии. Он снова категорически отрицал свою причастность к шпионажу. Далее Бухарин сказал, что военные заговорщики будто бы говорили с Томским об «открытии фронта» в случае войны, но что он, Бухарин, с этим не соглашался.

Вышинский: А с Караханом вы говорили об открытии фронта?

Бухарин: Карахан сказал, что немцы требовали военного союза с Германией.

Вышинский: А для союзника ворота закрыты?

Бухарин: На это Карахан мне ответил.

Вышинский: Для союзника ворота закрыты?

Бухарин: Нет.

Вышинский: Значит, открыть ворота?

Бухарин: Простите, но союза еще никакого не было.

Вышинский: Предположение, планы были.

Бухарин: Вот сейчас Советский Союз находится в союзе с Францией, но это не значит, что он открывает советские границы¹¹⁷.

Вслед за этим Вышинский обратился к преступлению, в котором из всех подсудимых обвинялся только Бухарин, — к плану убийства Ленина в 1918 году. Обвинение представило трех свидетелей, трех известных «левых коммунистов» того периода — Яковлеву, Манцева и Осинского. Последний

(урожденный князь Оболенский) был все еще кандидатом в члены ЦК партии после своего избрания в 1934 году.

Из всех троих наиболее выдающейся была в то время Варвара Яковлева — кандидат в члены малочисленного ЦК 1917 года. Вместе с Бухариным, Пятаковым и В. М. Смирновым она подала в отставку после того, как было принято решение о Брестском мире.

Теперь она полностью подтвердила версию Вышинского. Бухарину, однако, было нетрудно показать, что так называемая «нелегальная деятельность» в начале 1918 года отнюдь не была нелегальной. На деле левые и более или менее объединенные с ними троцкисты располагали тогда большинством и надеялись навязать остальным свою позицию по обычным партийным каналам. Бухарин признал, что после того, как это большинство было потеряно, состоялись разговоры, в ходе которых высказывалось мнение об аресте Ленина и формировании нового правительства. (Бухарин вообще думал лишь об аресте Ленина на двадцать четыре часа с целью облегчить смену правительства, и он полностью рассказал об этом плане уже в 1924 году¹¹⁸).

Переговоры шли также с левыми эсэрами, вышедшими из правительства в результате расхождений по вопросу о мире. Но Бухарин категорически отрицал, что существовал какой-либо план убить Ленина. Он также отрицал участие эсэров в заговоре.

Бухарин указал далее, что многие из тех, кто в 1918 году были левыми коммунистами — в том числе Куйбышев и Менжинский — не считались впоследствии из-за этого врагами. Здесь суд оборвал Бухарина: это, дескать, не относилось к делу. Таким же образом были пресечены попытки Бухарина отметить еще ряд обстоятельств — например то, что он сам был ранен при взрыве бомбы, брошенной левыми эсэрами, в конспирации с которыми его теперь обвинили.

Свидетельские показания Манцева мало отличались от показаний Яковлевой, они шли по той же линии. Осинский же дал более сдержанное свидетельство, не обвинив Бухарина по некоторым пунктам. Продолжая отрицать все свидетельства о плане убийства Ленина, Бухарин дважды ясно намекнул на истинную причину поведения «свидетелей».

Вышинский: Вы утверждаете, следовательно, что показания Манцева в этой части и показания свидетельницы Яковлевой неправильны?

Бухарин: Да, я утверждаю.

Вышинский: Чем вы объясняете, что они говорят неправду?

Бухарин: Вы уж их об этом спросите¹¹⁹.

И позже опять:

Вышинский: Вы должны чем-то объяснить то, что против вас говорят три человека ваших бывших сообщников.

Бухарин: Видите ли, у меня нет ни достаточных материальных, ни психологических данных, чтобы выяснить этот вопрос.

Вышинский: Не можете объяснить?

Бухарин: Не могу, а просто отказываюсь объяснить¹²⁰.

Дальше в этом направлении Вышинский не пошел. Он назвал новых двух свидетелей — старых эсэров Бориса Камкова и Владимира Карелина. Согласно описанию Маклина, оба они были «в опрятных синих костюмах», а лица у них были «серыми, как у трупов»¹²¹. Камков и Карелин уже годы и годы находились в заключении. В ходе допроса было упомянуто имя еще более знаменитой эсэровской руководительницы Марии Спиридоновой¹²², но она, по-видимому, отказалась сотрудничать с властями на суде. В статье польской коммунистки Ядвиги Сикорской, сидевшей с ней в 1937 году в одной камере, утверждается, что в результате зимой того же года Спиридонову расстреляли¹²³. (Не безынтересно, что статья Сикорской подверглась суровой критике на страницах журнала «Коммунист» за то, что она написана с позиций так называемого «абстрактного гуманизма»).

Камков — его вызвали первым из двоих — был, очевидно, в двадцатых годах освобожден из заключения, но не позднее 1933 года попал в тюрьму опять¹²⁴. На суде он показал, что слышал от других об осведомленности Бухарина насчет намерений эсэров, но добавил, что прямо свидетельствовать об этом не может. Он отрицал принятие каких-либо объединенных решений совместно левыми эсерами и левыми коммунистами. Твердость старого революционера опять привела в волнение Вышинского, и когда Бухарин попытался задать вопрос, прокурор взорвался: «Я прошу предложить обвиняемому Бухарину не вмешиваться в мой допрос. Я веду себя достаточно сдержанно, требую, чтобы и мой противник вел себя сдержанно»¹²⁵. Камков снова отклонил возможность совместных действий, и Вышинский прекратил допрос свидетеля, даже не упомянув о планах покушения на Ленина.

Карелин оказался более сговорчивым и подтвердил, что план убийства Ленина существовал. Он заговорил также о совершенно другом деле, о действительном покушении на Ленина 30 августа 1918 года. Это покушение было выполнено правой эсеркой Фанни Каплан. Карелин объявил, что на этом террористическом акте настаивал Бухарин и что его мнение было передано через левых эсеров.

Для подтверждения этого был вновь вызван Осинский. Он сказал, что слышал какие-то неопределенные слухи насчет того, что покушение Каплан вдохновлялось антиправительственной позицией левых, но заявил: «... персонально насчет Бухарина сказать ничего не могу».

Бухарин же все начисто отрицал.

Вышинский: Осинский дал объяснения.

Бухарин: Осинский сказал, что обо мне он ничего не может сказать¹²⁶.

Опять Вышинский прямо взялся за Бухарина, пытаясь вынудить у него признание, что в 1918 году атмосфера в партии была так накалена, что убийство выглядело бы разумным. Бухарин это отрицал, а заодно повторно отверг свидетельские показания.

Вышинский: А почему говорят об этом и «левые» коммунисты, и «левые» эсеры,— все?

Бухарин: Нет, это говорят не все: из двух «левых» эсеров только один¹²⁷.

По другому обвинению Бухарин тоже заявил, что «абсолютно не согласен, я это категорически отрицаю», и на этом «категорическом отрицании» допрос Бухарина закончился.

В обвинительном заключении по делу «право-троцкистского блока» Яковлева, Манцев, Осинский, Камков и Карелин перечислены среди тех, чьи дела выделены в особое производство. Теперь даты смерти четырех из них стали известны официально. Камков умер в 1938 году¹²⁸, в год процесса. Тем же 1938 годом датируется смерть Карелина¹²⁹. Год смерти Осинского все тот же 1938, даже дата есть — 1 сентября¹³⁰. Можно предполагать, что они были казнены после процесса за участие в том же гипотетическом плане убийства Ленина, по которому Карелин и Осинский оговаривали Бухарина. Яковлева, показания которой на суде были наиболее удовлетворительными, дожила почти до конца войны, до 1944 года¹³¹.

ДЕЛА МЕДИЦИНСКИЕ

Утром 8 марта 1938 года процесс дошел до самого ужасного и темного обвинения из всех, выдвинутых против «блока». На протяжении последующих двух дней главной темой допросов была система «медицинских убийств», якобы выполнявшихся по прямым распоряжениям Ягоды.

Выдвинуть обвинение в «медицинских убийствах» против участников оппозиции решено было, видимо, после того, как Наркомом внутренних дел стал Ежов. Планы НКВД впутать в дело профессора Плетнева восходят к декабрю 1936 года, но арестован он был, по-видимому, не раньше первой половины июня следующего года. По крайней мере «Правда» от 8 июня 1937 года пишет в настоящем времени, что «Плетнев занимает выборную должность» в обществе врачей. Доктора Левина арестовали в промежутке между смертью Орджоникидзе (тогда, в феврале 1937 года, его имя появилось в последний раз среди кремлевских врачей) и 12 июня 1937 года (когда в подобном же списке его имя уже не появилось). Секретарь покойного Горького Крючков подвергся нападкам в «Правде» от 17 мая вместе с другими литераторами, якобы связанными с Ягодой. Можно считать, что его арест состоялся около этой даты.

Помимо врачей, обвинявшихся на процессе, были названы еще двое «убийц» — доктор А. И. Виноградов из санчасти ОГПУ (см. Дело Бухарина, стр. 458), в отношении которого следствие было прекращено за смертью обвиняемого (см. там же, стр. 37), и начальник Лечсанупра Кремля до 1938 года Ходоровский, которого, видимо, не успели «подготовить» к суду. Годом его смерти назван 1940-й (см. XI съезд РКП[б], биогр. справка).

На суде разбирались четыре так называемых убийства. Первым, в мае 1934 года, был будто бы умерщвлен предшественник Ягоды на посту начальника ОГПУ Менжинский. Согласно официальной версии, Менжинского умертвил его любимый врач Казаков — по инструкциям, исходившим от доктора Левина. Потом, в том же месяце, был якобы уничтожен сын Горького Максим Пешков. Это убийство приписывалось Левину и профессору Плетневу. Следующей жертвой этих двоих стал, по обвинительному заключению, Куйбышев, и, наконец, они же погубили самого Горького.

Первым давал показания 68-летний доктор Левин. Он, дескать, вместе с Ягодой был организатором медицинских убийств. Роль Левина — его действительная роль — самое темное место во всем процессе. Ягода вряд ли стал бы вербовать постороннего врача на такое дело, как убийство по приказу, — но это соображение не относится к человеку, который с 1920 года «работал в штатной должности и в качестве консультанта санитарной части НКВД»¹³². Левин работал с Дзержинским, Менжинским и Ягодой, так что можно определенно считать, что он пользовался в ОГПУ-НКВД не только медицинским авторитетом. По его собственным словам, «это было внимание со стороны руководителя такого органа, как ОГПУ. Я видел в этом определенное признание и доверие ко мне со стороны руководителя такого учреждения»¹³³. Он также чувствовал, что погибнет вместе с Ягодой¹³⁴. Можно фактически считать Левина до известной степени членом того круга сотрудников Ягоды в НКВД, который в полном составе последовал за наркомом в камеры смертников.

Кроме того, Левин обронил на суде, что он стал говорить правду с «самого первого дня, как я вступил в тюрьму»¹³⁵. Если принять это на веру, то такое поведение настолько резко отличается от образа действий остальных беспартийных обвиняемых, что свидетельствует либо о высочайшей «дисциплинированности» Левина перед лицом НКВД, либо о некоей достоверности его признаний (опять-таки в отличие от большинства подсудимых).

В коротком перекрестном допросе Левина Бухарин спросил, не являлся ли доктор контрреволюционером и вредителем уже в 1918 году, после того, как большевики захватили власть, — спросил так, как будто речь шла о широко известном факте¹³⁶. Вопрос Бухарина представляется не имеющим отношения к делу и даже могущим повредить делу всех подсудимых. Но если искать в нем особого намека, то намек может быть в том, что Левин из-за своего прошлого мог быть легко завербован ОГПУ и под угрозой разоблачений использован на любой работе.

Как мы знаем, Левин в каком-то смысле замешан в смерти Орджоникидзе. Его подпись, в числе других, стоит под фальсифицированным медицинским заключением о смерти Орджоникидзе в то время. Но если Левин и был вовлечен во все эти злодейские дела, то надо по справедливости отметить, что об этом очень мало кто знал. Видный советский дипломат Бармин полагал, что Левин был

просто врачом, преданным своей профессии и ни в чем не замешанным¹³⁷.

Левин дал образцовые показания о планировании и проведении так называемых медицинских убийств. Согласно его рассказу и показаниям других, было выполнено следующее:

1. Казакову, доктору-шарлатану и любимцу Менжинского, приказали убить Менжинского чрезмерной дозой одного из «лизатов» собственного, казаковского, изготовления, дабы освободить пост начальника ОГПУ для Ягоды.

2. Убили Максима Пешкова в два этапа: сперва приказали секретарю Горького Крючкову напоить Пешкова пьяным и оставить в таком состоянии на садовой скамейке, «на холоде» (хотя был май); а затем, когда Пешков простудился, напустили на него Левина, Виноградова и Плетнева.

3. На прогулках с Горьким для него разжигали костры, которые он очень любил, хотя у писателя были слабые легкие, и костры плохо действовали на его здоровье¹³⁸; возили Горького к его внукам, когда те лежали с простудой, и тем самым заразили писателя, а потом отдали его в руки Левина и Плетнева.

4. Куйбышева просто неправильно лечили от болезни сердца — но скончался-то он в конце концов потому, что ему не была вовремя оказана медицинская помощь, хотя следовало бы полагать при таких обстоятельствах, что отсутствие «преступной» врачебной помощи не ухудшило его состояния перед смертью!

Левин очень правдоподобно объяснил, каким образом его завербовал Ягода; и так правдоподобно, что вызвал вздох даже у выдавшей виды аудитории Октябрьского зала.

Левин: Он сказал: «Учтите, что не повиноваться мне вы не можете, вы от меня не уйдете. Раз я вам оказал в этом доверие, раз вам оказывается доверие в этом деле — вы это и должны ценить и вы должны это выполнить. Вы никому не сможете об этом рассказать. Вам никто не поверит. Не вам, а мне поверят. Вы в этом не сомневайтесь. Вы это сделайте. Вы обдумайте, как можете сделать, кого можете привлечь к этому. Через несколько дней я вызову вас». Он еще раз повторил, что невыполнение этого грозит гибелью и мне и моей семье. Я считал, что у меня нет другого выхода, я должен ему покориться. Опять-таки, когда смотришь с перспективы, с сегодняшнего дня на 1932 год, когда видишь, насколько мне, как беспартийному человеку, казался всемогущим Ягода, то, конечно, очень трудно было отвертеться от его угроз, от приказов его¹³⁹.

Для подтверждения показаний Левина о Менжинском с места вызвали Казакова. В отличие от Левина и Плетнева, Казаков не пользовался высокой медицинской репутацией, но в своих эксцентричных идеях о новых средствах лечения был, очевидно, искренен. Он применял (как в дальнейшем заметил Буланов) «такие мудреные лекарства, которые не только неизвестны медицине, но слабо известны самому Казакову»¹⁴⁰.

Это, к слову сказать, один из примеров того, как советские руководители хватались за идеи, отвергнутые специалистами в соответствующей области науки. То же было с лингвистикой Марра и биологией Лысенко. Последний пример из области медицины относится к началу шестидесятых годов, когда ленинградское партийное руководство с энтузиазмом проталкивало метод лечения рака, изобретенный неким Качугиным и отвергнутый профессиональными врачами.

Менжинский безгранично верил казаковскому методу лечения «лизатами». В показаниях доктора Левина есть ироническое упоминание всяких толков о чудотворных лекарствах, разработанных профессором Шварцманом, который в свое время произвел хорошее впечатление на Менжинского. Затем наступило разочарование. А «затем была другая реклама, начали шуметь вокруг Игнатия Николаевича Казакова, и тогда он (Менжинский) обратился к Казакову... он был одним из небольшой группы крупных людей в то время, которым казалось, что он чрезвычайно им помогает»¹⁴¹. Было даже специальное заседание Совнаркома, обсуждавшее казаковские методы лечения.

Казаков подтвердил показания Левина и сказал, что был вызван лично к Ягоде. Он, дескать, подчинился, испугавшись таких слов Ягоды: «Имейте в виду, что если вы попытаетесь не подчиниться мне, то я сумею вас быстро уничтожить»¹⁴².

Вызвали Ягоду. По Маклину, он выглядел совсем иначе, чем в дни своей власти. Волосы поседели, недавнее самодовольство исчезло¹⁴³. Но он все-таки излучал определенную мрачную энергию. Его показания были необычны и их следует считать многозначительными, несмотря на то, что позднее в тот же день Ягода взял их обратно.

Вышинский: Подсудимый Ягода, давали вы поручение Левину о вызове к вам Казакова для разговора?

Ягода: Я этого человека вижу первый раз здесь.

Вышинский: Значит, такого поручения вы Левину не давали?

Ягода: Я давал поручение Левину переговорить...

Вышинский: С кем?

Ягода: С Казаковым, но сам лично его не принимал.

Вышинский: Я вас не спрашиваю, принимали вы его или нет, а я спрашиваю, давали вы поручение Левину переговорить с Казаковым?

Ягода: Поручения переговорить с Казаковым я не давал.

Вышинский: Вы только что сказали, что давали Левину такое поручение.

Ягода: Я давал Левину поручение об умерщвлении Алексея Максимовича Горького и Куйбышева, и только.

Вышинский: А насчет Менжинского?

Ягода: Ни Менжинского, ни Макса Пешкова я не умерщвлял¹⁴⁴.

Вышинский поднял с места Крючкова, и тот подтвердил свою роль в убийстве Пешкова по приказам Ягоды. Прокурор снова обратился к Ягоде и прочел то место из его показаний на предварительном следствии, где Ягода признавался в умерщвлении Менжинского и Максима Пешкова.

Вышинский: Вы это показывали, обвиняемый Ягода?

Ягода: Я сказал, что показывал, но это неверно.

Вышинский: Почему вы это показывали, если это неверно?

Ягода: Не знаю, почему.

Вышинский: Садитесь. «Я вызвал Казакова к себе, подтвердил ему мое распоряжение... Он сделал свое дело, Менжинский умер». Показывали это, обвиняемый Ягода?

Ягода: Показывал.

Вышинский: Значит, вы встречали Казакова?

Ягода: Нет.

Вышинский: Почему вы показывали неправду?

Ягода: Разрешите на этот вопрос не ответить.

Вышинский: Вы отрицаете, что вы организовали убийство Менжинского?

Ягода: Отрицаю.

Вышинский: В этом показании вы это признали?

Ягода: Да.

Вышинский: Когда вас допрашивал Прокурор Союза, то вы как ответили на этот вопрос о своем отношении к убийству Менжинского?

Ягода: Тоже подтвердил.

Вышинский: Подтвердили. Почему вы подтвердили?

Ягода: Разрешите на этот вопрос не ответить.

* Вышинский: Тогда ответьте на мой последний вопрос. Вы заявляли какие-нибудь претензии или жалобы по поводу предварительного следствия?

Ягода: Никаких.

Вышинский: Сейчас тоже не заявляете?

Ягода: Нет¹¹⁵.

Вышинский перешел затем к умерщвлению Максима Пешкова и продолжал допрос так:

Вышинский: Так что все, что говорит Крючков...

Ягода: Все ложь.

Вышинский: Вы ему такого поручения о Максиме Пешкове не давали?

Ягода: Я заявлял, гражданин Прокурор, что в отношении Максима Пешкова никаких поручений не давал, никакого смысла в его убийстве не вижу.

Вышинский: Так что Левин врет?

Ягода: Врет.

Вышинский: Казаков говорит ложь?

Ягода: Ложь.

Вышинский: Крючков?

Ягода: Ложь.

Вышинский: Крючкову по поводу смерти Максима Пешкова поручений не давали? Вы на предварительном следствии...

Ягода: Лгал.

Вышинский: А сейчас?

Ягода: Говорю правду.

Вышинский: Почему вы ввали на предварительном следствии?

Ягода: Я вам сказал. Разрешите на этот вопрос вам не ответить¹¹⁶.

Американский наблюдатель на процессе отмечал, что Ягода говорил «с такой концентрированной злобой и яростью», что все присутствующие затаили дыхание «в тревоге и ужасе». Когда в допрос вмешался Ульрих, Ягода повернулся к нему и сказал (эта фраза не вошла ни в один официальный отчет): «Вы на меня можете давить, но не заходите слишком далеко. Я скажу все, что хочу сказать... Но... слишком далеко не заходите»¹¹⁷. Все были вновь потрясены. Маклин пишет, что на процессе тайно присутствовал Сталин, сидя в помещении на хорах и наблюдая через окно. По его словам, был момент, когда многие увидели Сталина при переключении света¹¹⁸. Если это так, то, вероят-

но, при этой фразе Ягоды Сталин подумал, не проваливается ли весь его план.

Ягода имел больше причин сопротивляться процессу, чем кто-либо другой из подсудимых. Он помогал Сталину вернее всех, он сослужил ему незаменимую службу. Арест так подействовал на Ягodu, что он долго не мог ни спать, ни есть, и Ежов опасался за его психику. К нему послали для переговоров начальника иностранного отдела НКВД, вкрадчивого и льстивого Слуцкого. В ходе их разговора Ягода горько жаловался, что разрушен аппарат безопасности, который он создавал пятнадцать лет. А однажды сказал Слуцкому, что Бог, наверно, все-таки есть: от Сталина он, дескать, получал только благодарности, а от Бога получил то, что его теперь постигло¹⁴⁹.

Но на процессе демонический взрыв Ягоды повис в воздухе. Вышинский перестал задавать ему вопросы и вновь обратился к Левину. Тот рассказал детали умерщвления Куйбышева и Горького, после чего Ягода эти детали подтвердил.

К концу утреннего заседания, когда Левин излагал подробности умерщвления Горького, Ягода вдруг спросил, может ли он задать Левину вопрос. Хотя подобные вопросы одного подсудимого другому были обычной практикой в предыдущие дни процесса, Ульрих поспешно ответил, что только после того, как Левин закончит показания. Ягода, желая подчеркнуть неотложность вопроса, сказал тогда, что он касается смерти Максима Горького.

Ульрих, явно опасаясь худшего, обрезал его, повторив, что Ягода сможет задать свой вопрос после дачи показаний Левина. Вскоре он объявил тридцатиминутный перерыв. После перерыва Вышинский объявил, что подсудимый Ягода хотел задать вопрос подсудимому Левину.

Председательствующий: Подсудимый Ягода, можете задать вопросы.

Ягода: Я прошу ответить Левина, в каком году постановлением лечебной комиссии Кремля он, Левин, был прикомандирован ко мне, как лечащий врач, и к кому еще он был прикомандирован?¹⁵⁰

Когда ответ на этот вопрос был дан — без каких-либо ссылок на смерть Горького или на другие преступления — Ягода сказал, что больше у него вопросов нет. Как легко видеть, до перерыва в судебном заседании он хотел спросить совсем не о том, о чем фактически спросил после перерыва.

Потом задавать вопросы Левину стал его «защитник» Брауде. Были отмечены два момента. Во-первых, Левин подчеркнул то, что, очевидно, в том или ином смысле, было мощной причиной его повиновения сильным людям, способным на жесткие меры: «Меня больше всего страшило то, что он пригрозил разгромить мою семью. А семья моя — хорошая, трудовая, советская семья». Затем, о «директивной организации», принявшей решение об убийствах, Левин сказал следующее: «Я об этом ничего не знал. Я узнал об этом на самом процессе»¹⁵¹.

Еще раньше суд объявил состав экспертной комиссии из пяти врачей. Утреннее заседание 8 марта закончилось следующим обменом репликами:

Председательствующий: У экспертизы есть какие-нибудь вопросы к подсудимому Левину?

Шерешевский и Виноградов: У экспертизы никаких вопросов нет, все ясно^{152*}.

На вечернем заседании 8 марта были заслушаны основные показания Буланова (личного помощника Ягоды) и самого Ягоды.

Буланов был ветераном НКВД — еще в январе 1929 года он руководил высылкой Троцкого из страны. На суде он изложил свою особую версию якобы запланированного государственного переворота с захватом Кремля. По этой версии в деле участвовали Енукидзе и Ягода, причем поддерживалась будто бы связь с группой Тухачевского и с Караханом, проводившим переговоры с немцами. Затем Буланов сказал, что Ягода покрывал Угланова и Ивана

* Дальнейшая участь профессора Шерешевского и В. Н. Виноградова небезынтересна. Они пережили Левина на много лет. В 1952-53 гг. им самим предстояло пройти через такой же процесс. Виноградов, которому 3 ноября 1952 года исполнилось 70 лет, был арестован через несколько дней после этого и объявлен агентом британской разведки. 13 января 1953 г. пресса сообщила, что он — один из убийц Жданова (заключение о смерти которого от 31 августа он подписал). По личному приказу Сталина Виноградов был закован в кандалы (см. Доклад Хрущева на закр. зас. XX съезда КПСС, стр. 44). Имя Шерешевского не значилось в списке арестованных, но появилось в более длинном списке тех, кого Берия освободил 4 апреля 1953 года, когда «Дело врачей-вредителей» было разоблачено как провокация. Вообще вся группа «врачей-вредителей» 1953 года, выживших лишь по счастливой случайности — из-за смерти Сталина — подверглась после ареста исключительно жестокому обращению. Это именно к ним относилось распоряжение Сталина «бить, бить и еще раз бить» (см. там же), адресованное генералу госбезопасности М. Д. Рюмину. Рюмин, в то время зам. министра госбезопасности и начальник следственного отдела по особо важным делам, был расстрелян в июле 1954 года.

Смирнова в ходе их допросов, а также распорядился не делать обысков при арестах Зиновьева и Каменева. Он оговорил всех бывших руководителей НКВД, назвав их участниками заговора; он описал, как Ягода приказал Запорожцу «облегчить» убийство Кирова, как Запорожец выпустил убийцу Николаева после его первой попытки проникнуть в Смольный, как после убийства Кирова уничтожил его личного телохранителя Борисова.

По Буланову, сотрудники Ягоды Паукер и Волович, ответственные за личную безопасность Сталина, тоже были участниками заговора. В таком случае любопытно, почему Ягода, организовавший с помощью Запорожца доступ убийцы к Кирову в Ленинграде, не мог организовать чего-либо в том же роде в Москве.

Потом на сцене появилось новое «преступление» — попытка Ягоды убить Ежова после того, как Ежов возглавил НКВД в сентябре 1936 года. Буланов и другой сотрудник НКВД Саволайнен (чье дело было выделено в особое производство) будто бы шесть или семь раз опрыскивали кабинет Ежова ртутным раствором, нанося ртуть в смеси с каким-то неизвестным ядом на ковры и занавеси.

Возможно, таким путем и можно добиться нужных результатов. Когда Клара Люс была послом США в Риме, у нее случилось отравление токсичной краской, отслаивавшейся с потолка кабинета. Если яд в кабинете Ежова вообще существовал в природе, он мог быть того же типа. В случае с Кларой Люс ни у кого не было по отношению к ней преступных намерений — в случае Ежова такие намерения якобы существовали.

После этого Буланов стал описывать специальную лабораторию по ядам, основанную будто бы Ягодой под его личным наблюдением. Буланов заявил, что Ягода «исключительно» интересовался ядами. Сейчас распространено мнение, что подобная лаборатория могла существовать на деле (до революции Ягода был фармацевтом). В свете того, каковы были действующие лица и их мотивы, можно предположить, что это единственное преступление из всех упомянутых на процессе, могло быть настоящим. Тем более, что здоровью Ежова, как говорилось в зале суда, «был причинен значительный ущерб»¹⁵³. Тем не менее в Советском Союзе именно эта история всегда рассматривалась как чистейшая фантазия.

Касаясь «медицинских убийств», Буланов довольно правдоподобно заметил: «Насколько мне известно, Левина Яго-

да привлек, завербовал к этому делу и вообще к случаям отравления, используя какой-то компрометирующий против него материал...»¹⁵⁴.

Буланов объявил, что Казаков действительно приходил к Ягоде, вопреки отрицаниям последнего. Казаков тут же подтвердил это вновь. И тогда Вышинский опять обратился к Ягоде.

Вышинский: После этих показаний, которыми устанавливается ваше участие в отравлении, вы будете продолжать отрицать это участие?

Ягода: Нет, я подтверждаю свое участие.

И затем, сразу после этого — новый нажим.

Вышинский: Подсудимый Буланов, а умерщвление Максима Пешкова — это тоже дело рук Ягоды?

Буланов: Конечно.

Вышинский: Подсудимый Ягода, что вы скажете на этот счет?

Ягода: Признавая свое участие в болезни Пешкова, я ходатайствую перед судом весь этот вопрос перенести на закрытое заседание¹⁵⁵.

Иностранные наблюдатели сообщали, что на утреннем заседании Ягода выглядел загнанным и отчаявшимся, но теперь, во время этого обмена репликами, он был абсолютно сломлен и давал показания почти беззвучно.

Вслед за тем Вышинский попробовал связать Рыкова с убийством Горького — на том основании, что Енукидзе однажды якобы сообщил Рыкову о необходимости ликвидировать политическую активность писателя. Рыков ответил, что Енукидзе, несомненно, имел в виду убийство, но он, Рыков, дескать, понял его тогда не в том смысле. Тут же Рыков поставил вопрос Буланову, который незадолго до того говорил о заговорщическом «архиве Рыкова», будто бы хранившемся у Ягоды: что же было в этом «архиве»? Буланов сказал, что не знает. Однако своим вопросом Рыков хитроумно подчеркнул странное обстоятельство: если была на хранении у Ягоды такая масса документальных свидетельств, то почему ни одно из них не предъявлено суду?

За Булановым вышел на главный допрос сам Ягода. Голос его был изможденным и еле слышным. Запинаясь, читал он свое заявление по бумажке. Маклин пишет: «читал так, словно видел текст в первый раз»¹⁵⁶. Ягода подтвердил свою длительную связь с «правыми заговорщиками», датировав ее начало 1928 годом. В первый период этой связи он, дескать, снабжал Рыкова и Бухарина тенденциозными мате-

риалами из секретных архивов НКВД, материалами, которые-де использовались в целях антипартийной борьбы. Затем он покрывал заговорщиков: это он, мол, Ягода, действовал так, что правые и «право-троцкистский блок» не были раскрыты и ликвидированы до самого 1937-38 года. Он назначал конспираторов на руководящие посты в органах безопасности: Молчанова (по срочному указанию Томского), Прокофьева, Миронова, Шанина, Паукера, Гая и других. Он вошел в заговор с Енукидзе по захвату Кремля, и сотрудничество Запорожца в убийстве Кирова он тоже организовал по приказу Енукидзе.

Однако, когда начался перекрестный допрос, Ягода еще выказал некоторые остаточные симптомы сопротивления. Показания Буланова о попытках убить Ежова, сказал он, не верны в деталях, а лишь в существе.

Затем Вышинский обвинил его в шпионаже. Ягода ответил, что в этой деятельности он себя виновным не признает. Но признал, что покрывал в НКВД шпионов.

Вышинский: Я считаю, что раз вы покрывали их шпионскую деятельность, значит вы им помогали, содействовали?

Ягода: Нет, в этом я не признаю себя виновным. Если бы я был шпионом, то уверяю вас, что десятки государств вынуждены были бы распустить свои разведки¹⁵⁷.

Это разумное замечание не удержало советских лидеров в дальнейшем от той же практики: обвинять руководителей органов безопасности в «сотрудничестве с империализмом». Даже теперь существует официальная версия (впервые обнародованная в 1953 году), якобы Берия долгое время состоял агентом британской разведки.

Рыков снова поднял вопрос о его «архиве». Ягода сказал: «Никакого архива Рыкова у меня не было». Буланов подтвердил свое прежнее свидетельство об «архивах», но когда Ягода предложил ему назвать хоть какой-нибудь документ из них, Буланов ответил, что не может. В конце концов Ягода презрительно, но многозначительно прокомментировал: «Во всяком случае, если архив и был бы, то по сравнению с другими преступлениями архив Рыкова — это пустяки».

Тут же вслед Ягода отказался признать, что покрывал меньшевиков.

Вышинский: Но вы-то, по крайней мере, эту даже самую незначительную роль меньшевиков покрывали?

Ягода: Я не смогу вам ответить на этот вопрос.

Вышинский: Позвольте мне предъявить Ягоде его показания в томе 2, лист дела 135. «Вопрос: вам предъявляется

документ из материалов НКВД, в котором сообщается о меньшевистском центре за границей и об активной его работе в СССР». Вы припоминаете этот факт?

Ягода: Да, я знаю, я только не смогу на это ответить здесь¹⁵⁸.

В отношении «медицинских убийств» Ягода продолжал давать ответы, не вполне удовлетворявшие обвинение. Сперва он признал свое «участие в заболевании Макса» (Пешкова), но когда Вышинский стал нажимать, чтобы Ягода признал себя виновным «как вы сами выражаетесь, в заболевании Пешкова», он просто ответил, что даст объяснения на закрытом заседании. Вышинский спрашивал Ягоду об этом дважды — с тем же результатом. Окончательный обмен репликами выглядел так:

Вышинский: Признаете вы себя виновным или не признаете?

Ягода: Разрешите на этот вопрос не отвечать¹⁵⁹.

Единственная разница между тем, что признавал Ягода, и формулировкой Вышинского заключалась в том, что первый просто говорил о своем «участии в заболевании», а второй — о виновности Ягоды в смерти Пешкова. Ягода либо намекал на то, что причинил смертельное заболевание ненамеренно, либо, более вероятно, что не признает главную вину вообще. Верна ли хоть одна из этих версий — вопрос особый.

Вслед за этим Ягода принял на себя убийство Менжинского и объявил, что неохотно, только по настоянию Енукидзе, стал участником убийства Горького. Когда в конце заседания Вышинский принялся перечислять все преступления Ягоды, поочередно спрашивая, виновен ли подсудимый в убийствах Кирова, Куйбышева, Менжинского и Горького, он не упомянул о Пешкове. Это было маленькой победой обвиняемого.

Затем задавал вопросы защитник Левина Брауде.

Брауде: Позвольте спросить, какими методами вы добивались согласия Левина на осуществление этих террористических актов?

Ягода: Во всяком случае не такими, какими он здесь рассказывал.

Брауде: Вы подробно сами говорили об этом на предварительном следствии. В этой части вы подтверждаете ваши показания?

Ягода: Они утрированы, но это не имеет значения¹⁶⁰.

В ходе допроса Ягоды Вышинский предпринял попытку сделать Бухарина соучастником убийства Горького. Бухарин

успешно защищался. Все свидетельство против него, даже если принять его за чистую монету, состояло лишь в том, что однажды в разговоре с Бухариным Томский рассказал о враждебности троцкистов к Горькому и об их намерении устроить против Горького враждебный акт. Враждебным актом могло быть что угодно — начиная с газетной статьи — и, как указал Бухарин, такой разговор с Томским ни в коем случае не служил доказательством причастности к убийству писателя.

За Ягодой наступила очередь Крюкова — секретаря Горького. Это он будто бы оставлял Максима Пешкова лежать в снегу дважды — в марте и апреле — без результатов, пока, наконец, в мае, Пешков не подхватил простуду. После этого Левин и А. И. Виноградов уговорили якобы остальных врачей и сестер дать больному слабительное, вызвавшее смерть. Когда, в свою очередь, простудили Горького, Плетнев и Левин настояли на введении пациенту излишних доз наперстянки.

9 марта утром допрашивался профессор Дмитрий Плетнев — самая трагическая фигура всех трех процессов. Плетнев, шестидесятилетний специалист-кардиолог, долгое время пользовался репутацией ведущего врача России, им гордилась вся медицинская профессия. Теперь, впервые в практике процессов (если исключить мелкого мошенника Арнольда, прошедшего по делу Пятакова и других), совершенно чуждый государственному механизму человек, не замешанный ни в какие политические противоречия, стоял перед судом и «признавался»! Профессор Плетнев как бы представлял на суде безмолвную массу беспартийных, чьи страдания во время террора прошли бы иначе совершенно незамеченными.

Когда Ежов решил, что показания одного Левина окажутся явно недостаточными, он обратил внимание на другого главного медика, лечившего Горького. До революции Плетнев был членом конституционно-демократической (кадетской) партии, так что не могло быть и речи о воздействии на его «сознательность коммуниста». После же революции профессор совершенно отошел от политики, и против него, таким образом, был равно невозможен какой-либо политический шантаж. Он был известен в советских сановных кругах, лечил Орджоникидзе¹⁶¹, и есть даже сообщение, исходящее из кругов НКВД, что в момент «самоубийства» Орджоникидзе он был у него на дому¹⁶².

Решение, принятое Ежовым о воздействии на профессора, было мерзким даже по ежовским стандартам. По тому, как развивались события, можно заключить, что решение состряпать историю о «медицинских убийствах» было принято вскоре после того, как Ежов занял пост Ягоды. Молодая женщина-provokator, обычно используемая НКВД для компрометации иностранцев, была послана к Плетневу в качестве «пациентки». После двух визитов она вдруг обвинила профессора в том, что два года назад он якобы к ней «приставал»¹⁶³. В декабре 1936 года эта женщина стала ходить на квартиру к Плетневу, стала систематически досажать его дочери и домработнице. Профессор пожаловался в милицию¹⁶⁴.

Вначале милиция как будто приняла жалобу, но вскоре оказалось, что ход дан контржалобе, принесенной шантажисткой на Плетнева.

8 июня 1937 года «Правда», нарушив свой обычный принцип не выступать по поводу индивидуальных преступлений, опубликовала огромный трехколонник под сенсационным заголовком: «Профессор-насильник, садист». В статье говорилось, что профессор Плетнев 17 июля 1934 года набросился на пациентку Б. и сильно укусил ее за грудь. Это, дескать, причинило ей хроническую травму, которую Плетнев, не будучи специалистом по грудным заболеваниям, пытался лечить. Увидев, что лечение его безуспешно, он обратился в милицию, чтобы его оградил от приставаний женщины. Милиция стала разбираться, а тем временем, 7 января, Б. написала Плетневу письмо, которое «Правда» характеризует как «потрясающий человеческий документ»:

«Будьте прокляты, преступник, надругавшийся над моим телом! Будьте прокляты, садист, применивший на мне свои гнусные извращения. Будьте прокляты, подлый преступник, наградивший меня неизлечимой болезнью, обезобразившей мое тело! Пусть позор и унижения падут на вас, пусть ужас и скорбь, плач и стенания станут вашим уделом, как они стали моим с тех пор, как вы, профессор-преступник, сделали меня жертвой вашей половой распущенности и преступных извращений. Я проклинаю вас. Б.».

На следующий день «Правда» от 9 июня напечатала короткое сообщение, подписанное Вышинским. Согласно этому сообщению, все материалы по делу Плетнева переданы в следственный отдел по особо важным делам Прокуратуры СССР.

Того же 9 июня все газеты были уже полны отчетами о митингах в различных медицинских учреждениях. Московское объединение врачей-терапевтов, профсоюз медработников и прочие единодушно поносили преступника. Еще через сутки прислали подобные осуждения врачебные организации Киева, Тулы, Свердловска и других частей страны. Все, конечно, сурово клеймили врача-злодея, позор советской медицины. Среди видных врачей, выступавших тогда против Плетнева и подписывавших яростные резолюции с нападка на него, находим имена М. Вовси, Б. Когана и В. Зеленина — тех, кто (подобно Шерешевскому и В. Н. Виноградову) в 1952-53 годах сами пошли под пытки в МГБ по «Делу врачей-вредителей».

На суде, состоявшемся 17-18 июля 1937 года, Плетнев был приговорен к двум годам заключения. В печати было сказано, что он «признался» в своем преступлении. Вот в таком-то виде, разбитый и обесчещенный, преданный своими коллегами, осужденный за позорное преступление, он был доставлен в следственные камеры Лубянки, где его ожидало нечто еще худшее¹⁶⁵.

Теперь, на суде, Плетнев говорил о «сильных угрозах (Ягоды) по отношению ко мне и по отношению к моей семье»¹⁶⁶ и, под градом вопросов Вышинского, «признавался» в своей роли в убийстве Куйбышева и Горького.

Плетнев упомянул о своих связях с доктором Никитиным, любимым врачом Толстого. Никитин, в числе других врачей, был выслан за несколько лет до того, но Плетнев заявил, что не верит в какую-либо политическую настроенность Никитина¹⁶⁷. Это был достойный отпор фальшивым политическим обвинениям, в свое время выдвинутым против выдающегося коллеги Плетнева.

Защитник Плетнева Коммодов установил своими вопросами, что путь профессора в медицине был блестящим. Вслед за ним о том же стал спрашивать Вышинский, напомнив о «насилии» Плетнева. Врач сделал попытку отрицать тогдашнее обвинение, но Вышинский набросился на него в своем самом худшем, надменном и хулиганском стиле.

Вышинский: Сколько вы сказали у вас лет вашего врачебного стажа?

Плетнев: Сорок.

Вышинский: Вы считаете безупречным этот стаж?

Плетнев: Да, я считаю.

Вышинский: Безупречным?

Плетнев: Да, я считаю.

Вышинский: За эти сорок лет у вас не было никогда никаких совершенных в области вашей профессии преступлений?

Плетнев: Вам одно известно.

Вышинский: Я спрашиваю вас, потому что вы заявляете о безупречности вашей работы за сорок лет.

Плетнев: Да, но как я тогда отрицал...

Вышинский: Вы считаете, что тот приговор, который имеется по хорошо вам известному делу о насилии, учиненном вами над пациенткой, есть момент позорный для вашей деятельности?

Плетнев: Приговор, да...

Вышинский: Приговор порочит вашу деятельность или нет?

Плетнев: Порочит...

Вышинский: Значит за 40 лет были порочащие моменты?

Плетнев: Да.

Вышинский: Вы себя ни в чем не признавали виновным?

Плетнев: Я не могу сказать, что ни в чем.

Вышинский: Значит, в чем-то признали?

Плетнев: Да.

Вышинский: Это порочит вас?

Плетнев: Да¹⁶⁸.

Третий из врачей, Казаков, подтвердил затем свое участие в умерщвлении Менжинского. Но в конце показаний он защищал свой метод лечения и заявил, что его «лизаты» не могли причинить вреда Менжинскому.

Вышинский: Вы вводили эти лизаты для чего? Для того, чтобы убить Менжинского?

(Казаков молчит).

Вы вводили лизаты с этой целью? Вы тогда были уверены, что они помогут вашим преступлениям?

Казаков: Видите ли, лизаты имеют двоякое действие.

Вышинский: Вы осмеливаетесь утверждать, что эти три лизата были безвредны для Менжинского?

Казаков: Да, эти три лизата были безвредны.

Вышинский: А могли ли вы провести Ягоду?

(Казаков молчит).

Вышинский: Ввиду невозможности получить прямой ответ на этот ясный вопрос, я прошу суд прервать заседание и дать возможность экспертизе ответить на вопрос, поставленный мною Казакову¹⁶⁹.

После получасового перерыва комиссия экспертов поддержала точку зрения Вышинского:

«Такое сочетание методов лечения не могло не привести к истощению сердечной мышцы больного В. Р. Менжинского и тем самым к ускорению наступления его смерти.

Эксперты:

Заслуженный деятель науки профессор Д. А. Бурмин.

Заслуженный деятель науки профессор Н. А. Шерешевский.

Профессор В. Н. Виноградов.

Профессор Д. М. Российский.

Доктор медицинских наук В. Д. Зипалов.

9 марта 1938 года. Москва»¹⁷⁰.

Вышинский затем огласил «признания», сделанные Казаковым на предварительном следствии. Под таким давлением Казаков в конце концов подтвердил свою виновность, и Вышинский смог окончить допрос так: «... поскольку мы имеем определенное заключение экспертизы, а Казаков отказался от своего утверждения о нейтральности этих лизатов, вопрос можно считать исчерпанным»¹⁷¹.

Суд перешел к допросу последнего из подсудимых — Максимова-Диковского. Он «признал», что в секретариат Куйбышева его устроил Енукидзе, и объяснил, как якобы помогал медикам-убийцам свести Куйбышева в могилу.

После этого Вышинский представил медицинского «свидетеля», доктора Белостоцкого, который присутствовал при последнем заболевании Горького и теперь давал показания против Плетнева и Левина. Наконец, суд заслушал окончательное заявление комиссии экспертов, подтверждающее все обвинения медицинского характера и покушение на здоровье Ежова.

Как мы увидим, свидетельства по поводу этих «врачебных убийств» путанны и неполны. Можно быть уверенным, что все подсудимые были невиновны в измене, заговорщической деятельности, шпионаже и вредительстве. С другой стороны, мы можем практически определенно утверждать, что ответственность Ягоды за убийство Кирова была установлена правильно — с той небольшой поправкой, что инструкции на этот счет Ягода получал не от Енукидзе, а от Сталина. Однако в темной истории смертей Менжинского, Пешкова, Куйбышева и Горького почва у нас под ногами не столь тверда.

Прежде всего: были ли они вообще убиты? А если да, то врачами ли — хоть кем-нибудь из врачей?

Сразу же надо сказать, что надежда на силу медицинской «клятвы Гиппократата», обязывающей врачей к профессио-

нальной добросовестности, тут не оправдывается. Действительно: либо пятеро врачей (Левин, Плетнев, Казаков, А. И. Виноградов и Ходоровский) были виновны в предъявленных им преступлениях, либо пятеро других врачей — членов экспертной комиссии, — а также доктор-свидетель Белостоцкий виновны в соучастии в юридическом убийстве первых пяти.

События того времени были во многом повторены в 1952-53 году. Ведь либо участники (или кто-нибудь из участников) пресловутого «Дела врачей-вредителей» действительно ускорили смерть Жданова — факт их реабилитации в атмосфере марта 1953 года, когда преемники Сталина не хотели ворошить старого, не снимает такой вероятности, — либо врач-доносица Л. Тимашук хотела пыток и смерти своих коллег по профессии. В последнем случае ее вину разделяют члены новой комиссии медицинских экспертов, подтвердившей вину «врачей-вредителей»; эти люди, позднее получившие порицания, фактически были соучастниками действия, которое нормально должно было привести к уничтожению их коллег.

Ни в одном случае врачей нельзя обвинять в том, что они были инициаторами преступлений. Однако деградация гуманной — в этом случае, медицинской — профессии под действием политического террора делает описанные события особенно отвратительными.

Наиболее вероятно, что ни доктора А. И. Виноградов и Ходоровский, умершие при неизвестных обстоятельствах в руках органов безопасности, ни опозоренный профессор Плетнев, скончавшийся в каком-то штрафном лагере от истощения, ни доктора Левин и Казаков, расстрелянные на Лубянке в подвалах смертников после суда, не совершили никаких приписанных им преступлений. А если даже тот или иной из них что-то и делал, то ясно, что происходило это под исключительным и невыносимым давлением всей мощи государства. В любом случае они могут считаться в определенном смысле мучениками — их судьбой было неизвестное миру, печальное мученичество обыкновенных людей, сбитых с толку и попавших более или менее случайно в сферу политического маневрирования таких лидеров, для которых человеческая жизнь или правда — просто ничто.

Ясно только одно: если «медицинские убийства» и имели место, то выполнялись они по приказам Сталина. Например, Левин, работавший в Кремле, лечивший Сталина и его семью, мог обратиться лично к Сталину после ужасающего

предложения, сделанного ему Ягодой,— мог бы, если бы не знал, что за кулисами всех действий Ягоды стоял сам Сталин. Заявление на суде¹⁷², что Левин-де счел приказ одного Ягоды недостаточным, и этот приказ был подкреплён прямым указанием Енукидзе, было полнейшей бессмыслицей. Ведь Енукидзе был тогда намного более слабой и менее внушительной фигурой, чем сам Ягода. Был в СССР только один человек, более сильный, чем Ягода, и способный ему приказывать. . .

Вся эта история (если в ней есть крупица правды)— ещё один пример того, как слово «Енукидзе» подставлялось вместо слова «Сталин»; ведь такая же подстановка делалась Ягодой в его показаниях об убийстве Кирова.

Существует простой довод в пользу того, что никаких «медицинских убийств» вообще не было. Довод такой: Сталину нужно было ещё несколько убийств после Кирова, чтобы обвинить в них оппозицию и разделаться с нею; и он сумел превратить естественную смерть нескольких человек в убийства. Сам по себе довод безупречен — но он полностью негативный и не даёт нам возможности решить, как же обстояло дело в действительности. Логика этого довода не идёт дальше следующего предположения: «Если смерть Горького и других была естественной, то Сталин мог использовать её в своих целях».

Противоположный (и не менее общепринятый) довод столь же силен, как и предыдущий. Утверждается, что Куйбышев и Горький были препятствиями для Сталина, а как Сталин умел избавляться от препятствий — известно достаточно хорошо. Предположить, что Сталин и Ягода могли обратиться к методу «медицинских убийств» — значит несколько не выйти за рамки их характеров, достаточно изучённых по другим примерам.

Лучше, следовательно, обратить внимание на детали самого дела.

Прежде всего, есть показания Ягоды на утреннем судебном заседании 8 марта, где он признаёт себя виновным в умерщвлении Куйбышева и Горького, но не Пешкова и не Менжинского.

Отметим, что в целом первичные показания Ягоды по другим темам выглядят настолько правдоподобно, насколько было возможно в той ситуации. Его рассказ об обстоятельствах убийства Кирова, например, представляется весьма достоверным — за исключением того, по чьему указанию он действовал. Даже по этому пункту Ягода сумел

сделать определенный намек, когда обронил при допросе: «это было немного не так»¹⁷³. Эта туманная фраза вернее всего должна была быть понята так, что определенное имя опускается или нарочно заменяется другим.

Или, опять-таки, Ягода не признал себя виновным в шпионаже — и нет сомнения, что это была правда. Так что, когда мы подходим к его странному признанию вины в двух убийствах и непризнанию вины в двух других в ходе того же первого допроса — у нас есть, по крайней мере, основания более внимательно рассматривать то, что он тогда говорил.

Что касается Менжинского, то есть и дополнительный штрих: «самоопровержение» Казакова в последнюю минуту его допроса. Это выглядит решающим обстоятельством. Почти наверняка Менжинский не был умерщвлен врачами (хотя, конечно, мог быть устранен каким-нибудь другим способом).

Если же говорить о сыне Горького Пешкове, то весь замысел его убийства выглядит практически бессмысленным. Ягода справедливо заметил: «никакого смысла в его убийстве не вижу»¹⁷⁴. Тот факт, что жена Пешкова была любовницей Ягоды, мало добавляет к этой мотивировке. Он ведь никогда не обещал на ней жениться; он был женатым человеком и в последующие три года не делал никаких попыток убить свою жену или развестись с нею. Кроме того, сам метод убийства Пешкова — даже в том виде, в каком он был изложен на суде — выглядит, мягко говоря, не очень убедительным. Недаром же он послужил основой для одного из эпизодов блистательной сатиры английского писателя Джорджа Орвелла «Скотский хутор» (1944). У Орвелла описано, как сельскохозяйственные животные захватили однажды власть на хуторе и изгнали оттуда людей. Постепенно править хутором стали исключительно свиньи, а один бор — Наполеон — сделался вождем. С помощью преданных ему псов он стал чинить суд и расправу. И вот, пишет Орвелл, две овцы «повинились в убийстве старого барана, особенно преданного сторонника Наполеона, которого они загнали насмерть, гоняя вокруг костра, когда у него был кашель. Их тут же казнили»¹⁷⁵.

Совсем по-иному обстояло дело с Куйбышевым и Горьким. Ягода признался в убийстве этих двоих — и у Сталина были определенные и настоятельные причины желать как раз их убийства.

Это еще не подтверждает, конечно, что Сталин их убил. В отношении Куйбышева мы можем только отметить, что

его называют теперь как одного из троих главных противников сталинского террора в составе Политбюро. Смерть двух других — Кирова и Орджоникидзе, — как мы знаем, была делом рук Сталина. Он покончил с ними разными, но одинаково коварными путями, причем в случае Орджоникидзе это был фальсифицированный сердечный приступ. Стало быть «сердечный приступ» Куйбышева ни в коем случае не может быть просто принят на веру. Более того, живой Куйбышев мог на протяжении 1935 года представлять особо трудное препятствие на пути Сталина к осуществлению его планов — и он умер точно в тот момент, когда Сталин начал нападение на других главных противников расправы с Зиновьевым и Каменевым.

Однако, как бы вопреки сказанному, у нас нет никаких позитивных свидетельств об убийстве. Мы можем, во всяком случае, исключить здесь виновность врачей. Ведь, согласно обвинениям на процессе, они якобы постепенно подрывали здоровье Куйбышева, оставляли его без медицинского наблюдения и позволили в день смерти выйти на работу как обычно. Это слишком уж окольный и неубедительный метод убийства! Наиболее вероятно, что если Куйбышев и был уничтожен, то сделали это не врачи.

Наиболее интересна и важна смерть Горького. Ибо, проживи больной писатель еще несколько месяцев, он серьезно помешал бы планам Сталина начать процесс Зиновьева-Каменева в августе 1936 года, в период отпусков. Отсрочка начала процесса до того времени, когда члены Политбюро вернулись бы с летнего отдыха, грозила Сталину эффективным сопротивлением в Политбюро и ЦК. Но как было заставить Горького замолчать без его ареста и неизбежного международного скандала? Неплохо сказал — с другими намерениями — Вышинский в своей обвинительной речи: «Как же можно было в нашей стране, в условиях Советского государства, как они могли лишить Горького возможности проявлять политическую активность, иначе как остановив его жизнь?»¹⁷⁶.

Но опять-таки, какая-либо вина профессора Плетнева представляется исключительно маловероятной. Против этого вопиет вся его репутация. Метод шантажа, примененный органами НКВД к Плетневу в 1936-37 году, ясно показывает, что имелось в виду сокрушить и скомпрометировать ни в чем не повинного человека. И, по крайней мере в этом случае, трудно предположить, чтобы Левин мог применять

неправильное лечение, инкриминированное ему на суде, без ведома и согласия Плетнева. Стало быть, не виноват и он.

Американский журналист Уолтер Дюранти, присутствовавший на процессе, поверил почти всему, что там говорилось, и поведал миру о своей «поддержке» процесса. Но даже он сильно сомневался в виновности врачей!

Что касается смерти Горького, то, возможно, он и был убит, но только не Плетневым и не Левиным.

Социал-демократка, журналистка Бригитта Герланд, сидевшая в лагере на Воркуте с 1948 по 1953 год, описывает свое знакомство с доктором Плетневым, которому было уже за восемьдесят. По словам Герланд, он продолжал работать лагерным врачом. Журналистка пишет, что двадцатипятилетний срок заключения Плетневу был снижен до десяти лет, но по окончании этих десяти лет он так и не был освобожден¹⁷⁷.

Герланд пишет, что Плетнев сообщил ей о Горьком следующее. Писатель хорошо оправился после сердечного заболевания, но он терзался морально, желая покинуть СССР и вернуться в Италию. Смерть писателя была обставлена самым грубым образом. Ему дали коробку явно отравленных засахаренных фруктов. Из этой коробки он угостил двух ухаживавших за ним мужчин-санитаров, и оба они быстро умерли. Немедленное вскрытие этих двоих показало, что они погибли от яда. Врачи сохранили это происшествие в полной тайне. (В пользу этого свидетельства есть такое соображение: было явно легче принудить беспартийных врачей — будто бы в интересах покойного или в государственных интересах — подписать фальшивое заключение о смерти, чем заставить их совершить убийство).

Бригитта Герланд обсуждает в своей статье, почему метод убийства Горького был таким грубым. Она задает вопрос: неужели в НКВД не нашлось врачей, способных выполнить более тонкое «медицинское» убийство. И объясняет только тем, что методы НКВД были вообще грубыми.

О Плетневе она говорит, что он умер летом 1953 года, перед ее освобождением.

Проверить этот рассказ пока нет возможности. Но, что касается его правдоподобия, то можно отметить, что, расправляясь с Орджоникидзе, Сталин совершенно не принимал в расчет возможную реакцию врачей, подписавших заключение о «смерти от паралича сердца». Кроме того, внутри НКВД известны случаи прямого отравления людей цианистым калием с последующим медицинским заключени-

ем о смерти от сердечного припадка. Так поступили, например, со Слуцким. И Ягода был скорее отравителем, нежели специалистом по медицине.

Однако, разумеется, свидетельство Б. Герланд может быть правдоподобным, но неверным. Мы можем лишь привести его, добавив, что если оно достоверно, то снимает вину со всех врачей, а следовательно бросает сомнение на участие медиков-обвиняемых в каких-либо других «медицинских убийствах». Стоит также отметить, что недавние советские статьи к семидесятилетию со дня рождения Куйбышева ничего не сообщают об обстоятельствах его смерти¹⁷⁸.

Однако, по крайней мере в отношении смерти Горького, теперь появилось гораздо более убедительное свидетельство. Старый знакомый Горького, американский журналист Дон Левин посетил в 1963 году в Москве 86-летнюю вдову писателя Екатерину Пешкову. Она спокойно сказала американцу, что не сомневается: смерть ее сына Макса была естественной. Гость заметил на это, что, мол, теперь говорят, что и смерть Максима Горького была естественной. Тут старая женщина пришла в волнение и воскликнула: «Это не совсем так, но не просите меня об этом рассказывать! Если я стану говорить об этом, я три ночи не сомкну глаз»¹⁷⁹.

Это выглядит достаточно категорично — тем более, что в упоминавшейся книге Дубинского-Мухадзе Плетнев и Левин упомянуты в благоприятном контексте¹⁸⁰. Стало быть, наиболее вероятным остается предположение, что Сталин организовал убийство Горького через Ягоду, но без участия врачей, что если Сталин применил не тот метод, какой описан Бригиттой Герланд, то он использовал какой-нибудь другой в том же роде. Тот факт, что в послесталинские годы советские источники ничего не говорят о причинах смерти Горького, лишь добавляет многозначительности к их упорному нежеланию раскрыть обстоятельства убийства Кирова — убийства более политического, а потому, быть может, менее позорного, чем уничтожение старого писателя.

И последнее замечание. Очевидная убежденность вдовы Горького, что смерть Максима Пешкова была естественной, а смерть Горького — нет, полностью совпадает с первыми показаниями Ягоды на процессе. Обращаясь к ответам Ягоды по обстоятельствам убийства Кирова, мы тоже, по иронии судьбы, приходим к заключению, что бывший глава НКВД, единственный из обвиняемых, дал в основном правдивые показания! А если так, то его свидетельство об убийстве

Куйбышева служит хорошим указанием, что из трех других умерших, помимо Горького (Куйбышев, Менжинский, Максим Пешков), один Куйбышев был действительно убит. Но это, конечно, скорее логическая догадка, нежели доказательство: мы пока не можем исключить возможности того, что в этом единственном случае своевременная смерть человека, которого Сталин хотел убрать с дороги, оказалась все же естественной. Нет больших надежд и на то, что очень многое в этом деле дополнительно выйдет наружу, когда откроются секретные советские архивы. Ибо довольно маловероятно, чтобы планы убийств такого рода излагались на бумаге.

На этом мы и вынуждены оставить темный и ужасающий эпизод с «медицинскими убийствами».

Когда с допросами врачей, их «подстрекателей» и «пособников» было покончено, профессор Бурмин огласил ответы медицинской экспертизы на вопросы, поставленные государственным обвинителем¹⁸¹. Эти ответы подтвердили виновность врачей и «установили» ущерб, причиненный здоровьем Ежова, основываясь на анализе его мочи. Если не считать короткого закрытого заседания, где Ягода, как было объявлено, «полностью признал организацию им умерщвления товарища М. А. Пешкова», слушание дела было окончено. Но перед самым закрытием судебного следствия Вышинский еще раз вызвал Розенгольца — для мелкого оскорбления.

Обвинитель дал описание талисмана, обнаруженного в кармане обвиняемого, и попросил у суда разрешения прочесть его. Презрительным тоном, под хихиканье зала, Вышинский прочел из Псалмов: «Да восстанет Бог, и расточатся враги Его...» и т. д. Потом спросил Розенгольца: «Как это попало вам в карман?»

Розенголец: Однажды этот небольшой пакетик, перед уходом моим на работу, жена положила мне в карман. Она сказала, что это на счастье.

Вышинский продолжал юмористическим тоном: «И вы несколько месяцев носили это «счастье» в заднем кармане?»

Розенголец: Я даже не обращал внимания...

Вышинский: Все-таки вы видели, что ваша супруга делает?

Розенголец: Я торопился.

Вышинский: Но вам было сказано, что это семейный талисман на счастье?¹⁸²

Он подмигнул публике, раздался громкий хохот¹⁸³, и слушание дела закончилось.

ПОСЛЕДНИЙ АКТ

Суд возобновил заседание 11 марта — слушались прения сторон и заключительные слова обвиняемых. Все утро, до перерыва, заняла речь прокурора Вышинского. Он начал яростной тирадой:

«Не в первый раз Верховный Суд нашей страны рассматривает дело о тягчайших преступлениях, направленных против блага нашей родины, против нашего социалистического отечества — отечества трудящихся всего мира. Но едва ли я ошибусь, сказав, что впервые нашему суду приходится рассматривать такое дело, как это, рассматривать дело о таких преступлениях и таких злодействах, как те, что прошли перед вашими глазами, что прошли перед глазами всего мира на этом суде, о таких преступниках, как эти преступники, сидящие сейчас перед вами на скамье подсудимых.

С каждым днем и с каждым часом развертывавшееся судебное следствие по настоящему делу показывало все больше и больше, все страшнее и страшнее цепь позорных, небывалых, чудовищных преступлений, совершенных подсудимыми, всю отвратительную цепь злодеяний, перед которыми меркнут и тускнеют злодейства самых закоренелых, самых гнусных, самых разнузданных и подлых преступников»¹⁸⁴.

Потом Вышинский подошел к самой сути дела — с точки зрения сталинской логики:

«Историческое значение этого процесса заключается раньше всего в том, что на этом процессе с исключительной тщательностью и точностью показано, доказано, установлено, что правые, троцкисты, меньшевики, эсеры, буржуазные националисты и так далее и тому подобное являются не чем иным, как беспринципной, безыдейной бандой убийц, шпионов, диверсантов и вредителей...

Троцкисты и бухаринцы, то есть «право-троцкистский блок», верхушка которого сидит сейчас на скамье подсудимых, это — не политическая партия, не политическое течение, это банда уголовных преступников и не просто уголовных преступников, а преступников, продавшихся вражеским разведкам, преступников, которых даже уголовники третируют, как самых падших, самых последних, презренных, самых растленных из растленных»¹⁸⁵.

Перемежая свои доводы эпитетами типа «зловонная куча человеческих отбросов»¹⁸⁶, Вышинский протянул контррево-

люционную линию вспять к Шахтинскому делу и процессу Промпартии.

Ошельмовав всю прошлую деятельность Бухарина и остальных, прокурор перечислил их теперешние «преступления». О Зеленском, например, он сказал так:

«Здесь я только укажу на эту позорнейшую практику подбрасывания в предметы продовольствия стекла и гвоздей, в частности в масло, что било по самым острым жизненным интересам, интересам здоровья и жизни нашего населения. Стекло и гвозди в масле? Это же такое чудовищное преступление, перед которым, мне кажется, бледнеют все другие подобного рода преступления».

Далее Вышинский объяснил:

«В нашей стране, богатой всевозможными ресурсами, не могло и не может быть такого положения, когда какой бы то ни было продукт оказывался в недостатке...

Теперь ясно, почему здесь и там у нас перебои, почему вдруг у нас при богатстве и изобилии продуктов нет того, нет другого, нет десятого. Именно потому, что виноваты в этом вот эти изменники»¹⁸⁷.

Вот поистине метод объяснения экономических провалов, способный вызвать зависть у любого правительства!

Прокурор накинулся на Бухарина — «эту проклятую пометь лисицы и свиньи» — и на Рыкова за их линию поведения на суде:

«В этой связи надо сказать о Бухарине, который хотел здесь показать, что, в сущности говоря, он не за поражение СССР, и не за шпионаж, и не за вредительство, и не за диверсию, так как и вообще он к этому практическому делу иметь отношения не должен, ибо он «теоретик», который занимался проблематикой всеобщих вопросов»¹⁸⁸.

Вышинский был особенно раздражен тем, что Бухарин и Рыков отказались принять на себя ответственность за убийство Кирова:

«Если представить, что Рыков и Бухарин в этом убийстве не участвовали, то надо признать, что два основных руководителя «право-троцкистского блока», принявшего решение об убийстве Кирова, почему-то стояли в стороне от этого злодейского акта. Почему? Люди, которые организовывали шпионаж, организовывали повстанческое движение, террористические акты и, по их собственным признаниям, получили установку от Троцкого на террор, в 1934 году вдруг стояли в стороне от убийства одного из крупнейших спод-

вижников Сталина, одного из крупнейших руководителей партии и правительства...

Бухарин и Рыков признали, что у них в плане были намечены убийства руководителей партии и правительства, членов Политбюро... Почему мы должны допустить, что, вступив на путь переговоров с Семеновым об организации убийства членов Политбюро, Бухарин исключает из этого списка подлежащих умерщвлению одного из влиятельнейших членов Политбюро, зарекомендовавшего себя непримиримой борьбой с троцкистами, зиновьевцами и бухаринцами? Где логика такого поведения? Этой логики нет.

Наконец, Рыков признал, что в 1934 году он дал Артеменко задание следить за правительственными машинами. С какими целями? С террористическими. Рыков организует убийство членов нашего правительства, членов Политбюро. Почему Рыков делает исключение для Сергея Мироновича Кирова, который все же был убит по решению этого проклятого блока? Он этого исключения не сделал»¹⁸⁹.

Коснувшись «медицинских убийств», прокурор тоже заявил, что Бухарин признал все, кроме осведомленности о реальных действиях или ответственности за них.

Наконец, Вышинский затронул и юридические вопросы. «Есть мнение среди криминалистов,— сказал он,— что для наличия соучастия требуется общее согласие и умысел каждого из преступников, из сообщников на каждое из преступлений. Но эта точка зрения — неправильная. Она не может быть нами принята и никогда не применялась и не принималась. Она узка и схоластична. Жизнь шире этой точки зрения»¹⁹⁰.

Вслед за тем обвинитель потребовал смертной казни для всех обвиняемых, кроме Раковского и Бессонова. «Расстрелять, как поганных псов! — заключил прокурор. — Требуется наш народ одного: раздавите проклятую гадину!

Пройдет время. Могилы ненавистных изменников зарастут бурьяном и чертополохом... Мы, наш народ, будем по-прежнему шагать по очищенной от последней нечисти и мерзости прошлого дороге, во главе с нашим любимым вождем и учителем — великим Сталиным — вперед и вперед, к коммунизму!»¹⁹¹.

На вечернем заседании выступили с речами защитники подсудимых-врачей, обвинявшие во всем Ягоду.

Затем каждый из подсудимых произнес свое последнее слово. Бессонов указал на то, что, будучи уже под подозрением, он добровольно вернулся в Москву из-за границы.

Большинство остальных просто осуждали себя самих, а также Бухарина и Рыкова. Иванов в своем последнем слове сделал замечание, прозвучавшее зловещим предсказанием дальнейших репрессий:

«Потому Бухарин не договаривает, я думаю, здесь всей правды, что он в течение всех лет революции боролся с ней и сегодня продолжает оставаться врагом, потому, что он хочет сохранить те остатки враждебных сил, которые еще прячутся в своих норах»¹⁹².

Крестинский рассказал о своей блистательной партийной карьере, которую начал восемнадцатилетним юношей в 1901 году, о своем руководстве подпольными большевистскими организациями, о многочисленных арестах, о работе в качестве помощника Ленина по организационным вопросам. Он произнес также выразительную фразу:

«Я считаю необходимым подчеркнуть, что о террористических актах, перечисленных во втором разделе обвинительного заключения, я не имел ни малейшего представления и узнал о них, лишь когда мне была вручена копия обвинительного заключения»¹⁹³.

Объясняя свой отказ признать себя виновным на первом допросе, Крестинский сказал: «... мне казалось, что легче умереть, чем создать представление у всего мира о моем хотя бы отдаленном участии в убийстве Горького, о котором я действительно ничего не знал»¹⁹⁴.

Рыков был мертвенно бледен и дрожал, однако привел убедительные доводы в свою защиту. Он признал свою вину в целом, затем добавил:

«Но государственным обвинителем выдвинуто против меня обвинение в преступлении, в котором я непосредственно-го участия не принимал и которое признать не могу. Это обвинение в вынесении решения или в даче директивы об убийстве Кирова, Куйбышева, Менжинского, Горького, Пешкова... Тут подробно были изложены те улики, которые по этому поводу выдвигаются против меня, они покоятся на заявлении Ягоды, который ссылается на Енукидзе. Ничего более, уличающего меня, не было приведено на судебном следствии... Убийство Кирова было предметом обсуждения двух судебных разбирательств. Перед судом прошли и непосредственные участники, и организаторы, и руководители этого убийства. Я не помню, чтобы тогда было названо мое имя»¹⁹⁵.

Затем Рыков стал настойчиво подчеркивать одно выразительное обстоятельство. А именно, что когда речь на суде

зашла о так называемой попытке покушения на Ленина, состоявшейся за двадцать лет до процесса, обвинитель представил свидетелей, состоялись очные ставки и были заслушаны прямые показания. «Почему же по вопросу о моем участии в убийстве пяти ответственных политических деятелей можно выносить решение с косвенными уликами? Мне кажется, что это было бы неправильно. Я, во всяком случае, отрицаю свою виновность в участии в этих пяти убийствах»¹⁹⁶.

До ареста, — сказал Рыков, — он считал, что Горький умер естественной смертью. Лишь на суде он «впервые узнал о принадлежности к нашей контрреволюционной организации таких ее членов, как Иванов»¹⁹⁷.

Закончил Рыков формальным признанием вины: «... эта ответственность с моей стороны, конечно, превышает все разноречия по поводу отдельных фактов и отдельных деталей, которые до настоящего времени имеют свое место». Он призвал оставшихся на свободе правых разоружиться «как можно скорее»¹⁹⁸.

Раковский заявил: «Я признался во всех преступлениях. Какое значение имело бы для существа дела, если бы я здесь перед вами стал бы устанавливать факт, что о многих преступлениях и о самых ужасных преступлениях «право-троцкистского блока» я узнал здесь на суде и с некоторыми участниками я познакомился впервые здесь. Это не имеет никакого значения»¹⁹⁹.

После этого Раковский пустился в разоблачения Троцкого и троцкизма, а также подчеркнул, что его показания полностью удовлетворили обвинение.

Розенгольц пересказал свое революционное прошлое, начав с того, как он десятилетним ребенком прятал нелегальную литературу. Он закончил последнее слово упоминанием о своих детях.

Любопытный факт: в отчетном докладе XVIII съезду ВКП[б] Сталин дважды назвал имя Розенгольца первым среди «заговорщиков» 1938 года. Первый раз, говоря вообще об «очищении советских организаций от шпионов, убийц и вредителей, вроде Троцкого, Зиновьева, Каменева, Якира, Тухачевского, Розенгольца, Бухарина и других извергов», вторично при упоминании расстрелянных в 1938 г.: «Розенгольц, Рыков, Бухарин и другие изверги» (XVIII съезд ВКП[б], стр. 26; Сталин, Собр. соч., т. XIV, стр. 368-9). Вероятно это отражает особую враждебность к Розенгольцу со стороны диктатора — это совпадает и с мелким уколом

Вышинского в адрес Розенгольца по поводу «талисмана», несомненно исполненным по приказу свыше.

Ягода — говоривший, по свидетельству присутствовавших, «тихим и подавленным тоном»²⁰⁰ — тоже рассказывал о своей подпольной партийной работе с четырнадцатилетнего возраста. В числе своих последующих заслуг он упомянул гигантские строительные работы — каналы, иначе говоря, лагерный принудительный труд. В одном пункте Ягода продолжал сопротивляться Вышинскому:

«Я — не шпион и не был им. Я думаю, что в определении, что такое шпион или шпионаж, мы не разойдемся. Но факт есть факт. У меня не было связей непосредственно с границей, нет фактов непосредственной передачи мною каких-либо сведений. И я не шутя говорю, что если бы я был шпионом, то десятки стран могли бы закрыть свои разведки — им незачем было бы держать в Союзе такую массу шпионов, которая сейчас переловлена»²⁰¹.

Врачи, секретарь Горького Крючков и секретарь Куйбышева Максимов-Диковский ссылались на угрозы Ягоды. Левин сделал ляпсус, сославшись на свое чрезвычайное уважение к Горькому, и его одернули за это «кошунство». Плетнев говорил о своей медицинской работе, он сообщил, что НКВД разрешил ему писать последнюю монографию уже во время следствия; о «блоке» он ничего не знал.

Буланов критиковал своих обвиняемых:

«... мне кажется, может быть я ошибаюсь, у некоторых из них проскальзывает желание еще и теперь обмануть партию, хотя каждый обязательно начинал с того, что он целиком и полностью разделяет, признает и отвечает, но это формалистика, общедекларативные заявления. Они пытаются в целом ряде случаев отрицать свою вину, ссылаясь на то, что они что-то не знали»²⁰².

Речь Бухарина, в еще большей степени, чем речь Рыкова, была блестящим продолжением его линии поведения на процессе. Бухарин признал себя руководителем «право-троцкистского блока» и принял на себя политическую ответственность за все преступления. Вот примеры того, как он это делал:

«Я признаю себя ответственным и политически, и юридически за пораженческую ориентацию, ибо она господствовала в «право-троцкистском блоке», хотя я утверждаю: лично я на этой позиции не стоял...

Я считаю себя, далее, и политически, и юридически ответственным за вредительство, хотя я лично не помню,

чтобы я давал директивы о вредительстве. Об этом я не говорил. Я положительно разговаривал один раз на эту тему с Гринько. Я еще в своих показаниях говорил, что я в свое время Радеку заявил, что считаю этот способ борьбы малоцелесообразным. Однако, гражданин государственный обвинитель представляет меня в роли руководителя вредительств»²⁰³.

Во время последнего слова Бухарина, успешно подорвавшего позиции обвинения, «Вышинский, не имея возможности вмешаться, напряженно сидел на своем месте; он был явно растерян и пытался скрыть это демонстративным поведением»²⁰⁴.

Принимая на себя групповую ответственность, Бухарин в то же время отрицал, что какая-либо группа, помимо центрального «блока» политических деятелей, вообще существовала:

«Гражданин Прокурор разъяснил в своей обвинительной речи, что члены шайки разбойников могут грабить в разных местах и все же ответственны друг за друга. Последнее справедливо, но члены шайки разбойников должны знать друг друга, чтобы быть шайкой и быть друг с другом в более или менее тесной связи. Между тем, я впервые из обвинительного заключения узнал фамилию Шаранговича и впервые увидел его на суде. Впервые узнал о существовании Максимова. Никогда не был знаком с Плетневым, никогда не был знаком с Казаковым, никогда не разговаривал с Раковским о контрреволюционных делах, никогда не разговаривал о сем же предмете с Розенгольцем, никогда не разговаривал о том же с Зеленским, никогда в жизни не разговаривал с Булановым и так далее. Кстати, и Прокурор меня ни единым словом не допрашивал об этих лицах... Следовательно сидящие на скамье подсудимых не суть какая-либо группа»²⁰⁵.

По поводу того, что «блок» сформировался еще в 1928 году, задолго до прихода Гитлера к власти, Бухарин спросил: «Как же можно утверждать, что блок был организован по заданиям фашистских разведок?»

Той же линии Бухарин держался и по поводу шпионажа:

«Гражданин Прокурор утверждает, что я наравне с Рыковым был одним из крупнейших организаторов шпионажа. Какие доказательства? Показания Шаранговича, о существовании которого я не слыхал до обвинительного заключения»²⁰⁶.

Обвинение доказало,— продолжал Бухарин,— что он встречался с Ходжаевым и вел политические разговоры. На этом основании считают доказанными шпионские контакты. В этом нет логики.

Таким же образом Бухарин отвел обвинение в терроре: «Я категорически отрицаю свою причастность к убийству Кирова, Менжинского, Куйбышева, Горького и Максима Пешкова»²⁰⁷. Об эпизоде с Лениным в 1918 году он сказал следующее:

«Намерение физического уничтожения — это я категорически отрицаю, и здесь никак не поможет та логика, о которой говорил гражданин государственный обвинитель, что насильственный арест означает физическое уничтожение. Учредительное собрание было арестовано, однако никто там физически не пострадал. Фракция «левых» эсеров нами была арестована, однако там ни один человек не пострадал физически. «Левыми» эсерами был арестован Дзержинский, однако он физически не пострадал»²⁰⁸.

Потом Бухарин многозначительно заметил: «Признание обвиняемых есть средневековый юридический принцип»²⁰⁹. При этих словах Вышинский покраснел.

Так Бухарин опроверг обвинения по конкретным фактам. Но он признал их в общем и целом. Да, дескать, он был контрреволюционным заговорщиком «в этом зловонном подполье». Он «переродился» во врага социализма. Бухарин далее напал на тех западных комментаторов, которые предполагали, что признания на суде не были добровольными, и отверг возможную защиту со стороны западных социалистов. Он заявил, что виновен в предательстве, в организации кулацких восстаний, в подготовке террористических актов (каких именно — неизвестно). Он выразил надежду, что его казнь станет «последним тягчайшим уроком» всем тем, кто еще колебался, поддерживать ли Советский Союз и его руководителей²¹⁰.

12 марта в 9 часов 25 минут вечера суд удалился на совещание. Вернулись судьи на рассвете 13 марта, в четыре часа утра. Приговор: высшая мера всем, кроме Плетнева, получившего 25 лет, Раковского — 20 лет и Бессонова — 15 лет.

Что касается исполнения казней, то есть одна странность. Украинская советская энциклопедия (дополнительный том, статья «Гринько») датирует смерть Гринько 15 марта 1938 г. Иными словами, его казнь не последовала, как обычно, немедленно, хотя дата смерти Икрамова в Малой советской

энциклопедии (3-е изд., т. 3, стр. 126) указана 13 марта. Слухи о том, что доктору Левину якобы тоже заменили расстрел лагерями (см. приложение к книге Gustav Herling, *A World Apart*), не подтверждены. Они основаны на том, что в 1940-41 годах в лагере под Ярцево встречали некоего доктора Левенштейна, который отбывал 10 лет как «горькист». Но «горькистов» по лагерям было много, а имя Левенштейн и не соответствует Левину и плохо его маскирует. Был, кстати сказать, кремлевский врач по фамилии Левинсон (его имя упомянуто в «Правде», 13 июня 1937).

Один старый большевик заметил, что признания на «большом процессе» были обусловлены не только использованием родственников обвиняемых в качестве заложников, но и полной политической безнадежностью, царившей среди обвиняемых. Кроме того, говорят, что Сталин, невзирая на результаты предыдущих процессов, опять обещал сохранить жизнь бухаринцам. Они знали, что в подавляющем большинстве случаев он этих обещаний не выполнял, но в подобных обстоятельствах даже ничтожная надежда действует чрезвычайно сильно.

Тем не менее Бухарин должен был понимать, что его поведение на процессе, где он уступал предъявленным требованиям лишь в минимальной степени, будет стоить ему головы. Он сказал на суде, что почти уверен в своей смертной казни. Он и Рыков, в отличие от Зиновьева и Каменева, были готовы к смерти. Они приняли смерть мужественно, не склонившись перед палачами²¹¹.

В 1965 году в западной прессе появилось так называемое «последнее письмо» Бухарина²¹². Эта публикация совпала по времени со слухами о предстоящей скорой реабилитации Бухарина и Рыкова. Фактически же весомым в этом отношении был только краткий пассаж в заключительном слове члена ЦК КПСС академика Поспелова на совещании историков 1962 года: «Достаточно изучить внимательно документы XXII съезда КПСС, чтобы сказать, что ни Бухарин, ни Рыков, конечно, шпионами и террористами не были»²¹³. От обвинения в том, что существовал заговор убить Ленина, в котором он будто бы принимал участие, Бухарин теперь тоже очищен. В «Истории КПСС» издания 1959 года, под редакцией Б. Н. Пономарева, просто сказано, что левые эсеры «обратились к Бухарину с предложением о смещении В. И. Ленина с поста Председателя Совнаркома и о создании нового правительства из левых эсеров и «левых коммунистов» (стр. 260). Та же «История КПСС» издания 1962 года (стр. 271), как

и последнего издания 1969 года (стр. 245), содержит еще и следующую фразу: «Бухарин не принял предложения левых эсеров, но их обращение к нему показывает, как враги пытались использовать в своих интересах фракционную борьбу «левых коммунистов».

Но зато по-настоящему реабилитированы Икрамов, Крестинский, Зеленский, Ходжаев и Гринько — а это обращает в пыль и обвинения против всех остальных. И тем не менее полной реабилитации двух главных обвиняемых так и не последовало.

Что касается содержания «последнего письма», то оно обращено к будущим руководителям партии. Письмо обвиняет НКВД в использовании «патологической подозрительности» Сталина. Эта «адская машина», говорится в письме, способна превратить любого члена партии в «террориста» или «шпиона». Письмо декларирует, что Бухарин ни в чем не виновен, что он с радостью отдал бы жизнь за Ленина, что любил Кирова и ничего не предпринимал против Сталина. У него не было никаких связей с подпольной борьбой Рютина и Угланова.

Конечно, подлинность «последнего письма» Бухарина нужно еще проверять и проверять. Профессор Оксфордского университета Г. М. Катков, изучив имеющийся на Западе оригинал, заверил меня, что язык и литературный стиль письма далеки от ясного и грамотного изложения, характерного для Бухарина, даже если сделать скидку на обстоятельства, в которых «письмо» могло быть написано.

Обещание сохранить жизнь женам обвиняемых было, похоже, выполнено. Еще недавно была в живых вдова Бухарина. Различные источники сообщают о том, что в лагерях встречали жену и сестру Ягоды, жену Иванова²¹⁴, жену Раковского видели в Бутырской тюрьме²¹⁵. Евгения Гинзбург рассказывает о встрече в 1937 году с женой Рыкова — чрезвычайно возбужденной и ничего не знавшей о судьбе мужа²¹⁶. Она же рассказывает, что жена Угланова была летом 1939 года этапирована из Ярославского изолятора во Владивостокский пересыльный лагерь²¹⁷. На протяжении 1938 года дочь Рыкова, отец Бухарина и жена Розенгольца еще находились на свободе²¹⁸.

В течение всего периода процесса, с 28 февраля, когда было впервые о нем объявлено, и до самой казни жертв, советские газеты были, конечно, полны «требований» трудящихся, выдвинутых на митингах, чтобы «грязной банде убийц и шпионов» не было пощады. Передовые статьи

и просто статьи о процессе повторяли это на все лады. Проходившая в то время в Академии Наук конференция по проблемам физиологии приняла резолюцию с благодарностью НКВД. «Народный акын» Джамбул написал для «Правды» очередное произведение, озаглавленное «Уничтожить!» Приговор суда был встречен многочисленными выражениями «радости» народа.

Жизнь, «отбросившая в сторону» «право-троцкистский блок», изображалась в печати как цепь героических подвигов. В частности, под огромными заголовками шли сообщения об экспедициях Папанина, Кренкеля, Федорова и Ширшова на Северный полюс. Полярники были высажены на дрейфующую льдину за несколько месяцев до того, а во время процесса давались захватывающие сообщения об их снятии со льдины, которая стала давать трещины. Папанинцы прибыли в Ленинград на ледоколе «Ермак» и пароходе «Мурманец» 16 марта 1938 года, сразу после казни осужденных на процессе, и каждый день газеты заполнялись сообщениями о митингах встречи с полярниками, о различных приемах в их честь, о награждениях и так далее.

А потом началась подготовка к выборам в Верховные Советы союзных республик. Избирательная кампания должна была показать, что советские люди с надеждой смотрят в будущее и отметают всякие темные силы. Как многозначительно сообщил Сталин на XVIII съезде партии в 1939 году, «в 1937 году были приговорены к расстрелу Тухачевский, Якир, Уборевич и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховный Совет СССР. Выборы дали Советской власти 98,6 процента всех участников голосования. В начале 1938 года были приговорены к расстрелу Розенгольц, Рыков, Бухарин и другие изверги. После этого состоялись выборы в Верховные Советы союзных республик. Выборы дали Советской власти 99,4 процента всех участников голосования. Спрашивается, где же тут признаки «разложения» и почему это «разложение» не сказалось на результатах выборов?»²¹⁹.

Что касается эффекта, произведенного «большим процессом», то, опять-таки, ни нелепость «заговора», ни частичные отказы подсудимых признать себя виновными на эффект не повлияли. Ведь подобные нелепости происходили и раньше, они стали в какой-то мере привычными. Опять, стало быть, раскрыли широкую сеть убийц. По меньшей мере восемь групп «работали над подготовкой убийства Сталина, Молотова, Кагановича, Ворошилова и Ежова». На сей раз дело было

представлено так, что убийцы эти не только находились под покровительством видных лиц в партии и армии, но даже поддерживались самим НКВД. Редко какие террористы за всю историю находились в таком привилегированном положении, как эти предполагаемые «заговорщики». Помимо полудюжины членов правительства, в том числе самого главы тайной полиции, «убийцы» имели на своей стороне высших сотрудников НКВД Паукера и Воловича, ответственных за личную охрану намеченных жертв! А результаты оказались поистине незначительными. Даже «убийства», представленные на процессе, были выполнены врачами.

Если включить в число «заговорщиков» и «убийц» всех обвиненных на процессе докторов, то общий итог деятельности многочисленных «групп» выразится в убийстве Кирова, в легком испуге Молотова при незначительной встряске его автомобиля, в «отравлении» Куйбышева, Горького и Менжинского и в доведении до смерти сына Горького плохим лечением после вредительской простуды. Не очень впечатляющий итог. К тому же вывод, что лучший способ убийства кого-либо — это ожидание, пока жертва сама заболит, вряд ли вдохновит любителей быстрых и решительных действий.

Была на суде и одна курьезная деталь, тоже не замеченная поклонниками процесса. В обвинительном заключении, между прочим, говорилось: «Следствием установлено, что ряд совершенных в ДВК диверсионных актов был подготовлен и проведен участниками антисоветского заговора по прямым директивам японских разведывательных органов и врага народа Л. Троцкого. Так, по директиве японской разведки, было организовано крушение товарного поезда с воинским грузом на ст. Волочаевка и на перегоне Хор — Дормидонтовка поезда № 501, когда было убито 21 человек и ранено 45 человек. По тем же указаниям японцев были совершены диверсии на шахтах №№ 10 и 20 в Сучане»²²⁰. В приговоре сказано, что подсудимые признаны виновными и по этому пункту²²¹ — в то время как на процессе не было сделано ни малейшей попытки представить какие-либо свидетельства о дальневосточных крушениях. О них вообще не упоминалось.

Причины этой аномалии неясны, но можно думать, что подготовленные по данному эпизоду «свидетели» были в последний момент сочтены ненадежными или отказались от показаний.

Другая странность процесса состояла в том, что снова был назван в числе заговорщиков целый ряд важных лиц, которые нигде так и не появились. Как заметил, например, Гринько, «блок» включал «целый ряд других людей», «которые не сидят сейчас на скамье подсудимых»²²². Главные роли в заговоре — столь же важные, как роли основных подсудимых — были отведены Енукидзе, Рудзутак²²³ и Антипову²²⁴. Роли А. П. Смирнова, Карахана, Угланова, В. Шмидта и Яковлева²²⁵ представлены явно значительнее, чем участие в деле второразрядных обвиняемых. В качестве заговорщиков были названы также члены ЦК партии Варейкис, Любимов, Лобов, Кабаков, Сулимов, Разумов, Румянцев и Комаров.

Енукидзе и Карахан, как известно, были расстреляны без открытого суда. Но почему? И почему нигде не появились остальные «заговорщики»? Таких вопросов в то время никто не ставил.

Наконец, последнее, очень важное обстоятельство. Расчет Бухарина на то, что его тактика на процессе разоблачит всю фальшь обвинений, оказался, по-видимому, чересчур тонким. Было, разумеется, совершенно ясно, что он отрицал все прямые акты террора и шпионажа. Но на кого это подействовало? Серьезные независимые наблюдатели все равно не верили обвинениям — и не поверили бы даже в том случае, если бы Бухарин «признался» по всем пунктам, — как не верили внимательные люди и обвинениям против Зиновьева. Но впечатление более широкой политической аудитории, для которой и ставились судебные спектакли, было простым: «Бухарин сознался». Даже для тех, кто заметил, что «признания» Бухарина были лишь частичными, его принятие на себя общей ответственности за организацию террористического заговора перевешивало тот факт, что конкретные обвинения в террористических актах он отвел. Вообще говоря, последнее обстоятельство даже выигрышно оттенило тезис Вышинского, что Бухарин, вынужденный признать главное, старался увильнуть от ответственности за конкретные преступления.

Сталин еще раз одержал победу, перехитрив всех. Ибо он, в отличие от интеллигента Бухарина, понимал, что политический эффект не зависит от простой логики. Ведь в двадцатые годы оппоненты Сталина не раз побеждали его на съездах по всевозможным спорным пунктам, а практическая победа все равно осталась за ним.

ГЛАВА 11

1. Ленин, Собр. соч., т. 53, стр. 463 (Биогр. справка).
2. Там же.
3. П. Якир, Письмо в редакцию журнала «Коммунист» 2 марта 1969 (См. «Посев» № 5, 1969); Lermolo, *Face of a Victim*, p. 284.
4. Orlov, *The Secret History of Stalin's Crimes*, p. 302, p. 264.
5. Там же, стр. 119.
6. F. Maclean, *Eastern Approaches*, London, 1941, p.93.
7. F. Maclean, p. 86.
8. «Дело Бухарина», стр. 37-38.
9. F. Maclean, p. 86.
10. См. «Дело Бухарина», стр. 631.
11. Там же, стр. 49.
12. См. там же, стр. 631-2.
13. Там же, стр. 49-50.
14. Там же, стр. 51.
15. Там же, стр. 51-52.
16. Там же, стр. 52-53.
17. Там же, стр. 53.
18. Там же, стр. 54.
19. Там же, стр. 58-9.
20. F. Maclean, p. 87.
21. «Дело Бухарина», стр. 58.
22. Там же, стр. 22.
23. Там же, стр. 78-9.
24. F. Maclean, p. 98.
25. «Дело Бухарина», стр. 73-4.
26. Там же, стр. 80.
27. Tokayev, *Stalin Means War*, p. 7.
28. См. «Дело Бухарина», стр. 638.
29. См. «Правду», 30 окт. 1937.
30. См. Иванов-Разумник, «Тюрьмы и ссылки», стр. 347.
31. См. «Правду», 26 сент. 1937.
32. «Дело Бухарина», стр. 98-9.
33. Там же, стр. 97.
34. Там же, стр. 87.
35. Там же, стр. 92.
36. Там же, стр. 103.
37. Там же, стр. 115.
38. Там же, стр. 116.
39. См. там же, стр. 120-22.
40. Там же, стр. 128.
41. Там же, стр. 133-4.
42. F. Maclean, pp. 92-3.
43. Там же, стр. 87.
44. Tokayev, *Comrade X*, p. 91.
45. «Дело Бухарина», стр. 146.
46. См. Weissberg, *Conspiracy of Silence*, p. 425.
47. См. Robert Payne, *The Rise and Fall of Stalin*, London, 1966, p. 520.
48. Orlov, pp. 291-2.
49. «Дело Бухарина», стр. 229.
50. Там же, стр. 148.

51. Там же, стр. 151-2.
52. Там же, стр. 156.
53. Там же, стр. 157; см. также стр. 25.
54. Там же, стр. 161.
55. Там же, стр. 164.
56. См. там же, стр. 172.
57. См. там же, стр. 180-182.
58. См. там же, стр. 183 след.
59. Там же, стр. 188-9.
60. Там же, стр. 189.
61. Там же, стр. 189.
62. Там же, стр. 190.
63. См. там же, стр. 198.
64. См. «Заря Востока», 10 июля 1937.
65. «Правда», 9 апреля 1964.
66. См. «Правду», 9 апр. 1964 (К 65-летию со дня рождения Икрамова).
67. См. «Дело Бухарина», стр. 668.
68. См. там же, стр. 313.
69. См. там же, стр. 668.
70. См. «Правду», 13 сент. 1937.
71. См. там же, 20 сент. 1937.
72. См. там же, 10 и 12 сент. 1937.
73. См. «Дело Бухарина», стр. 209.
74. Там же, стр. 213.
75. Там же, стр. 205.
76. Там же, стр. 204.
77. См. там же, стр. 313.
78. Там же, стр. 315.
79. Там же, стр. 324.
80. См. там же, стр. 259.
81. Barmine, *One Who Survived*, pp. 228-9.
82. См. «Дело Пятакова», стр. 91 (русск.).
83. См. «Дело Бухарина», стр. 282.
84. См. там же, стр. 261.
85. Там же, стр. 273.
86. Там же, стр. 269.
87. Там же, стр. 283.
88. В книге Артура Кестлера «Тьма в полдень» выведен арестованный без конкретной вины крупный коммунист — Рубашов. В результате длительного психологического воздействия следователи внушают Рубашову, что он обязан признаться в несуществующих преступлениях, «чтобы помочь партии». И Рубашов, сам в свое время предавший и спровоцировавший немало революционеров-идеалистов «во имя высших интересов партии», дает нужные показания, а потом его расстреливают как «врага народа».
89. «Дело Бухарина», стр. 295-6.
90. Там же, стр. 298-9.
91. Там же, стр. 299-300.
92. Там же, стр. 301-302.
93. Там же, стр. 296.
94. Там же, стр. 298.
95. На этом настаивал Микоян в беседе с Луи Фишером (см. Louis Fischer, *Russia Revisited*, London, 1957, p. 64) и это согласуется со сведениями из других источников.
96. См. «Дело Бухарина», стр. 383.
97. См. Orlov, pp. 283.

98. См. там же, стр. 284-5.
99. См. «Дело Бухарина», стр. 377-8.
100. Там же, стр. 331.
101. Там же, стр. 332.
102. Там же, стр. 333.
103. Там же, стр. 334-5.
104. Там же, стр. 336.
105. Там же, стр. 341.
106. Там же, стр. 343.
107. Там же, стр. 343-4.
108. Там же, стр. 348.
109. Там же, стр. 361.
110. Там же, стр. 363.
111. Там же, стр. 368-9.
112. Там же, стр. 369-70.
113. Там же, стр. 370.
114. Там же, стр. 372.
115. Там же, стр. 373.
116. Там же, стр. 376-8.
117. Там же, стр. 389.
118. В «Правде», 3 января 1924.
119. »Дело Бухарина», стр. 418.
120. Там же, стр. 421.
121. F. Maclean, p. 99.
122. См. там же, стр. 437.
123. Jadwiga Sikierska в журнале «Swiat», Варшава, 24 марта 1957.
124. Ciliga, *The Russian Enigma*, p. 292.
125. «Дело Бухарина», стр. 436.
126. Там же, стр. 446.
127. Там же, стр. 450.
128. См. XI съезд РКП[б], Стенограф. отчет, Москва, 1961, стр. 823 (биограф. справка).
129. См. Ленин, Собр. соч., т. 50, Москва, 1965, стр. 532 (биограф. справка).
130. См. «Советскую историческую энциклопедию», т. 10, Москва, 1967 (статья «Осинский»).
131. См. «Вопросы истории» № 6, 1967 («В. Н. Яковлева — борец за победу идей Великого Октября»).
132. «Дело Бухарина», стр. 480.
133. Там же, стр. 457.
134. См. там же, стр. 482.
135. «Дело Бухарина», стр. 485.
136. Там же, стр. 484.
137. Barmine, p. 207.
138. Дословно Левин сказал так: «Горький любил огонь, пламя, и это было нами использовано. Для него разжигался костер, как раз после утомления Горького работой, собиралось все в кучу, срубленные сучья, разжигалось пламя. Горький стоял около этого костра, было жарко, и все это вредно действовало на его здоровье» (см. «Дело Бухарина», стр. 475).
139. «Дело Бухарина», стр. 458.
140. Там же, стр. 498.
141. Там же, стр. 459.
142. Там же, стр. 466.
143. F. Maclean, p. 102.
144. «Дело Бухарина», стр. 464-5.
145. Там же, стр. 467.

146. Там же, стр. 468-9.
147. Walter Duranty, *The Kremlin and the People*, London, 1942, pp. 84-5.
148. F. Maclean, pp. 119-120.
149. Orlov, p. 264.
150. «Дело Бухарина», стр. 476.
151. Там же, стр. 482.
152. Там же, стр. 487.
153. Там же, стр. 453; см. также заключение медицинской экспертизы, стр. 547.
154. Там же, стр. 497.
155. Там же, стр. 499.
156. F. Maclean, p. 105.
157. «Дело Бухарина», стр. 509.
158. Там же, стр. 510-11.
159. Там же, стр. 506.
160. Там же, стр. 510.
161. См. Дубинский-Мухадзе, «Орджоникидзе», стр. 5.
162. См. N. Magnus, *Est et Ouest*, n. 83, 1953 («La suppression de G. Ordjonikidze et du Professeur D. D. Pletnev»); см. также Armstrong, *The Politics of Totalitarianism*, p. 71.
163. Orlov, pp. 267-8.
164. См. «Правду», 8 июня 1937 («Профессор-насильник, садист»).
165. Orlov, p. 268.
166. «Дело Бухарина», стр. 520.
167. См. там же, стр. 520-1.
168. Там же, стр. 525-6.
169. Там же, стр. 535.
170. Там же, стр. 536. В источнике стоит «1937 год», но это, очевидно, опечатка. В английском переводе «Дела Бухарина» проставлен «1938 год».
171. Там же, стр. 537.
172. См. там же, стр. 619.
173. Там же, стр. 336.
174. Там же, стр. 468.
175. George Orwell, *Animal Farm*, Chap. 7. В русском переводе «Скотский хутор», Франкфурт-на-Майне, 1950, стр. 68 (гл. VII)
176. «Дело Бухарина», стр. 603.
177. См. «Социалистический вестник» № 6, 1954.
178. См., напр., «Правду», 6 июня 1958 (К 70-летию со дня рождения)
179. Isaac Don Levine, *I Rediscovered Russia*, New York, 1964 p. 175
180. См. Дубинский-Мухадзе, «Орджоникидзе», стр. 5.
181. См. «Дело Бухарина», стр. 546-7
182. Там же, 547-8.
183. F. Maclean, p. 107.
184. «Дело Бухарина», стр. 550.
185. Там же, стр. 551.
186. Там же, стр. 555.
187. Там же, стр. 594-5.
188. Там же, стр. 584.
189. Там же, стр. 598.
190. Там же, стр. 612.
191. Там же, стр. 614.
192. Там же, стр. 642.
193. Там же, стр. 647.
194. Там же, стр. 649.
195. Там же, стр. 650-1.

196. Там же, стр. 651.
197. Там же, стр. 651-2.
198. Там же, стр. 653-4.
199. Там же, стр. 669.
200. V. and E. Petrov, *Empire of Fear*, p. 46.
201. «Дело Бухарина», стр. 695.
202. Там же, стр. 692.
203. Там же, стр. 679-80.
204. F. Maclean, p. 110.
205. «Дело Бухарина», стр. 680.
206. Там же, стр. 680-1.
207. Там же, стр. 682.
208. Там же, стр. 684-5.
209. Там же, стр. 688.
210. См. там же, стр. 689.
211. См. Kravchenko, *I Chose Freedom*, p. 283.
212. См., напр., *Politik*, 21 мая 1965.
213. «Совещание историков», стр. 298 (Закл. слово акад. Поспелова).
214. См. Brzezinski, *The Permanent Purge*, p. 229; Lermolo, p. 207.
215. Lipper, *Elf Jahre in Sowjetische Gefängnissen und Lagern*, s. 18.
216. Гинзбург, «Крутой маршрут», стр. 149.
217. Там же, стр. 269.
218. Kravchenko, *I Chose Freedom*, p. 283.
219. XVIII съезд ВКП [б], Стенограф. отчет, Москва, 1939, стр. 26; см. также Сталин, Собр. соч., т. 14, стр. 368-9.
220. «Дело Бухарина», стр. 20.
221. Там же, стр. 703.
222. Там же, стр. 84.
223. Там же, стр. 77, 170-1 и др.
224. Там же, стр. 169, 186-7 и др.
225. Там же, стр. 75, 77 и др.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ЧУЖЕСТРАНЦЫ

Органы НКВД могли распространить категорию «врага народа» на любого, кто осмеливался обронить хоть слово критики.

Владислав Гомулка

НА ВЫСШЕМ УРОВНЕ

В системе сталинского террора были две особые области: зарубежные операции и действия против иностранцев в СССР. Среди последних наиболее очевидными жертвами были иностранные коммунисты в аппарате Коминтерна. Особенно тяжелые потери несли те компартии, которые в своих странах были на нелегальном положении. Прежде всего, руководство этих партий было, так сказать, под рукой, в Москве. Затем, в таких странах, как Германия или Югославия, Италия или Польша не было демократического общественного мнения, способного протестовать. Среди английских или американских коммунистов жертв не зарегистрировано; руководители этих партий не подвергались, таким образом, риску ни у себя дома, ни в Советском Союзе, тогда как активистам других партий, входящих в состав Коммунистического Интернационала, преследования грозили с обеих сторон. Станным образом английские и американские коммунисты были защищены самим характером режимов, над свержением которых они работали.

Создавая Коминтерн, Ленин снял сливки с наиболее активной части левого революционного движения в Европе. Если бы он этого не сделал, то европейские левые могли бы стать широким и объединенным движением и, может быть, преградить дорогу фашизму¹. Вместо этого был создан ряд

отдельных партий, построенных строго по большевистскому образцу и подчиненных во всем Коминтерну. А Коминтерн, в свою очередь, всегда оставался под эффективным советским контролем. Через некоторое время после организации Коминтерна всем партиям были подобраны подходящие с точки зрения Москвы руководители, и партийная тактика стала диктоваться им из Москвы — почти неизменно с катастрофическими результатами.

Последняя вспышка независимости в Коминтерне произошла в мае 1927 года. На заседании Исполкома Коминтерна слово взял Тельман и в присутствии Сталина, Рыкова, Бухарина и Мануильского предложил осудить документ Троцкого по китайскому вопросу. Все присутствующие уже готовы были это сделать, когда вдруг итальянская делегация — Пальмиро Тольятти и Игнацио Силоне — заявила, что не видела документа. Тут выяснилось, что документа не видел вообще никто. Итальянцы заявили, что хотя они и уверены в неправоте Троцкого, но не могут подписать формальное осуждение документа, которого не читали. Им объяснили, что Политбюро ЦК ВКП[б] не считало желательным распространение документа. Заседание было отложено — с тем, чтобы старый болгарский коммунист Василь Коларов разъяснил вопрос упорным итальянцам. Он сказал им весьма откровенно, что дело шло не об установлении какой-либо истины, а о борьбе за власть. Коминтерн, дескать, обязан присоединиться во всем к большинству в Политбюро — для того он и существует. Но итальянцы продолжали настаивать на своем, и тогда Сталин проделал типичный для него маневр: он отступил и снял вопрос с повестки дня².

Этот призыв к независимому суждению в Коминтерне был, повторяем, последним.

Рассказавший об этом миру Силоне покинул после этого партию, а Тольятти... Тольятти, видимо, решил, что перед ним выбор: либо подчиниться Сталину в надежде оказывать в будущем некоторое влияние, либо сойти со сцены. Он выбрал первое и держался своего выбора много лет, став соучастником гораздо более серьезных актов вероломства в последующие годы.

С тех пор — особенно после еще мирного удаления различных сторонников Троцкого и Бухарина — Коминтерн стал просто одним из элементов сталинской политической машины. Уже в 1930 году видный югославский коммунист высказал мнение, что Коминтерн состоит либо из ограничен-

ных людей типа Пятницкого и Реммеле, либо из людей, некогда примечательных, но теперь измученных и деморализованных³.

По самому характеру своей деятельности Коминтерн и его органы особенно легко поддавались обвинению в связях с иностранными государствами. Так «на основании фальсифицированной, ложной информации большинство руководящего актива КПЗУ в 1928 году было объявлено замаскированной агентурой фашизма»⁴. В 1936 году произошел аналогичный разгром коммунистической партии Латвии, причем «многие видные деятели партии были объявлены «врагами народа» и репрессированы. Проведение этих мероприятий фактически означало роспуск КПЛ»⁵. Отметим, что компартия Латвии мало отличалась от обычной местной организации ВКП[б] — в ранний период деятельности она и была местной организацией. Многие латыши — как, например, Ян Рудзутак — занимали высокие посты в советском руководстве, а потом, в годы террора, их латышское происхождение было поставлено им в вину.

Осуждению и разгрому подверглась также и компартия Эстонии — как «скомпрометированная». К моменту советской аннексии Эстонии в 1940 году в живых осталось так мало эстонских коммунистов, что на один из высших постов пришлось поставить человека эстонского происхождения, до того работавшего заместителем начальника станции на Северном Кавказе⁶.

Был полностью арестован и Центральный Комитет компартии Литвы⁷. В качестве обвинения здесь фигурировало сотрудничество с литовским правительством.

Но все это были только цветочки. Настоящий шторм над зарубежными коммунистами разразился в 1937 году.

Работники аппарата Коминтерна и приезжавшие в Москву руководящие деятели иностранных компартий размещались в гостинице «Люкс» на улице Горького (ныне гостиница «Центральная»). Когда на них обрушился террор, обитатели гостиницы стали влачить какое-то странное, не совсем реальное существование. Гостиница, заполненная иностранцами, боявшимися даже высунуть нос на улицу, напоминала пограничную деревню из американских кинобоевиков, на которую каждую ночь налетали бандиты. Иногда события принимали драматический характер. Один из польских коммунистов, за которым пришли ночью, стал защищаться, открыл огонь и ранил нескольких работников НКВД, пока, наконец, его не одолели⁸.

28 апреля 1937 года был арестован Гейнц Нойман, бывший член Политбюро ЦК компартии Германии. В свое время Нойман был одним из ведущих иностранных членов Кантонской коммуны (вместе со своим другом Ломинадзе). В начале тридцатых годов он был выведен из руководства КПГ, но с 1935 года представлял свою партию в Москве.

Артур Кестлер в своей автобиографической книге «Стрела в синеве» описывает жену Ноймана — «темноволосую, маленькую, энергичную и веселую» женщину⁹. Много позднее она написала захватывающие мемуары, в которых рассказывает об аресте мужа. В час ночи к ним в номер вошли три работника НКВД в форме (госпожа Нойман пишет не НКВД, а ГПУ) в сопровождении директора гостиницы «Люкс» Гуревича — тоже агента НКВД. Они разбудили Ноймана, запретили супругам говорить между собой по-немецки и начали обыск. Он продолжался до утра, причем был изъят чемодан документов и шестьдесят книг якобы оппозиционного содержания. Когда Ноймана выводили, он обернулся и сказал жене: «не плачь».

— Довольно! Проходите! — приказал старший агент. Нойман повернулся, сделал несколько шагов назад, обнял и поцеловал жену.

— Теперь плачь, — сказал он. — Есть о чём плакать¹⁰.

В декабре 1937 года Ноймана куда-то увезли с Лубянки, где он сидел до тех пор. По-видимому, около того времени его и приговорили, потому что в январе 1938 года жене был предъявлен ордер на конфискацию имущества¹¹. Есть сведения, что летом 1938 года Нойман находился в Бутырской тюрьме, все еще не подписав никакого признания¹². После этого жена Ноймана получила пять лет как «социально-опасный элемент».

Примерно в тот же период исчезли еще три члена Политбюро КПГ — Герман Реммеле, Фриц Шульте и Герман Шуберт. Шуберта арестовали в июле 1938 года по доносу австрийской коммунистки¹³. Эта женщина донесла, что когда в советской прессе было объявлено о «связях Троцкого с нацистами», Шуберт якобы вспомнил ленинскую сделку с немцами в 1917 году о проезде через Германию. После доноса на Шуберта немедленно напал Тольятти, а уж затем последовал арест¹⁴. Среди других жертв из руководства КПГ можно назвать руководителя военного аппарата партии Ганса Киппенбергера, секретаря ЦК по организационным вопросам Лео Флига, главных редакторов «Роте Фанз» Гейнриха Зисскинда и Вернера Гирша, арестованных вместе

с четырьмя помощниками. (Жена маршала Геринга, по-видимому, знала семью Гирша и выхлопотала ему освобождение из немецкой тюрьмы и выезд в СССР)¹⁵. Есть сведения, что Герман Реммеле в лагере сошел с ума и стал бросаться в драку с каждым встречным, будь то заключенный или охранник¹⁶.

Любопытно отметить судьбу ветерана КПГ Гуго Эберлейна. Он был единственным подлинным делегатом на конференции, создавшей Коминтерн. Остальные «представители» зарубежных стран были большей частью просто советскими служащими иностранного происхождения: Польшу, например, представлял Уншлихт. Тогда Эберлейн имел инструкции Розы Люксембург сопротивляться организации нового интернационала. Этим инструкциям он жестко следовал (хотя при окончательном голосовании не голосовал против, а воздержался).

Когда начался террор, одна швейцарская газета сообщила, что Эберлейн арестован в Москве. Он сейчас же опроверг это сообщение, и была даже устроена пресс-конференция, на которой Эберлейн прочел свое опровержение. А на следующий день его арестовали. Есть сведения, что его, больного астмой, очень жестоко допрашивали в Лефортовской тюрьме, а потом приговорили к двадцати пяти годам лишения свободы. Он умер в 1944 году¹⁷.

Для ареста иностранцев меньшего масштаба годился любой повод — как для ареста советских граждан. Один немецкий коммунист, например, был арестован за то, что сказал: «Геббельс — единственный нацист, имеющий хоть какие-то принципы». Это было расценено как «контрреволюционная агитация»¹⁸. Другой член КПГ был обвинен в антисоветской агитации за то, что будто бы участвовал в оппозиционной группе внутри немецкой коммунистической партии с 1931 по 1932 год¹⁹. Даже и это обвинение было, кстати сказать, фальшивым. В главе, выразительно названной «Весь Коминтерн», Евгения Гинзбург рассказывает, как в 1937 году повстречалась в Бутырской тюрьме с германской коммунисткой. На теле женщины были шрамы от гестаповских пыток, а ногти вырвали палачи НКВД²⁰.

Среди арестованных было немало евреев. Еврейское происхождение не спасало их от обвинений в шпионаже в пользу фашистов — как не спасло оно от такого же обвинения еврея Иону Якира. Один следователь заявил еврею-заключенному, что «еврейские беженцы из Германии это агенты Гитлера за границей»²¹. После того, как

Германия оккупировала Чехословакию, такими «агентами» стали и чехи. Известен случай, когда арестованный чех подписал признание, что стал немецким шпионом в начале первой мировой войны, когда не существовало ни Чехословакии, ни Советского Союза²².

Загадочная судьба постигла «гения пропаганды КПГ» Вилли Мюнценберга. В 1938 году Мюнценберг, находившийся во Франции, был вызван в Москву. Он уже знал, что выехавший незадолго до того из Парижа в Москву Флиг был арестован немедленно по выходе из вагона. (Флиг, очевидно, и есть тот «одетый с иголочки», «немецкий еврей, коммунист, член Коминтерна», который именно при таких обстоятельствах попал в камеру Бутырской тюрьмы, в которой сидел Иванов-Разумник: «С круглыми от изумления глазами, совершенно потрясенный, он сразу же завел пластинку № 1 «вофюр? воцу?» («за что? зачем?»). Мы объяснили ему, что он — немецкий фашистский шпион»)²³. Поэтому Мюнценберг ехать в Москву отказался. В 1940 году он сидел во французском лагере для интернированных. В связи с наступлением немцев французы сняли охрану, и Мюнценберг вместе с еще одним лагерником решили бежать в Швейцарию. Через несколько дней тело Вилли Мюнценберга было найдено в лесу под Греноблем. Лицо его было изуродовано, так что версия самоубийства представлялась весьма маловероятной²⁴.

После советско-германского договора 1939 года в московских тюрьмах были собраны около 570 немецких коммунистов²⁵. Многие из них были к тому времени приговорены к различным срокам заключения, но большинству просто сказали, что специальная комиссия НКВД постановила выслать их из страны как нежелательных иностранцев. Среди этих немецких коммунистов были евреи, а также люди, специально разыскивавшиеся нацистами за вооруженное сопротивление во время уличных боев в начале тридцатых годов. Все они в разное время бежали в «свою» коммунистическую страну — Советский Союз. И вот их всех передали на мосту близ Брест-Литовска гестаповцам, причем работники НКВД аккуратно сверяли списки с офицерами гестапо.

В числе переданных была вдова поэта Эриха Мюзама, был композитор Ганс Давид — еврей, впоследствии умерщвленный в газовой камере Майданека²⁶.

Были и обратные случаи: из нацистских лагерей люди попадали в советские. В воспоминаниях Элиноры Липпер фигурирует женщина, отсидевшая три года в нацистском

концлагере, переданная в СССР и получившая 8 лет как «троцкистка»²⁷. В книге Далина и Николаевского рассказано о венском еврее, который выдержал почти год в немецком концлагере Дахау, а потом был передан в СССР и отправлен в лагерь, где покончил самоубийством²⁸. Актриса Карола Негер (Neher), включенная в список НКВД для передачи в гестапо в Брест-Литовске, исчезла в Советском Союзе²⁹.

Поразительна судьба еще одного из переданных НКВД немцам — юноши Торглера. Его отец, Эрнст Торглер, в прошлом лидер коммунистической фракции в Рейхстаге, был главным немецким обвиняемым на Лейпцигском процессе Димитрова и других. Сыну было тогда тринадцать лет, и он участвовал в митингах протеста, организованных на Западе против Лейпцигского процесса. Потом, естественно, мальчика увезли в Советский Союз. Здесь через несколько лет он был арестован как немецкий шпион и получил длительный срок. Торглера видели в лагерях на севере Коми АССР, где он работал могильщиком. Как сообщают, к тому времени он близко сошелся с юными советскими уголовниками. После заключения пакта Гитлер — Сталин молодой Торглер разделил судьбу переданных гестапо немецких коммунистов³⁰.

Очень тяжелы были также потери компартии Венгрии. Самой крупной жертвой был руководитель венгерской революции 1919 года Бела Кун. В свое время, в дни революции в Будапеште, Бела Кун развязал беспощадный террор. Позже, бежав к большевикам после поражения революции, Бела Кун получил руководящий пост в Крыму, только что отвоеванном у Врангеля. Здесь он проявил себя столь жестоким, что даже Ленин потребовал его снятия и объявления ему выговора. Бела Куна перевели в Коминтерн, и известно, что он несет ответственность за провал коммунистических выступлений в Германии в 1921 году. Виктор Серж в своих мемуарах описывает Бела Куна как «воплощение интеллектуального убожества, нерешительности и авторитарной коррупции»³¹.

Падение Бела Куна произошло на заседании Исполкома Коминтерна в мае 1937 года. Выступивший с речью Мануильский набросился на него в нападки за его якобы оскорбительное поведение по отношению к Сталину и связь с румынской тайной полицией с 1919 года. Остальные члены Исполкома — включая Вильгельма Пика, Отто Куусинена, Пальмиро Тольятти, Клемента Готвальда и Вань Миня — хранили молчание. Бела Кун, явно не знавший о подготовлен-

ном нападении, смертельно побледнел. Потом, как рассказывает бывший Генеральный секретарь компартии Финляндии Аво Туоминен, Кун «зарычал, как смертельно раненый лев: «Это гнусная провокация, это заговор, чтобы меня убить! Но я клянусь, что не хотел оскорбить товарища Сталина. Я хочу все объяснить самому товарищу Сталину!» Но все уже было предreshено. Когда, бледный и потрясенный, Бела Кун выходил из комнаты в мертвом молчании, за ним шли два сотрудника НКВД»³².

Кун, однако, не был арестован немедленно. Через несколько дней ему позвонил по телефону Сталин и дружелюбно попросил принять французского журналиста, чтобы опровергнуть слухи об аресте Бела Куна. Это было сделано; опровержение было опубликовано; а спустя еще несколько дней Бела Куна арестовали³³. Кун сам несколько раньше арестовал ряд членов Политбюро компартии Венгрии³⁴.

Бела Куна поместили в Лефортовскую тюрьму и подвергли пыткам. Есть сведения, что во время допросов его заставляли стоять на одной ноге на протяжении от десяти до двадцати часов. Когда он после допросов возвращался в камеру, его ноги были опухшими, а лицо черным до неузнаваемости³⁵. Некоторое время Бела Кун содержался в одной камере с бывшим флагманом Муклевичем³⁶. Затем его перевели в Бутырки, где он и находился до самой казни по обвинению в шпионаже³⁷.

Казнен Бела Кун 30 ноября 1939 года. Можно предположить, что в его случае были соблюдены известные формальности — следствие, суд и т. д. Так можно думать потому, что в Малой польской энциклопедии о Куне есть такая фраза — «приговорен на основе фальсифицированного обвинения»³⁸.

Жена Бела Куна, Ирина, женщина хрупкого телосложения, была арестована 23 февраля 1938 года³⁹ и приговорена к восьми годам. Она попала на Колыму⁴⁰, но выжила и была впоследствии освобождена. Зять Куна, венгерский поэт Гидаш, тоже отбыл срок в лагерях⁴¹.

Среди других руководителей венгерской революции 1919 года были арестованы еще двенадцать народных комиссаров коммунистического правительства Будапешта. В числе их — патриарх венгерского коммунизма Дечо Бокани, а также Йожеф Погани, под именем Джона Пеппера представлявший Коминтерн в американской компартии. Из этих двенадцати двое сумели выжить в лагерях. Были арестованы

и бесследно исчезли и другие венгерские коммунисты — например, партийный теоретик Лайош Мадьяр.

В ходе террора погибло также много итальянских коммунистов — например, Эдмондо Пелузо, в свое время участвовавший в Кантонской коммуне вместе с Нойманом. Из тюрьмы, где его пытали, Пелузо сумел переправить друзьям письмо. Он просил о помощи, писал, что с каждой пыткой уходят его силы, и заклинал друзей верить в его невиновность. Но так как в то время всем мерещились ловушки и провокации, то и бывшие друзья Пелузо, получившие письмо, сочли его полицейской ловушкой и ничего не предприняли.

Более того, несколько итальянских коммунистов, прошедших лагеря и впоследствии освободившихся, неожиданно обнаружили, что их рассказам о тюремной и лагерной жизни не очень верят. Зять самого Тольятти был арестован в 1937 году. Ему выбили зубы и неизлечимо повредили позвоночник⁴², но впоследствии выпустили живым. О том, что с ним происходило в заключении, Роботти никому не рассказывал. А в декабре 1961 года, в своей речи на пленуме ЦК итальянской компартии, Роботти объяснил свое поведение: он сказал, что о терроре в Советском Союзе следует говорить не итальянским, а советским коммунистам³⁴!

Однако счастливую судьбу Роботти разделили немногие. Хотя большинство руководящей группы компартии Италии спаслось благодаря полному повиновению Тольятти и благосклонности к нему Сталина, около двухсот итальянских коммунистов все-таки исчезло. У Евгении Гинзбург находим упоминание об итальянской коммунистке в Ярославской тюрьме: женщина страшно кричала, потому что ее били и обливали ледяной водой из шланга⁴⁴.

Разгром югославской компартии начался с ареста в Москве летом 1937 года ее Генерального секретаря Горкича. Еще до того арестовали его жену польку, обвинив ее в том, что она была английским шпионом. Вслед за Горкичем был арестован почти весь состав ЦК компартии Югославии и большое число находившихся в СССР югославских коммунистов. В речи на пленуме ЦК Союза Коммунистов Югославии 19 апреля 1949 года Тито сообщил, что больше ста человек из числа этих арестованных «нашли смерть в сталинских тюрьмах и лагерях»⁴⁵. Среди погибших были такие люди, как секретарь ЦК партии по оргвопросам Владо

Чопич, приехавший в Москву прямо из Испании, где он был командиром Интернациональной бригады.

Около того времени в Москву приехал и сам Тито. Ему дали номер на четвертом этаже гостиницы «Люкс». Позже он рассказывал, что каждый вечер ложился спать, не зная, выйдет ли утром свободно из номера или проснется среди ночи от зловещего стука в дверь⁴⁶. Тито указывает, что в Коминтерне существовала тенденция распустить всю компартию Югославии, как было сделано с компартиями Польши и Кореи. Однако в конце концов ему разрешили сформировать новый ЦК. После этого Тито постарался перевести свой ЦК в Югославию и Западную Европу, где было больше шансов спастись от разгрома.

Бывший первый секретарь ЦК компартии Финляндии Аво Туоминен приводит длинный список расстрелянных руководителей компартии и сообщает, что «почти все финны, жившие тогда на территории Советского Союза, были объявлены врагами народа». Обвинения против руководящих финских коммунистов, пишет Туоминен, были состряпаны на основе «признаний», полученных от арестованного Отто Вилена «сталинским методом избиения»⁴⁷.

Крохотная румынская компартия потеряла двух главных руководителей. Один из них, Марсель Паукер (не путать с его однофамильцем — крупным работником советских карательных органов), был арестован, как говорят, по доносу своей жены Анны Паукер⁴⁸. Его обвинили в сотрудничестве с Зиновьевым и расстреляли без суда⁴⁹. В том же 1937 году был расстрелян Александру Доброжану. По-видимому, наиболее вероятной причиной уничтожения этих двух румынских коммунистов были их прежние связи с Христианом Раковским, которому предстояло стать одним из главных обвиняемых на бухаринском процессе.

Об этом микротерроре в рядах румынской компартии ничего не сообщалось вплоть до 1952 года, пока в Бухаресте не был арестован член Политбюро Румынской рабочей партии Василе Лука. В связи с его арестом пошли нападки на «предательскую клику Марселя Паукера». (Судьба Луки, признаться, сильно напоминает сатиру Орвелла «Скотский хутор» [стр. 66-7], о которой мы уже упоминали в гл. 2. В ней фигурирует боров по имени Снежок, объявленный «изменником». Хотя Снежок был смелым военачальником, и ему животные обязаны своей главной победой, их уверили, что на самом деле Снежок во время боя помогал противнику. Точно то же самое проделали с Василе Лукой: про него, до

тех пор известного героя венгерской революции 1919 года, было теперь сказано, что он командовал пулеметным соединением противника).

Тяжелые репрессии перенесла компартия Болгарии. Сообвиняемые Георгия Димитрова по Лейпцигскому процессу Попов и Танев были арестованы и приговорены к тюремному заключению⁵⁰. Танев так и погиб в заключении, а Попов выжил и в 1955 году был реабилитирован. Будущий сталинский правитель Болгарии Вылко Червенков некоторое время прятался от ареста в квартире Димитрова, пока Димитров осторожно заступался за него и в конце концов отвел от Червенкова угрозу ареста. Были и другие жертвы. В Вологодском лагере одного болгарина бросили в яму и не давали ему никакой еды, пока через тринадцать дней он не умер⁵¹.

И так было со всеми эмигрантскими коммунистическими группами. Но самый тяжелый удар обрушился на поляков. Польская компартия занимала особое место во взаимоотношениях с Москвой. Здесь нет места для изложения сложной истории польского коммунизма, зародившегося вначале в виде двух фракций старой польской социал-демократической партии и левого крыла польской социалистической партии. Скажем лишь, что очень многие польские коммунисты вышли из социал-демократической партии Литвы и Царства Польского. Эта партия, вместе с еврейским Бундом и латышскими социал-демократами, была приглашена на началах автономии на IV съезд РСДРП в 1906 году, когда меньшевики и большевики находились еще в формальном объединении. В состав Центрального Комитета РСДРП были избраны на съезде два представителя польской партии — А. С. Варский и Ф. Э. Дзержинский.

В целом поляки поддерживали большевиков, хотя и с оговорками. Тогдашний лидер польских коммунистов Роза Люксембург писала в частном письме, что полезно заручиться поддержкой большевиков, несмотря на их «татаро-монгольскую дикость». Хотя Ленин вскоре занялся созданием фракций в польской партии и открыл полемику с Розой Люксембург и другими, эти фракции и полемика носили, так сказать, «домашний» характер, отличаясь этим от отношений большевиков с другими зарубежными организациями. Члены польской и русской организаций часто переходили из одной в другую — из польской в русскую и наоборот. Когда Польша стала независимым государством, поляки, работавшие с большевиками и оставшиеся на советской территории,

стали попросту членами РКП[б]. Можно вспомнить хотя бы о Дзержинском, Радеке, Менжинском и Уншлихте (то же самое произошло и с латышскими коммунистами — например, Эйхе и Рудзутаком). Польский коммунист мог по собственному желанию перевестись в РКП[б]. Так, скажем, Юлиан Мархлевский в 1920 году был сделан главой марионеточного польского правительства, сформированного в тылу Красной Армии при вторжении в Польшу. А после разгрома наступления Мархлевский объявился уже в качестве советского дипломата.

Было только естественно, что в той части компартии Польши, которая находилась в середине тридцатых годов на советской территории, террор шел тем же темпом, как и в рядах самой ВКП[б]. Ведь, скажем, Варский был практически старым большевиком в том же смысле, как Рыков и Каменев.

Положение поляков в России в известной степени напоминало положение ирландцев в Англии: их было много, и они играли заметную роль в жизни охватывавшей их более крупной страны. Террор коснулся не только членов компартии Польши, но и всего польского населения Советского Союза. По переписи 1926 года в СССР насчитывалось 792000 поляков. Перепись 1939 года (хоть и ненадежная в определенных отношениях) дает цифру всего в 626000. Точные цифры польских потерь определить нелегко. Согласно одному подсчету, проведенному польским коммунистом, были расстреляны десять тысяч поляков только из числа живших в Москве. А всего за период, окончившийся процессом Бухарина, в стране было расстреляно пятьдесят тысяч поляков.

Аресты польских коммунистов на протяжении тридцатых годов происходили несколько раз. Но в период террора вся партия в целом стала жертвой беспрецедентной кампании, направленной буквально на уничтожение — как организационно, так и физически. От всего польского коммунистического движения и его последователей осталось не более семидесяти-восемидесяти человек. В речи, произнесенной 27 марта 1956 года, секретарь ЦК ПОРП Ежи Моравский сказал: «Почти все руководители и активные члены КПП, находившиеся тогда в Советском Союзе, были арестованы и отправлены в лагеря»⁵².

Действительно, когда в 1944 году потребовалось создать коммунистическое польское правительство, его пришлось собирать «с бору по сосенке». К тем нескольким, кто имел

счастье попасть в польскую тюрьму и выжить там — подобно Гомулке — были добавлены люди типа президента Берута (в прошлом известен как следователь НКВД Рутковский) или экономического руководителя Минда, до того работавшего лектором в одном из институтов Средней Азии.

Но вернемся к 1937 году. 20-21 августа были расстреляны Варский, Будзинский и другие⁵³. Есть сообщения, что во время следствия Варский сошел с ума и вообразил, что находится в руках гестапо.

После этого в Москву «для консультации» был приглашен ряд руководителей КПП, находившихся в Польше. Среди них были члены Политбюро КПП Ринг и Генриховский. Генриховский быстро сообразил, что происходит вокруг, и несколько недель не выходил из своего номера в гостинице «Люкс», выскальзывая лишь на несколько минут по вечерам за самыми необходимыми покупками. Но все равно в конце концов все «приглашенные» члены польского Политбюро бесследно исчезли⁵⁴.

За период с 1937 по 1939 год были расстреляны все двенадцать членов ЦК КПП, находившиеся в СССР, а также сотни других партийных работников. Среди уничтоженных были все представители польской компартии в Исполкоме и Контрольной комиссии Коминтерна, в том числе ветеран Коминтерна Валецкий.

Незадолго до своего ареста Валецкий показал пример того, в какой степени были запуганы и унижены старые революционеры. Вскоре после ареста Ноймана его жена встретила Валецкого в коридоре гостиницы «Люкс». Они всегда были в дружеских отношениях. «Я улыбнулась ему и кивнула,— вспоминает госпожа Нойман,— но он сделал вид, что меня не заметил, и на лице его было смущенное, виноватое выражение»⁵⁵.

Обычно, «прочищая» какую-либо иностранную партию, Сталин использовал внутрипартийную борьбу за власть, чтобы подобрать новое руководство. Но в этом случае обвинение пало на всех. В 1937 году, так сказать, «обе фракции» КПП оказались «исполнителями заданий контрреволюционной польской разведки»⁵⁶. По-видимому, последнее официальное заявление от имени компартии Польши было сделано 8 июня 1938 года, после чего партия вскоре была распущена. Представляя Коминтерн на XVIII съезде ВКП[б], Мануильский заявил, что «наиболее засоренной вражескими элементами оказалась компартия Польши, в руководство которой проникли агенты польского фашизма». (Правда,

Мануильский в своем докладе упомянул и о полицейских агентах также и в рядах венгерской и югославской партий).

Последняя группа польских партийных руководителей, в том числе Вера Кощева, была расстреляна в 1939 году, когда произошла расправа со всем аппаратом Коминтерна. Погибли также левые поэты Штанде, Вандурский и другие литераторы. Среди них наиболее значительным был Бруно Ясенский. Он был арестован 31 июля 1937 года, 17 сентября 1938 года приговорен к пятнадцати годам и умер от тифа во Владивостокском пересыльном лагере⁵⁷.

Его бывшая жена Клара получила 10 лет как «шпионка»⁵⁸. Судьба Ясенского — хороший пример тех трудностей, с которыми приходится сегодня сталкиваться исследователю, пытающемуся проследить жизненный путь даже видных личностей. Польские коммунисты расследовали обстоятельства гибели Ясенского настолько тщательно, насколько это было в их силах. Но и теперь два польских источника дают разные даты его смерти, а официальный советский источник — еще одну, третью, дату. Кроме того, один польский источник дает неверную дату ареста Ясенского. Люди, сидевшие вместе с Ясенским и попавшие на Запад, склоняются к тому, что верна советская дата смерти.

Разумеется, полный роспуск коммунистической партии Польши был исключительной мерой. Роспуск партии был просто связан с тем, что все ее кадры были физически уничтожены. В абсолютных цифрах польская компартия вряд ли понесла больше потерь, чем, скажем, партийные организации на Украине. Но Сталин попросту не мог распустить партию на Украине, потому что ведь ему требовался какой-то член партии в Киеве, чтобы управлять Украиной. А в Польше в тот момент ему никакие партийные активисты для управления страной не требовались. Несомненно, Сталин полагал, что когда понадобится, он сумеет наскрести нужное число «руководящих товарищей». Как мы знаем, так оно и вышло на практике несколько лет спустя. Кроме того, польские коммунисты старой выучки, если бы они сохранились в живых, наверняка отнеслись бы враждебно к предстоящему пакту с гитлеровской Германией и разделу Польши.

Жены арестованных иностранцев страдали наравне с женами советских жертв. Но у них не было родственников, способных хоть как-то поддержать их в беде. И потому жены-иностранки оказались полностью брошенными на произвол официальных властей. Сперва они выдержали долгую борьбу с директором гостиницы «Люкс», который, в конце

концов, переселил их из прежних номеров в отдельное старое здание в глубине двора, уже заполненное другими женами. Потом их выбросили и оттуда.

Обыкновенно выяснялось, что бумаги иностранок были не в порядке, и женщины были вынуждены каждые пять дней стоять в очередях, чтобы возобновлять их. Было невозможно получить работу. Все, что они могли делать, — это продавать книги и личные вещи.

Общим стремлением было у них не говорить детям, что случилось с отцами. Госпожа Нойман вспоминает такой разговор между детьми:

— А твой папа тоже арестован?

— Нет, мой папа в отпуску на Кавказе.

Услышав такой ответ, одиннадцатилетняя собеседница, дочь одного из арестованных, разрушает иллюзии другого участника разговора:

— Ах, он на Кавказе! А почему тогда твоя мама носит деньги в тюрьму? Хорошенький Кавказ!⁵⁹

Но с течением времени стали арестовывать самих жен. Все жены польских коммунистов, например, были взяты в одну сентябрьскую ночь 1937 года. Супруга Ноймана получила 8 лет лагерей⁶⁰, и это было обычным приговором.

Советские представители в аппарате Коминтерна были также уничтожены по обвинению в том, что они содействовали проникновению врага в иностранные компартии. Исключением был лишь Мануильский, действовавший на протяжении всего террора как агент Сталина. Человек третьеразрядных способностей, он охотно стал в Коминтерне своеобразным эквивалентом какого-нибудь Мехлиса или Шкирятова — и потому выжил.

В своем докладе о деятельности Коминтерна на XVIII съезде партии, после упоминания о компартии Польши, Мануильский многозначительно добавил: «Вина работников Коминтерна состоит в том, что они позволили себя обмануть классовому врагу, не вскрыли своевременно его маневры, запоздали с мероприятиями против засорения компартии вражескими элементами».

Это главным образом относилось к двум членам ЦК ВКП[б] — Пятницкому и Кнорину. Пятницкий был главным советским надсмотрщиком в Коминтерне, если не считать самого Мануильского. Он был членом Исполкома Коминтерна с 1923 года и возглавлял в нем ключевой организационный отдел⁶¹; «и этот человек кончил за тюремной решет-

кой»⁶². Как полагают, он был казнен 3 октября 1939 года⁶³ в связи с делом Бела Куна.

Другой советский представитель в Исполкоме Коминтерна В. Г. Кнорин руководил деятельностью компартии Германии и нескольких других компартий. Латыш по происхождению, Кнорин был, как говорят, честным человеком, но догматиком⁶⁴. Есть сведения, что еще в 1936 году он подвергался нападкам за то, что якобы допускал какие-то националистические уклоны. Его арестовали в июне 1937 года⁶⁵ как «агента гестапо» и жестоко пытали. Кнорин был казнен в 1939 году⁶⁶, как и Пятницкий.

Подчиненные этих людей пали вместе с ними. Один из списков, подписанных Сталиным, содержит триста имен присужденных к высшей мере коммунистических партработников⁶⁷. Заведующий отделом зарубежных связей Миров-Абрамов был арестован в 1937 году вместе со всем своим штатом. Говорят, что его обвинили в шпионаже в пользу... пятнадцати различных иностранных держав!⁶⁸. Летом 1937 года арестовали и заведующего отделом кадров Коминтерна Алиханова⁶⁹. В целом волна террора смела с лица земли практически весь аппарат Коммунистического Интернационала, и только на самом верху коминтерновской иерархии уцелела горстка покорных, готовых на все работников вроде Куусинена, Димитрова или Тольятти.

ЗА ПРЕДЕЛАМИ

Расправляться с иностранцами в Москве было сравнительно легко. Но для осуществления террора за рубежом нужна была особая, секретная, техника.

В декабре 1936 года в составе Главного управления государственной безопасности (ГУГБ НКВД) под личным управлением Ежова был негласно организован отдел специальных операций. В его распоряжении находились подвижные группы, специально созданные для выполнения убийств за пределами СССР⁷⁰.

Проблема была в том, что Ежову оказалось не так легко дотянуться до старых кадровиков НКВД, работавших за границей по заданиям иностранного отдела. Эти люди могли отказаться выехать на родину по вызову, если подозревали, что вызывают их для ареста. Поэтому к ним применялись два различных метода. Первый состоял в том, что, арестовав всех начальников отделов на Лубянке, Ежов

не тронул начальника иностранного отдела Слуцкого, и тот оставался полностью в чести. Был пущен слух, что иностранный отдел вообще не будет подвергнут чистке, что чистка необходима только по отношению к другим, внутренним, отделам, в которых имело место разложение.

Многие иностранные оперативники клюнули на это и вернулись в СССР, где их, как правило, сперва переводили на другую работу, а потом расстреливали. Судьба некоторых из них известна. Например, летом 1937 года был вызван в Москву и расстрелян резидент НКВД во Франции Николай Смирнов. Когда он исчез, Ежов выдвинул версию, что Смирнов просто переброшен на подпольную работу в Китай. Однако сведения об аресте Смирнова проникли в среду советских резидентов во Франции: жена одного из разведчиков как раз в это время находилась в Москве и своими глазами видела арест, когда собиралась навестить Смирнова в гостинице «Москва». Тогда по внутренним каналам было объявлено, что Смирнов — французский и польский шпион. Но опять-таки сотрудники НКВД, находившиеся во Франции, легко догадались, что это была неправда. Дело в том, что им не изменили шифров для связи с центром, а ведь если бы Смирнов был предателем, то он, конечно, выдал бы шифры, которые, следовательно, надо было бы тут же изменить. Кроме того, в нарушение всех правил шпионажа, продолжалась работа с агентами-французами, завербованными Смирновым⁷¹.

Подобные срывы вели к невозвращению сотрудников. Поэтому Ежов стал укреплять надежность зарубежных сотрудников иным методом. Специальным подвижным оперативным группам было дано задание примерно наказывать любого коллегу, порвавшего со Сталиным.

В июле 1937 года с режимом порвал резидент в Швейцарии Игнатий Рейсс. И вскоре его изрешеченный пулями труп нашли на дороге возле Лозанны. В брошенном багаже «друга» Рейсса — того самого «друга», который организовал убийство, — швейцарская полиция нашла, кроме того, коробку отравленного шоколада, несомненно предназначенного для уничтожения детей Рейсса⁷².

Бывший советский резидент в Турции Агабеков порвал с режимом еще в 1929 году. В 1938 году его убили в Бельгии⁷³.

Такая же судьба постигла Вальтера Кривицкого, резидента НКВД в Голландии, который не только отказался вернуться в СССР, но и написал правдивую книгу о том, что знал,

поныне служащую источником сведений о том периоде. Десятого февраля 1941 года Кривицкого нашли застреленным в номере вашингтонской гостиницы.

Когда ситуация с советскими шпионами за границей была таким образом «расчищена», стало возможным окончательно разделаться со Слуцким. Но чтобы не распугать агентов, все еще остававшихся за рубежом, это было сделано тактично. Смерть Слуцкого, последовавшая 17 февраля 1938 года, была отмечена на следующий день коротким, но дружественным некрологом.

На самом деле наиболее вероятно, что Слуцкого отравил в своем кабинете заместитель Наркома внутренних дел Фриновский. Заместителя Слуцкого по ИНУ (Иностранному управлению) Шпигельгласа срочно вызвали и сказали, что у его начальника произошел сердечный приступ. Гроб с телом Слуцкого поместили в главном зале клуба НКВД, у гроба стоял почетный караул. Но многие сотрудники НКВД кое-что смыслили в судебной медицине, и они тотчас заметили на щеках покойного характерные пятна, служащие признаком цианистого отравления⁷⁴.

ПОД НЕБОМ ИСПАНИИ

Незадолго до своей смерти Слуцкий выполнял важные задания в Испании. Эта страна сделалась в те годы главной ареной зарубежного террора. Операции шли не только на уровне ежовских специальных подвижных групп, которые шныряли по испанской земле, арестовывая и убивая отступников международного масштаба, вроде Камилло Бернини. Перед ИНУ НКВД была поставлена более широкая политическая задача — подавление испанского троцкизма и осуществление надежного контроля над испанским правительством.

Еще в декабре 1936 года в советской прессе появились статьи, свидетельствующие о желании ликвидировать ПОУМ — еретическую марксистскую партию Каталонии⁷⁵. Фактически ПОУМ объединяла революционных социалистов, не принимавших коммунистических методов. Ни в каком реальном смысле эта партия не была троцкистской (никто из малочисленных настоящих троцкистов, находившихся в Испании в ПОУМ не входил. Но так или иначе, пока 29-я дивизия ПОУМ сражалась против Франко на Арагонском

фронте, советские представители успешно провели подавление партии.

Один из двух коммунистов в испанском республиканском правительстве, Хесус Эрнандес, позже рассказал всему миру, как он был вызван к советскому послу в Испании Розенбергу, который представил его Слуцкому. Начальник ИНУ НКВД действовал в Испании под псевдонимом «Маркос». Этот «Маркос» сказал Эрнандесу, что необходимо срочно подавить ПОУМ. Ибо, объяснил Слуцкий, руководители ПОУМ не только открыто критиковали Советский Союз, особенно процессы Зиновьева и Пятакова, но и пытались привезти в Испанию Троцкого.

(Последнее обвинение не подтверждается решительно ничем. Но если советские представители хоть сколько-нибудь верили в это, то Сталина уже могло мутить от страха. Ему все еще мерещилось, что в гражданской войне или революции имя Троцкого «стоило сорока тысяч штыков». Это была абсолютная химера, ибо даже для испанцев, не особенно враждебных Троцкому, отрицательный эффект его присутствия в стране явно превышал бы положительный).

Розенберг добавил, что он много раз говорил премьер-министру Ларго Кабальеро: в ликвидации ПОУМ заинтересован лично Сталин. Но Кабальеро, дескать, его не слушал. Слуцкий дал понять, что нужно найти другой метод. Органы НКВД готовы организовать провокацию, которая позволит коммунистам захватить власть в столице Каталонии Барселоне. А если потом Ларго Кабальеро откажется признать этот свершившийся факт, то даст коммунистам хороший повод от него избавиться.

Операция была подготовлена советским генеральным консулом в Барселоне В. А. Антоновым-Овсеенко и венгерским коммунистом Эрне Гере, впоследствии пришедшим к власти в Венгрии и свергнутым в ходе революции 1956 года. В то время Гере был старшим оперативным работником Коминтерна в Испании.

В каталонскую полицию был подсажен Родригес Сала — исполнительный и готовый на все испанский коммунист. 3 мая 1937 года Сала захватил барселонскую телефонную станцию, которая с самого начала войны была в руках анархо-синдикалистских профсоюзников. Левые организации, включая ПОУМ, оказали сопротивление. После четырехдневных боев, при которых, как говорят, около тысячи человек было убито, в Барселону вошли специально подготовленные полицейские части, прибывшие из Валенсии и

других мест. Эти части подавили сопротивление. 15 мая коммунистические министры испанского кабинета официально потребовали ликвидации ПОУМ. Но даже тогда Ларго Кабальеро отказался это сделать.

После этого состоялось заседание Политбюро компартии Испании с участием представителей Коминтерна, в том числе Тольятти и Гере. Испанским коммунистам был передан приказ Сталина: освободиться от Кабальеро и поставить премьер-министром Мигэля Негрина. Приказ был выполнен в точности⁷⁶.

Сразу после формирования кабинета Негрина Генеральный директор по безопасности коммунист полковник Ортега сообщил Эрнандесу, что начальник опергруппы НКВД в Испании Орлов дал ему подписать множество ордеров на арест руководителей ПОУМ — без ведома прямого начальника Ортеги, Министра внутренних дел. Тут же и сам Орлов сказал Эрнандесу, что лидеры ПОУМ будут «разоблачены» как сотрудничавшие с группой франкистских шпионов, уже находившихся под арестом.

Эрнандес вспоминает⁷⁷, что большинство испанских коммунистических руководителей, хотя и действовали в соответствии с директивами Коминтерна, были всем этим делом чрезвычайно возмущены. Генеральный секретарь испанской компартии Хозе Диас (который впоследствии то ли выбросился, то ли был выброшен из окна в Москве) говорил, что он подвергся «духовной смерти». Тем временем Тольятти начал решительно действовать вместе с испанской коммунисткой Долорес Ибаррури по кличке «Ля Пасионария», известной тем, что она никогда не испытывала угрызений совести. Тольятти и Ибаррури послали в Каталонию, штурмовой республиканской армии, приказ арестовать лидеров ПОУМ.

16 июня 1937 года был арестован Андрес Нин — политический секретарь ПОУМ, бывший секретарь Красного Профинтерна в Москве, имевший портфель Министра юстиции в автономном правительстве Каталонии. Его сперва взяли в тюрьму Алкала, находившуюся в руках коммунистов. Там им занялась группа чекистов во главе с самим Орловым и старым агентом Коминтерна Витторио Видали (впоследствии участником убийства Троцкого, а после войны — руководителем антититовских коммунистов в Триесте). Затем Андреса Нина перевезли в Эль Пардо и подвергли допросам по сталинскому рецепту. Первый допрос длился тридцать часов, причем следователи сменялись. Допрос оказался безус-

пешным, и Андреса Нина начали пытаться. Как сообщает Хулиан Горкин — в то время видный деятель ПОУМ, а ныне председатель сообщества писателей в изгнании международного Пен-клуба, — через несколько дней пыток лицо Андреса Нина «представляло собой бесформенную массу». Тем не менее у него не удалось исторгнуть никаких признаний, и Нин либо был тут же убит, либо умер под пыткой. Знаменитому испанскому коммунисту Эль Кампесино сообщили, что Нин был там же сразу похоронен⁷⁸.

Интересно, что большинство участников этого преступления публично названы по именам. И почти все они — кроме Тольятти, умершего естественной смертью, — еще живы. Как указывает Хулиан Горкин⁷⁹, многие из них стали даже приверженцами антисталинской волны, когда она поднялась в 1956 году после XX съезда КПСС.

После расправы с Андресом Нином во Франции был создан комитет защиты ПОУМ. Более того, было опубликовано письмо, составленное в простых, но сильных выражениях и подписанное Андре Жидом, Мориаксом, Дюамелем, Роже-Мартен дю Гаром и другими. Авторы письма требовали всего лишь справедливого суда и нормального обращения с теми членами ПОУМ, против которых были выдвинуты обвинения. Это письмо имело большой эффект в Испании и, кажется, подействовало даже на Негрина. Во всяком случае, в отношении тех руководителей ПОУМ, которые были еще живы, поступило распоряжение, чтобы они больше не исчезали. Ну, а рядовых членов ПОУМ расстреливали так же быстро, как и раньше. Хулиан Горкин, представлявший ПОУМ в ЦК народной милиции, был одним из немногих выживших.

Эрнандес держится той точки зрения, что Сталину было важно показать: не только в СССР, но и в «демократических» странах, управляемых народным фронтом, троцкисты действовали как предатели. То, что происходило в Испании, было не просто местью Троцкому и не просто подрывом баз троцкизма, но также попыткой получить вне советской территории подтверждение наличия некоего троцкистского «заговора».

Тем временем шло прочесывание недостаточно надежных соединений Интернациональной бригады в поисках троцкистов. Например, Вальтер Ульбрихт проводил чистку среди немецких участников Интербригады — в то время как их собратья по партии уничтожались в Москве (советский «генерал Клебер», командующий Интернациональной брига-

дой, был отозван в феврале 1937 года и вскоре арестован). Советские военнослужащие в Испании, которым вряд ли нравились операции НКВД, были почти поголовно расстреляны по возвращении.

Парадоксально, что в ходе террора на испанской земле, в ходе захвата политической власти в Испании Сталин потерял интерес к исходу самой войны. Эренбург сообщает, что, несмотря на громогласное официальное возмущение немецкой и итальянской интервенцией в Испании, интерес к ней становился все более формальным по мере того, как ухудшалось положение республиканцев и становилось очевидным, что они проигрывают. Его собственные корреспонденции натывались на все растущие редакционные трудности, «лакировались и розовели», подвергались сокращениям и переделкам, а то и вовсе не печатались⁸⁰.

Многие испанские республиканцы, ускользнувшие от финального разгрома, перебрались в Москву. Эль Кампесино, он же генерал Гонзалес, прибыл на небольшом кораблике, где кроме него было еще до полутора ста пассажиров⁸¹. Испанцы стали прибывать в Москву с мая 1939 года, но здесь их подстерегали новые опасности.

Дело в том, что эта волна политических беженцев левого толка была не первой. В 1934 году, после поражения социалистического восстания в Вене, в Москву прибыло несколько сот человек социалистической военной организации «Шуцбунд». Их приняли как героев, они даже прошли в строю по Красной площади под аплодисменты и поздравления. К середине 1937 года все «шуцбундовцы» были арестованы и отправлены в лагеря. Исключений почти не было⁸². Некоторые члены их семей, оставшиеся без денег и с детьми на руках (те, кто имел работу, были немедленно уволены), пришли в немецкое посольство в Москве, представлявшее тогда националистов. Явившиеся попросили гитлеровских дипломатов отправить их на родину. Нацисты временно поселили их в здании посольства, а потом проводили в ОВИР для получения виз на выезд. По-видимому, некоторые из этих людей получили визы и смогли выехать.

Австрийские шуцбундовцы в большинстве не были коммунистами. Но испанских республиканцев, среди которых коммунистов было гораздо больше, тоже постепенно выслали в Среднюю Азию и другие отдаленные районы. А руководство компартии Испании было подвергнуто дальнейшей политической чистке, которая долго тянулась в аппарате Коминтерна и в московских штабах иностранных компартий. На

одно из заседаний одной из комиссий Коминтерна был вызван генерал Гонзалес (Эль Кампесино). После того, как он позволил себе поспорить с членами этой комиссии, его отправили рыть московское метро, а потом угнали в северные лагеря. Что до Генерального секретаря партии Хозе Диаса, то, как уже упоминалось, он погиб при неясных обстоятельствах. Отмечены еще десятки жертв среди менее заметных испанских коммунистов.

МЕКСИКА, 1940

Одно крупное дело за рубежом оставалось еще не выполненным. Суть этого дела была достаточно ясно изложена в последнем слове Христиана Раковского на процессе «право-троцкистского блока» в 1938 году: «Троцкий и за мексиканским меридианом не укроется от той полной, окончательной, позорной для всех нас дискредитации, которую мы здесь выносим»⁸³. Но это предсказание еще не осуществилось в буквальном смысле слова.

Со времени своей высылки из Советского Союза в 1929 году Троцкий маячил гигантской тенью в сталинской мифологии. Сперва из Турции, затем из Норвегии и, наконец, из Мексики этот «князь тьмы», погрязший в болоте фашистских разведок, умудрялся плести необъятные заговоры, ответвления которых непрерывно выкорчевывались в СССР бдительными чекистами.

На самом деле Троцкий пытался организовать политическое движение в мировом масштабе. Некоторые крайние секты коммунистического направления присоединились к его Четвертому Интернационалу. Но его влияние в СССР было практически равно нулю. Во всех событиях, описанных в предыдущих главах, Троцкий оставался в лучшем случае пассивной фигурой где-то за сценой. Его главное участие в советских делах состояло в том, что он их комментировал и анализировал извне. В своем «Бюллетене оппозиции» Троцкий излагал свои мысли о текущем положении в стране и давал рекомендации антисталинским коммунистам насчет того, как им следовало бы действовать.

При всей своей энергии, всем своим полемическим таланте Троцкий сумел придать этим рекомендациям, главным образом, две отличительные черты. Во-первых, полное отсутствие сострадания к некоммунистическим жертвам режима. Так, например, Троцкий не произнес ни слова сочувствия

по поводу гибели миллионов во время коллективизации. Во-вторых, поразительная беспомощность политических суждений.

В период пребывания у власти Троцкий, невзирая на свой личный престиж, оставался безжалостным проводником партийной воли. Он беспощадно сокрушал внутрипартийную демократическую оппозицию и в 1921 году на X съезде РКП[б] поддержал ленинскую резолюцию, запретившую фракции и давшую руководящей группе абсолютную власть. Подавление Кронштадтского восстания было таким же личным триумфом Троцкого, как и захват власти большевиками в 1917 году. Троцкий был ведущей фигурой среди «левых» старых большевиков — то есть среди тех доктринеров, которые не могли согласиться с ленинскими уступками крестьянству. Эти люди, и в первую очередь Троцкий, предпочитали более жесткий режим еще до того, как подобную линию стал проводить Сталин.

Возможно, Троцкий вел бы свою политику менее грубо, нежели Сталин; но он все равно применял бы (как обычно и делал) насилие в таком масштабе, в каком считал необходимым. И это был бы отнюдь не малый масштаб.

Однако ничто так не подрывает образ «положительного бунтовщика» Троцкого, как его отношение к сталинскому режиму. Даже в изгнании, на протяжении тридцатых годов, позиция Троцкого ни в коем случае не была позицией открытого революционера, вышедшего на бой с тиранией. Нет, платформой Троцкого была скорее «лояльная оппозиция». В 1931 году Троцкий опубликовал свой ключевой манифест «Проблемы развития СССР». В этом документе Троцкий принимал основные линии сталинской программы, определял сталинский Советский Союз как «пролетарское государство» и просто спорил со Сталиным по поводу того, какая фаза эволюции в сторону социализма была достигнута. Троцкий фактически стоял не за уничтожение сталинской системы, а за переход власти к другой группе руководителей, которая сумела бы поправить дела.

Осенью 1932 года Троцкий писал в письме к сыну: «Сегодня Милюков, меньшевики и термидорианцы всех видов... охотно подхватят клич «убрать Сталина». Однако может случиться, что в ближайшие месяцы Сталину придется защищаться против термидорианского давления и нам придется временно поддержать его... А если так, то лозунг «Долой Сталина!» сомнителен и его не нужно в настоящий момент поднимать как боевой клич»⁸⁴. В своем «Бюллетене» Троц-

кий писал: «если бюрократическое равновесие в СССР будет сейчас нарушено, это почти наверное пойдет на пользу силам контрреволюции»⁸⁵.

Троцкий все время утверждал, что в Советском Союзе намечается какой-то «термидор» при поддержке «мелкобуржуазных элементов». Склонный к сравнениям с Французской революцией, он постоянно говорил о «термидоре» и «брюмере». Что ж, параллели между Сталиным и либо Директорией, либо Наполеоном могут быть академически интересны, но различия между этими явлениями столь велики, что подобные сравнения невозможно принимать в расчет для целей практической политики. Режим Сталина — то есть, по сути дела, ленинский режим — имеет свои законы развития и свои внутренние возможности.

Троцкий возражал против построения ленинской партийной машины вплоть до 1917 года. Но однажды согласившись с принципами этой машины, он никогда больше их не опровергал и не видел, что сталинизм или любая его разновидность были прямым результатом ленинского принципа партийности. Однажды Троцкий признался, что для него «довольно соблазнительным» выглядело суждение о сталинской системе как «уходящей корнями в большевистский централизм или, более широко, в подпольную иерархию профессиональных революционеров»⁸⁶. Но дальше этого Троцкий никогда не заходил.

Среди историков есть тенденция принимать версию Троцкого по поводу ряда событий, участником которых он был. Но это лишь потому, что сталинская историография еще куда менее надежна. Недавно было показано, что в изложении последнего периода жизни Ленина специалисты слишком уж полагались на сочинения Троцкого. Его Ленин, желающий сформировать блок только с Троцким и ни с кем другим, да еще на основе особой взаимной преданности, политического доверия и личной дружбы — просто продукт тенденциозного искажения действительности.

Троцкий, вместе с остальными членами Политбюро, препятствовал попыткам больного Ленина оказывать воздействие на текущие дела «с больничной койки». В последующих интригах Троцкий проявил себя отнюдь не прямым и последовательным, а как раз изворотливым и малодушным; виднейший западный исследователь того периода, профессор Гарвардского университета Адам Улам, пишет, что изложение событий самим Троцким — это «жалкая полуправда с попытками игнорировать факты»⁸⁷.

Все это совершенно понятно, и возникает лишь единственный вопрос: почему слова Троцкого, как правило, не подкрепленные доказательствами, так широко принимались на веру? Несомненно, отчасти потому, что книги Троцкого, выходявшие под более или менее критическим взглядом Запада, были не столь дикими и бесстыдными фальсификациями, как параллельные сталинские версии. Отчасти также и потому, что кое в чем троцкистская традиция вливалась в общий поток независимой исторической мысли.

Но, как бы то ни было, Троцкий никогда не упускал случая скрыть или извратить факты в интересах политики. Общая надежность его сочинений о том периоде может быть оценена в свете выдвинутого Троцким обвинения, что Сталин отравил Ленина. Этому нет ни малейших доказательств, да и бросил Троцкий это обвинение только в 1939 году, через много лет и после смерти Ленина, и после своего выезда из страны. Единственным соображением в пользу теории Троцкого может служить то обстоятельство, что смерть Ленина спасла Сталина от потери занимаемых им постов в правящем аппарате. Однако более разумно предположить, что обвинение Троцкого было чем-то вроде уменьшенного зеркального отражения сталинских диких обвинений в предательстве и прочем, успешно выдвигавшихся на протяжении многих лет против политических оппонентов.

Когда говорят о том, что Троцкий был привлекательной личностью, то имеют в виду, главным образом, его выступления на крупных митингах, его острые сочинения, его общественный вес. Но при всем том Троцкий отталкивал многих своим тщеславием, с одной стороны, и безответственностью, с другой — в том смысле, что он был склонен выдвигать «блестящие» формулировки и потом требовать их воплощения, невзирая на опасности.

Бесцветные, лишённые широких обобщений выступления Сталина несли в себе больше убедительности. Сама серость и приземленность сталинских слов придавала им некую реалистичность. В период, когда требовалось решать более или менее земные проблемы, «великий революционер» (или «великий теоретик», подобный Бухарину) чувствовал себя не очень уютно. Каковы бы ни были его заблуждения, Троцкий многое унаследовал от западно-европейских марксистских традиций. А когда сталинское государство замкнулось в изоляции, на первое место в нем вышел тот самый азиатский элемент, который сам Троцкий так хорошо подмечал и критиковал у большевиков. Один советский дипломат

сказал как-то Антону Чилиге, что Россия — страна азиатская, и добавил: «путь Чингисхана или Сталина подходит ей лучше, чем европейская цивилизованность Льва Давидовича»⁸⁸.

Тщеславие Троцкого, в отличие от той же черты у Сталина, говоря практически, было более поверхностным. В Троцком было что-то театральное. Он показал себя не менее жестоким, чем Сталин; действительно, в годы гражданской войны он приказал казнить больше людей, чем Сталин или кто-либо еще. Но даже в этом Троцкий выказывал черты позера — этакое Великого Революционера, драматически и неумолимо исполняющего жестокую волю Истории. Если бы Троцкий пришел к власти, то забота о собственном образе, несомненно, заставляла бы его править менее беспощадным или, вернее, менее грубо беспощадным образом, чем правил Сталин. Возможно, что русский народ смог бы сказать о Троцком — диктаторе:

Тиран хоть был не добронравен,
Но, к счастью подданных, тщеславен.

Прагматический подход Сталина к событиям создавал впечатление, что он здравомыслящий человек, — и в каком-то смысле это впечатление было правильным. Он был всегда способен отступить — тому много примеров, начиная от торможения катастрофической коллективизации в марте 1930 года до снятия блокады Берлина в 1949 году. На фоне ловкости Сталина в его партийной политике Троцкий выглядел политиком весьма поверхностным, и приходится сделать вывод, что в этой сфере Сталин был куда сильнее своего противника. Можно обладать блестящим умом, великолепными способностями; но есть иные качества, менее очевидные для внешнего наблюдателя, без которых индивидуальная одаренность имеет лишь второстепенное значение. Троцкий был шлифованным самоцветом; Сталин — грубым и необработанным алмазом.

Троцкий и его сын Лев Седов были лишены советского гражданства 20 февраля 1932 года. Их никогда не приговаривали заочно к смерти, хоть такие утверждения иногда делаются. В приговорах Военной коллегии Верховного суда СССР по делам Зиновьева и Пятакова сказано, что Троцкий и Седов будут немедленно арестованы и судимы в случае, если они появятся на территории СССР.

Находясь в Норвегии, Троцкий бросил смелый вызов: пусть советское правительство потребует его выдачи как

преступника. Это означало бы, что Троцкий должен дать показания перед норвежским судом. Но вызов не был принят: вместо этого СССР стал оказывать давление на норвежское правительство, чтобы оно выслало Троцкого из страны. Благодаря хлопотам художника Диего Риверы президент Мексики Карденас предоставил Троцкому политическое убежище, и 9 января 1937 года Троцкий высадился на мексиканский берег с норвежского танкера.

Была у Троцкого одна черта, сближавшая его с Лениным, — он был легковверен в своих знакомствах. В былое время Ленин оказывал расположение и протекцию Малиновскому и другим провокаторам внутри большевистской партии, даже когда они попадали под подозрение его соратников. По поводу Малиновского Ленин в оправдание своей доверчивости приводил довольно сомнительный довод, что Малиновский, дескать, даже предавая большевиков, продолжал интенсивно и хорошо работать по вовлечению новых членов в партию. Троцкий держался той точки зрения, что если он откажется встречаться с кем-либо, кроме своих старейших и ближайших сподвижников, то потеряет возможность проповедовать свое учение и приобретать новых сторонников.

Заговор против Троцкого был соткан в темном мире советской шпионской сети в США, и некоторые эпизоды операции были раскрыты лишь после ареста Джека Собла в 1957 году.

Джек Собл был приставлен шпионить за Троцким еще в 1931-32 годах, и он действовал очень умело. Следующим агентом НКВД, пробравшимся в политическое окружение Троцкого, был незаурядный авантюрист Марк Зборовский. О нем сказано, что этот человек «повсюду оставлял за собой след крови и вероломства, как шекспировский злодей». Он ускользал от правосудия много лет; в Соединенных Штатах он долгое время подвизался как уважаемый антрополог Колумбийского и Гарвардского университетов. Лишь в декабре 1958 года он был разоблачен и приговорен к семи годам тюрьмы за ложные показания⁸⁹.

А в тридцатые годы Зборовский сделался правой рукой Льва Седова и получил доступ ко всем секретам троцкистов. В ноябре 1936 года он организовал ограбление архива Троцкого в Париже. Зборовский никого не убивал сам, он был, так сказать, «диспетчером»; такую роль он играл, например, в убийстве Игнатия Рейсса⁹⁰. Он организовал лишь случайно не удавшееся в 1937 году убийство Вальтера Кривицкого, но зато успешно провел операцию по уничтоже-

нию в Испании секретаря Троцкого Эрвина Вольфа. Весьма вероятно, что именно Зборовский передал в руки убийц молодого немца Рудольфа Клемента — секретаря троцкистского Четвертого Интернационала. Клемент исчез в 1938 году; вскоре в реке Сене был выловлен обезглавленный труп, предположительно опознанный как тело Клемента. Так или иначе, его больше не видели.

14 февраля 1938 года в парижской больнице при подозрительных обстоятельствах умер Лев Седов⁹¹. Поскольку в больницу Седова привез лично Зборовский, можно с полным основанием предполагать, что он тут же информировал убийц НКВД о представившемся удобном случае.

То, что Троцкий сумел дожить до 1940 года, вероятно, объясняется нарушением деятельности ИНУ НКВД в результате сперва ежовской, а потом бериевской чисток. Трудности возникли также в связи с разоблачениями, сделанными двумя крупными работниками НКВД, бежавшими из Советского Союза, — Люшковым в Японии и Орловым в Испании.

Более того, после не совсем ясной попытки убить Троцкого в январе 1938 года были приняты очень строгие меры предосторожности. На вилле в местечке Койоачан возле Мексико-Сити, где жил Троцкий, несли охрану и троцкисты, и мексиканская полиция.

После этого планирование убийства Троцкого было поручено многолюдному штабу в Москве, где все было разработано до мельчайших подробностей. В здании НКВД на улице Дзержинского, 2 этот штаб и особое досье Троцкого занимали три этажа⁹².

Можно определенно сказать, что главным побудительным мотивом подобных действий Сталина было желание просто физически уничтожить любых других возможных руководителей. Дальнейшее очернение Троцкого было ненужным и невозможным. В любом отношении, кроме самого факта убийства главного врага, Сталин мог ожидать лишь отрицательного эффекта от террористического акта. Но сам факт перевешивал все остальное. Недаром же дважды во время войны с немцами Сталин проводил массовые расстрелы среди сколько-нибудь видных военных и политических деятелей, томившихся в лагерях; эти две волны казней в точности совпадают с двумя самыми критическими периодами на фронте, когда Сталину мерещилось поражение.

Организация убийства Троцкого была поручена полковнику НКВД Леониду Эйтингону, которому для этой цели были переданы в распоряжение практически неограниченные

средства. В 1936 году Эйтингон прошел хорошую школу в Испании, где носил псевдоним «Котов» и работал под непосредственным руководством Орлова. Да и без того он имел солидный опыт террористической деятельности за границей, был видной фигурой в ежовской сети «специальных операций». Карьера Эйтингона продолжалась много лет. Николай Хохлов, посланный в Германию для убийства председателя Исполнительного Бюро НТС Г. С. Околовича и отдавший себя вместо этого под его защиту весной 1954 года⁹³, работал вместе с Эйтингоном уже после смерти Сталина. Несколько позже Эйтингон, по-видимому, был расстрелян за свои связи с Берией.

Итак, Эйтингон отправился в Мексику. С ним ехали основатель аргентинской компартии и верный сталинец Витторио Кодовилья, в свое время участвовавший в убийстве Андреса Нина, а также другой видный убийца еще с испанских времен — Витторио Видали.

Компартия Мексики, тогда возглавлявшаяся Германом Лаборде, была настоящим политическим движением и не выказала никакого восторга по поводу предстоящей террористической операции. Тогда, в порядке подготовки убийства Троцкого, руководство партии пришлось сменить: власть досталась «бескомпромиссной» группе, в состав которой входил известный художник-коммунист Сикейрос.

Действуя под именем Леонова, полковник Эйтингон организовал первую попытку убийства Троцкого в виде операции широкого размаха. Центральной фигурой операции был сам Сикейрос.

23 мая 1940 года Сикейрос и двое его соучастников переоделись в форму мексиканской армии и полиции, вооружились автоматами, зажигательными бомбами, а также штурмовыми лестницами и дисковой электропилой. Под их командой находилось еще двадцать бандитов. Сам Сикейрос переоделся майором мексиканской армии. Было около двух часов ночи, когда убийцы подъехали к охраняемой вилле Троцкого на четырех автомашинах. Несколько полицейских предварительно заманили подальше от виллы; других связали под дулами автоматов. Были перерезаны телефонные провода, а дежурного личного охранника Троцкого, американца Харта, сбили с ног и оглушили. Отряд ворвался во внутренний дворик виллы — патио — и несколько минут обстреливал длинными очередями все спальни, выходившие, по мексиканскому обычаю, окнами в патио. Потом убийцы бежали, оставив несколько зажигательных бомб и заряд

динамита. Заряд не взорвался; Троцкий был лишь легко ранен в правую ногу; ранение получил также десятилетний внук Троцкого. Жена Троцкого отделалась ожогами от воспламенившихся зажигательных бомб. Налет провалился.

Несколько позже из земли на участке виллы Сикейроса был выкопан труп американца Харта, которого бандиты увезли с собой, застрелили и зарыли.

Коммунистическая партия Мексики отмежеввалась от этого преступления и заявила, что не имеет ничего общего с Сикейросом и Видали. К 17 июля личность всех участников нападения на виллу Троцкого была установлена мексиканской полицией.

В сентябре 1940 года Сикейрос был разыскан в провинции, где скрывался от правосудия, и немедленно арестован. Но хотя все факты были установлены, на мексиканскую фемиду началось политическое давление. Вдобавок к этому «интеллектуалы и художники» просили президента принять во внимание, что «деятели науки и искусства важны для страны как передовой отряд культуры и прогресса»⁹⁴. В результате суд доброжелательно выслушал заявление Сикейроса, что триста пуль были выпущены по жилым комнатам виллы Троцкого «лишь в психологических целях», без намерения кого-либо убить или ранить. Свидетельские показания о том, что Сикейрос, узнав о невредимости Троцкого, воскликнул: «Вся работа впустую!», не было принято во внимание судом. Было также найдено, что обстоятельства смерти Харта не могут служить основанием для обвинения в умышленном убийстве. Судья заявил, что обвиняемые не вступали друг с другом в преступный сговор, поскольку сговор не может состоять в одном изолированном преступлении, а должен, чтобы квалифицироваться как таковой, иметь «стабильность и постоянство». Подсудимые были также оправданы по обвинению в ношении формы полицейских офицеров — на том основании, что хотя они и надели форму, но не пытались узурпировать какие-либо полицейские функции.

Между тем, Сикейрос находился не в тюрьме — он был освобожден под залог. И, натурально, получив очень своевременное приглашение от чилийского поэта-коммуниста Пабло Неруды выполнить кое-какие стенные росписи в Чили, он решил им воспользоваться. Таким образом, он избежал даже легкого приговора, который мог быть ему вынесен за... кражу двух автомобилей около дома Троцкого.

После провала Сикейроса Эйтингон немедленно ввел в действие резервный оперативный план. Через четыре дня

после ночного налета Троцкого впервые познакомили с его будущим убийцей Рамоном Меркадером.

Мать Меркадера Каридад была испанской коммунисткой. В годы гражданской войны в Испании она состояла в особой группе по ликвидации политических противников. Есть сведения, что в те годы она была также любовницей Эйтингона.

Работники НКВД в Испании держались правила забирать себе паспорта всех убитых бойцов и командиров Интернациональной бригады. Один такой паспорт вручили Меркадеру. Паспорт принадлежал канадцу югославского происхождения, который отправился добровольцем в самом начале гражданской войны в Испании и был очень скоро убит. Фамилия в паспорте была аккуратно переделана на «Джек-сон». Это типичное англо-саксонское имя — лишь один любопытный пример нелепых промахов, допущенных в ходе ловко, в общем-то, спланированной операции. Но никто почему-то не обратил внимания на то, что явный испанец носил явно английскую фамилию.

Подготовив ~~таким~~ образом Меркадера, его ввели в мир внешне респектабельных нью-йоркских левых. Этот мир в то время буквально кипел коммунистическими страстями и интригами и был готовой вербовочной базой для агентов Ежова. Общее руководство подготовкой убийства по варианту Меркадера осуществлялось тогда постоянным резидентом НКВД, советским генеральным консулом в Нью-Йорке Гайком Овакимяном, который лишь гораздо позже, в мае 1941 года, был разоблачен и выслан из страны.

Подробности подготовки — часть которых и до сих пор не выявлена с полной ясностью — нас здесь не интересуют. Интересно, однако, отметить вот что. В этом преступлении, как и в крупных шпионских делах сороковых и пятидесятых годов, было замешано много людей, о которых ничего похожего нельзя было и подумать. Их беспартийные знакомые, разумеется, отвергли бы самую мысль о возможности участия этих лиц в какой-либо преступной деятельности. Между тем, фракционные страсти, революционный романтизм и даже чистый идеализм сделали этих людей сознательными или полусознательными соучастниками вульгарного убийства.

Вот такие-то левые и познакомили Меркадера с Сильвией Агелов — американской троцкисткой, работавшей в социальном обеспечении. Меркадер обольстил ее и вступил с ней в связь, которую принимали за брак. Сильвия в данном случае была совершенно невинной жертвой — она ничего не

знала о готовящемся преступлении. Но именно она ввела Меркадера в дом Троцкого.

В качестве мужа Сильвии Меркадер пять или шесть раз побывал у Троцких и стал, что называется, «принят в доме». 20 августа он прибыл на виллу в Койоачан якобы для того, чтобы дать Троцкому на просмотр написанную им статью. На Меркадере был плащ, в подкладку которого был зашит длинный кинжал. В кармане лежал револьвер. Но главным оружием убийцы был срезанный до нужного размера ледоруб. Меркадер был опытным альпинистом и выбрал ледоруб в качестве оружия потому, что хорошо владел им. Впрочем, это еще не самое странное оружие, когда-либо примененное агентами НКВД за рубежом. Владимир и Евдокия Петровы сообщили об убийстве советского посла за границей органами НКВД, причем убийца был физически сильным человеком и действовал с помощью железного прута.

Меркадер оставил автомобиль перед виллой развернув его в удобную для бегства сторону. За углом ждал еще один автомобиль, в котором сидели мать Меркадера и один из агентов Эйтингона. Наконец, в третьем автомобиле, за квартал от виллы, восседал сам полковник Эйтингон.

У Троцкого на письменном столе лежало два револьвера, и он в любой момент мог поднять тревогу, нажав тайную кнопку. Но Меркадер дал ему на прочтение статью, и когда Троцкий склонился над ней, убийца выхватил свой ледоруб и нанес Троцкому страшный удар по голове.

План Меркадера состоял в том, чтобы мгновенно после этого исчезнуть. Однако его удар не убил Троцкого сразу. У Троцкого вырвался крик — по словам самого Меркадера «очень протяжный, прямо бесконечный». Один из охранников Троцкого — тот, что вбежал первым и схватил Меркадера — тоже описывает крик Троцкого. По его словам, это был «долгий стон агонизирующего человека, полукрик, полурывание».

Троцкого еще успели оперировать, и он скончался примерно через сутки после удара — 21 августа 1940 года. Ему было около шестидесяти двух лет.

Представ перед судом после дела Сикейроса, Меркадер, по-видимому, тоже надеялся, что приговор будет легким. Может быть, он думал убедить судью, что учил Троцкого альпинизму и убил случайно. Однако его приговорили к двадцати годам тюрьмы и он отбыл свой срок день в день. После того, как полиция полностью идентифицировала Мер-

кадера по отпечаткам пальцев, он все равно отказался сообщить, кем был на самом деле и почему совершил убийство. Тогдашняя официальная сталинская версия состояла в том, что убийца был разочарованным троцкистом и не имел ничего общего с НКВД.

Годы заключения Меркадера проходили в несколько иной обстановке, чем в советских тюрьмах и лагерях. Мексиканская революция провела подлинные реформы тюремной системы. Посетитель, имевший свидание с Меркадером в тюрьме, пишет: «Его камера, просторная и солнечная, с небольшим открытым внутренним двориком — патио — имела прекрасную кровать и стол, заваленный книгами и журналами».

Кроме того, по мексиканскому закону, Меркадер имел право приглашать в камеру женщин и оставаться с ними.

Эйтингон и мать Меркадера между тем покинули Мексику заранее подготовленным секретным маршрутом. В Москве мамаша Каридад была принята Лаврентием Берией, представлена Сталину и награждена орденом, причем второй орден ей был вручен для сына⁹⁵.

Поистине, ликвидация последнего крупного противника Сталина вызвала огромное удовлетворение в Кремле! Можно отметить, что сбылось в самом буквальном смысле одно из предсказаний Троцкого. В 1936 году он писал о Сталине: «Он стремится нанести удар не по идеям своего оппонента, а по его черепу».

ГЛАВА 12

1. Любопытно, что советский академик А. Д. Сахаров бросает этот упрек Сталину («Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», стр. 20).

2. Ignazio Silone в сборнике *The God That Failed*, New York, 1950, p. 109.

3. A. Ciliga, *The Russian Enigma*, p. 61.

4. «Коммунист» № 10, 1963, стр. 45 («За правильное освещение истории Коммунистической партии Западной Украины»); см. также «Совещание историков», стр. 69 (Выст. А. К. Касименко).

5. «Совещание историков», стр. 286 (Выст. А. К. Рашкевица).

6. *Osteuropa*, n. 8, 1958, s. 33.

7. Arvo Tuominen. *Kremlis Klockor*. Helsinki, 1958, ct. 210.

8. Buber-Neumann. *Als Gefangene bei Stalin und Hitler*, s. 15.

9. Koestler, *Arrow in the Blue*, vol. 2, p. 209.

10. Buber-Neumann, s. 12.
11. Там же, стр. 27.
12. Там же, стр. 158.
13. Там же, стр. 134.
14. Herbert Wehner, *Erinnerungen*, Bonn, 1957, s. 160.
15. См. Poretsky, *Our Own People*, p. 181.
16. Buber-Neumann, s. 134.
17. Beck and Godin, *The Russian Purge and Extraction of Confession*, p. 108; *Beitrage zur Geschichte der Arbeiterbewegung*. Band I, 1969.
18. Buber-Neumann, s. 56.
19. Там же, стр. 51 сл.
20. Гинзбург, «Крутой маршрут», стр. 155.
21. Beck and Godin, p. 109.
22. Там же.
23. Иванов-Разумник, «Тюрьмы и ссылки», стр. 344.
24. Koestler, *Arrow in the Blue*, vol. 2, p. 407; см. также Ruth Fischer, *Stalin and German Communism*, Cambridge, 1948, Chap. 27, note 5.
25. Herling, *A World Apart*, p. 62.
26. Weissberg, p. 487-9.
27. Lipper, s. 7.
28. Dallin and Nicolaevsky, *Forced Labor in Soviet Russia*, p. 38.
29. Weissberg, p. 489.
30. Beck and Godin, p. 76.
31. Serge, *Memoires d'un Révolutionnaire*, p. 205.
32. A. Tuominen, *Uusi Kavalehti*, n. 10/13, 1956.
33. Kun Béláné, Kun Béla, Budapest, 1966, pp. 489-90. (В противоречии с другими источниками дата ареста Бела Куна отнесена в этой работе на конец июня).
34. Ciliga, p. 253.
35. Krivitsky, *I Was Stalin's Agent*, p. 217.
36. Там же, стр. 219.
37. Иванов-Разумник, стр. 353.
38. *Mała Encyklopedia Powszechna* (PWN), Warszawa, 1959, p. 471.
39. Kun Béláné, там же.
40. Lipper, s. 19.
41. Иванов-Разумник, стр. 353.
42. Renato Mieli, *Togliatti*, 1937, Milano, 1964, p. 80. О судьбе итальянского коммуниста в СССР см. Guelfa Zaccaria, *200 Comunisti Italiani fra le Vittime dello Stalinismo*, Milano, 1964.
43. Выступление на пленуме ЦК компартии Италии. См. *L'Unità*, 12 novembre 1961.
44. Гинзбург, стр. 223-5.
45. Выступление на пленуме ЦК Союза Коммунистов Югославии. См. «Борба», 20 апр. 1949.
46. См. Fitzroy Maclean, *Disputed Barricade*, London, 1957, pp. 103-4.
47. «Uusi Kavalehti», 22 июня 1956.
48. См. D. Dallin, *Soviet Espionage*, New Haven, 1956, p. 100.
49. См. Иван Караиванов, «Люди и пигмеи», Београд, 1953, стр. 112.
50. Иванов-Разумник, стр. 346.
51. См. Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 279.
52. См. *Trybuna Ludu*, № 35, 26 февр. 1956.
53. *Polska Encyklopedia Powszechna*, т. XII, str. 114 («Warski»); там же, т. II, стр. 201 («Budzynski»).
54. Wehner, s. 141-2.
55. Buber-Neumann, s. 13.

56. «Коммунистический Интернационал» № 1-3, 1938.
57. *Polska Encyklopedia Powszechna*, т. XIII, str. 100 («Wandurski»); там же, т. X, стр. 756 («Stande»); *Polski Słownik Bibliograficzny*, т. XI, str. 29; см. также: Lipper, s. 40 и Гинзбург, стр. 335.
58. Lipper, s. 39.
59. Buber-Neumann, s. 15.
60. Там же, стр. 23.
61. *Survey*, n. 32, 1960.
62. «У истоков партии», Москва, 1963, стр. 368.
63. См. предисловие к 5-му изданию: И. А. Пятницкий, «Записки большевика», Москва, 1956, стр. 3.
64. *Survey*, n. 32, 1960.
65. «Вопросы истории КПСС», № 8, 1965, стр. 108.
66. См. биогр. справку в «От Февраля к Октябрю», Москва, 1957.
67. Roy Medvedev, *Faut-il réhabiliter Staline*, p. 46.
68. Buber-Neumann, s. 35-6.
69. Там же, стр. 12-13.
70. Orlov, *The Secret History of Stalin's Crimes*, p. 223.
71. Там же, стр. 230-1.
72. Там же, стр. 232.
73. Там же, стр. 233.
74. Там же, стр. 238.
75. См., напр., «Правду», 17 дек. 1936.
76. Описание ликвидации ПОУМ см. в книге участника событий Jesús Hernández, *Yo fui ministro de Stalin*, Mexico City, 1953.
77. Там же.
78. Julian Gorkin. *Bulletin d'Information de la Commission pour la Vérité sur les Crimes de Staline*, n. 1, mai 1962 («L'Assassinat d'Andres Nin»).
79. Там же.
80. Эренбург, Собр. соч., т. 9, стр. 100, 109-10, 143, 179, 190-1, 228 («Люди, годы, жизнь», кн. 4).
81. El Compesino, *Listen, Comrades*, p. 35.
82. Beck and Godin, p. 108.
83. «Дело Бухарина», стр. 670.
84. Архив Троцкого, См. Deutscher, *The Prophet Outcast*, p. 175.
85. «Бюллетень оппозиции» № 33.
86. B. Wolfe, *Three Who Made a Revolution*, p. 520.
87. Adam B. Ulam, *The Bolsheviks*, New York, 1965, pp. 573-5.
88. Ciliga, p. 85.
89. Isaak Don Levine, *The Mind of an Assassin*, London, 1959, p. 27.
90. D. Dallin in *The New Leader*, 19-26 March, 1956.
91. Don Levine, p. 41; см. также *Bulletin d'information* . . . , n. 11, mai 1962.
92. Don Levine, p. 50; см. также V. and E. Petrov, *Empire of Fear*.
93. Н. Е. Хохлов, «Право на совесть», Франкфурт-на-Майне, 1957, гл. 14.
94. Don Levine, p. 188.
95. E. Castro Delgado, *J'ai perdu la foi à Moscou*, Paris, 1950.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

ВЕРШИНА

По шесть-семь тысяч жертв
День каждый уносил.

Байрон

После процесса Бухарина Сталин и Ежов занялись остатками оппозиции на партийных верхах.

Последняя волна внутривластного террора, направленная против сторонников и помощников Сталина, была хорошо обозначена в закрытом письме «О недостатках партийно-политической работы в РККА и мерах к их устранению», выпущенном весной 1938 года с его личным участием. Письмо предписывало «ликвидацию последствий вредительства» и требовало «не забывать также о «молчаливых»», тех, кто отмалчивался, пытаясь остаться в стороне от борьбы «с врагами народа»¹.

Сперва были подчищены остатки: казнили несколько работников не очень крупного масштаба, которые, возможно, предназначались играть роль подсудимых в бухаринском процессе, но вели себя недостаточно послушно, чтобы быть выпущенными в зал суда. В качестве примера можно привести первого секретаря ЦК КП Казахстана Л. И. Мирзояна, который подвергся нападкам Сталина на февральско-мартовском пленуме 1937 года. «С ведома Сталина Л. И. Мирзоян был освобожден от работы, арестован и обвинен в тяжких преступлениях»², а в мае 1938 года расстрелян, так ни в чем и не признавшись.

Однако предстояла еще более крупная игра. Приблизительно в марте или апреле 1938 года был арестован Постышев. А три обреченных члена Политбюро — Эйхе, Косиор и Чубарь — все еще появлялись, хотя и нерегулярно, в разных официальных документах — например, им, в числе

других, адресовали телеграммы полярники с дрейфующей льдины.

Из этой тройки первыми пали Эйхе и Косиор. Эйхе был арестован 29 апреля 1938 года. А Косиор, как явствует из выпущенной о нем книжки³, еще 28 апреля фигурировал в предвыборных списках. Но перед самыми Первомайскими праздниками его забрали. НКВД вообще имел обычай «брать» под праздники, чтобы затруднить попытки немедленного вмешательства.

Теперь Сталин полностью игнорировал какие бы то ни было формальности. Как сообщил на XX съезде Хрущев, об аресте Косиора не было обмена мнениями или решения Политбюро. То же самое,— сказал тогда Хрущев,— относится и к «другим случаям такого же рода»⁴. Об арестах Эйхе и Косиора не было объявлено вообще. Но интересующиеся могли понять это сразу, потому что в одно прекрасное утро киевская «радиостанция имени Косиора» вышла в эфир без этого имени⁵.

В то же время печать отвлекала читателей другими, «более важными», темами. Большую часть мая и июня 1938 года газеты занимались предвыборной кампанией, митингами трудящихся по этому поводу и тому подобным. Вновь, как предыдущей зимой, фанфары громко трубили о советской демократии. Выборы 26 июня прошли под аккомпанемент «нового подвига сталинских соколов» — беспосадочно-го перелета Коккинаки по маршруту Москва-Хабаровск.

Отсутствие обоих арестованных на Первомайской трибуне было замечено. Но Чубарь еще был на Красной площади. В последний раз он фигурирует в официальном приветствии 9 июня. А в документе от 1 июля, содержащем список членов Политбюро, Чубаря уже нет.

Считается, что Чубарь был озабочен недостатками в промышленности и имел сомнения относительно новой сельскохозяйственной системы. Он был близко связан с Орджоникидзе и был, дескать, недоволен нарастанием культа личности. Незадолго до своего ареста Чубарь «глубоко возмущался фактами незаконных репрессий... отказывался верить, что его лучшие друзья, прошедшие бок о бок с ним всю жизнь, могли оказаться шпионами и предателями». Взгляды Чубаря стали известны тем, кто проводил террор. Чубаря вывели из Политбюро, освободили от обязанностей заместителя председателя Совнаркома и послали на низовую работу в Соликамск. Но «лишь несколько месяцев пробыл он там... Вскоре он был арестован и расстрелян»⁶.

Между тем, Эйхе поместили в новый «политизолятор», а по существу застенки, в «Сухановку», тюрьму, специально предназначенную для арестованных крупных работников. Здесь Эйхе попал в руки к печально знаменитому следователю З. М. Ушакову. Вскоре Эйхе переломали ребра, и он начал признаваться в том, что был руководителем «запасной сети», якобы созданной Бухариным в 1935 году.

По-видимому, имелось в виду то, что на бухаринском процессе было вскользь названо «другим запасным центром». Этот мифический «центр» будто бы существовал уже в конце 1935 или в начале 1936 года, когда Рыков якобы торопил Чернова связаться с этим «центром» через Любимова⁷. А «другим» сей «центр» называли потому, что на процессе упоминалась также некая параллельная группа правых под руководством Антипова.

В том, что этим позднейшим жертвам наклеили ярлык «правых», есть известная примитивная логика. У них не было ни малейших связей с оппозиционными группами Троцкого или Зиновьева; но хотя в 1929-33 годах эти люди боролись и против Бухарина, они затем выступали за смятение террора и примирение с Бухариным. Кое-кто из них возражал против его ареста.

Планы следующего судебного процесса были во всяком случае изменены. Эйхе «вынуждали подписывать новые варианты легенды», которую «фабриковал Ушаков». Из членов «запасной сети» был также «вычеркнут» арестованный руководитель тяжелой промышленности Рухимович⁸. Дела Рухимовича и Эйхе решено было, видимо, отложить.

Но и после этого в руках органов безопасности оставалось достаточно жертв для следующего процесса — или, лучше сказать, первого процесса против сталинцев. Недавно арестованных членов Политбюро и некоторых других лиц вполне можно было оставить в резерве для дальнейшего использования.

Однако в этот момент что-то произошло. Что именно — до сих пор неизвестно. Но сравнительно недавно стало ясно, что события, каковы бы они ни были, имели кульминационный пункт в последние дни июля 1938 года. Ибо теперь известно по советским источникам, что 28 и 29 июля⁹ были расстреляны следующие лица: бывший член Политбюро и заместитель председателя Совнаркома Ян Рудзутак, бывший Нарком тяжелой промышленности В. И. Межлаук, бывший секретарь ЦИК СССР И. С. Уншлихт, бывший член Политбюро ЦК КП[б]У В. П. Затонский, бывший командующий

военно-морскими силами флагман 1-го ранга Орлов, бывшие командармы Дыбенко, Вацетис, Великанов, Белов, Дубовой, Алкснис, а также, по-видимому, еще ряд крупных командиров, видный советский драматург В. Киршон.

Несомненно, среди тех, чья гибель не датирована точно в советских справочниках, найдется немало людей, уничтоженных в эти же дни. Но даже и в таком виде этот перечень казней сравним по масштабу и значению с теми, которые до тех пор объявлялись официально как результаты судебных процессов. Из подробностей мы знаем только, что Рудзутак предстал перед Военной коллегией Верховного суда СССР и не признал себя виновным ни в чем. Во время следствия он делал «признания», но на суде взял их обратно и сказал, что «... Единственная просьба, с которой он обращается к суду, это сообщить ЦК ВКП[б], что в НКВД есть еще не ликвидированный центр, ловко фабрикующий дела и заставляющий невинных людей сознаваться в преступлениях, которых они не совершили; у обвиняемых нет возможности доказать, что они не участвовали в преступлениях, о которых говорится в таких признаниях, вымученных от различных лиц. Методы следствия таковы, что они вынуждают лгать и клеветать на невинных, не замешанных ни в чем людей, не говоря уже о тех, кто уже обвинен.

Он просит суд разрешить ему сообщить об этом ЦК ВКП[б] в письменной форме. Он заверяет суд, что он лично никогда не имел никаких враждебных намерений по отношению к политике нашей партии, потому что всегда был согласен с партийной линией во всех областях экономического и культурного строительства»¹⁰.

Тем не менее, «в течение двадцати минут был вынесен приговор, и Рудзутак был расстрелян»¹¹.

Можно проследить судьбы родственников нескольких расстрелянных. Жена Рудзутака была отправлена в лагерь¹², сестра Уншлихта Стефания Брун получила восемь лет лишения свободы¹³, первая жена Межлаука получила такой же приговор и умерла от дизентерии в Дальневосточном пересыльном лагере¹⁴.

Этот момент стал поворотным пунктом террора. Прекратились работы по подготовке дальнейших показательных процессов — этих процессов больше не было. А особенно интересен разбираемый момент тем, что он совпадает с началом заката звезды Ежова. Именно тогда появились первые признаки того, что Ежов теряет доверие Сталина.

Была в СССР одна республиканская компартия, которая не то чтобы избежала террора, но подверглась ему на иной основе, чем остальные, — а именно так, как хотелось ее первому секретарю. Это была компартия Грузии во главе с первым секретарем Берией. Было бы непохоже на Ежова, если бы он не пытался уничтожить ведущие кадры в Тбилиси по собственному выбору. Действительно, есть сообщения, что в 1938 году Ежов предпринял шаги в этом направлении¹⁵. По его плану, как говорят, должен был быть арестован Берия¹⁶. Однако Берия с успехом апеллировал к Сталину — при поддержке Молотова и других¹⁷.

20 июля 1938 года, за неделю до массовых казней, Берия был назначен заместителем Наркома внутренних дел. Это могло быть истолковано только как начало падения Ежова. Ведь этот пост раньше занимали технические исполнители калибра Матвея Бермана или Якова Агранова — для крупного партийного руководителя он не подходил. Было ясно, что Берия был назначен заместителем временно и что ему предстояло вскоре стать наркомом. Он переехал на дачу, которую только что перед тем занимал Чубарь¹⁸.

Ходили слухи о резком столкновении Ежова с Кагановичем — отнюдь не по вопросу желательности или полезности сталинского террора, а просто по вопросу полномочий. В министерствах и других органах под его контролем Каганович вел террор сам и не терпел вмешательства НКВД кроме как исполнительного, то есть непосредственного проведения арестов и расстрелов. Есть свидетельство о том, что Ежов начал даже создавать дело против Кагановича, для чего заставил арестованного директора Харьковского тракторного завода Бондаренко дать против Кагановича какие-то показания¹⁹.

Бывший крупный партийный работник А. Авторханов полагает, что у Сталина был повод для недовольства Ежовым и поэтому он начал прислушиваться к голосам его противников. Повод, по Авторханову, состоял в том, что Ежов не сумел организовать новые показательные процессы, создав для этого «параллельный бухаринский центр» и «параллельный военный центр»²⁰. Вполне возможно, что Ежову было поручено устроить четвертый большой процесс и что с этим он, действительно, не справился. Если это так, то совпадение перевода в Москву Берии с закрытым судом (или судами) и расстрелами может означать отмену неудавшегося плана новым руководством.

Но, с другой стороны, Сталин уже и до того расстреливал высокопоставленных членов ЦК без таких формальностей, как открытый суд. И трудно представить себе, какие выгоды мог он извлечь из нового процесса. Ведь все какие только можно уроки были преподаны на процессе Бухарина. Что касается второго суда над военными, то ведь и первый суд такого рода — над Тухачевским и другими — не был открытым; стало быть, и о втором можно было объявить тем же путем, пост фактум. Действительно, тот факт, что новая группа военных «заговорщиков» была уничтожена без сообщения в прессе, может быть истолкован так, что процессы над военными были Сталину больше не нужны.

Однако, каковы бы ни были планы Сталина на будущее, факт остается фактом: с этого момента показательные суды прекратились. Никто из находившихся по арестом не был больше выведен на публику. А ведь у всех у них, по-видимому, были пытками вырваны нужные признания, и они перед смертью проходили все ту же двадцатиминутную процедуру военного суда.

Правда, у многих жертв — сталинцев чистой воды — было труднее исторгать надежные и долговечные «признания». Известно, что ни Рудзутак, ни Эйхе не повторили даже перед закрытыми военными судами тех показаний, которые они дали под пытками. Конечно, такие люди находились и на более ранних стадиях террора, но тогда в распоряжении НКВД все время был достаточный запас «признавшихся». Кроме того, ни один из вновь арестованных не мог обвинить себя в каких бы то ни было прошлых связях с оппозицией, и этих сталинцев вряд ли можно было призывать «разоружиться перед партией». А таких безупречных партийцев даже на бухаринском процессе было всего один или два, да и то среди второстепенных обвиняемых.

Одна из трудностей была еще в том, что среднее поколение сталинцев все еще считало себя чем-то большим, чем просто назначенцами или просто членами экстремистского окружения Сталина. Это еще были люди, следовавшие своим убеждениям, преданные Сталину как вождю, но не считавшие его руководство неоспоримой идеологической догмой. В отличие от прежнего поколения сотрудников Сталина — от людей, которых он мог в той или иной степени шантажировать их прошлым, — более молодые кадры были почти поголовно убеждены в своей общей и политической невиновности (если не с нашей точки зрения, то, по крайней мере, с их собственной).

Что касается Ежова, то некоторое время он еще удерживал свой пост и свою власть. У него было лишь одно дурное предзнаменование: 21 августа 1938 года его назначили Наркомом водного транспорта — в дополнение к должности Наркомвнудела²¹. Его не могло утешать и то обстоятельство, что в то же самое время Кагановичу было вверено руководство тяжелой промышленностью в дополнение к его Наркомату путей сообщения, тем более, что Каганович стал кроме того еще и заместителем председателя Совнаркома. Как бы то ни было, на протяжении всей последующей осени Нарком внутренних дел Ежов продолжал, однако, фигурировать на видных местах при всех официальных церемониях; иногда даже его имя стояло в газетах перед именами других, более видных членов Политбюро — Микояна, Андреева, Жданова.

И Ежов продолжал свою политику. Террор все разрастался и в конце концов достиг таких чудовищных масштабов, что даже Сталин как будто увидел необходимость и своевременность некоторого облегчения. Это, конечно, требовало принятия важнейшего политического решения; и можно думать, что происшедшие летом перемены еще не были решением, а были лишь первыми шагами по направлению к нему, и притом вызванными конкретной неудачей. Тогда, летом, возможно, у Сталина еще не было ощущения, что вся система террора приближается к тупику.

ДИПЛОМАТЫ

Процессов больше не было, но слухи о них ходили. После казни бухаринцев должен был якобы состояться отдельный процесс дипломатов, где центральной фигурой называли Антонова-Овсеенко.

И до того ряды советских дипломатов сильно поредели. Например, советский посол в Монголии Таиров был расстрелян в июне 1937 года. Прошедшие в открытых процессах Крестинский и Сокольников были заместителями Наркома иностранных дел. Карахан, тоже расстрелянный, был послом в Берлине. Страшная участь постигла и многих меньших по рангу дипломатических работников. На процессе 1938 года над Бухариным и другими было названо, например, имя Членова, дело которого якобы выделено в особое производство²². На том же суде выдвигались различные обвинения против посла в Японии Юренева, посла в Китае Богомо-

лова и начальника юридического отдела НКВД Сабанина²³. Все эти люди попросту исчезли.

Начальником отдела кадров Наркомата иностранных дел был назначен видный чекист Василий Корженко²⁴, который и занял со своей семьей московскую квартиру Крестинского²⁵. Как разделялись в это время в Наркоминделе с сотрудниками за малейшие провинности, недавно было описано в «Молодом коммунисте» на примере заведующего протокольным отделом НКВД В. Н. Баркова:

«Однажды по указанию Деканозова, работавшего тогда заместителем Наркома иностранных дел и бывшего, как выяснилось впоследствии, одним из самых активных участников банды Берии, Владимир Николаевич должен был встретиться с иностранным корреспондентом. По существовавшим правилам в день беседы с корреспондентом Владимир Николаевич Барков должен был непременно встретиться с Деканозовым, но Деканозова нигде нельзя было найти. Помня о полученном приказе, Владимир Николаевич принял журналиста.

На следующий день его вызвал к себе Деканозов.

— Кто дал вам непосредственное разрешение на встречу?

— Я никак не мог вас разыскать,— ответил Владимир Николаевич.

— Плохо искали!

Разгон продолжался долго. И В. Н. Барков не удержался. Он ответил:

— Да вас же в тот день нельзя было найти!

— Ах, так! — с угрозой произнес Деканозов и закончил беседу.

В тот день Владимир Николаевич не вернулся домой. Родные смогли увидеть его только спустя восемнадцать лет»²⁶.

В своей книге «Люди, годы, жизнь» И. Эренбург рассказывает, что и сам Наркоминдел М. М. Литвинов «ждал другой развязки. Начиная с 1937 года и до своей последней болезни он клал на ночной столик револьвер — если позвонят ночью, не станет дожидаться последующего»²⁷.

Дипломаты исчезали десятками. Они ведь, действительно, все время находились в контакте с иностранцами, так что, по ежовским стандартам, все поголовно были в чем-нибудь виноваты. Их вызывали из заграницы и расстреливали; как замечает тот же Эренбург, «многие погибли: Антонов-Овсеенко, Крестинский, Розенберг, Гайкис, Марченко, Аренс,

Гиршфельд, Аросев, Членов стали жертвами клеветы и беззакония (я назвал только некоторых)»²⁸.

Однако никакого «процесса дипломатов» так и не было. В частности, Антонов-Овсеенко, как мы видели, прошел обычную негласную процедуру уничтожения. До 1917 года он был меньшевиком. В 1905-1906 годах дважды руководил восстаниями и в 1906 году был приговорен к смертной казни. Уже после этого его несколько раз арестовывали за подпольную работу. (Эта биография показывает, кстати, насколько ошибочно представление о том, будто меньшевики были политически бездеятельны вследствие того, что их точка зрения по партийно-организационным вопросам отличалась от ленинской). В 1917 году Антонов-Овсеенко перешел к большевикам и руководил штурмом Зимнего дворца, в результате которого было свергнуто Временное правительство.

Это именно Антонов-Овсеенко ворвался в зал заседаний и объявил: «От имени Военно-революционного комитета объявляю вас арестованными!» Во время гражданской войны он командовал Украинским фронтом, а в 1922 году возглавил Политуправление Реввоенсовета²⁹. На этом посту Антонов-Овсеенко поддерживал Троцкого и через два года был заменен Бубновым. Он оставался троцкистом до 1928 года, после чего разоружился подобно другим участникам оппозиции. После этого Антонов-Овсеенко занимал ряд государственных и дипломатических должностей, последняя из которых была в Испании.

В Бутырской тюрьме Антонов-Овсеенко сидел вместе с другими заключенными в одной из камер третьего этажа. Он был болен, у него пухли ноги (по многим сообщениям, это нередко случалось с заключенными из-за скверного тюремного питания и тяжелого напряжения от длительных допросов). Но держал себя Антонов-Овсеенко бодро, развлекал соседей по камере рассказами о Ленине, об Октябрьской революции и испанской войне. Одним из этих соседей был Юрий Томский — сын Михаила Томского, покончившего с собой в 1936 году. Юрий Томский описывает последние дни Антонова-Овсеенко. По его словам, Антонов-Овсеенко отказывался подписывать что-либо на допросах, хотя протоколы этих допросов разрослись под конец до трехсот страниц. «Во время одного из допросов в кабинете следователя не был выключен радиорепродуктор. Следовательно, обозленный упорным отказом арестованного подписать кле-

ветнические материалы, назвал старого революционера врагом народа.

— Ты сам враг народа, ты настоящий фашист,— ответил ему Владимир Александрович.

В этот момент по радио передавали какой-то митинг.

— Слышите,— сказал следователь,— слышите, как нас приветствует народ? Он нам доверяет во всем, а вы будете уничтожены. Я вот за вас орден получил!»³⁰.

В конце 1938³¹ или в начале 1939 года³² Антонова-Овсеевко вызвали из камеры за казнь. Если верить Юрию Томскому, это было так: «... Надзиратель вызвал Антонова-Овсеевко. Владимир Александрович начал прощаться с нами, потом достал черное драповое пальто, снял пиджак, ботинки, раздал почти всю свою одежду и встал полураздетый посреди камеры.

— Я прошу того, кто доживет до свободы, передать людям, что Антонов-Овсеевко был большевиком и остался большевиком до последнего дня»³³.

Тут необходимо заметить, что в начале тридцатых годов Антонов-Овсеевко сам был Прокурором СССР. Его последние слова перед казнью стали известны гражданам Советского Союза через двадцать пять лет. И тем не менее ему еще повезло в этом смысле. Меньшевикам, погибшим в лагерях после процесса 1931 года, или эсерам вроде Спиридоновой не удалось оставить потомству никаких напутствий. Да вряд ли всплывут теперь на поверхность истории и последние слова представителей каменевского поколения.

Между тем все новых и новых советских дипломатов отзывали в Москву на расправу. Полпред в Бухаресте Островский колебался, вернуться ему в Москву или нет. Но решил вернуться, когда получил заверения в полной безопасности лично от Ворошилова, вместе с которым прошел гражданскую войну. Островского схватили, едва он пересек государственную границу³⁴.

Ветеран Балтфлота Федор Раскольников был советским послом в Болгарии. Вызванный в Москву в апреле 1939 года, он отказался вернуться. Тем не менее, сегодня он реабилитирован. Раскольников — единственный советский невозвращенец, удостоенный такой чести. Частично это объясняется особо крупными заслугами Раскольникова в годы революции и гражданской войны, полным отсутствием связей с какой-либо оппозицией. Кроме того, Раскольников до конца заявлял о своей верности большевизму, да и умер он всего через несколько месяцев жизни на Западе, в сентябре 1939

года, от нервного расстройства. Даже Эренбург в своих мемуарах упоминает о встрече с Раскольниковым в Париже, причем выясняется, что Эренбург сочувственно отнесся к человеку, решившему остаться за границей.

17 августа 1939 года Раскольников написал оскорбительное письмо Сталину, которое сразу после его смерти, 1 октября 1939 года было опубликовано в издававшейся Керенским в Париже «Новой России». А еще при жизни Раскольникова, 26 июня 1939 года, его несколько более умеренное заявление появилось в милюковских «Последних новостях». В этом заявлении, обращаясь к Сталину, Раскольников между прочим твердо заявил: «Вы сами прекрасно знаете, что Пятаков не летал в Осло». Раскольников тем самым разоблачал состряпанное против Пятакова обвинение в тайной встрече с Троцким в Осло — обвинение, по которому Пятаков был приговорен к смертной казни и расстрелян. Эта уверенная фраза Раскольникова показывает, что в партийных кругах очень многое было известно о подлинном характере обвинений против жертв террора и что сведения такого рода обсуждались старыми партийцами.

МОЛОДЕЖЬ

Одна крупная организация оставалась еще под руководством первого набора сталинцев — ВЛКСМ.

В декабре 1925 года, после поражения Зиновьева на XIV съезде партии, Сталин послал в Ленинград Александра Косарева для проведения чистки в ленинградском комсомоле. В 1926 году оппозиционный блок предпринял серьезную попытку заручиться поддержкой молодежи и студентов. Большинство в «троцкистских» группах протеста составляли молодые представители интеллигенции, недовольные партийным контролем над комсомолом. В результате половина состава Ленинградского горкома ВЛКСМ была исключена из организации.

Котлынов, возглавлявший зиновьевское крыло в ленинградской молодежной оппозиции, смело обвинил Косарева в тактике откровенного запугивания. Однако Косарев продолжал вести эту тактику и по возвращении в Москву. В 1927 году он стал секретарем ЦК ВЛКСМ, а в 1929 — Первым секретарем.

С тех пор «массовая беспартийная организация», как официально именовался комсомол в уставе, сделалась активным инструментом в руках Генерального секретаря ЦК ВКП[б]— чем-то вроде «Сталин-югенда», если применить аналогию с немецким национал-социализмом.

Впрочем, даже такое сильное сравнение выглядит недостаточным. На ноябрьском пленуме ЦК КПСС в 1962 году тогдашний первый секретарь ЦК ВЛКСМ С. Павлов привел в своем выступлении указание Сталина комсомолу: «На первый план выдвигалось, и это черным по белому было записано, что первой задачей всей воспитательной работы комсомола является высматривание и распознавание врага, которого нужно потом убирать только насильственно, методами экономического воздействия, организационно-политической изоляции и методами физического истребления. Вот куда хотел направить усилия комсомола Сталин»³⁵. Как видим, Сталин хотел, чтобы комсомол стал вспомогательной молодежной организацией НКВД!

21 июля 1937 года Сталин и Ежов вызвали Косарева и полтора часа читали ему нравоучения за то, что комсомольская организация не играла достаточной роли в развертывании кампании бдительности и разоблачений³⁶. Косарев постарался удовлетворить их требования. Из попавших в немецкие руки во время войны и затем сохранившихся смоленских архивов мы знаем, что творилось в областных комсомольских организациях осенью 1937 года.

В октябре 1937 года в комсомольских организациях Смоленской (в то время Западной) области прошла всеобщая чистка. Было сказано, что «Фашисты, проникшие даже в ЦК комсомола, теперь разоблачены». 11 октября 1937 года новый первый секретарь обкома ВЛКСМ Манаев заявил, что его предшественники «враги народа Коган и Приходько» якобы «подорвали семьсот колхозных комсомольских организаций». «Врагами» были «заполнены» педагогический институт, техникум, средние школы и даже пионерские организации. Один секретарь комсомольской организации за другим объявлялись преступниками. Было заменено от половины до двух третей всего состава членов комсомольских комитетов и секретарей первичных организаций.

Однако и сам Манаев был вскоре обвинен в том, что давал деньги на лечение арестованным «врагам народа», а также в «преступной медлительности» в деле выкорчевывания врагов. Приехавший из Москвы руководитель объявил: плохая работа областной комсомольской организации объяс-

няется тем, что, возможно, в ней еще остались неразоблаченные враги.

Последовавшее обсуждение вылилось в новый поток доносов. Делегат от Вязьмы, сообщивший, между прочим, что в последние годы район потерял пятерых комсомольских секретарей, тут же обрушился на тогдашнего секретаря райкома, сказав, что тот «полностью разложившийся человек» и к тому же «многоженец». Выступавшие говорили, что хотя много враждебных элементов было уже вычищено, прошедшие разоблачения были только поверхностными. Еще один делегат заявил, что из четырехсот двух учителей в его районе сто восемьдесят были «чуждыми элементами»³⁷.

Когда «разоблачители» стали выступать открыто, Косарев обнаружил, что нашлись большие энтузиасты, чем он сам.

Молодая сотрудница комсомольского аппарата по фамилии Мишакова предприняла попытку скомпрометировать и уничтожить руководящих комсомольских работников Чувашской АССР, назначенных лично Косаревым. Косарев немедленно вмешался, предотвратил разгром Чувашского комсомольского руководства и снял Мишакову с работы в ВЛКСМ. 7 октября 1938 года Мишакова обратилась с письмом к Сталину. Два-три дня спустя ее пригласил Шкирятов, которому Сталин поручил разбор дела.

Весь инцидент был, несомненно, целеустремленно спланирован заранее. Он понадобился для того, чтобы разгромить одну из последних авторитетных группировок, прошедшую нетронутой через ежовскую чистку. Еще 6 ноября 1938 года речь Косарева на торжественном комсомольском пленуме была подана в «Правде» на видном месте. Но 19-22 ноября состоялся еще один пленум ЦК ВЛКСМ, на котором присутствовали Сталин, Молотов и Маленков. Сталин выступил в защиту Мишаковой и обернул эту защиту злобным нападением на косаревское руководство. Через несколько дней большинство членов ЦК ВЛКСМ было арестовано. «За «врагом народа» А. В. Косаревым приехал «сам» Берия»³⁸. Это был первый случай, когда Берия выехал на арест «сам».

О разгроме руководства ВЛКСМ было официально доложено на XVIII съезде партии Шкирятовым и Поскребышевым³⁹. Нет сомнения, что арест комсомольских руководителей был важнейшей операцией Сталина. Но еще более важно, что во всей истории с арестом и допросами Косарева и его приближенных ни разу не появляется имя Ежова — тогда еще Наркома внутренних дел. Согласно одному источни-

ку — показаниям бывшего работника НКВД, — Косарева даже обвиняли в преступном сговоре с Ежовым!⁴⁰

К 1939 году Мишакова стала секретарем ЦК ВЛКСМ. Она выступила на XVIII съезде партии, рассказала о разоблачении «косаревской банды», превозносила справедливость Сталина. К этому времени Косарев, прошедший свирепые пытки в руках следователя НКВД Родоса, был уже расстрелян. Позднейшие исследователи рассматривают разгром косаревской группировки как устранение подлинных, хотя и сталинских, молодежных кадров. Им на смену должны были придти абсолютно покорные исполнители, конформисты и противники всякого равенства из среды сынков новой бюрократии⁴¹.

После разгрома комсомол возглавил Николай Михайлов, до того вообще не связанный с организацией, которому тогда было уже больше тридцати лет. На этой должности Михайлов пробыл до 1952 года, а затем его выдвинули в секретари ЦК партии. А во главе комсомола поставили Александра Шелепина, позже сделанного председателем КГБ, одно время вознесшегося к самой вершине партийной иерархии, а затем оттесненного в ВЦСПС. Что касается Михайлова, то он после смерти Сталина долго был на дипломатической работе, затем руководил Комитетом по делам печати и в 1970 году уволен на пенсию.

ОСОБАЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНАЯ

Особая Краснознаменная Дальневосточная Армия (ОКДВА) занимала несколько особое положение в советских вооруженных силах. По стратегическим соображениям она была организована как отдельное и почти независимое формирование. ОКДВА была единственным войсковым соединением, находившимся под командованием маршала — твердого, знающего и опытного Блюхера.

Хотя имя Блюхера звучит на немецкий лад, он на самом деле был чисто русского происхождения. Дед Блюхера был крепостным крестьянином и получил такое имя по прихоти помещика⁴². Однако, по иронии судьбы, в облике Василия Блюхера тоже было что-то германское. Темные с проседью волосы обрамляли квадратное бычье лицо с густыми, коротко подстриженными фельдфебельскими усами, прикрывающими верхнюю губу. Ко времени описываемых событий маршалу было сорок восемь лет.

В свое время Блюхер был рабочим на вагонном заводе. В двадцатилетнем возрасте он был арестован за руководство стачкой и отбыл два года и восемь месяцев в тюрьме. Блюхер стал впервые известен, когда вместе с Куйбышевым установил власть большевиков в отрезанном белыми районе Самары. За последующие успехи на фронтах гражданской войны Блюхер удостоился особой чести: он стал первым человеком, награжденным новым тогда орденом Красного Знамени. Позже, под псевдонимом «Гален», он был военным советником Чан Кай-ши. Говорят, что в начале тридцатых годов Блюхер противился коллективизации дальневосточного крестьянства по военным соображениям и при поддержке Ворошилова добился даже некоторых исключений для дальневосточников. Есть также слухи о его прежних связях с оппозиционером Сырцовым⁴³.

В июне 1937 года Блюхер находился в Москве в связи с делом Тухачевского. Тем временем НКВД обрушил удар по его армии. Сталин вообразил, что новый начальник штаба ОКДВА Сангурский вместе с секретарем Дальневосточного крайкома Кутевым затеяли какие-то интриги против руководства⁴⁴. Сангурского арестовали и стали пытать. Есть сведения⁴⁵, что он оговорил буквально сотни командиров, а в 1938 году взял свои показания обратно и заявил, что вредители в НКВД попытались ослабить Дальневосточную армию. Позже, в 1939 году, Сангурского еще встречали живым в Иркутской тюрьме⁴⁶. Он мучился угрызениями совести, что оклеветал под пытками так много командиров, назвав их участниками своего «заговора». Но ему предстояло еще одно обвинение — в том, что он занимался вредительством в армии совместно... с Ежовым!

Вместе с Сангурским арестовали заместителя начальника штаба, начальника боевой подготовки и начальника разведки ОКДВА. К осени 1937 года командующий военно-воздушными силами на Дальнем Востоке Ингаунис тоже находился в Бутырьках. Потом, в Лефортовской тюрьме, он подвергся жестоким пыткам и «признался» в шпионаже. Но первым местом заключения для Ингауниса, как для многих других, была Лубянка. Там, срывая, по обычаю с Ингауниса знаки различия и ордена, дежурный чекист бормотал: «Ведь вот надавали же орденов всякой контрреволюционной сволочи!»⁴⁷.

Арестован был и начальник политуправления ОКДВА. В то же время по всему Дальнему Востоку прокатилась волна арестов партийных руководителей.

Но даже если учесть все происшедшее, эта первая фаза террора против ОКДВА была не столь интенсивна и не носила такого массового характера, как против других воинских соединений. Интенсивный террор бушевал всего около пяти недель. Он кончился тем, что Блюхер вернулся на Дальний Восток к исполнению своих обязанностей.

Так случилось потому, что возникла более важная забота: 30 июня 1937 года на Амуре произошла перестрелка между японскими и советскими частями, а 6 июля японцы оккупировали остров Большой. Последовали протесты, но советские войска так и не попытались выбить захватчиков. Несомненно, со стороны японцев это была проба сил, ибо они пришли к заключению, что боеспособность советских войск на Дальнем Востоке в значительной степени парализована чисткой в ОКДВА.

Вернувшись, Блюхер немедленно принял меры против дезорганизации, царившей в армии. По свидетельству адмирала Кузнецова⁴⁸, расстрел Тухачевского и аресты среди командиров ОКДВА сильно угнетали Блюхера. Однако перед лицом военной опасности Сталин на время оставил Блюхера в покое.

Следующей зимой аресты армейских командиров возобновились. Схватили комкора К. Рокоссовского, избили до потери сознания и увезли в тюрьму. За ним последовали многие командиры из личного состава корпуса Рокоссовского. Когда комкор предстал перед судом, председательствующий объявил, что имеются показания сообщника Рокоссовского по «заговору» Адольфа Казимировича Юшкевича. Юшкевич будто бы показал, что «он с Рокоссовским бывал на заседаниях контрреволюционного центра, получал инструкции, задания...»

— Есть у вас вопросы?— обращается к Рокоссовскому председатель.

— О чем спрашивать, гражданин судья, когда дело доходит до того, что мертвые дают показания.

— Как мертвые?!

— А так. Адольф Казимирович Юшкевич еще в двадцатом погиб под Перекопом. Следовательно я сказал, что служил в кавгруппе Юшкевича, но случайно не упомянул про его гибель»⁴⁹.

Рокоссовский отделался тюрьмой и оказался одним из тех счастливых, которых выпустили, когда волна террора миновала.

А в то время, о котором идет речь, события поворачивали к худшему.

В конце мая 1938 года, когда террор уже пронесся над всеми остальными военными округами, да и над всей страной, в Хабаровск прибыл Л. З. Мехлис с группой новых политических комиссаров. В то же время на Дальний Восток мчался в специальном поезде зловещий замнаркома внутренних дел М. Фриновский, везя с собой целое формирование НКВД. Сталинский террор в ОКДВА, не состоявшийся полностью в 1937 году, теперь надвигался.

Прежде всего Мехлис и Фриновский уничтожили своих собственных представителей на Дальнем Востоке. Мехлис заменил весь штат политуправления армии — позже, на XVIII съезде партии, он заявил, что «гамарнико-булинская банда шпионов больше всего навредила политическому аппарату на участке руководящих кадров»⁵⁰. Фриновский, в свою очередь, арестовал и расстрелял шестнадцать руководящих работников НКВД Дальневосточного края. И только с одним из них — семнадцатым — вышла заминка.

Этим человеком был командующий пограничными войсками на Дальнем Востоке Г. Люшков. В недалеком прошлом он был заместителем начальника секретно-политического управления (СПУ) НКВД Молчанова и помогал ему готовить зинovieвский процесс. Люшков был одним из немногих оставшихся в НКВД «людей Ягоды», и спасся он благодаря своей дружбе с Ежовым. Увидев, какой оборот принимают дела, Люшков решил больше не рисковать. 13 июня 1938 года он перешел манчжурскую границу и сразу же стал выдавать японцам всевозможную секретную информацию⁵¹.

Подготовив таким образом полицейские и политические силы для удара, сталинские эмиссары начали расправу с самой армией. Новый штаб Блюхера и армейские командиры арестовывались пачками. Исчез заместитель командующего ОКДВА, исчез недавно назначенный начальник штаба армии, исчез ведущий командарм Левандовский, только что переведенный с Кавказа, исчез служивший в Испании командующий военно-воздушными силами ОКДВА Пумпур. Пумпур был освобожден и получил повышение в июне 1940 года. Его, по-видимому, снова арестовали весной 1941 года и расстреляли с Штерном и другими в октябре того же года⁵².

Но теперь дело шло не только о немногих старших командирах. В последующие ночи грузовики НКВД увезли сорок процентов командиров до полкового уровня, семьдесят процентов командиров дивизионного и корпусного уров-

ня и свыше восьмидесяти процентов высшего командования. К концу июня Блюхер оказался на развалинах того, чем только недавно командовал⁵³.

И опять его самого пощадили — снова по той же причине, что и раньше. Японцы решили, что им представляется удобный случай. 6 июля 1938 года они начали наступательные операции ограниченного масштаба с целью прощупывания советских сил у озера Хасан.

К счастью, от террора еще уцелело несколько знающих командиров, и кое-кто из военных специалистов был заново переведен на Дальний Восток. Среди таких в особенности выделялся комкор Штерн, до того служивший военным советником в Испании. Его поставили во главе одной из армий реорганизованного Дальневосточного фронта Блюхера. Штерн провел боевые операции против японцев и даже доложил о них в 1939 году XVIII съезду партии; после этого он навеки исчез сам.

После пяти недель боев с переменным успехом японцы у озера Хасан были остановлены, а затем отбиты. К 11 августа 1938 года бои окончились. А неделю спустя, 18 августа, маршала Блюхера вызвали в Москву⁵⁴.

Авиационный «сталинский маршрут» на Дальний Восток, с таким шумом проложенный впервые в дни процесса Зиновьева-Каменева, использовался теперь Генеральным секретарем ЦК ВКП[б] в типичном для него духе. Особый пилот НКВД Александр Голованов⁵⁵ (впоследствии Главный маршал авиации, снятый с поста лишь после смерти Сталина) обслуживал трассу Москва — Дальний Восток для срочной перевозки членов ЦК и правительства. В 1935-36 годах Голованов служил пилотом в Управлении сибирских лагерей. С переводом на дальневосточный маршрут ему вручили многомоторный самолет, и он главным образом доставлял в Москву арестованных крупных работников из отдаленных мест страны. Незадолго перед этим Голованов увез в столицу почти всех ближайших подчиненных Блюхера с охранявшими их сотрудниками НКВД.

А теперь пришел черед лететь и самому маршалу. Правда, он еще не был арестован. Но в конце августа он предстал с докладом перед Военным советом Наркомата обороны. «Критика была односторонней, грубой». Нарком обороны Ворошилов сообщил Блюхеру, что он отозван в распоряжение Военного совета и, «пока не подобрали достойной маршальского звания должности, можно отдохнуть и подлечиться в Сочи»⁵⁶.

Блюхер тут же вызвал телеграммой жену, добавив, что плохо себя чувствует. Предвидя арест, он отложил для жены часть денег. Вероятность ареста, как верно предчувствовал Блюхер, была теперь велика.

Вскоре с Дальнего Востока прибыла вся семья Блюхера, в том числе его брат — командир дальневосточного авиасоединения. К тому времени Блюхер узнал, что арестован заместитель Наркома обороны командарм Федько. Теперь ясно, что арест Федько был в каком-то смысле связан с последующим арестом самого Блюхера.

Василий Блюхер был арестован 22 октября 1938 года по личному приказу Сталина⁵⁷ и «по навету клеветников», как выразится позднее его биограф В. В. Душенин⁵⁸. Четверо сотрудников НКВД в темных гражданских костюмах явились и арестовали всю семью Блюхера. 16-летний сын маршала Всеволод сначала был направлен в лагерь строгой изоляции, но в 1941 году был освобожден. Когда началась война, он поступил в военное училище (скрыв свое имя). В боях на фронте он проявил себя очень хорошо⁵⁹.

После ареста маршала Блюхера сразу же отвезли в Лефортово, где первый допрос провел лично Берия. Потом пошли непрерывные допросы сменяющимися следователями НКВД. Маршал обвинялся в том, что с 1921 года был японским шпионом и что он готовил побег в Японию с помощью своего брата — авиационного командира (это последнее обвинение не было, по крайней мере, полной дикостью — ведь Люшков незадолго до того действительно бежал в Японию). Маршалу сообщили, что, помимо членов семьи, арестованных одновременно с ним, в Ленинграде арестовали также его первую жену Галину. При допросах Блюхера следователи, как водится, шантажировали его судьбой семьи; но, кроме того, ему также было предложено соглашение: если он подпишет признание, то отделается десятью годами. Блюхер отказался подписать протокол⁶⁰.

28 октября 1938 года героев недавних боев на Дальнем Востоке наградили орденами. Был награжден и Штерн. А подлинный победитель подвергался в это время жестоким пыткам на допросах в НКВД. С ним расправились за три недели — 9 ноября Блюхера не стало.

У НКВД не было никаких видимых оснований проявлять или разыгрывать в деле Блюхера ту торопливость, с которой в мае-июне 1937 года была уничтожена группа Тухачевского. И все же над Тухачевским и другими почти наверняка состоялся какой-то суд — а Блюхер «без суда и приговора

пал жертвой произвола Сталина»⁶¹. О нем говорится также, что «непрерывные допросы сломили здоровье этого сильного человека»⁶². Все это указывает на смерть Блюхера под пыткой в ходе следствия (Федько, чей арест каким-то образом связан с арестом Блюхера, был казнен только в феврале 1939 года).

С другой стороны, в лагерях ходили в то время упорные слухи, что Ежов лично убил Блюхера⁶³ (были и слухи, что Ежов расстрелял своей рукой во время допроса одного из братьев Межлаук⁶⁴ — наиболее вероятно, младшего, И. И. Межлаука, смерть которого датируется 26 апреля 1938 года)⁶⁵. Если это так, то Сталину могли доложить, что Ежов действовал неумело и не смог ничего добиться. А кроме того, если действительно Блюхер погиб от руки Ежова, то можно больше верить и другому слуху: а именно, что к концу своей карьеры Ежов сошел с ума.

Есть отрывочные сведения, что дело против Блюхера начали составлять в НКВД еще осенью 1936 года. Говорят также, что по этому делу допрашивался Белобородов, просидевший в тюрьме под следствием много месяцев⁶⁶. Но конечно, это могло быть просто сбором компрометирующих материалов — такие материалы НКВД собирал на всякий случай против всех крупных работников.

Много было слухов насчет того, что Блюхер или кто-то из его окружения серьезно думал о мятеже. Никаких надежных свидетельств об этом нет, хотя Люшков информировал японцев о каких-то оппозиционных группировках в Сибири. Многие показания Люшкова стали известны в Москве через советского шпиона в Японии Рихарда Зорге. Были это факты или просто домыслы, но совпадение сроков показывает, что подобная информация могла быть использована против Блюхера⁶⁷.

Во время гражданской войны Блюхер служил на Восточном фронте вместе с Постышевым; он был также связан с Федько и Кашириным. В 1937 году командарма Федько назначили командующим Киевским военным округом вместо арестованного Якира, а в феврале 1938 года перевели в Москву вместе с Косиором — обоих по одному и тому же «методу повышения» на центральный, но не имеющий значения пост. Оба они были казнены — или, во всяком случае, приговорены к смерти — в один и тот же день 26 февраля 1939 года. Третьим в тот же день погиб (или был приговорен) Влас Чубарь. Из всего этого можно вывести, что в НКВД был состряпан какой-то «военно-политический заго-

вор» с участием названных лиц, и с этим «заговором» связали также и Блюхера.

Истинные причины репрессий против Блюхера состоят, вероятно, просто в том, что он был самостоятельно мыслящим военным (и, в качестве кандидата в члены ЦК, также политиком), занимавшим влиятельное и важное положение. Гибель Блюхера означала конец даже самых ничтожных надежд на какие-либо действия против Сталина.

В начале ноября 1938 года официальный список высших военачальников после уничтожения Блюхера охватывал Ворошилова, Мехлиса, Щаденко, Шапошникова, Буденного, Кулика, Тимошенко⁶⁸. Впервые оперативники НКВД, проводившие террор, заняли места выше оставшихся в живых строевых командиров. Через несколько недель список этот обогатился еще более симптоматичным и оскорбительным пополнением: имя Фриновского, который на короткое время стал Наркомом военно-морских сил, фигурировало в нем непосредственно после Ворошилова⁶⁹.

ПАДЕНИЕ КАРЛИКА

8 декабря 1938 года было объявлено, что кончилась власть Николая Ежова — ничтожного и ужасающего «кровожадного карлика». Очевидно, его фактическая власть над НКВД окончилась еще в середине октября — после этой даты, как мы видели, все важные расследования шли под руководством Берии и Шкирятова. Теперь на посту Наркома внутренних дел Ежова заменил Берия, а сам Ежов пока остался Наркомом водного транспорта.

В течение некоторого времени Берия появлялся на официальных трибунах вместе с Ежовым, и их имена стояли рядом в списке самых важных сановников. Но к январю 1939 года фамилию Ежова стали печатать по его прежнему «истинному» старшинству, то есть последним среди кандидатов в члены Политбюро (Хрущев находился в то время в Киеве). В последний раз имя Ежова упоминается в составе президиума на торжественно-траурном заседании 22 января 1939 года по поводу пятнадцатилетия со дня смерти Ленина. В середине февраля Ежов бесследно исчез.

Его судьба темна до сих пор. Был слух, что его привели в марте на некое секретное заседание высшего партийного руководства, где он был встречен криками возмущения. Но, возможно, что слухи эти относятся к яростным нападкам

Берии на Ежова, сделанным будто бы на пленуме ЦК осенью 1938 года, если такой пленум вообще имел место⁷⁰.

Как бы то ни было, но «кровожадный карлик» ушел в тень буквально без следа. До самого XX съезда КПСС, то есть на протяжении последующих восемнадцати лет, его имя просто нигде и никогда не упоминалось. Слухов, разумеется, было множество. Что Ежова расстреляли. Что он сошел с ума и изолирован в психиатрической больнице (этот слух, по-видимому, осторожно поддерживался властью, поскольку сумасшествием Ежова удобнее всего объяснить террор). Циркулировал рассказ, что еще в 1941 году Ежова видели живым в одной из подмосковных тюрем (в изоляторе «Сухановка»), в добром здоровье и пользующегося привилегиями. И другой рассказ: его тело нашли висящим на суку дерева во дворе психиатрической больницы тюремного типа, причем на шее Ежова болталась надпись, сделанная не его рукой, — «я дерьмо»⁷¹. В кругах НКВД говорили, что вначале Ежова называли немецким шпионом⁷².

Но один из надежных источников, тоже из кругов НКВД, сообщает, что Ежова обвинили в сотрудничестве с британской разведкой⁷³. Если последнее сообщение верно, то это означает, что суд и казнь Ежова произошли после подписания советско-нацистского пакта 1939 года.

Единственным реальным свидетельством падения Ежова было в то время переименование города Ежово-Черкесска просто в Черкесск. Это, во всяком случае, означало, что Ежов не ушел в отставку по состоянию здоровья. Но сомнения относительно его судьбы продолжали оставаться даже после смерти Сталина. Так, например, имя Ежова дается в именном указателе к пятидесятому тому Большой советской энциклопедии, опубликованному в 1957 году. Но в этом указателе не приведены даты рождения и смерти Ежова — между тем, они даны не только для посмертно реабилитированных политических деятелей, но даже для белых генералов!

Итак, мы не знаем, когда именно умер Ежов. Однако теперь ясно, что он не умер своей смертью, а был казнен. В первом издании нынешней «Истории КПСС», вышедшем в 1959 году (стр. 484), сказано, что «за свою преступную деятельность Ежов и Берия понесли должное наказание», а во втором издании (1962 года, стр. 505) сказано, что Ежов был «репрессирован» — обычный и всем понятный эвфемизм. В 1966 году знаменитый авиаконструктор А. С. Яковлев записал, что летом 1940 года у него был разговор со

Сталиным, в котором Сталин назвал Ежова сволочью, признал, что в 1938 году Ежов уничтожил массу невинных людей и был расстрелян за это⁷⁴. Любопытно, что с конца 1960-х годов прекращается всякое упоминание, прямое или косвенное, об участии Ежова, а в некоторых случаях его имя вообще замалчивается. Так, во втором дополненном издании книги Яковлева, вышедшем всего два года спустя, в 1968 году, цитированное выше место опущено. А в третьем дополненном издании «Истории КПСС» (стр. 452), вышедшем в 1969 году, сказано только, что Берия и Ежов «своей преступной деятельностью причинили особенно большой вред партии и народу. При их активном участии были оклеветаны и невинно пострадали многие честные коммунисты и беспартийные советские люди». О том, «пострадал» ли сам Ежов и если «пострадал», то как — ни слова. В настоящем (3-м) издании Большой советской энциклопедии в томе на букву «Е», вышедшем в 1972 году, его биография вообще отсутствует!

После устранения Ежова Берия предпринял почти поголовную чистку старых кадров НКВД. Те несколько человек, которые выжили еще со времен Ягоды, — вроде Фриновского и Заковского, подготовивших бухаринский процесс, — теперь последовали за своими коллегами в камеры смертников. Туда же пошло поколение Ежова. Руководитель украинского НКВД Успенский, начальник московского НКВД, зять Надежды Аллилуевой, Реденс и им подобные были уничтожены. Еще раньше был расстрелян Кедров-младший; в феврале-апреле 1939 года⁷⁵ Кедров-отец вместе с другими работниками НКВД писал письма Сталину, разоблачавшие Берию. Только в 1956 году, однако, Хрущев сообщил, что «военная коллегия нашла, что старый большевик товарищ Кедров был невиновен. Но, несмотря на это, он был расстрелян по приказу Берии»⁷⁶.

К марту 1939 года на всех важных постах уже были люди Берии: в Москве Меркулов и Кобулов, в Ленинграде Гоглидзе, в Приморском крае Гвишиани, в Белоруссии Цанава⁷⁷. Все они пали вместе в 1953 году, после чего их прозвали «бандой Берии».

Замечательно, что назначение Берии обычно связывается с окончанием главной волны террора. Берия! Ведь даже в советских официальных кругах он до сих пор считается воплощением террора и пыток. И все-таки в такой датировке конца сильнейшего террора есть рациональное зерно.

Устранение Ежова — просто лишний пример практичности Сталина. Казнь большинства его подчиненных людьми Бери и явилась всего лишь элементом сталинской политической механики. Ибо главные руководители террора — прямые исполнители воли Сталина — как раз не пострадали, а уничтожены были только Ежов с помощниками, то есть полицейский аппарат. Шкирятов, например, приставленный на время террора к Ежову в качестве своеобразного «помощника», спокойно вернулся на партийную работу и умер в полном почете, в должности председателя Комиссии партийного контроля, в 1954 году, пережив самого Сталина. Мехлис и Вышинский тоже дожили до пятидесятых годов. Что касается Маленкова, то в последующие годы и он и его соперник Жданов делали блестящую карьеру.

Сталин фактически избежал открытой ответственности за события на протяжении всего террора. А когда террор разросся до предельных размеров так, что дальше идти было некуда, Сталин смог с выгодой пожертвовать тем человеком, который открыто выполнял его тайные приказы. Человеком, которого и в народе и в партии тогда обвиняли сильнее всего — и до некоторой степени обвиняют до сих пор.

Как уже сказано, к середине 1938 года в низших оперативных кругах НКВД имелось желание приостановить поступь террора — по вполне очевидным причинам. Ведь если бы аресты продолжались прежним темпом, то через несколько месяцев практически все городское население страны оказалось бы вовлечено в какие-нибудь «заговоры». Однако террор уже начал развиваться по своим собственным законам и нес сотрудников НКВД вперед. Было невозможно оставить на свободе человека, на которого донесли, что он гитлеровский агент. А если следователь не требовал от каждой своей жертвы назвать имена «соучастников» — и тем опять расширить круг арестов, — то мог сам очень скоро попасть под обвинение в недостатке бдительности или энергии.

К тому же времени среди арестованных получила хождение и стала распространяться мысль, что чем больше людей обвинят, тем лучше. Как пишет генерал Горбатов: «Некоторые придерживались странной теории: чем больше посадят, тем лучше, потому что скорее поймут, что все это вреднейший для партии вздор»⁷⁸. Горбатов приводит пример: «Мой соседом по нарам был в колымском лагере один крупный когда-то работник железнодорожного транспорта,

даже хвалившийся тем, что оклеветал около трехсот человек. Он повторял то, что мне уже случалось слышать в московской тюрьме: «Чем больше, тем лучше — скорее все разъяснится»⁷⁹. К тому же была особая тенденция подставлять под удар верных сталинцев — и как можно больше.

Есть свидетельство⁸⁰ о том, как весной 1938 года арестовали секретаря харьковского горздравотдела. У него оказалась отличная память, он знал имена всех врачей в городе — и оклеветал их всех! Он заявил, что занимал особо выгодное положение для вербовки врачей в свою агентуру и что те легко соглашались, так как в основном принадлежали к враждебным классам. Клеветник отказался сообщить, кто из врачей был руководителем «заговора», — он настаивал, что руководителем был он сам. В камере этот человек — тоже по образованию врач — рассказал соседям, что принял такую линию поведения под влиянием прочитанной книги о сжигании ведьм и колдунов в Германии в годы инквизиции. В те годы один молодой богослов был обвинен в том, что состоял в сношениях с дьяволом. Он сейчас же признал свою вину и назвал в качестве соучастников всех членов инквизиции. Питать его не могли, так как он сознался, и пришлось передать это дело на рассмотрение архиепископа, который его благоразумно прекратил.

Высшая точка массового террора падает на первую половину 1938 года. В последующие месяцы давление несколько снизилось. Причина не ясна до сих пор: то ли невозможность продолжать тем же темпом на низшем, оперативном уровне, то ли также политическое давление на Ежова сверху. Сталинское недовольство Ежовым стало определенно проявляться в начале лета, когда, по-видимому, и родился план вызвать в Москву Берию. Ежов все еще оставался у власти, и такой, например, точный свидетель, как ветеран лагерей Иванов-Разумник считает, что высший предел жестокости террора был достигнут в сентябре 1938 года⁸¹.

Вряд ли стоит сопоставлять тогдашнюю ситуацию с какими-либо примерами деспотизма из истории. Но все же мы знаем об одном византийском фаворите, о котором историк пишет, что вместо награды за свои злодеяния он был вскоре обманут и уничтожен более сильным злодеем — самим министром; последний обладал достаточным разумом и присутствием духа, чтобы питать отвращение к орудию собственных преступлений.

Сталин, может, и не питал особой любви к Ежову — нет сведений о том, что Ежов был его собутыльником или сотрапезником. Но несомненно, что если Сталин и презирал за что-нибудь Ежова, то не за его нравственные недостатки, а за политическую узколобость. Тут уместно сравнение со старой автократической традицией избавляться от палача, казнившего соперников тирана и тем навлекшего на себя ненависть тех, кто выжил. Этот известный из истории общий ход событий не дано было предусмотреть злосчастному Ежову.

Еще до того, как падение Ежова было оформлено, «Правда» опубликовала весьма многозначительное сообщение из Омска. 22 октября 1938 года в этой газете было напечатано, что омский областной прокурор и его заместитель попали под суд за злоупотребление властью, несправедливые аресты и содержание невинных людей в тюрьме — в отдельных случаях до пяти месяцев, подумайте только! Оба работника прокуратуры были приговорены к двум годам лишения свободы.

Но этот приговор был лишь частичным триумфом справедливости. Последовали сообщения о нескольких расстрелах следователей НКВД за вымогательство ложных показаний с применением насилия. Эти публикации фактически символизировали конец ежовского периода.

Работника киевского НКВД капитана Широкого сначала назначили уполномоченным НКВД в Молдавии, а потом арестовали. Случайно о Широком есть свидетельство бывшего заключенного, что это был «не особенно жестокий следователь»⁸². Вместе с Широким (согласно другим свидетельствам) арестовали еще четырех чекистов⁸³.

Вообще-то подобные суды случались и раньше; на протяжении всего террора время от времени слышались речи против несправедливых преследований. Но теперь демонстрация была явно намеренной. С другой стороны, когда некоторые работники проявляли излишний критицизм по поводу полицейских методов, Сталин резко осаживал их: достаточно вспомнить телеграмму ЦК ВКП[б] от 20 января 1939 года о допустимости применения пыток⁸⁴.

И в то же самое время были прекращены некоторые следственные дела — главным образом такие, от которых НКВД было больше хлопот, чем пользы. Так, например, на Западе, в том числе в левых научных кругах, поднялся шум по поводу ареста физика Александра Вайсберга. К тому же

материалы следствия по его делу выглядели явно неубедительно и путанно. Результат всего этого оказался счастливым для ученого — дело прекратили. (Между прочим, Вайсберг, позже эмигрировавший из СССР, рассказывает о любопытной технической трудности, возникшей в связи с закрытием его дела: когда было решено снять с него обвинения, вдруг оказалось, что в деле имеются показания более чем двадцати свидетелей, эти обвинения поддерживающих. Полагалось бы всех этих свидетелей передопросить, но к тому времени они были рассеяны по лагерям всей страны — и дело прикрыли просто так).

Общий результат прихода Берии к власти в НКВД свелся к тому, что известная часть подследственных была освобождена из тюрем, что произвело хорошее впечатление в стране. Но из тех, кто уже находился в лагерях, не освободили почти никого. Происходили лишь единичные реабилитации — так, в 1940 году выпустили некоторых военных. Тот же Вайсберг вспоминает о своем тогдашнем разговоре с другим заключенным — в недавнем прошлом сотрудником НКВД. Тот сделал следующее предсказание:

«— Кое-кого из нас выпустят, чтобы показать, что произошли перемены; а остальные все так же пойдут в лагеря отбывать сроки.

— Но каков же будет критерий? — поинтересовался Вайсберг.

— А никакого, просто случай. Люди все стараются объяснить происходящее какими-то закономерностями. Если бы вы посмотрелись на закулисную сторону дела так, как я посмотрелся, то знали бы, что в нашей стране жизнью человека управляет слепой случай»⁸⁵.

Тем не менее волна беспричинных массовых арестов в городах и селах Советского Союза значительно снизилась. Страна была теперь сломлена, и в дальнейшем для поддержания молчаливой покорности было достаточно арестовывать ограниченное число людей, тех, кто давал повод подозревать их в нелояльности.

В целом же Берия консолидировал карательную систему, сделал ее как бы нормальным и обычным институтом. Ежовщина была чрезвычайной операцией против всего народа; теперь, в несколько смягченном виде, она стала постоянным методом правления.

«НОРМАЛИЗАЦИЯ»

Падение Ежова, увы, не отразилось на судьбе арестованных членов Политбюро. Следователи Ушаков и Николаев продолжали обрабатывать Эйхе, а их коллега Родос подвергал Косиора, Чубаря и Косарева «длительным пыткам», о чем получал «подробные инструкции от Берии»⁸⁶. Хрущев охарактеризовал следователя Родоса так: «пустая личность, с куриными мозгами, совершенно разложившийся морально человек»⁸⁷. В 1956 году, за несколько дней до съезда, Родоса вызвали на заседание Президиума ЦК. Там он объяснил: «Мне было сказано, что Косиор и Чубарь враги народа и поэтому я, как следователь, должен был заставить их признаться, что они враги». Потом он добавил: «Я думал, что выполняю указание партии»⁸⁸. На закрытом заседании XX съезда КПСС эти слова Родоса вызвали возмущение в зале — но ведь и сам Хрущев и его выжившие коллеги по партийному руководству именно так и объясняли свою деятельность в тот период!

Что касается жертв Родоса, то Косарев был казнен 23 февраля 1939 года. Три дня спустя, 26 февраля, был уничтожен Косиор⁸⁹. Об обвинениях, выдвинутых против Косиора, известно очень мало. Он будто бы находился в контакте «с иностранной контрреволюционной организацией»⁹⁰. Подобную формулировку можно скорее отнести к эмигрантским украинским кругам, чем к иностранным государствам. Два брата Косиора, Казимир и Михаил, а также жена его были расстреляны по «Списку № 4»⁹¹. Жена другого брата, по имеющимся сообщениям, была осуждена на десять лет, и по оглашении приговора пыталась покончить с собой⁹².

По всем данным, первоначально планировался показательный процесс над Косиором и другими высшими украинскими руководителями, совместно с учеными и инженерами. Но от этого плана почему-то отказались⁹³. Тем не менее, как уже упомянуто, на закрытом суде Косиор, по-видимому, предстал вместе с Чубарем и командармом Федько.

Логично представить себе, что Чубаря и Косиора судили вместе — они ведь несколько лет подряд вместе работали на Украине. Однако это дело относится к разряду особенно темных; достаточно сказать, что до сих пор одни советские источники датируют смерть Чубаря 26 февраля 1939 года, а другие — 12 августа 1941 года. В Большой советской энциклопедии и в Українській радянській енциклопедії — 1939 год; в Малой советской энциклопедии и в биографических

справках к 51-му тому 5-го издания собрания сочинений Ленина — 1941 год. В биографии Чубаря, опубликованной в 1963 году⁹⁴, нет точной даты его смерти, но авторы книги, упомянув, что «он был арестован и расстрелян», прибавляют: «Вот уже почти четверть века нет среди нас Власа Яковлевича». Это как-будто указывает на 1939 год. Но «Советская Молдавия» от 22 февраля 1965 года, т. е. двумя годами позже опубликования биографии, заявляет, что Чубарь умер в 1941 году. Историки раннего Средневековья сказали бы, что существуют две традиции в указании даты смерти — и не чьей-нибудь, а вице-премьера, заместителя председателя Совета Министров крупнейшей страны, и притом в наше время! Кстати сказать, смерть командарма Федько тоже датируется в советских изданиях то 1939, то 1943 годом⁹⁵. Ликвидирована была и жена Чубаря⁹⁶.

Можно попытаться так разрешить противоречие в датах. Чубарь мог быть приговорен вместе с Косиором в феврале 1939 года, но не к смерти, — либо был приговорен к смерти и помилован. Его отправили в лагерь, но потом, когда Сталин паниковал вследствие военных поражений, ликвидировали вместе со многими другими заключенными. Мы ведь точно знаем, что другой бывший заместитель председателя Совнаркома, Антипов был уничтожен именно так. Подобное рассуждение применимо также к Федько и ряду других лиц, хотя, конечно, и нельзя утверждать, что странное противоречие получает таким образом однозначное решение.

Был в то время один кандидат в члены Политбюро, находившийся явно в опале, но тем не менее не арестованный. Это Григорий Петровский. В течение последующих двух лет его положение оставалось исключительно трудным.

Волна ленинградских арестов 1937 года унесла с собой старшего сына Петровского, Петра — редактора «Ленинградской правды». И кандидат в члены Политбюро, председатель Всеукраинского ЦИК Петровский-отец не мог ничего узнать о сыне. Повсюду его встречала «глухая стена молчания», «Крупнейшие деятели партии и государства после нескольких попыток узнать о судьбе Петра в бессилии развели руками: Берия навесил на доверенный ему наркомат слишком тяжелые замки, чтобы можно было выведать, что творится за его стенами на Лубянке»⁹⁷. Петр Петровский исчез навсегда. Его брат, комдив Л. Г. Петровский, в 1937 году «был исключен из партии и изгнан из рядов армии,

несколько лет жил в ожидании ареста. Но в конце 1940 года восстановлен в партии, возвращен в армию»⁹⁸.

В июле 1937 года, когда на Украине НКВД творил беззакония, не ставя даже в известность руководство республики, Петровский написал Калинин — своему официальному начальству. В письме он жаловался, что на Украине нарушаются принципы партийной демократии⁹⁹. Дело выглядело так, что Петровский, возможно, присоединился к протестам ряда украинских руководителей, в то время направленным в Москву (факт подачи таких протестов можно считать установленным). Именно эти протесты были поводом для злобещей командировки Молотова на Украину в августе 1937 года.

Теперь говорится, что Петровский критически относился к культу личности¹⁰⁰. Но ведь 4 февраля 1938 года, в день своего шестидесятилетия, Петровский получил орден Ленина. Формально, во всяком случае, он оставался главой Украинской республики на протяжении всего того страшного периода, когда его коллеги исчезали один за другим. В июне 1938 года у Петровского состоялся разговор со Сталиным. Разговор был «короткий, но тяжелый, в резких тонах»¹⁰¹. После этого Петровский был смещен со своего украинского поста — как теперь пишут, «в нарушение Конституции»¹⁰².

Тем не менее, Петровский был назначен заместителем председателя Президиума Верховного Совета СССР и вплоть до октября 1938 года подписывал указы в отсутствие Калинина¹⁰³. Но 7 ноября 1938 года его уже не было на Красной площади, и с тех пор он перестал упоминаться в официальных списках вождей.

Против него было состряпано обычное политическое дело. В хрущевские времена говорилось, что дело возбуждено по настоянию Кагановича и что «только благодаря поддержке Н. С. Хрущева Г. И. Петровскому удалось избежать физической расправы»¹⁰⁴. Свидетельство для обвинения Петровского было получено от сторожа правительственной дачи под Киевом — причем для получения нужных показаний беднягу сторожа сильно били в НКВД. Был арестован также секретарь Петровского, который подвергся столь же суровому обращению¹⁰⁵. Есть сведения, что брата Петровского видели в 1938 году в Бутырской тюрьме¹⁰⁶.

В марте 1939 года, на XVIII съезде ВКП[б], против Петровского выдвигались различные обвинения, в результате чего он не был избран в новый состав ЦК. Петровского

обвиняли в том, что он некогда был дружен с членом Политбюро ЦК КП[б]У К. В. Сухомлиным, который был потом «разоблачен» как японский шпион; в том, что он не сообщил о якобы известных ему связях С. В. Косиора с зарубежными контрреволюционными организациями, а также в том, что он (очевидно, еще в двадцатые годы) сопротивлялся назначению Кагановича Первым секретарем ЦК КП[б]У¹⁰⁷.

В общем, не было сомнений, что давно подготовленное дело против Петровского будет вот-вот начато. Вмешался ли действительно Хрущев и имело ли какой-нибудь эффект его вмешательство — неизвестно, но Сталин почему-то не нанес окончательного удара. 31 мая 1939 года Петровский был официально освобожден от своего последнего формального поста — от членства в Президиуме Верховного Совета СССР. При этом он был назван «товарищем», что свидетельствовало о многом. Это означало, что имя Петровского не будет запрещено в дальнейшем произносить.

Несколько месяцев Петровский не мог найти никакой работы и жил на заработок жены. В конце концов, в июне 1939 года ему позволили занять должность заместителя директора музея Революции, на которой он оставался до самой смерти Сталина¹⁰⁸. Кстати сказать, в музее Революции было тогда несколько вакансий. Именно тогда и был расстрелян его директор Я. С. Ганецкий¹⁰⁹.

Имя Петровского начисто исчезло из всех советских справочников и документов, и большинство иностранных наблюдателей полагало, что он казнен. Однако был единственный список, в котором имя Петровского продолжало появляться, — то был список бывших большевистских депутатов дореволюционной Государственной Думы. Как справедливо указал профессор Тибор Самуэли в беседе с автором, Сталин не казнил ни одного из этих бывших думских депутатов: остальные, все третьеразрядные фигуры, тоже пережили террор и умерли естественной смертью. Неизвестно, конечно, руководили ли Сталиным какие-либо особые чувства к этим людям или мы имеем дело просто со случайным совпадением.

Петровский пережил Сталина и умер в 1958 году. Интересно, что он был первым ветераном, чье доброе имя было восстановлено сразу после смерти Сталина. 6 мая 1953 года в «Правде» появился Указ Президиума Верховного Совета СССР, датированный 28 апреля, о награждении тов. Петровского Г. И. в связи с его семидесятилетием орденом Трудово-

го Красного Знамени за заслуги перед советским государством. Фактически день рождения Петровского, как мы помним, был 4 февраля, но 4 февраля 1953 года Сталин еще был жив, и тогда о Петровском упомянуто не было. Совершенно очевидно, что имела место намеренная политическая демонстрация в тот короткий период, когда нападки на сталинское наследие вел Берия.

Несомненно, в период сталинского террора Петровский серьезно пострадал — хотя и меньше, чем многие другие. Однако здесь будет уместно вспомнить, что в 1918 году, будучи Народным комиссаром внутренних дел, Петровский отдал приказ беспощадно расстреливать всех, участвовавших в какой бы то ни было контрреволюционной деятельности¹¹⁰.

В начале 1939 года последовали различные персональные изменения в партии и правительстве. В числе других назначений было объявлено, что 3 января 1939 года пост Наркома текстильной промышленности занял А. Н. Косыгин. В январе и феврале газеты вели массированную пропаганду на тему о повышении трудовой дисциплины: были опубликованы тезисы по новому пятилетнему плану (1938-1942) и объявлено о созыве в марте месяце XVIII съезда ВКП[б].

К концу февраля произошло событие, взволновавшее немногих, но достойное быть отмеченным. Умерла Н. К. Крупская. Она оставалась единственным нетронутым участником оппозиции. В годы террора она мало что могла сделать, хотя Сталин позволил ей спасти жизни одного-двух не очень значительных работников. Одним из них был И. Д. Чигурин, арестованный в 1937 году. Правда, его здоровье в короткий период ареста было окончательно подорвано, и по выходе из тюрьмы, откуда его вызволило вмешательство Крупской, Чигурин жил и умер в нищете.

Оставаясь формально членом ЦК ВКП[б], Крупская занимала скромную должность заместителя Наркома просвещения, да и на этой должности «ее лишили возможности влиять на решение самых насущных вопросов даже в области народного просвещения»¹¹¹. Она умерла 28 февраля 1939 года, и Сталин лично нес урну с ее прахом на похоронах.

23 декабря 1956 года в польском журнале «Попросту» были опубликованы поэтические «Размышления» Ежи Валенчика. Он писал:

Надежде Крупской больше не спасать
Невинных, истребляемых, как крыс...¹¹².

На следующий день после похорон Крупской заведующий издательством Наркомпроса распорядился «ни слова больше не печатать о Крупской». Часть ее работ отправили в отделы специального хранения библиотек, откуда материалы не выдаются без особого допуска, а часть «была предана забвению и не переиздавалась»¹¹³.

МАРТ 1939

С 10 по 21 марта 1939 года проходил XVIII съезд партии. На нем полностью было оформлено все то, чего Сталин добивался с самого 1934 года. Перемены были колоссальны.

Как теперь известно, из 1966 делегатов XVII съезда партии 1108 человек были арестованы «по обвинению в контрреволюционных преступлениях»¹¹⁴. Из оставшихся на воле счастливых лишь 59 стали делегатами следующего, XVIII, съезда. Из них 24 человека были членами ЦК. Стало быть, в числе делегатов XVIII съезда партии было всего 35 из 1827 рядовых коммунистов, участвовавших в работе предыдущего съезда, состоявшегося пятью годами раньше, т. е. меньше чем 2%! Отсюда видно, как буквально следует понимать утверждение, что в период с 1934 по 1939 год Сталин создал совершенно новую партию.

В составе ЦК, избранного на XVII съезде партии, насчитывались 71 член и 68 кандидатов. В новом составе ЦК, после XVIII съезда, из них сохранились лишь 16 членов и 8 кандидатов. Как потом, в 1956 году, сообщил Хрущев, из 115 исчезнувших 98 были расстреляны — цифра, которую некоторые советские историки считают приуменьшенной, утверждая, что уничтожено было 110 из 115¹¹⁵. Расхождение объясняется, возможно, включением и невключением в конечную цифру самоубийств, убийств и т. п., как и расстрелянных позже (например, Лозовского).

Членов нового Центрального Комитета можно было группировать по нескольким признакам. Однако среди них не было больше никаких политических фракций, как в досталинский период; они были лишь приближенными индивидуальными «вождями» — которые, в свою очередь, пытались в последующие четырнадцать лет попасть в любимцы Сталина и тем самым добиться большей власти.

Довольно многочисленной была в ЦК, например, группа Жданова, к которой, помимо его самого, относились Щербаков, Косыгин и А. А. Кузнецов среди членов ЦК, Попков

и Родионов среди кандидатов. Трое из четырех последних были расстреляны по так называемому «ленинградскому делу» 1949-50 годов.

Другая группа была связана с Маленковым: он сам и Андрианов в ЦК, Первухин, Пономаренко, Пегов, Тевосян и Малышев в числе кандидатов. Они еще имели ближайшего союзника Шаталина в составе Ревизионной комиссии.

Еще лучше был «представлен» Берия. В ЦК сидели его люди Багиров и Меркулов, в числе кандидатов — другая группа его ставленников: Гвишиани, Гоголидзе, Кобулов, Деканозов, Арутюнов, Бакрадзе, Черквиани (плюс еще Цанава в Ревизионной комиссии). Таким образом, весь партийный контроль над тайной полицией и аппаратом на Кавказе принадлежал Берии. В числе кандидатов в члены ЦК ВКП[б] были еще два представителя НКВД — Круглов и Масленников. С их учетом новый ЦК теперь имел в своем составе восемь штатных работников органов безопасности — рекордное количество за всю историю советской власти. Лишь последним двоим, Круглову и Масленникову, было суждено пережить Берию.

Была опора среди членов ЦК и у Хрущева — на него ориентировались четверо украинских членов ЦК, которых он в свое время выдвинул на центральные посты.

И, разумеется, была полностью представлена в ЦК группа личных приближенных Сталина — Мехлис, Шкирятов, Поскребышев, Щаденко и Вышинский.

Наименьшие персональные потери понесло Политбюро. Но и здесь они заметны. Был убит Киров; умер или был отравлен Куйбышев; убит или принужден к самоубийству Орджоникидзе. За восемь месяцев до съезда состоялась казнь Рудзутака, а Косиора расстреляли буквально накануне съезда. Постышев и, вероятно, Чубарь в период съезда ожидали казни в тюрьме. Петровский был отставлен и ждал своей судьбы в Москве, надеясь получить в самом счастливом случае какую-нибудь мелкую должность. Между XVII и XVIII съездами в Политбюро были введены четыре человека — Хрущев, Жданов, Эйхе и Ежов. Из них, как уже сказано, Эйхе сидел в тюрьме в ожидании казни, а Ежов исчез и погиб при невыясненных обстоятельствах. О четырех бывших членах Политбюро — Рудзутake, Эйхе, Косиоре и Чубаре — теперь во всеуслышание сказано в СССР, что их пытали.

22 марта 1939 года Политбюро было пополнено теми, кто лучше всех служил Сталину в последний период. Жданов

и Хрущев были переведены из кандидатов в члены Политбюро, новыми кандидатами стали Берия и Шверник, возглавивший профсоюзы после отстранения Томского в июне 1929 года и превративший их в организации по укреплению трудовой дисциплины и по пропаганде повышения производительности труда. С тех пор Шверник неизменно оставался в Политбюро, а затем в Президиуме и снова в Политбюро; в 1966 году он вышел на пенсию, но до самой своей смерти оставался членом ЦК КПСС.

Есть любопытная разница в обращении Сталина с двумя поколениями его собственных соратников по Политбюро. Возьмем старшее поколение — тех членов Политбюро, которые поддерживали Сталина в его борьбе против оппозиции. Из одиннадцати человек, введенных в Политбюро до июля 1926 года, шестеро пережили террор невредимыми, двое были уничтожены, однако не объявлены врагами, а похоронены с почестями (Киров и Орджоникидзе), один умер в сомнительных обстоятельствах и тоже похоронен с почестями (Куйбышев), один, хотя и отстраненный от дел, пережил самого Сталина (Петровский) и всего лишь один — Рудзук — был судим и расстрелян. Совсем другая картина со следующим поколением — с теми, кто был выдвинут в Политбюро с июля 1926 года по конец 1937 года. Таких было восемь, и из них сохранился только один Жданов. Все остальные были казнены или, во всяком случае, погибли от рук Сталина (как Ежов, о смерти которого нет достоверных данных).

Эта странная разница может быть объяснена следующим образом. В ранний период власти Сталина он не мог еще просто назначать в Политбюро скороспелых выдвиженцев по собственному выбору. Он еще должен был ориентироваться на тех, кто достиг высоких постов в какой-то степени благодаря своей репутации; на тех, кто был достаточно хорошо известен в руководящих кругах партии; чья партийная биография была достаточно внушительна; чье присутствие в Политбюро не выглядело нелепым для органа, в котором еще заседали знаменитые и почтенные представители оппозиции.

То были люди, пусть несравнимые с Троцким или Бухариным, но все же создававшие впечатление преемственности на фоне ленинских руководящих кадров. Кое-кто из них превратился в ревностных сторонников террора — например, Каганович. Другие — типа, скажем, Молотова — могли в чем-то про себя сомневаться, но практически оставались

правоверными соучастниками сталинщины — из страха или по другим мотивам. Менее восторженные исполнители сталинской воли — вроде Калинина — оставались удобными Сталину показными фигурами. Когда приходилось отделываться от людей такого плана (Киров, Орджоникидзе), Сталин был склонен пользоваться кружными, скрытыми методами. Но уже работники калибра Эйхе или Постышева имели не на много больше партийного престижа, чем другие члены ЦК; избавляться от таких Сталину было нетрудно — и он избавлялся, когда кто-нибудь из них впадал в немилость.

Новое руководство, сталинцы с головы до пят, постаралось превратить XVIII съезд партии в праздник и триумф. Самые страшные проводники террора теперь отмежевывались от Ежова и ежовщины и выражали свое глубокое сожаление по поводу эксцессов недавнего периода.

Например, Шкирятов в своей речи на съезде подробно рассказал о некоем человеке из Архангельска, которого незаконно сняли с работы, арестовали, а затем освободили и восстановили в должности лишь после того, как он обратился в ЦК. Соответствующим образом выступал и Жданов. Он сообщил о клеветнике, написавшем сто сорок два ложных доноса, перечислил несколько случаев, когда люди были исключены из партии. В числе других Жданов изложил эпизод, происшедший в Тамбовской области: там исключение из партии и незаконный арест человека привели к исключению из партии его жены и еще семи человек. Кроме того, добавил Жданов, еще двадцать восемь молодых людей были исключены из комсомола, а десять беспартийных учителей лишились работы. Приближенный Хрущева Сердюк с негодованием говорил о том, что в декабре 1938 года на очень многих работников киевского партаппарата были поданы доносы как на врагов народа. Расследование показало, что все доносы были подписаны фальшивым именем и написаны одной рукой заведующего культотделом одного из райкомов партии. Сердюк рассказал также об одной киевской учительнице, которая в 1936-37 годах оклеветала большое число невинных людей. По словам Сердюка, эта учительница шантажом и угрозами вымогала деньги и путевки на курорты — всего она получила пять тысяч рублей и трижды отдыхала в санаториях. Под возмущенные возгласы делегатов Сердюк пояснил, что эта женщина писала свои доносы под диктовку врагов народа, ныне разоблаченных, и что она осуждена на пять лет лишения свободы.

Итоги подвел сам Сталин: он объявил в своем докладе, что «нельзя сказать, что чистка была проведена без серьезных ошибок. К сожалению, ошибок оказалось больше, чем можно было предположить. Несомненно, что нам не придется больше пользоваться методом массовой чистки. Но чистка 1933-36 гг. была все же неизбежна, и она в основном дала положительные результаты»¹¹⁶.

Сталинская датировка чистки 1933-36 годами может показаться непосвященному несколько странной. Но дело в том, что в те годы исключения из партии проводились и одобрялись публично, а позже чистка партии и террор против населения не сопровождались никакими формальностями, и потому на съезде о них можно было и не говорить.

Казни видных членов партии между тем продолжались. Одна из них произошла даже во время съезда — 14 марта 1939 года был расстрелян Яковлев. В последующие годы Сталин и Берия доделали большую часть того, что Ежов начал и не окончил.

К июлю 1939 года была, наконец, получена санкция прокурора на арест Эйхе, и этот арест в какой-то степени узаконен. 25 октября 1939 года Эйхе были предъявлены обвинения. Он написал Сталину, протестуя против обвинений и настаивая на своей невиновности. В недавнем прошлом Эйхе сам преследовал троцкистов в Западной Сибири — теперь он полагал, что частично это могло быть мстью ему за сибирские «заслуги». Эйхе писал: «Я не смог вынести тех пыток, которым подвергали меня Ушаков и Николаев, особенно первый из них — он знал о том, что мои поломанные ребра еще не зажили и, используя это знание, причинял при допросах страшную боль».

Эйхе умолял Сталина «разоблачить всю ту гнусную провокацию, которая, как змея, обволокла теперь стольких людей из-за моей слабости и преступной клеветы»¹¹⁷. Существует рассказ, что Эйхе, временно потеряв рассудок под пытками в 1938 году, кричал, что признает себя виновным в принадлежности к преступной организации под названием «Центральный Комитет ВКП[б]»¹¹⁸.

Письмо Эйхе Сталин игнорировал; однако, оно, очевидно, сохранилось в архивах¹¹⁹. 2 февраля 1940 года Эйхе предстал перед судом, где отказался от всех своих признаний и еще раз объяснил их пытками. 4 февраля 1940 года Эйхе был расстрелян. Расстреляли и его жену Е. Е. Эйхе-Рубцову¹²⁰.

С точки зрения прослеженных нами ранее связей между

уничтожением политических и военных деятелей интересен следующий факт: в один день с Эйхе был уничтожен командующий Северным флотом флагман Душенов — в прошлом матрос крейсера «Аврора»¹²¹. Есть основания думать, что в это время имел место и большой закрытый процесс, на котором подчистили недоделки НКВД, как это уже было в июле 1938 и в феврале 1939 года; 2 февраля 1940 года указывается ныне как дата смерти Мейерхольда, а 1 февраля — как дата смерти Михаила Кольцова¹²².

В 1939 году были казнены Рухимович, Уханов, Акулов, Сулимов и многие другие. 12 января 1940 года был расстрелян старый большевик, Нарком просвещения Бубнов. Его дочь Валентина была отправлена в лагерь¹²³.

Последовали также казни Наркома юстиции Крыленко и других. 10 декабря 1940 года пришел черед Постышева. «Мастера клеветы и беззакония не решились», однако, — как формулируется это теперь, — «гласно обвинить Постышева . . . в диверсиях, заговорах, шпионаже, отходе от ленинизма»¹²⁴, хоть киевский обком обвинялся, как известно, в наличии в нем троцкистов. В отличие от Рудзутака и Эйхе, объявленных бухаринцами, обвинение в троцкизме могло фигурировать в официальном приговоре Постышева. Старший сын Постышева Валентин был тоже расстрелян. Остальные дети отправлены в лагерь¹²⁵.

Арестованные командиры уничтожались так же, как и политические деятели. Если говорить о виднейших жертвах того периода, то Алкснис наиболее вероятно казнен в 1940 году, а маршал Егоров — может быть, уже перед самой войной, 10 марта 1941 года. Впрочем, в отношении даты смерти Егорова советские источники расходятся (см. выше главу 7).

Последним представителем уничтоженных высших сталинских кадров был Антипов, которого ликвидировали в период наступления немцев, 24 августа 1941 года, когда Сталин спешил уничтожить тех, кто мог бы взять на себя руководство страной в случае его падения. Если верны наши предположения относительно Чубаря (см. выше), то в этой же панической волне военных казней был уничтожен и он.

Теперь сталинская победа на политическом фронте была совсем полной. В военной катастрофе, надвинувшейся из-за его собственных ошибок, «великого вождя» уже нечем было заменить. И если расценивать сталинский террор с точки зрения этой жестокой проверки, то можно сказать, что цель была достигнута.

ГЛАВА 13

1. Ю. П. Петров, «Партийное строительство в Советской армии», стр. 301.
2. В. И. Ляхов в «Вопросах истории КПСС» № 1, 1965 («Левон Исаевич Мирзоян»), стр. 101-104.
3. «Станислав Викентьевич Косиор», Киев, 1963, стр. 174.
4. Доклад на закрытом заседании XX съезда КПСС, стр. 28.
5. Стоит отметить, что на закрытом заседании XX съезда сам Хрущев сослался на этот вид информации (см. стр. 59).
6. В. Дробижев и Н. Думова, «В. Я. Чубарь», Москва, 1963, стр. 71.
7. «Дело Бухарина», стр. 101 (Показания Чернова).
8. Хрущев, Доклад на закр. заседании XX съезда КПСС, стр. 24.
9. См. даты смерти в Советской исторической энциклопедии, Краткой литературной энциклопедии, Українській радянській енциклопедії, Українському радянському енциклопедичному Словнику и других справочниках.
10. Хрущев, Доклад на закр. заседании XX съезда КПСС, стр. 25-26.
11. Там же, стр. 26.
12. См. Brzezinski, *The Permanent Purge*, p. 229.
13. См. Buber-Neumann, *Als Gefangene bei Stalin und Hitler*, s. 57.
14. См. Lipper, *Elf Jahre in Sowjetischen Gefangnissen und Lagern*, S. 18.
15. В. Nicolaevsky in *The New Leader*, 16 January 1956.
16. Б. И. Николаевский в «Новом Русском Слове», 6 дек. 1959.
17. А. Авторханов в «Посеве» 18 марта 1953 («Покорение партии»).
Он же: Uralov, *The Reign of Stalin*, p. 80.
18. Св. Аллилуева, «Только один год», стр. 356.
19. Weissberg, *Conspiracy of Silence*, p. 399.
20. Авторханов, «Технология власти», стр. 233.
21. См. «Правду», 21 авг. 1938.
22. См. «Дело Бухарина», стр. 379.
23. Там же, стр. 262-3 (Показания Раковского).
24. Barmine, *One Who Survived*, p. 8.
25. Nora Murray, *I Spied for Stalin*, London, 1950, Chap. 6.
26. М. Логинов в «Молодом коммунисте» № 1, 1962 («Культ личности чужд нашему строю»).
27. Собр. сочинений, т. 9, стр. 709 (кн. 6, гл. 30).
28. Там же, стр. 708.
29. См. Сов. ист. энциклопедию, т. 1, Москва, 1961, стр. 634-5.
30. Ю. М. Томский в «Новом мире» № 11, 1964, стр. 212 (Воспоминания об Антонове-Овсеенко).
31. Малая сов. энци., 3-е издание, Москва, 1958, т. 1, стр. 450.
32. Сов. историческая энци., т. 1, Москва, 1961, стр. 634-5; Энци. словарь, т. 1, Москва, 1963, стр. 138.
33. Томский в «Новом мире» № 11, 1964, стр. 212.
34. Barmine, p. 21.
35. См. Пленум ЦК КПСС 19-23 ноября 1962, стенограф. отчет, Москва, 1963, стр. 369 (Выст. С. П. Павлова).
36. «Правда», 14 ноября 1963 (К 60-летию со дня рождения Косарева).
37. Fainsod, *Smolensk under Soviet Rule*, pp. 423-5.

38. «Правда» 14 ноября 1963, статья: «Выдающийся организатор молодежи: к 60-летию со дня рождения А. В. Косарева»; см. также «Александр Косарев», Москва, 1963, стр. 111-2.
39. XVIII съезд ВКП[б]. Стенограф. отчет, Москва, 1939, стр. 178 (выст. Шкирятова), стр. 186 (выст. Поскребышева).
40. Свидетельство лейтенанта НКВД А. Жигунова. См. *Armstrong, The Politics of Totalitarianism*, p. 75, note 50.
41. См. напр., Dr. S. Ploss in *Problems of Communism*, Sept.—Oct. 1958.
42. Адм. Н. Г. Кузнецов в «Октябре» № 11, 1964.
43. См. *Edgar O'Vallance, The Red Army*, London, 1964, p. 121, см. также E. Wollenberg, *The Red Army*, London, 1938.
44. *Bailey, The Conspirators*, p. 229.
45. «На рубеже», Париж, март 1952.
46. *Bailey*, p. 229.
47. Иванов-Разумник, «Тюрьмы и ссылки», стр. 348-9.
48. В «Октябре» № 11, 1964.
49. «Красная звезда», 13 дек. 1964 («Мысль полководца»).
50. XVIII съезд ВКП[б], стр. 274.
51. О Люшкове см. *Alvin D. Coox in Soviet Studies*, January 1968.
52. П. Якир в «Посеве» № 5, 1969 (письмо в ред. «Коммуниста»).
53. А. В. Светланин, «Дальневосточный заговор», изд. «Посев», 1953, стр. 103 сл. (гл. «Приезд Мехлиса»); см. также *Erickson, The Soviet High Command*, p. 422 ff.
54. Н. Копылов в сборнике «В. К. Блюхер», Москва, 1963, стр. 37.
55. *Biographical Dictionary of the USSR*.
56. Н. Кондратьев, «Маршал Блюхер», Москва, 1965, стр. 289.
57. Сообщение ТАСС, 22 февр. 1964.
58. В «Вопросах истории КПСС» № 11, 1964 («Пролетарский маршал»).
59. Полк. П. И. Батов в сборнике «Полки идут на Запад», Москва, 1964, стр. 97-8.
60. В. В. Душенькин, «От солдата до маршала», 3-е изд. Москва, стр. 222 сл. (в предыдущих изданиях этого места нет); см. также Кондратьева, стр. 290-3.
61. Душенькин в «Вопросах истории КПСС», т. II, 1964.
62. Душенькин, «От солдата до маршала», стр. 223.
63. Информация автора; см. также Светланин, стр. 127.
64. Иванов-Разумник, стр. 345.
65. Сов. ист. энц., т. 9, Москва, 1966, стр. 287.
66. *Lermolo, Face of a Victim*, p. 241.
67. См. об этом F. W. Deakin and G. R. Storry, *The Case of Richard Sorge*, New York, 1966, pp. 199-200, см. также Светланин, «Дальневосточный заговор».
68. См. «Правду», 2 ноября 1938.
69. См. там же, 16 дек. 1938.
70. См. *Tokayev, Comrade X*, p. 119.
71. *Swianiewicz, Forced Labor*, p. 133.
72. V. and E. Petrov, *Empire of Fear*, p. 77.
73. Показания лейтенанта Жигунова. См. *Armstrong*, p. 248, note 65.
74. Яковлев, «Цель жизни», 1-е изд., Москва, 1966, стр. 177.
75. См. «Ленинградскую правду», 25 февр. 1964.
76. Доклад на закр. заседании XX съезда КПСС, стр. 48.
77. См. списки делегатов XVIII съезда ВКП[б]. Стенограф. отчет, приложения I и II.
78. Горбатов, «Годы и войны», стр. 127.
79. Там же, стр. 144.

80. Weissberg, pp. 411-12.
81. «Тюрьмы и ссылки», стр. 361.
82. Beck and Godin, p. 146.
83. Weissberg, p. 12.
84. См. Хрущев. Доклад на закр. заседании XX съезда КПСС, стр. 29-30.
85. Weissberg, pp. 111-12.
86. Хрущев, Доклад на закр. заседании XX съезда КПСС, стр. 30.
87. Там же, стр. 30.
88. Там же, стр. 30.
89. А. И. Мельчин в «Вопросах истории КПСС» № 11, 1964 («Непоколебимый ленинец»).
90. Ф. Бега и А. Александров, «Петровский», Москва, 1963, стр. 304.
91. «Станислав Викентьевич Косиор», стр. 174; см. также «Правду», 3 апр. 1964, стр. 7 (Доклад Суслова).
92. Lipper, Lagern, s. 18.
93. Beck and Godin, p. 181.
94. Дробижев и Думова, «В. Я. Чубарь», стр. 71.
95. См. Українську рад. енциклопедію; БСЭ, 2-е издание; сборник «Герои гражданской войны»; Якир и Геллер, «Командарм Якир»; «Красную звезду», 6 июня 1971; «Календарь знаменательных и памятных дат», Москва, июль 1967; «Военно-исторический журнал», № 6, 1967; «Военный вестник», № 6, 1967.
96. См. «Правду», 3 апреля 1964, стр. 7 (Доклад Суслова).
97. Бега и Александров, стр. 304.
98. Е. Драбкина в «Известиях», 15 сентября 1966 («Верность»); см. также письмо Л. Петровского ЦК КПСС 5 марта 1969.
99. «Вопросы истории КПСС», № 2, 1963.
100. Українська рад. енциклопедія, статья «Петровский».
101. Сб. «У истоков партии».
102. См., напр., «Правду», 18 окт. и 25 окт. 1938.
103. А. И. Мельчин в «Вопросах истории КПСС» № 2, 1963, стр. 98 (статья: «Сподвижник Ленина: к 85-летию со дня рождения Г. И. Петровского»).
104. Beck and Godin, p. 132.
105. Иванов-Разумник, стр. 354.
106. Бега и Александров, стр. 304-5.
107. Там же, стр. 305-6.
108. См. «Вопросы истории КПСС», № 3, 1964.
109. См. «Известия», 4 сент. 1918.
110. «Совещание историков», стр. 260 (Выст. А. Г. Кравченко).
111. Jerzy Walenczyk *Po Prostu*, 23 Dec. 1956 («Meditations»).
112. «Совещание историков», стр. 260.
113. Хрущев, Доклад на закр. заседании XX съезда КПСС, стр. 17-18.
114. Хрущев, там же, стр. 17; Roy Medvedev, *Faut'il réhabiliter Staline*, p. 14; П. Якир в «Посеве» № 5, 1969 (Письмо в ред. «Коммуниста»).
115. Сталин, Собр. соч., т. XIV, стр. 373-4.
116. См. Хрущев, Доклад на закр. заседании XX съезда КПСС, стр. 24-5.
117. В. И. Николаевский в примечаниях к первому английскому изданию Доклада Хрущева на закрытом заседании XX съезда в «The Crimes of Stalin Era», The New Leader edition, New York, 1956, note 20.
118. В своем докладе на закр. заседании XX съезда Хрущев цитировал его по «Делу Эйхе», т. 1.
119. См. «Правду», 3 апр. 1964, стр. 7 (Доклад Суслова).

121. См. Сов. ист. энциклопедию, т. 5 , Москва, 1964, стр. 421;(См. также И. А. Козлов, «Северный флот», Москва, 1966; «Военно-исторический журнал», № 7, 1965).

122. Б. Ефимов, «Михаил Кольцов, каким он был», стр. 75.

123. Brzezinski, p. 229.

124. Марягин, «Постышев», стр. 297.

125. П. Якир в «Посеве» № 5, 1969 (Письмо в ред. «Коммуниста»).

ЭПИЛОГ

НАСЛЕДИЕ

Ни одно из зол, которые тоталитаризм . . . берется лечить, не может быть хуже самого тоталитаризма.

Альбер Камю

«За что?» — были последние слова Якова Лившица, старого большевика и замнаркома. Он произнес эти слова 30 января 1937 года, ожидая казни. Ответа не последовало.

В течение нескольких оставшихся месяцев, которые старые большевики еще провели на свободе, хоть изредка разговаривая о подобных вещах, вопрос этот повторялся часто. Даже опытные политики были в замешательстве, а что уже говорить о рядовом советском гражданине — он вообще не мог ничего понять. «Я [...] спрашивал и других, и себя: зачем, почему? Никто мне не мог ответить», писал Эренбург¹. Что же касается репрессированных, то у каждого из них, впервые переступившего порог камеры, неизменно слетало с уст «За что? За что?»². Этот вопрос мы встречаем в лагерной и тюремной литературе, его писали на стенах камер, на арестантских вагонах, вырезали на нарах пересыльных тюрем³. Старый партизан Дубовой (владелец длинной белой бороды, которой он очень гордился и которую выщипал следователь) даже выработал теорию на этот счет — он утверждал, что разгул репрессий связан с увеличением числа пятен на солнце⁴.

Простейший, но ясный ответ на этот вопрос состоит безусловно в следующем: «уничтожить и дезорганизовать все возможные источники оппозиции, противящиеся захвату Сталиным абсолютной власти». Но специфическая форма деспотизма, в жертву которой Сталин принес и партию, и всю нацию, присуща системе, созданной им в результате победы. Ибо после этой победы страна была расшатана, и в этом состоянии ей пришлось столкнуться с непредвиденными обстоятельствами на международной арене. Война с Финляндией в 1939-40 годах, затем с Германией в 1941-1945, разруха и восстановление разрушенного выли-

лись в отчаянную борьбу за существование. И только к 1947-48 году сталинское государство стабилизировалось политически и организационно.

К этому времени были достигнуты две главных цели. Огромное число враждебных и потенциально враждебных элементов было уничтожено или сослано в лагеря, а остальное население смолкло и подчинилось. Совершенно видоизменилась и сама коммунистическая партия.

Эта политическая трансформация несколько затушевана тем, что организационные формы остались неизменными. В период с 1934 по 1939 годы облик партии коренным образом изменился: все, кто противился политике Сталина, были уже к этому времени удалены из руководящих органов. В ходе репрессий были уничтожены и сами сталинцы, за исключением небольшого отряда ближайших приверженцев. Перерождение партии станет очевидным, если сравнить состав делегатов XVII и XVIII съездов. Менее двух процентов рядовых делегатов 1934 года осталось на своих местах в 1939 году.

До этого руководство стремилось сохранить все политические права в руках ядра партии, ограниченного круга старых большевиков. Уничтожив это ядро, Сталин в каком-то смысле «открыл вакансии» в руководящей верхушке, на которые могли претендовать способные новички. Для этого им, правда, требовались способности особого рода... Но любому выдвиженцу, независимо от происхождения и партийного стажа, было обеспечено тепленькое местечко, если он мог проявить необходимые качества — пресмыкательство и безжалостность. Теоретическая основа партии, составленной из сталинских кадров, осталась той же. Эта старая основа состояла в марксистской «справедливости». Как заметил Гитлер, «всякая насильственная власть, не опирающаяся на твердую духовную основу, обречена на колебания и неустойчивость. Ей недостает постоянства, которое может покоиться только на фанатической преданности определенному мировоззрению»⁵.

Один из очевидцев, сам павший жертвой репрессий, показывает, как рассуждали наиболее правоверные сталинцы. Говоря о бывшем работнике НКВД, который был известен беспощадностью при исполнении служебных обязанностей, но совершенно размяк и притих, попав в тюрьму, он пишет:

«Что бы сказал Прыгов, если бы ему пришлось защищаться на суде? Я думаю, что он стал бы ссылаться не на приказы

свыше, а на учение Маркса-Ленина, как он его понимал. Прыгов был предан и исполнителен, как эсэсовец. Но его вера основывалась на убеждении, что она отвечает требованиям разума и совести. Он был совершенно убежден, что это не слепая вера, что в ее основе лежат наука и логика. Он был жесток, потому что этого требовала генеральная линия. Генеральная линия, покуда она соответствовала принципам марксизма, была для него альфой и омегой. Без этого «научного обоснования» генеральной линии, на котором покоилась вера Прыгова, распоряжения партии утратили бы для него всякое значение. Он был убежден в логической и нравственной непогрешимости марксизма, и его преданность зависела от этого убеждения»⁶.

В теории сталинская партия сохранила старую доктрину и старые идеалы. Но дисциплина, которая до этого времени объяснялась, по крайней мере в теории, системой коллективного руководства, стала отныне означать служение одному человеку и выполнение его личных решений. Долг, преданность, солидарность, объединявшие до этого членов партии, теперь были направлены в одну сторону — вверх. В горизонтальном направлении, если говорить о товарищах, у которых сохранились остатки веры, действовали только взаимная подозрительность и «бдительность».

В СССР была установлена новая политическая система. Новые кадры не только заняли места ветеранов, но и прошли долгую, суровую подготовку по освоению сталинских методов управления. Опыт репрессий закалил и усмирил их так же, как коллективизация, а до того гражданская война усмирили их предшественников. В «Записках из мертвого дома» Достоевский пишет: «Тиранство есть привычка; оно одарено развитием, оно развивается, наконец, в болезнь... Человек и гражданин гибнут в тиране навсегда, а возврат к человеческому достоинству, к раскаянию, к возрождению становится для него уже почти невозможен. Общество, равнодушно смотрящее на такое явление, уже само заражено в своем основании»⁷.

Философ-коммунист Георг Лукач рисует такую схему: «Сталин находится на вершине пирамиды, постепенно расходящейся книзу и состоящей из множества «маленьких сталиных». При взгляде сверху они — объекты культа личности, а при взгляде снизу — его создатели и хранители. Без этого механизма, работающего четко и без перебоев, культ личности остался бы субъективной ментой, патологическим

фактом и не достиг бы социальной эффективности, которая сопутствовала ему на протяжении десятилетий»⁸.

Сталин был окружен экстатическим поклонением. Один из делегатов XVIII съезда партии (1939 г.) рассказывал так: «В момент, когда я увидел нашего любимого отца, я потерял сознание. Долго гремело, не смолкая, «ура!», и, очевидно, шум зала привел меня в чувство...»⁹. И это довольно типичный пример. Есть целая литература, посвященная Вождю.

В стране был создан особый общественный климат, ибо опыт пережитого наложил отпечаток и на правителей, и на тех, кем они управляли. Население научилось покорности, молчанию и страху. После репрессий 1937-38 годов массовый террор уже больше не был нужен Сталину: заведенная им машина могла работать без особых дополнительных усилий. Относительное спокойствие, которое воцаряется в деспотической стране после уничтожения всех противников и потенциальных противников режима — такое же проявление террора, как сами убийства. Второе — продукт и консолидация первого: «создавая пустыню, они именуют сие миром» (Тацит).

Органы безопасности продолжали время от времени прочесывать страну, ударяя по всем подозрительным элементам. В 1940 году в Саратовской тюрьме по-прежнему содержалось по десять человек в камерах, предназначенных для одного или двух¹⁰. В лагеря отправлялось ежегодно до миллиона человек — на смену умершим, и мысль об этом ни на минуту не покидала умы. Но неистовство 1936-38 годов больше не повторилось. Одним массированным ударом стране перебили хребет и вырвали язык, после чего террор стал выборочным. Этого было теперь достаточно — тем более, что новый набор в исправительно-трудовые лагеря велся путем местных, ограниченных мероприятий, начавшихся в прибалтийских республиках и восточной Польше. Работа, на которую в России потребовалось все время с 1917 по 1939 годы, была выполнена здесь, на новых землях, по уплотненному графику — за два года (1939-41).

Помимо 440 тысяч поляков из числа гражданского населения, сосланных в лагеря, Советский Союз в сентябре 1939 года захватил около двухсот тысяч польских военнопленных. Большинство офицеров и несколько тысяч солдат были распределены по лагерям в Старобельске, Козельске и Осташкове. В апреле 1940 года там находилось приблизительно 15 тысяч человек, включая 8700 офицеров. С тех пор

никого из них не видели, за исключением сорока восьми человек, которых перевели из лагерей в тюрьмы. В числе бесследно исчезнувших было около восьмисот докторов и более десятка университетских профессоров.

После вступления СССР в войну и подписания вслед за этим польско-советского соглашения, полякам, находившимся в советских лагерях, было разрешено выехать из Советского Союза и сформировать свою собственную армию на Ближнем Востоке. Тогда Польша передала советским властям списки солдат, которые попали в советский плен и не вернулись. В период между октябрем 1941 и июлем 1942 года посол Польши профессор Кот десять раз поднимал этот вопрос в беседах с Молотовым и Вышинским. Ему неизменно отвечали, что все пленные были освобождены. В ноябре 1941 года Кот встретился со Сталиным, и тот в его присутствии позвонил по этому вопросу в НКВД. Неизвестно, что Сталину ответили по телефону, но он, ничего не сказав, перешел к следующему пункту беседы и не пожелал больше говорить о военнопленных.

Когда генерал Сикорский встретился со Сталиным 3 декабря того же года, ему было сказано, что недостающие польские офицеры и солдаты бежали, возможно, через границу в Манчжурию. Но Сталин обещал заняться этим вопросом и добавил, что если инструкция об освобождении поляков не была выполнена по вине офицеров НКВД на местах, то виновные будут наказаны.

В апреле 1943 года немцы сообщили об обнаружении массовых захоронений в Катынском лесу, под Смоленском, — там были найдены трупы расстрелянных поляков. Но через два дня советское правительство представило свою версию, по которой польские офицеры, якобы находившиеся в лагерях близ Смоленска, были брошены при отступлении и попали в руки к немцам. Данная версия резко расходится с тем, что говорили до этого Сталин и его подчиненные.

Правительства союзных стран не приняли советскую версию безоговорочно, но решили, что не следует поднимать шум, потому что главная цель — сплочение сил против Гитлера. Пресса западных стран, напротив, почти единодушно приняла версию советского правительства. Американская военная газета «Старс энд Страйпс» даже поместила карикатуру, смысл которой состоял в том, что гибель польских офицеров незаслуженно-де вменяется в вину Советскому Союзу.

Германия разрешила интересующимся странам и организациям посетить могилы в Катыни. Там побывали Европейская медицинская комиссия, состоявшая из ученых различных европейских университетов, в том числе и из нейтральных стран, как например доктор Навиль, профессор судебной медицины из Женевы; представители польского подполья; пленные союзных войск высокого ранга, которые корректно отказались от комментариев при осмотре, но позже тайно сообщили своим правительствам, что немцы, безусловно, говорили правду.

В чем же состояли главные доказательства? Было откопано несколько нетронутых еще массовых захоронений, чтобы обследовать сваленные в них вповалку трупы. На некоторых были обнаружены советские газеты и другие печатные материалы, датированные не позднее апреля 1940 года. Причем все расстрелянные были в теплой зимней одежде, а согласно советской версии, казнь состоялась в начале осени, в сентябре 1941 года, при теплой погоде.

В Катыни откопали 4143 трупа — тех польских солдат и офицеров, которые находились в Козельском лагере. 2914 трупов было опознано. Из них 80 составляют люди, числившиеся в списках, составленных польскими властями, как пропавшие без вести. Что случилось с поляками из двух других лагерей (10400 человек) — неизвестно. Слухи ходят разные. Говорят, что определенное число польских заключенных погрузили на баржи и потопили в Белом море. Рассказывают также, что массовые казни и захоронения по типу Катынских имели место в окрестностях Харькова¹¹.

1-3 июля 1946 года вопрос о Катыни был предметом рассмотрения Международного трибунала в Нюрнберге. Судьи подошли к делу поверхностно и не указали в приговоре, на ком лежит ответственность за убийства. Но до сих пор не появилось никаких сведений — ни от пленных немцев, ни из захваченных документов, — свидетельствующих, что преступление в Катыни лежит на совести нацистов. Сейчас уже никто не верит в причастность Германии к этому преступлению, а советская и польская печать о нем молчат. Недавно, правда, варшавский журнал «Современность» упомянул вскользь о «недостатке сведений о тех, кто пропал без вести»¹².

Описанный пример дополняет картину репрессий — это еще один случай массового уничтожения людей без суда. Казнь была произведена в обстановке полной секретности, как простая административная мера, и — в мирное время.

Не менее нагляден и следующий пример. Хенрик Эрлих и Виктор Альтер, лидеры еврейского социалистического Бунда, попали в СССР в сентябре 1939 года во время советско-германского вторжения в Польшу. Оба они были ветеранами социал-демократического движения в бывшей Российской Империи, а Эрлих входил в Исполком Петроградского совета в 1917 году. Их привезли в Бутырки и обвинили в том, что в период 1919-1939 годов они, с согласия польского правительства, переправляли в Советский Союз диверсантов и вредителей. Эрлих, которого однажды допрашивал лично Берия, настаивал, чтобы все его ответы записывались. Альтер на каждый вопрос отвечал: «Все это ложь, и вы сами это прекрасно знаете».

Восемнадцать месяцев спустя, в июле 1941 года, их перевезли в Саратов и приговорили к смертной казни. Они оба отказались обжаловать приговор, но через десять дней он был заменен десятилетним заключением. По амнистии, объявленной вскоре всем польским заключенным, они вышли на свободу соответственно в сентябре и октябре. Их попросили организовать Еврейский антифашистский комитет. Ясно, что их связи со старыми членами Бунда в американских профсоюзах — такими, как Давид Дубинский, — высоко ценились. Эрлих стал президентом, а Альтер секретарем новой организации. В президиум был введен советский актер и режиссер Михоэлс. Берия лично направлял работу комитета, но предупреждал, что по всем международным вопросам окончательные решения принимает Сталин.

4 декабря 1941 года Эрлих и Альтер вышли из своей гостиницы в Куйбышеве, и с тех пор их никто больше не видел. Сначала власти притворились, будто не знают, что произошло в действительности. И только в феврале 1943 года, в ответ на протесты крупных профсоюзных деятелей Америки и Англии, политических деятелей, включая Эттли и таких всемирно известных людей, как Эйнштейн, Литвинов направил письмо председателю Американской федерации труда Уильяму Грину. В письме говорилось, что Эрлих и Альтер были арестованы и казнены за то, что занимались разложением советских войск, уговаривая их прекратить сопротивление германской армии и немедленно заключить мир с Германией. Литвинов сообщил, что казнь состоялась в декабре 1942 года, но коллега погибших, который находился с ними в Куйбышеве до их ареста, считает, что это ошибка и имеется в виду декабрь 1941 года.

Оба описанных случая привлекли внимание всего мира благодаря случайному стечению обстоятельств. Таких случаев было множество. Обескровливание коренной России шло безостановочно, но часть жертв поставлялась «операциями местного значения». После поляков и прибалтийцев были высланы другие нацменьшинства. В 1941 году немцы Поволжья, в 1943-44 годах семь отдельных народов, главным образом на Кавказе, были поголовно арестованы и переселены¹³. Лагеря наполнились немецкими и японскими военнопленными. В 1945-46 годах были снова прочесаны территории, побывавшие под оккупацией. Большинство советских солдат, которые перешли на сторону немцев или просто были захвачены в плен, по возвращении с войны попали в лагеря.

ВОЙНА

Результаты расправы Сталина с военным руководством чувствовались на протяжении всей войны. Согласно недавним советским подсчетам, еще не опубликованным в СССР, число жертв было несколько выше, чем принято считать на Западе. В ходе террора погибли:

3 из 5 маршалов;

14 из 16 командармов 1-го и 2-го ранга;

8 из 8 флагманов 1-го и 2-го ранга (т. е. адмиралов);

60 из 67 комкоров;

136 из 199 комдивов;

221 из 397 комбригов¹⁴.

Погибли все 11 заместителей Наркома обороны и 75 из 80 членов Высшего военного совета. Сталин не ограничился высшими эшелонами командования — около половины всего командного состава, 35 тысяч человек, были расстреляны или попали в тюрьму. Как сказал позднее Хрущев, репрессии начинались «буквально с командиров рот и батальонов»¹⁵.

В романе «Солдатами не рождаются» Константин Симонов приводит разговор двух генералов. В ответ на слова Серпилина: «Да, наковыряли много» его товарищ Иван Алексеевич говорит:

«Но дело глубже. Осенью сорокового, уже после финской, генерал-инспектор пехоты проводил проверку командиров полков, а я по долгу службы знакомился с анкетными данными. Было на сборе двести двадцать пять командиров

стрелковых полков. Как думаешь, сколько из них в то время оказалось окончивших Академию Фрунзе?

— Что ж гадать,— сказал Серпилин,— исходя из предыдущих событий, видимо, не так много.

— А если я тебе скажу: ни одного?

— Не может быть...

— Не верь, если тебе так легче. А сколько, думаешь, из двухсот двадцати пяти нормальные училища окончили? Двадцать пять! А двести — только курсы младших лейтенантов да полковые школы...

... Но все же двести двадцать пять полков — это семьдесят пять дивизий, пол-армии мирного времени¹⁶.

Симонов по сути дела говорит, что чистки в армии (плюс непродолжительная финская война 1939-40 гг.) стоили жизни всем командирам Советской Армии на уровне полка, не считая тех, кто получил повышение, чтобы заполнить образовавшийся выше пробел. Диалог этот вымысленный, но он подан в таком виде, что может быть принят и как фактическая справка. Во всяком случае, он не был опротестован в советской военной печати.

Генерал Горбатов, сидя в лагере, недоумевал по поводу того, «... как будут вести бои и операции только что выдвинутые на высокие должности новые не имеющие боевого опыта командиры? Пусть они люди честные, храбрые и преданные Родине, но ведь дивизией будет командовать вчерашний комбат, корпусом — командир полка, а армией и фронтом — в лучшем случае командир дивизии или его заместитель... Сколько будет лишних потерь и неудач! Что предстоит пережить стране в связи с этим!»¹⁷.

Позднее советские военные историки подтвердили, что результатом репрессий было выдвижение «малоопытных командиров». Уже в 1937 году к этой категории принадлежало шестьдесят процентов командного состава стрелковых частей, сорок пять процентов в танковых частях и двадцать пять процентов в военно-воздушных силах¹⁸. Больше того, «в это время были почти полностью ликвидированы руководящие армейские кадры, которые приобрели военный опыт в Испании и на Дальнем Востоке»¹⁹. Все это, разумеется, подрывало дисциплину в армии:

«Проводившаяся в широком масштабе политика репрессий против военных кадров привела также к подрыву воинской дисциплины, так как в течение нескольких лет офицерам всех званий и даже солдатам, состоящим в партийных и комсомольских организациях, внушалась необходимость

«разоблачать» начальников, как тайных врагов. Вполне естественно, что это отрицательно повлияло на состояние воинской дисциплины в первый период войны»²⁰.

В 1939 году, выступая на XVIII съезде партии, Мехлис с ужасом и скорбью говорил о неоправданных исключениях из партии, которые проводились в армии в 1935-36-37 годах на основе «клеветы» без документально-фактического разбирательства²¹. В последующие годы несколько генералов было освобождено — Мерецко в 1939 году, затем Рокоссовский и Горбатов. Но аресты в армии, так же как и среди гражданских лиц (и при тех же крокодиловых слезах Жданова) не прекратились. Фабрикация новых дел шла своим ходом. В 1940 году Герлинг вспоминал о советских генералах, с которыми ему пришлось сидеть в одной камере. Это были измученные пытками люди, почти у всех были сломаны кости от побоев.

Но даже после этого Красная Армия обладала значительной ударной силой — при условии эффективного командования. Это было продемонстрировано летом 1939 года. Талантливый командир Жуков из бывшей Первой Конной армии отбил атаку японцев, вторгшихся в Монголию. Для этой образцово проведенной операции он сумел сконцентрировать большие силы, численно превосходящие противника, что само по себе было огромным достижением. Однако тактика использования бронетанковых войск, разработанная Тухачевским (которой следовал Жуков), была осуждена и отброшена. К 1937 году Тухачевский и его группа шли по пути создания «военной элиты, выделившейся из массы»²². Через несколько месяцев после разгрома японцев у Халхин-Гола в основу стратегической доктрины Красной Армии снова была положена устаревшая концепция «массы», и танки начали придаваться более мелким подразделениям.

Когда волна репрессий схлынула, ключевые посты верховного командования оказались в руках людей, не подготовленных для этой роли. Никто из них не обладал стратегическим мышлением. И даже в тактических расположениях войск вдоль границы сказывался «неизобретательный и тупой ум»²³. Негибкость военно-политической машины приводила к тому, что неполадки наверху сразу сказывались на всей структуре. «Масса», на которой базировалась советская военная доктрина после Тухачевского, стала слишком громоздкой и неповоротливой. Командовать было трудно.

Во время финской войны 1939-40 годов «некомпетентность клики Ворошилова — Мехлиса, — как пишет английс-

кий военный историк Эрикссон, — с самого начала привела Красную Армию к катастрофе»²⁴. Кроме того, младший командный состав обнаружил полное отсутствие хладнокровия и выдержки («нервов», которые Тухачевский считал необходимым качеством). И это понятно — дух самостоятельности был уничтожен во время террора.

В 1939 году немецкое командование произвело оценку боеспособности советских войск. В секретных документах немецкого генерального штаба Красная Армия названа «гигантским военным инструментом», принципы руководства — «хорошими», но кадры руководства — «молодыми и неопытными»²⁵. По мнению немецкой разведки, которая в 1940 году предостерегала от недооценки военного потенциала Советского Союза, Красной Армии нужно было четыре года, чтобы вернуться к уровню, на котором она находилась в 1937 году.

Два момента скрашивают этот мрачный период, пришедший на смену репрессиям. Во-первых, командарм Шапошников, бывший царский полковник, все еще продолжал пользоваться доверием Сталина. Несмотря на разгром, ему удалось отыскать и выдвинуть новые таланты. Полномочия Шапошникова как начальника генштаба были ограничены, но ему удалось заполнить несколько командных постов способными офицерами. Этих людей было, конечно, недостаточно, чтобы создать противовес другим, выдвигаемым по прихоти Сталина, Мехлиса и Ворошилова.

Во-вторых, по счастливой случайности два командира бывшей Первой Конной армии оказались хорошими солдатами. Тимошенко, которому пришлось расхлебывать последствия финляндской эпопеи Ворошилова, был уже (7 мая 1940) маршалом, а затем стал Наркомом обороны. Жуков получил незадолго перед этим восстановленное звание генерала армии, занимал несколько ключевых постов, а в январе 1941 года был назначен начальником генштаба.

Реформы, проведенные в период между 1940 годом и нападением Германии, были недостаточными, но без них Красная Армия была бы, вероятно, уничтожена в первые недели войны. Тимошенко пытался восстановить положение, существовавшее при Тухачевском, но за несколько месяцев нельзя было неверстать урон, нанесенный тремя годами деградации.

К тому же вместе с Тимошенко в маршалы был произведен Кулик — гротескная фигура из царицынской свиты Сталина, которого Ю. П. Петров считает полной бездарностью²⁶.

Кулик был поставлен во главе артиллерийских войск. Вместе с Жуковым и Мерецковым (незадолго перед тем выпущенным из тюрьмы) звание генерала армии получил еще один ни на что не годный ветеран Первой Конной — Тюленев. Таким образом, после 1940 года четверо из пяти маршалов, двое из трех генералов армии и двое из новых генерал-полковников, были выходцами из группы Сталина, действовавшей во время гражданской войны. Двое из восьми оказались достойными кадрами. Уровень остальных выдвиженцев колебался от среднего до катастрофического. Уступки, на которые пошел Сталин перед лицом военной опасности, были пока ограниченными. И вполне можно предположить, что если бы не встряска финской войны, Тимошенко не получил бы возможности выполнить свою программу частичного возрождения армии.

Задача была грандиозной, а в тех обстоятельствах — просто немыслимой. Но кое-что все же можно было улучшить. 12 августа 1940 года отменили систему двойного командования. В сентябре Мехлис был выведен из состава политического руководства армией. Наметилось частичное возвращение к методам подготовки, которые использовал Тухачевский. Но как можно было за оставшееся время создать руководство и возродить дух армии? На посту Наркома обороны Тимошенко был неизмеримо эффективней Ворошилова, но последний, наряду с многочисленными сталинскими выдвиженцами, все еще сохранял в своих руках большую власть. А Сталин, наивысшая инстанция, по-прежнему отказывался поверить в возможность германского нападения.

Эриксон, один из ведущих знатоков этого периода, сомневается в том, что накануне германского вторжения «в Советском Союзе существовал последовательный план обороны»²⁷.

Отношение Сталина к германо-советскому пакту 1939 года — один из самых любопытных эпизодов его политической карьеры. Странное дело: человек, не придававший ни малейшего значения словесным заверениям, равно как и письменным, думал или во всяком случае надеялся, что Гитлер не нападет на Советский Союз. Даже когда у него в руках были исчерпывающие доказательства, что нацисты стягивают силы для нападения, — доказательства, представленные советской разведкой, англичанами и немецкими перебежчиками, Сталин отдал строгий приказ рассматривать подобное сообщение как провокацию. Он сказал Шуленбургу «мы должны оставаться друзьями», а полковнику

Кребсу «мы останемся вашими друзьями при любых обстоятельствах»²⁸ в надежде, что его слова возымеют действие. Как еще можно объяснить эти заверения?

Между 1939 и 1941 годами поощрялись нападки на Великобританию, но всякое упоминание слова «фашизм» было запрещено. Советник советского посольства в Париже Николай Иванов получил пять лет тюрьмы за «антигерманские настроения»²⁹. Приговор был утвержден — вероятно, из-за бюрократической волокиты — в сентябре 1941 года.

Эренбург приводит в своих воспоминаниях слова старого советского дипломата, который горько заметил, что два года, сэкономленные германо-советским пактом, были потрачены почти впустую. И добавляет: «Он (Сталин) подозревал в коварстве своих ближайших друзей, а Гитлеру поверил»³⁰.

Существует мнение, согласно которому вся ненависть и вражда были сконцентрированы на Троцком, поэтому Гитлер как бы оставался в тени. Гитлер был пугалом, скорее предназначенным для устрашения партии, нежели реальной угрозой. С психологической точки зрения в этом, по-видимому, есть доля правды. Однако нужно сказать, что недостаточный контакт с действительностью, обнаруженный Сталиным накануне нацистского вторжения, не чувствуется в его подходе к советско-германским отношениям в первый период действия пакта. В 1939-40 годах СССР держался непреклонно и отказывался брать на себя конкретные обязательства. Оказывая Германии, как союзник, определенные услуги, он неизменно проявлял даже в самых незначительных переговорах цепкость и подозрительность, торговался за каждую мелочь. В последующий период войны эти же черты были характерны для его отношений с англо-американскими союзниками. Таким образом, утрата чувства реальности — это своего рода «комплекс» 1941 года.

Возможно, что, сознавая беспомощность своей армии и своего режима перед лицом германского нападения, Сталин продолжал слепо надеяться на дополнительную двухлетнюю отсрочку, — надеяться вопреки здравому смыслу. Удача сопутствовала ему долгие годы, и он, видимо, окончательно уверовал в благосклонность судьбы. Но как бы там ни было, 22 июня на него посыпались отчаянные (и нелепые) донесения с границы: в нас стреляют, что нам делать?

А ведь советская армия была больше по численности, сильнее по материальной части и не хуже оснащена техни-

чески, чем немецкая. Только в одном нельзя их сравнить: немецкое командование, штаб и офицерский состав были на много голов выше. Гитлер устранил ряд высших офицеров, но у него хватило ума, чтобы понять: вести войну без хорошо обученных военных кадров — невозможно.

Советские армии, принявшие на себя удар немцев, были к этому не подготовлены и не получили нужной поддержки. Они начали в панике отступать. Реакция Сталина была мгновенной: он приказал расстрелять командующего Западным фронтом Павлова и его начальника штаба Климовских, за которыми последовал генерал Коробков, командующий разбитой 4-ой армией. Но это не могло спасти три армии и четыре механизированных корпуса, попавших в ловушку между Минском и Белостоком.

Советская авиация, обладавшая огромным численным превосходством над немецкой, была почти полностью уничтожена в первые дни войны. Правда, только одна шестая часть истребительной авиации была укомплектована машинами последнего образца³¹. Но это не сыграло решающей роли: превосходство оставалось весьма внушительным — 5:1, хотя бы только в численности самолетов. По недавним подсчетам ген.-майора П. Григоренко только одних отвечающих современным требованиям советских самолетов было 2700-2800 в то время, как у немцев весь воздушный флот состоял из трех-трех с половиной тысяч машин. Ошибки Сталинского руководства ВВС усугублялись, однако, промахами в управлении производством и конструкторской работой. Подготовка пилотов была на низком уровне, тактика была отсталой. Кессельринг назвал уничтожение советских бомбардировочных соединений «избиением младенцев».

Давние недостатки советского самолетостроения и ВВС обнаружили с новой силой в результате главного просчета Сталина — его неверия в возможность немецкого вторжения. Большие соединения советских ВВС находились в момент вторжения на земле и были уничтожены за несколько часов. Сталин, как и следовало ожидать, приказал расстрелять генерала Рычагова, командующего авиацией Северо-западного фронта. Другой генерал, Копец, потерявший шестьсот самолетов, нанеся при этом лишь незначительный ущерб «Люфтваффе», покончил с собой, не дожидаясь кары.

Советская армия обладала огромным преимуществом в количестве танков, причем эти танки не уступали немецким по техническим показателям. Первые поражения советских танковых частей могут быть почти полностью отнесены,

как замечает Эриксон, за счет примитивной тактики и некомпетентности штабов³². (Ген.-майор Григоренко указывает, что танков было на советской стороне 14-15000, на немецкой — 3712).

Исаак Дейчер, автор биографии Сталина, упоминает о том, что репрессированные командиры (так же, как и уцелевшие участники оппозиции) «были выпущены из лагерей для выполнения важного национального задания»³³. На этом стоит остановиться подробнее.

Константин Симонов говорит о существовании двух списков людей, находившихся в заключении, которые были уничтожены соответственно в октябре 1941 и в июле 1942 года, когда Сталин «расценивал положение, как отчаянное»³⁴. В этих списках значились имена видных советских военачальников. Так, Штерн, Локтионов, сменивший Алксниса на посту начальника ВВС, и Смушкевич (два генерал-полковника и один генерал-лейтенант, все — члены нового ЦК) вместе с рядом других были расстреляны 28 октября 1941 года³⁵.

Маршал С. С. Бирюзов сообщает, что некоторые офицеры, освобожденные из лагерей и реабилитированные, могли еще как-то воевать. Другие же были совершенно сломлены: «Полученные в тюрьмах и лагерях моральные, а часто и тяжелые физические травмы убили у них волю, инициативу, решительность, столь необходимые военному человеку». Бирюзов рассказывает о генерале, герое гражданской войны, имевшем одиннадцать ранений, которого арестовали в 1939 году и приговорили к двадцати годам лишения свободы, как «врага народа». Он стал банщиком в лагере строгого режима и получил дополнительно пять лет за кражу нижнего белья. И этого морально искалеченного человека освободили в 1943 году и назначили начальником штаба одной из армий³⁶.

В 1941 году на командных постах находились главным образом «кавалеристы», все трое питомцы бывшей Первой Конной армии. Тимошенко оказался способным военачальником, хотя и он проиграл несколько крупных сражений. Деятельность Буденного и Ворошилова (особенно первого) на Южном и Северном фронтах привела к катастрофическим последствиям. Другой протеже Сталина, маршал Кулик, опростоволосился в Ленинградской операции. Генерал Тюленев причастен к поражениям на Украине. У всех четырех отняли командование, но ни одного из них не расстреляли.

А много лет спустя, уже в 1957 году, Тюленев защищал львовскую операцию Сталина 1920 года — позорное и несмыслимое пятно на репутации Красной Армии.

СССР удалось избежать полного поражения по двум причинам: во-первых, благодаря неисчерпаемым человеческим ресурсам; вторая, более важная причина состоит в том, что по ходу войны выдвинулись более талантливые командиры. Это могло произойти только в затяжных боях при отступлении. Новый дееспособный командный состав выделялся путем естественного отбора, в горниле борьбы. Выдвиженцев-бездарей, сменивших старые кадры в 1937-38 годах, пришлось выполоть, как сорняк. Но победа была куплена ценой жизни сотен тысяч советских солдат, ценой сотен километров советской территории, брошенной при отступлении, и продлением срока войны.

В приказах Ставки о контрнаступлениях от Москвы снова были взяты на вооружение военные доктрины Тухачевского. Наступил переломный момент. Но, как сказал автору этой книги один бывший советский офицер: «Не будь репрессий, не пришлось бы делать на пути к Берлину долгий и мучительный крюк через Сталинград».

Репрессии Сталина не только не уничтожили «пятую колонну» внутри СССР, но создали базу для ее появления. Война 1941-45 годов была первая в истории России война, в которой большое число русских перешло на сторону противника.

Среди блестящих молодых офицеров, которых репрессии миновали, был генерал А. А. Власов. В боевых учениях 1940 года его 99-я дивизия была признана лучшей. Высокий, сильный мужчина с зычным голосом, любитель крепкого словца, Власов, как вспоминает Эренбург, пользовался любовью солдат и был на хорошем счету у Сталина, который не сумел разглядеть в нем потенциального «изменника»³⁷.

Попав в плен, Власов, несмотря на немалые затруднения, которые чинили ему нацистские власти, пытался организовать Российскую Освободительную Армию. Изданный им 14 ноября 1944 года политический «Манифест» показывает, что он отнюдь не симпатизировал нацизму — его единственной целью была демократическая Россия. Его смело можно сравнить с ирландскими революционерами 1916 года, которые пытались заручиться поддержкой Германии против Великобритании, или с бирманцами и индонезийцами, вступившими во время последней войны (или пытавшимися

вступить) в соглашение с Японией против Запада. Можно вспомнить слова поляка Герлинга (Грудзинского), бывшего заключенного советских тюрем, об ожиданиях, которыми были охвачены узники лагерей: «Я с ужасом и стыдом думаю об Европе, разделенной на две части по реке Буг. На одной стороне — миллионы советских рабов, молящихся об освобождении, которое несет им армия Гитлера. На другой — миллионы жертв немецких концлагерей, которые ждут освобождения Красной Армией, как последней надежды»³⁸.

Намек Эренбурга на то, что Сталин умел эффективно бороться только с воображаемыми изменниками, вполне обоснован. В августе 1941 года Сталин уничтожил остатки потенциальной политической оппозиции. Два бывших заместителя председателя Совнаркома — Чубарь и Антипов — были, видимо, расстреляны 12 и 14 августа. Подобные меры, судя по всему, были широко распространены. Тот же Герлинг рассказывает, как в лагере, где он сидел, отобрали группу в составе двух генералов, четырех адвокатов, двух журналистов, четырех студентов, работника НКВД высокого ранга, двух бывших лагерных администраторов и еще пятих ничем не примечательных людей и в июне 1941 года всех расстреляли³⁹.

Начало войны способствовало активизации тайной полиции и расширению ее власти. Сводились личные счеты, расправлялись с недовольными или могущими проявить недовольство. Для примера можно взять дело вдовы Народного комиссара внутренних дел Украины Брунивого, умершего под следствием. В 1937 году ее арестовали, долго и упорно допрашивали. Результатом была хроническая болезнь почек и несколько переломанных ребер. Через два года Бруниву выпустили и реабилитировали. Она не переставала верить, что все, что с ней случилось, — дело рук враждебно настроенных элементов в НКВД, о чем написала Сталину и Вышинскому. В начале 1941 года сотрудников НКВД, которые вели ее дело, судили и дали им по несколько лет за применение пыток. Брунивая чувствовала себя отмщенной. А через два дня после вторжения немцев, 24 июня 1941 года, она снова исчезла⁴⁰.

Когда советские войска начали отступать, были предприняты попытки эвакуировать заключенных НКВД. Во-первых, требовалась их рабочая сила, а во-вторых, считалось, что они, конечно, с радостью встретят своих освободителей,

даже освободителей-нацистов. Но отступление было настолько беспорядочным, в особенности на Украине, что на практике эвакуация зачастую оказывалась невозможной. Тогда заключенных стали в массовом порядке ликвидировать. Есть сведения о массовых убийствах заключенных в Минске, Смоленске, Киеве, Харькове, Днепропетровске, Запорожье и во всех прибалтийских республиках. Недалеко от Нальчика находился молибденовый комбинат, на котором работали ээки. По приказу Наркома внутренних дел Кабардино-Балкарской республики всех их расстреляли из пулеметов⁴¹. Есть сведения, что однажды при отступлении была собрана большая группа заключенных в 29000 человек. Когда появилась опасность дальнейшего продвижения немцев, в результате чего пришлось бы бросить лагерь в Ольгинской, НКВД отпустил на свободу всех, чей срок не превышал пяти лет, а остальных расстреляли 31 октября 1941 года⁴². Этот обычай сохранился и в мирное время: лагерь, расположенный около Ашхабада, 8 декабря 1949 года был разрушен землетрясением. Чекисты окружили его и открыли огонь по уцелевшим заключенным. Из двух тысяч восьмисот человек осталось в живых тридцать четыре⁴³.

И все же война принесла с собой некоторые послабления. Перестали, например, преследовать религию. Призывы к традиционному патриотизму нашли отклик по меньшей мере в сердцах русского населения. И все жили надеждой, что как только война кончится, жизнь станет легче: колхозы будут отменены, террор прекратится.

Война породила надежды на избавление. Как говорит один из персонажей романа Пастернака «Доктор Живаго»:

«И вдруг — предложение. Охотниками штрафными на фронт, и в случае выхода целыми из нескончаемых боев, каждому — воля. И затем атаки и атаки, километры колючей проволоки с электрическим током, мины, минометы, месяцы и месяцы ураганного огня. Нас в этих ротах недаром смертниками звали. До одного выкашивало. Как я выжил? Как я выжил? Однако, вообрази, весь этот кровавый ад был счастьем по сравнению с ужасами концлагеря, и вовсе не вследствие тяжести условий, а совсем по чему-то другому».

«... Люди не только в своем положении, на каторге, но все решительно, в тылу и на фронте, вздохнули свободнее, всею грудью и упоенно, с чувством истинного счастья бросились в горнило грозной борьбы, смертельной и спасительной»⁴⁴.

НА СТАРЫЕ РЕЛЬСЫ

25 июня 1945 года, поднимая тост на приеме в Кремле в честь участников парада победы, Сталин не случайно назвал «простых, обычных, скромных» советских людей «винтиками великого государственного механизма»⁴⁵. Он намеревался восстановить старую машину и добился своей цели.

В том же месяце стало ясно: показательные процессы были отменены после 1938 года не потому, что Сталин считал их неубедительными и бесполезными, а потому, что в тех обстоятельствах они были уже больше не нужны. Начался суд над шестнадцатью поляками, членами подпольного правительства и армии. Главными обвиняемыми были генералы Окулицкий, который взял на себя командование Армией Краевой после подавления героического Варшавского восстания и капитуляции Бур-Комаровского, и Янковский — главный представитель Польского эмигрантского правительства в Польше. С Окулицким, находившимся тогда в подполье, была установлена связь. Его попросили войти в контакт с советским командованием; гарантируя ему неприкосновенность, и при первом же появлении арестовали. Оба генерала и еще тринадцать из четырнадцати подсудимых «сознались» в антисоветской деятельности. Это был последний большой «открытый» процесс, проведенный в Москве. Цель состояла в том, чтобы дискредитировать польское движение сопротивления и оказать нажим на польское правительство в изгнании. Сталин хотел, чтобы оно вошло в коалицию с созданным коммунистами Люблинским комитетом, управлявшим тогда оккупированной Польшей, на условиях, которые обеспечили бы господствующее положение коммунистов.

В Москве, как мы уже сказали, подобных процессов больше не было, но они прокатились по всей Восточной Европе, причем проходили под непосредственным наблюдением советского руководства. Первыми жертвами (как и в СССР) стали люди, не состоявшие в партии: крестьянский лидер Никола Петков в Болгарии и кардинал Миндсенти в Венгрии; затем под суд попали венгр Райк и болгарин Костов.

От системы публичных признаний по сфабрикованным обвинениям отказались в декабре 1949 года, когда она неожиданно дала осечку. Костов, секретарь ЦК болгарской компартии, отказался от всех показаний на открытом заседа-

нии суда и оставался непоколебим до конца. Несмотря на негодование суда и слезные мольбы других обвиняемых, он не признался ни в чем. Костов занимал, пожалуй, более сильную позицию, чем обвиняемые первых показательных процессов: он знал, на что идет и, очевидно, задолго перед этим примирился с идеей смерти и пыток. Его поведение на допросах у немцев было примером для всей болгарской компартии. В отличие, скажем, от Бухарина и других, избалованных годами полного комфорта, в нем была еще сильна подпольная закалка. Кроме того, Костов знал, что за ним стоит молчаливое большинство партии, и не чувствовал своей изоляции так остро, как советские оппозиционеры. И, помимо всего прочего, этот человек обладал поразительной выносливостью.

Последний показательный процесс сталинского периода — процесс Сланского в Праге — был объявлен открытым. На него не допустили, однако, западных наблюдателей. Процесс Сланского был проведен под советским руководством. В ноябре 1951 года Сталин послал Микояна, чтобы вместе с политическими руководителями чехословацкой компартии обеспечить следующую волну арестов. На уровне тайной полиции за постановкой следил М. Т. Лихачев, заместитель начальника следственного отдела по особо важным делам. Лихачева в 1954 году расстреляли с Абакумовым и другими бериевцами⁴⁶.

Как сама идея ложного признания, так и техника его получения, изобретенная Ежовым, однако, довольно широко использовались в Азии в 1950-х годах. Китай, например, обвинил Соединенные Штаты в применении бактериологического оружия в Китае, представив в доказательство зараженные перья, насекомых, морских моллюсков, крыс и так далее, сброшенных якобы с американских самолетов. Эти вещественные улики сами по себе не были никаким доказательством, хотя они и убедили кое-кого на Западе. В качестве дополнительного подтверждения китайские власти прибегли к признаниям, которые им удалось вытянуть у американских летчиков.

В самом Советском Союзе в течение трех-четырех лет после войны не было вынесено смертных приговоров, если не считать нескольких видных деятелей власовского движения. Всех тех, кто действительно сотрудничал с немцами (а их были десятки тысяч, по меньшей мере), просто отправили в лагеря, куда вскоре прибыли и советские солдаты, интернированные в Германии.

В 1946-47 годах аресты обрушились на евреев и офицеров армии, так что вскоре все те, кто были за это время освобождены, снова попали за решетку. Эта реакция на «прогнивший либерализм» получила официальное подтверждение в указе 1950 года, который, как говорят сейчас, был принят по инициативе Берии и Абакумова⁴⁷.

Поначалу условия в лагерях стали более смертельными, чем когда-либо. Из набора 1945-46 годов лишь немногие уцелели к 1953-му. Голод 1947 года⁴⁸ отразился, естественно, и на лагерных пайках. Однако в результате реформы и рационализации труда заключенных, в начале пятидесятых годов смертность значительно снизилась. На свободу почти никто не выходил — комендант лагеря в Котласе вспоминает, что за восемь лет, которые он провел на этой должности, был выпущен на волю всего лишь один заключенный⁴⁹. Так что лагерное население росло и к моменту смерти Сталина достигло, вероятно, наивысшей точки.

В консолидации лагерной системы отразилось общее направление советского государства и его экономики. Последняя приобрела форму, к которой, по-видимому, стремился Сталин с тех самых пор, как захватил неограниченную власть. Принудительный труд должен был, очевидно, стать постоянным экономическим придатком нового общества. Сталину удалось создать общество, которое — на всех уровнях — действовало только по команде сверху. Колхозы, оснащенные тракторами, давали стране меньше продовольствия, чем мужики 1914 года с их прадедовскими методами. Но теперь крестьянство находилось под политическим и экономическим контролем и не могло влиять на рыночную конъюнктуру. И так — на всех ступенях лестницы до самой вершины. Приказы, поступающие свыше, подлежали безоговорочному исполнению. Не осталось ни одной области жизни, в которой решающее слово не принадлежало бы Кремлю.

Сталинский строй и социализм, каким его представлял себе Маркс, не лишены сходных черт: капиталистов больше не существовало, крестьянской буржуазии — тоже, хозяйство страны находилось под государственным контролем. Для тех, кто полагает, что отсутствие капиталистов в современном промышленном обществе означает социализм, этого было достаточно. Но в теории социализма есть еще один весьма важный пункт — контроль над государством со стороны пролетариата. Ни в сталинском государстве, ни в сегодняшнем СССР никаких признаков этого не было и нет.

Пришлось заполнить пробел фразеологией — мотив «государства рабочих и крестьян» перепевался и перепевается бесконечно, во всех мыслимых вариантах и контекстах.

Интересно, как сам Сталин относился к созданному им государству? Насколько оно соответствовало идее социализма, в которую он уверовал в молодости? Об этом можно только догадываться. Так называемого «правлящего класса», действительно, больше не существовало. Сталин создал (и не отрицал этого) большую привилегированную прослойку, но при нем и она не владела средствами производства. Любая привилегия могла быть дарована только по милости Хозяина.

В этой унитарной системе политика как таковая исчезла. Она сохранилась только в форме интриг на высшем уровне — соперничества за благосклонность Сталина. Это утверждение может показаться парадоксальным: ведь в СССР было больше «политической» агитации и пропаганды — в печати, по радио, на предприятиях и в официальной литературе, — чем в любой другой стране мира. Но эта «политика» была совершенно пассивна. Она состояла лишь в разжевывании решений Хозяина и в разжигании энтузиазма, с которым массам полагалось встречать эти решения. Выросло новое поколение администраторов производства, овладевших приемами управления. Призрак ареста и лагерей подстегивал директоров, так же как система сдельной оплаты выжимала все силы из рабочего, преследуемого угрозой голода. Промышленные руководители, стоявшие во главе этого административного аппарата, такие как Тевосян, Малышев и Сабуров, были всего-навсего бессловесными техниками-исполнителями, монтирующими новую систему.

Систему планирования, хаотически действовавшую в тридцатых годах, удалось рационализировать: выпуск продукции в тяжелой промышленности, что составляло главную цель Сталина, начал, наконец, регулярно увеличиваться. Но когда говорят, что та или иная экономическая система сработала, это еще не значит, что она обладает преимуществами по сравнению с другими системами. Советская система работала с перебоями и подчас — вхолостую; во многих областях планирование было по сути дела фиктивным. Механизм сбыта и распределения — главный порок этой системы — восполнялся существованием черного рынка. И все же созданная Сталиным хозяйственная система была действующей реальностью. Потери и издержки не помешали главной цели — постоянным капиталовложениям в промышленность,

на что и шла большая часть национального дохода. Однако врожденные пороки советского хозяйства сыграли свою роль: расширение производства, купленное ценой таких неимоверных жертв, было не больше, чем в капиталистических странах.

Провести конкретные сравнения трудно, потому что статистические данные о развитии хозяйства в те годы либо засекречены, либо искажены. Но общий результат — тот факт, что в стране была создана растущая промышленность, — окрылил партию и вызвал восхищение в определенных кругах западной интеллигенции. Россию считали сравнительно отсталой страной. А тут появилась надежда (она жива еще и сейчас), что советский метод может быть применен и в остальных странах Востока.

Но при этом забывают, что Россия вовсе не была такой отсталой. До революции она уже представляла собой четвертую промышленную державу мира. При Николае II протяженность железных дорог удвоилась за десять лет, резкий скачок произошел в добывающей и металлообрабатывающей промышленности. Как писал сам Ленин: «Напротив, теперь мы видим, что развитие горной промышленности идет в России быстрее, чем в западной Европе, отчасти даже быстрее, чем в северной Америке . . . За 10 последних лет (1886-1896) выплавка чугуна в России утроилась . . . Развитие капитализма в молодых странах значительно ускоряется примером и помощью старых стран»⁵⁰.

И этот процесс продолжался вплоть до 1914 года.

После 1930 года Сталин значительно расширил промышленную базу. Но он действовал весьма расточительными методами, вероятно более расточительными с точки зрения экономики и человеческих страданий, чем первая промышленная революция в Англии. Как он воспользовался имеющимися ресурсами? Проблема перенаселения в сельских местностях была решена путем уничтожения наиболее производительной прослойки крестьянства. Большая часть технически подготовленных кадров была ликвидирована по обвинению во вредительстве. Правда, значительное число квалифицированных кадров либо было уничтожено, либо эмигрировало уже во время самой революции. К 1929 году было ясно, что чисто экономические цели могли быть достигнуты куда более мягкими мерами, как, например, в Японии при императоре Мэйдзи.

В конце 1962 года теоретический и политический журнал ЦК КПСС «Коммунист» выступил с критикой сталинских

методов планирования. Сталин обвинялся в том, что «его чисто волюнтаристические задания и поправки к планам, вносимые без учета материальных возможностей, нередко лишали экономического обоснования целые разделы государственных планов». Именно Сталин,— писал «Коммунист»,— несет ответственность за многолетние неполадки советской экономики. И чтобы свалить с себя вину, он утверждал, что эти трудности неизбежно возникают при быстрых темпах роста производства. Сталинское «волевое планирование — по словам журнала — нанесло огромный ущерб и нашему сельскому хозяйству, на котором последствия культа личности Сталина сильно сказываются до сих пор»⁵¹.

Я отнюдь не разделяю мнения, что метод Сталина был единственным или наилучшим методом ускоренной индустриализации, даже для страны с однопартийным режимом. Но в любом случае основные экономические преимущества, завоеванные Сталиным или приписываемые ему, были налицо еще до начала массовых репрессий. Нет никаких сомнений, что репрессии отрицательно сказались на экономике: в них были уничтожены многие кадры промышленных руководителей, среди них — самых квалифицированных, начиная с Пятакова; лагеря пополнялись за счет далеко не избыточной рабочей силы. Правительство руководствовалось не экономическими соображениями, а интересами деспотизма. Все это привело к снижению темпов экономического развития в 1938-40 годах.

Урок, который можно извлечь из вышеизложенного, очевидно состоит в том, что террор, даже когда он оказывается в какой-то степени экономически целесообразным, как в России в 1931-33 годах,— все же нежелательная мера, даже с экономической точки зрения. Ибо террор нельзя внезапно отменить: он обрастает своими кадрами, учреждениями, интересами и порождает свою психологию. Всякая польза, которую он может принести в определенный момент, при определенных обстоятельствах, сводится на нет тягчайшими последствиями в будущем. Поэтому не выдерживают критики никакие доводы в пользу сталинизма, даже если списать жертвы как необходимую плату за первоначальные успехи. Сталинизм — в такой же мере метод индустриализации, как каннибализм — метод перехода на улучшенное питание. Едва ли цель в данном случае оправдывает средства.

После войны Сталин узурпировал все сферы жизни. В области философии, например, он был провозглашен глубо-

ким критиком Гегеля, ученым, впервые внесшим ясность в некоторые изречения Аристотеля, единственным человеком, до конца разобравшимся в теориях Канта. В статье по поводу трехсотлетия со дня рождения Спинозы «Правда» привела несколько сталинских изречений, ничего общего не имеющих ни со Спинозой, ни вообще с философией⁵².

Директор института истории АН УССР Касименко пожаловался впоследствии на конференции в Москве, что в те дни «угроза беспощадной расправы при малейшем проявлении неугодного Сталину толкования истории висела и над историками Украины»⁵³. Академик Евгений Жуков рассказал о психологической травме, пережитой историками, которым систематически внушалось, что «теоретически полноценные марксистские труды может писать только избранный вождь — Сталин, глубокие мысли и свежие идеи могут исходить только от него . . . Таким образом, на протяжении почти двадцати лет — период формирования сознания целого поколения наших людей — самостоятельная творческая мысль в области теории у «простых смертных» бралась под сомнение»⁵⁴.

Действительный член Академии медицинских наук профессор В. В. Парин так подвел итог положения в советской медицинской науке: «Основной вред обстановки культа личности для науки заключался в провозглашении одного мнения, одной точки зрения «неисчерпаемым кладом мудрости», последней инстанцией истины . . . Не случайно подчас в ходе дискуссии по конкретным вопросам науки та или иная концепция подкреплялась не результатами собственных экспериментов ее защитников, а ссылками на научное наследство, одними лишь цитатами из чужих трудов»⁵⁵.

Пример деятельности первого секретаря ЦК КП Грузии Мгеладзе показывает, как сталинское отношение к науке сказывалось на местах. Этот пример привел в своем выступлении на Всесоюзном совещании по вопросам идеологии, происходившем в Москве 25-28 декабря 1961 года, секретарь ЦК КП Грузии Д. Стуруа. По его рассказу, Мгеладзе вызвал к себе сотрудников Института марксизма-ленинизма и Института истории грузинской Академии Наук и велел им написать книгу об истории коммунистической партии в Закавказье. Ознакомившись с результатами их работы, Мгеладзе сказал: «Мне, как автору, книга нравится. Но смотрите, чтобы в ней не оказалось ошибок, иначе все вы, дорогие друзья, отправитесь в тюрьму».

Сталин как-то заметил вскользь, что азербайджанцы произошли от мидийцев. Это утверждение стало для историков официальной доктриной, хотя оно было совершенно беспочвенным. Лингвисты «бились пятнадцать лет и в конце концов нашли тридцать пять сомнительных мидийских слов, хотя сам мидийский язык является мифическим»⁵⁶.

Несколько приведенных примеров (мы еще ничего не сказали о лысенковщине — трагедии советской биологии) дают общее представление о том, как расправился режим Сталина с интеллектуальной жизнью.

В послевоенные годы деятельность органов госбезопасности несколько утихла. Здесь уже уделялось больше внимания тому, что Орвелл назвал «преступлением мысли», даже выражению лица. Так, например, в докладе на XII пленуме ЦК секретарь правления Союза А. Сафронов ясно указывал, что дело не только в том, что сказано, потому что это «что» может быть в полном согласии с требованиями партии. Нет, еще «надо слышать, в какой интонации обычно ведется критика», так как «пожалуй иные критики с удовольствием цитируют осуждаемые ими пьесы»⁵⁷.

В последние годы жизни Сталина началась новая серия репрессий — на этот раз без всякой огласки. В 1949-50 годах прошло так называемое «Ленинградское дело», по которому были расстреляны член Политбюро Вознесенский, секретарь ЦК Кузнецов и несколько других крупных партийных деятелей. Всего в Ленинграде было арестовано около трех тысяч ответственных партработников, с которыми обошлись очень жестоко — многие из них были расстреляны, и такие же репрессии происходили и в других местах. В 1952-53 годах сотнями гибли евреи-интеллигенты. Кульминацией этой антиеврейской кампании стало «Дело врачей-вредителей», когда Сталин — как рассказал Хрущев — лично вызвал к себе следователя и приказал «бить, бить и еще раз бить» арестованных врачей⁵⁸.

Казнь еврейских писателей, привлеченных к так называемому «Крымскому делу» 1952 года, — одна из самых невероятных акций советского государства. Это были коммунисты, подчинившиеся всем требованиям режима и Сталина: «подобно другим, они предавали своих друзей и братьев каждый раз, когда этого требовала партия. Но они должны были умереть, потому что оказались не в состоянии предать свой язык и свою литературу»⁵⁹. Говорят, что поэт Перец Маркиш сошел с ума, и когда его вели на расстрел, пел и смеялся. Последними словами прозаика Давида Бергельсона было

изречение из Псалмов: «Земля, о земля, не засыпь кровь мою». (Название его последней книги «Убиенный буду жить» также взято из Псалмов).

За полтора года до смерти Сталина, 1 августа 1951 года, «Правда» — непонятно из каких соображений — опубликовала статью Герберта Моррисона, тогдашнего министра иностранных дел Великобритании. Моррисон спокойно, но убедительно писал о том, какие возражения вызывает у него советская система по части демократии. В том же номере опубликован ответ на эту статью, в котором говорилось, что Моррисон требует свободы слова для тех, кому ее не следует давать, для «преступников... которые убили... Кирова». Как выяснилось теперь, именно эти люди, и никто другой, обладали свободой слова.

Нет нужды говорить о том, что в Советском Союзе была дозволена только сталинская версия «объяснения» репрессий. Многие знали по собственному опыту, что это ложь, но всякий, кто не мог устоять перед насильственной умственной обработкой путем террора или просто под нажимом пропаганды, примыкал к официальной линии.

Другое дело — заграница. Запад не удалось заставить принять версию Сталина. Тогда, как и теперь, восторжествовала свобода мышления и свобода информации. Но это не смогло помешать огромному распространению официальной коммунистической версии событий.

НЕДОСТАТОК ВЗАИМОПОНИМАНИЯ

Всякому, кто занимается изучением сталинского государства, трудно устоять перед искушением составить полный перечень неверных толкований и ошибок, допущенных на Западе. Значение этого вопроса трудно переоценить, но мы решили остановиться лишь на нескольких, наиболее типичных ошибках, допущенных теми, кто претендует на ясность выводов, моральную зрелость, неподкупность и политическую эрудицию. Один из важных аспектов сталинских репрессий — их воздействие на мировое общественное мнение. Сталин сам учитывал этот аспект, давая распоряжение о проведении процесса Зиновьева. По словам Николаевского, «на него не действует и аргумент об отношении общественного мнения Европы, — на все такие доводы он презрительно отвечает: «Ничего, проглотят!»⁶⁰.

Многие действительно «проглотили», и это — один из факторов, сделавших возможным проведение массовых репрессий в СССР. Суды в особенности были бы мало убедительны, если бы какие-нибудь иностранные и посему «независимые» комментаторы не придавали им юридического значения.

А еще до середины тридцатых годов иностранное вмешательство могло привести и приводило к определенным результатам, особенно в связи с тем, что после 1935 года политика Сталина ориентировалась на союзничество. Например, в июне 1935 года в Париже был проведен Международный конгресс писателей, задуманный как большое мероприятие, проводимое Народным фронтом. Магдалена Паз настаивала на том, чтобы был поднят вопрос о Викторе Серже, арестованном в 1932 году. Это требование вызвало настоящую бурю эмоций, но наконец, Магдалене Паз, которую поддерживали Сальвемини и Андре Жид, дали возможность высказаться с трибуны. Советская делегация состояла из Пастернака, Тихонова, Эренбурга, Кольцова и драматурга Киршона — двое последних сами вскоре после этого погибли. За исключением Пастернака, делегация противилась обсуждению этого вопроса и обвинила Сержа в причастности к убийству Кирова, которое произошло, кстати, через два года после его ареста⁶¹. Впоследствии Андре Жид выразил советскому послу неудовольствие от лица писателей.

В конце года Сержа освободили. Это был последний и почти уникальный случай, когда мировое общественное мнение повлияло на Сталина. Он дает основание предположить, что если бы процесс Зиновьева был во всеуслышание и более или менее единодушно осужден на Западе, то Сталин, возможно, не действовал бы так беспощадно как раз в период Народного фронта. Те, кто «проглотили» тогда советские процессы, стали до некоторой степени соучастниками дальнейших репрессий, пыток и смерти ни в чем не повинных людей. Факты, скрытые от прогрессивного общественного мнения (или — прогрессивным общественным мнением) Запада касались двух вещей: массового уничтожения людей, которое велось в огромных масштабах, и лживости показательных процессов.

Показания на судах с самого начала вызывали сомнения по трем основным пунктам: во-первых, характер заговоров не вязался с обликом подсудимых, которые всегда выступали против убийства отдельных лиц. Обвинение к тому же гласило, что они были агентами врага на протяжении всей

своей политической деятельности. Во-вторых, отдельные утверждения были просто-напросто нелепы — например, Зеленского обвинили в том, что он подсыпал гвозди в масло, чтобы подорвать здоровье советских людей. В-третьих, в некоторых признаниях фигурировали события, происшедшие за рубежом, и их можно было проверить. Они полны заведомой лжи — встреча в несуществующей гостинице в Копенгагене, приземление в норвежском аэропорту в период, когда там не было принято ни одного самолета, и т. д.

На Западе не было недостатка в фактах. Появились сотни статей и книг, подкрепляющих все спорные пункты доказательствами. Троцкий, единственный из обвиняемых, находившийся на свободе, разоблачал фабрикацию дел как нельзя более убедительно. Представительная комиссия во главе с профессором Дьюи изучила имеющиеся данные тщательно и в строгом соответствии с правилами юриспруденции. В опубликованном ею отчете речь идет не о политических разногласиях, а только о фактах⁶². И все же широкие круги Запада пропустили это мимо ушей. Вера в правоту сталинской версии не может быть оправдана никакими разумными доводами. Все предлагаемые доказательства — иррациональны, хотя и пытаются придать своим формулировкам сугубо рациональный характер.

Коммунистические партии повсюду были рупором советского руководства. Представители интеллектуальной верхушки этих партий, — те, что были лучше осведомлены о положении в СССР и не хотели довольствоваться полученным ответом, — реагировали по-разному. Некоторые просто закрывали глаза на вопиющие факты. Один английский коммунист, когда его спросили, что он думает о советских процессах, ответил: «Каких процессах? Я давно уже перестал думать о таких вещах»⁶³.

Более типичным следует признать отношение Бертольда Брехта, который заметил Сиднею Гуку во время первого процесса: «Чем меньше их вина, тем больше они заслуживают смерти»⁶⁴. Незадолго перед этим он написал пьесу о нацистской Германии. Главные действующие лица — муж и жена, обеспокоенные своей судьбой в связи с тем, что их друзья под следствием. Муж, учитель, не знает, как относиться к нему школьное начальство: «Я готов учить чему угодно. Как они хотят — так и буду учить. Но как? Если бы я только знал!» Супруги думают — не повесить ли им на самое видное место портрет Гитлера. Или это будет выглядеть как признание своей вины?

«Жена: Но ведь тебя конкретно ни в чем не обвиняют.

Муж: Никого ни в чем не обвиняют. Но всех подозревают. Достаточно кому-нибудь выразить о тебе подозрение, чтобы тебя взяли под подозрение».

А потом один из персонажей замечает: «С каких это пор им стали нужны свидетели?»⁶⁵.

Брехт клеймит моральную основу нацизма. Главная тема пьесы — страх: мать и отец боятся, чтобы сын-школьник не донес на них. В Советском Союзе, как Брехт, несомненно, знал, тогда творилось то же самое. Павлик Морозов, сын, донесший на своего отца, был провозглашен в СССР героем. Во время коллективизации Павлик вместе со своим пионерским отрядом помогал партии бороться с крестьянством. Он «разоблачил» своего отца, который был председателем колхоза, а потом попал под влияние кулаков. Отца расстреляли, а затем, 3 сентября 1932 года, группа крестьян, включая брата погибшего председателя, убила самого Павлика. Ему было 14 лет. Он как бы предвосхитил возрастной лимит, которого придерживался Сталин, подписывая смертные приговоры. Вся группа крестьян была уничтожена, а молодой Морозов возведен в герои комсомола. Его именем назван Дворец Пионеров в Москве⁶⁶.

В 1962 году советская печать отметила тридцатилетие со дня гибели Павлика Морозова. Корреспондент «Комсомольской правды» побывал, разумеется, в посвященном ему музее. «В этом бревенчатом доме,— пишет он,— проходил суд, на котором Павлик разоблачил своего отца, покрывавшего кулаков. Вот тот самый класс, где занимался Павлик, реликвии, дорогие сердцу каждого жителя Герасимовки. Сколько побывало людей у этих святых и дорогих мест!»⁶⁷ Через три года после убийства, как известно, в Герасимовке поставили памятник «пролетарскому орленку», чтобы его «подвиг» не был забыт.

Самого Брехта, по воспоминаниям близко знавших его людей⁶⁸, коммунизм привлекал не как рабочее движение, которого писатель не знал, а своим стремлением к абсолютному авторитету, тотальным подчинением тотальной власти. Все политические и полуполитические произведения Брехта отражают самозабвенное, холуйское пресмыкательство перед Идеей. Это по сути дела доведенный до вырождения взгляд на партию, которого придерживался Пятаков. (В связи с Брехтом стоит упомянуть, что его любовница, актриса Карола Негер, была арестована в СССР, и с тех пор о ней ничего не известно).

То, что коммунисты, следуя традиции «благочестивой лжи», принимали и проповедовали неправду, пожалуй, естественно. Любопытно, однако, что это же можно сказать и о многих группировках некоммунистических левых сил. Не так откровенно, с меньшей долей мошенничества и святости, но они тоже обнаруживают тенденцию замалчивать критику, подтасовывать, приукрашивать или игнорировать упрямые факты.

Но стойкие, принципиальные левые упорно сопротивлялись. Эдмунд Вильсон, ознакомившись с обвинениями против Зиновьева и Каменева, когда он еще был в Советском Союзе, сразу же понял их лживость. В Соединенных Штатах адвокатом комиссии, возглавляемой восьмидесятилетним философом Джоном Дьюи, был Джон Финерти, который выступал защитником на процессах Муни и Сакко и Ванцетти. Наиболее сильным и действенным голосом Великобритании, разоблачившим лживость показательных процессов в СССР, была либеральная газета «Манчестер Гардиан». Ту же позицию заняла и традиционная лейбористская партия и ее пресса: партия опубликовала брошюру Фредерика Адлера с откровенным и точным анализом событий. На крайнем левом фланге самым решительным противником сталинских судов был Эмрис Хьюз из шотландской «Форвард». В действительности некоторые группировки левых (не только троцкисты, непосредственно в этом заинтересованные) смотрели на вещи трезво. Но другие круги, несогласные с теорией коммунизма, приняли официальную сталинскую версию.

В атмосфере конца тридцатых годов врагом номер один был фашизм, и поэтому критика Советского Союза, являвшегося якобы главным противником фашизма, подавлялась. Западные столицы, как пишет Артур Кестлер, «кишели художниками, писателями, докторами, адвокатами и молоденькими барышнями, перепевавшими на разные лады, хотя и в смягченной форме, лозунги Сталина»⁶⁹.

Несколько западных писателей — Фейхтвангер, Барбюс и даже сентиментальный поклонник Ганди Ромен Роллан выступили с оправданием сталинских процессов. В Америке группа литераторов, художников и деятелей науки, в которую входили Теодор Драйзер, Грэнвиль Хикс (впоследствии раскаявшийся), Корлисс Ламонт и Макс Лернер, подписала манифест, осуждающий деятельность комиссии Дьюи. Говоря об отношении британских интеллектуалов, Джулиан Симонс отмечает, что они «охотно примирились с чудовищны-

ми неувязками». И добавляет: «Но их никто не обманывал. По отношению к Советскому Союзу они сами себя обманули — и в конце концов им пришлось заплатить за этот самообман»⁷⁰.

Среди левых некоммунистических сил, так сказать, широкого народного фронта, чувствовалось некоторое замешательство. Главный орган левой английской интеллигенции «Нью Стэйтсмен» назвал первый процесс «неубедительным», но добавил: «Мы не отрицаем, что в признаниях может быть доля правды». О процессе 1937 года тот же «Нью Стэйтсмен» писал: «Мало кто станет теперь утверждать, что все или некоторые из подсудимых совершенно невиновны». Признания, прозвучавшие на процессе 1938 года, который, согласно «Нью-Стэйтсмену», «был безусловно очень популярен в СССР», показались загадочными — «независимо от того, правдивы они или ложны». «Но нет никаких сомнений в том, что в СССР процветает заговорщицкая деятельность» — таков общий вывод «Нью-Стэйтсмана»; в нем сочетаются недоверие к обвинениям с готовностью поверить в них.

Несмотря на обилие информации, противоречащей официальной советской версии, эту версию удалось навязать журналистам, социологам и другим иностранным посетителям. В этом состоит одно из достижений сталинизма. Сталин действовал методами, которые на первый взгляд могут показаться грубыми и примитивными, но они срабатывали почти безотказно. В ежовский период СССР посетило больше туристов, чем когда-либо раньше. Они ничего не увидели. Ночные аресты, застенки Лефортовской тюрьмы, переполненные камеры Бутырок, миллионы заключенных, изнемогающих от голода и холода в лагерях Дальнего Севера — все это не предназначалось для иностранцев. Три больших публичных процесса выглядели самыми захватывающими событиями, но и они проходили под строгим контролем, не отклоняясь от заранее составленного сценария.

Разглядеть Советский Союз было нелегко. Советское правительство содержало тогда в Болшеве показательную исправительно-трудовую колонию, которую могли осматривать иностранные посетители. Она привела в восхищение супругов Сиднея и Беатрисы Вебб⁷¹, о ней с похвалой отзывались Д. Притт, Гарольд Ласки и многие другие. Одному из дружественно настроенных посетителей представилось более редкая возможность: Ежи Гликсман, бывший до войны прогрессивным членом Варшавского городского сове-

та, посетил Болшево и пришел в восторг от новых гуманных методов криминологии. Но через несколько лет он сам очутился в лагере, причем более типичном для советской карательной системы⁷².

Бывшие заключенные вспоминают, что им иногда доводилось проходить через показательные блоки, которые назывались «тюрьмами Интуриста». Именно их и показывали зарубежным социологам и журналистам. Герлинга, когда он находился в Ленинградской пересыльной тюрьме (условия в ней были выше среднего: всего семьдесят человек в камере, предназначенной для двадцати), провели однажды через такое показательное крыло⁷³.

То, что произошло в Советском Союзе при Сталине, нельзя понять с позиции здравого смысла, если под здравым смыслом мы имеем в виду представления, которые кажутся разумными и само собой разумеющимися западному демократу. Много заблуждений, распространенных в Англии и в Америке в тот период, объясняются предрассудками. Причем люди не обязательно были настроены просоветски, но просто некоторые события или истолкования этих событий не укладывались у них в уме. Показательные процессы Сталина были не чем иным, как грандиозной фальсификацией — и это следовало разглядеть с самого начала. Но многие на Западе отказывались в это поверить, они отказывались допустить, что государство может насадить в таких масштабах систему дешевой и бессовестной лжи. В этой связи характерно замечание Бернарда Шоу: «Мне так же трудно поверить в то, что Сталин — обычный бандит, как в то, что Троцкий — убийца»⁷⁴. Очевидно подобные события, если бы они произошли в обществе с социальной структурой типа Римской империи или Флоренции эпохи возрождения, не удивили бы писателя. Заговоры, интриги, личные распри соответствуют духу этих государств. Но в советском государстве была некая обезличенность, и казалось, что оно больше подвержено влиянию политических идей, чем подобным явлениям.

Существовал еще один мощный фактор. И противники и сторонники Октябрьской революции представляли себе коммунистов преданными, даже фанатичными людьми — чем-то наподобие иезуитов Контрреформации. Их облик, при всех его недостатках и достоинствах, был несовместим с идеей уголовной преступности. В Англии, с ее чрезвычайно ограниченным опытом революционных движений, это представление все еще живо, особенно среди плохо инфор-

мированных слоев населения. Оно еще не утратило своей смутной притягательной силы.

Сталин, Каганович, Ворошилов, Молотов и Ягода, даже высшие сановники НКВД Миронов и Молчанов были до революции членами большевистской партии, которая вела подпольную борьбу с царизмом. Это создавало им ореол «борцов за идею», и он как-то не вязался с антигуманным и преступным поведением. И сейчас еще наверняка на Западе есть люди, которые отказываются поверить в то, что руководители КПСС писали грубости и непристойности на заявлениях осужденных, взывающих к милосердию, — зная, что эти люди совершенно невинны. Своеобразное представление о революционных движениях, существующее в Англии, приводит к такой ошибке. Наряду с идеалистами-простаками, ошибается и разношерстная масса людей, у которых к идеализму примешиваются тщеславие, карьеризм или просто чудачество.

Пожалуй, самым распространенным было мнение, согласно которому дело советских участников оппозиции было просто раздуто, а не тщательно сфабриковано. Сторонники такого мнения полагали, что отбросив крайности, они занимают здравомыслящую позицию. На деле это был упрощенный компромисс между правдой и ложью, между правым и виноватым.

К тому же суды были направлены против соперников Сталина. Мысль о том, что Сталин организовал убийство Кирова — убийство в чисто уголовном смысле — была бы отвергнута как нелепость: ведь Киров, как полагали, был ближайшим союзником и соратником Сталина. Когда об этом заикнулись некоторые бывшие оппозиционеры и люди, эмигрировавшие на Запад, — которые, естественно, были лучше знакомы с положением вещей, — на Западе этот вопрос, как не заслуживающий внимания, попросту не стали обсуждать.

Такие взгляды обнаруживают непонимание всей широты политических возможностей в рамках недемократической системы. В более узком смысле это означает неспособность понять советскую действительность и недооценку Сталина. Ибо политическая тактика Сталина была гениально проста: в борьбе за сохранение власти не признавать никаких нравственных и прочих ограничений.

Его соображения о том, «а что скажут за границей?» были в основе своей здравыми. Сфабрикованные им дела, конечно, шиты белыми нитками, но Сталин не пытался заткнуть

рот каждому, кто знал о них что-либо. Да в этом и не было необходимости. Что бы изменилось, если бы фальсификация дел была проведена безупречно и если бы Сталин неизменно расстреливал всякого, кто об этом знал? Почти ничего. Сталин лучше разбирался в особенностях общественного мнения как в СССР, так и на Западе. И — увы — он оказался прав! Те, которые были готовы верить его версии событий, поверили ей, закрыв глаза на частные недоработки и на предостережения других, имеющих доступ к достоверной информации. Государство, отказавшееся сознаться в своих преступлениях и закрывшее доступ к фактам, с успехом могло убедить многих иностранцев, несмотря на то, что у них в распоряжении были сведения очевидцев, переживших сталинский террор. Режимы, аналогичные советскому, усвоили этот урок, но на Западе он по сей день остается источником широкой информации.

О показательных процессах знали все. Но другие репрессивные меры оставались втайне: в частности, о размерах и характере лагерной системы Запад узнал от бывших узников коммунизма. После освобождения поляков появилась разом масса информации из первых рук. В 1948 году Д. Далин и Б. Николаевский опубликовали подробный отчет с указанием сотен лагерей, с репродукциями лагерных документов и т. д.⁷⁵ Британская делегация смогла распространить в ООН текст Исправительно-трудового кодекса РСФСР. Представили результаты своих исследований независимые профсоюзные организации.

На основе этих материалов была воссоздана абсолютно четкая, последовательная и исчерпывающая картина. Но ее отвергли. Жан-Поль Сартр даже высказался в том духе, что сведения о советских исправительно-трудовых лагерях следует игнорировать, хотя возможно они и соответствуют действительности, — иначе французский пролетариат будет повергнут в отчаяние. Почему население советских лагерей должно быть принесено в жертву членам французских профсоюзов, которых гораздо меньше? Непонятно. Так же непонятно, почему мнение французского пролетариата — одного из немногих, попавших под сильное влияние коммунистов, — должно иметь большой вес в международных делах, чем мнение английского, американского и немецкого пролетариата, настроенных антикоммунистически? И если уж на то пошло, почему интеллигенция должна принимать ложь? Подобные этические рассуждения можно было бы счесть временным заскоком, историческим курьезом; и

можно было бы ожидать, что всякий, кто выдвигает подобные взгляды, лишится роли морального арбитра. Но этого не случилось.

В 1940-50-х годах было предпринято много попыток скрыть или опорочить показания людей, побывавших в советских лагерях, да и вообще всякую информацию о репрессиях в СССР. Особенно отличалась этим Франция. В 1950 году писатель Давид Руссе возбудил дело против коммунистического еженедельника «Леттр Франсез». Газета обвинила Руссе в том, что он намеренно исказил выдержку из советского Уголовного кодекса. Адвокаты-коммунисты яростно защищались. Один из свидетелей, доктор Александр Вайсберг, австрийский еврей и до заключения в Советском Союзе — коммунист, подвергался систематической травле. Защитник допускал выражения типа: «Меня воротит при виде немца, дающего показания во французском суде». Но кампания с целью дискредитировать свидетеля не дала результатов. Вайсбергу удалось представить обращение, направленное советским властям после того, как его посадили в тюрьму, где он был охарактеризован как человек, честно служивший Советскому Союзу. Под обращением стояли подписи нескольких видных физиков, включая коммуниста Жюлио-Кюри.

Появление в высшей степени поучительной и интересной книги Кравченко «Я выбрал свободу» также вызвало потоки клеветы. В результате этой злобной кампании у первого поколения читателей заглавие этой книги и сейчас, наверное, вызывает неловкое и даже враждебное чувство. Кстати, некролог Виктору Кравченко, опубликованный в лондонской газете «Таймс» 26 января 1966 года, — поразительный пример того, как живучи еще чувства, распространенные в сороковых годах. Газета игнорировала вопрос о правдивости книги Кравченко (зadolго до этого установленной) и лживости обвинений против него (также юридически установленной). Она представила эту книгу в виде предсудительного акта холодной войны, очевидно совершенно забыв, как в действительности было дело.

Между тем, когда «Леттр Франсез» опубликовала статью, написанную будто бы американским журналистом по имени Сим Томас, который утверждал, что его друг из ОАС якобы сознался в том, что книга Кравченко — фальшивка, сфабрикованная данной организацией, Кравченко подал в суд. Во плоти Сим Томас так и не появился, и ясно в общем-то, что его никогда не существовало. На суде коммунисты потерпе-

ли полное поражение. Как же реагировали деятели французской культуры на факты, представленные внушительной группой очевидцев? Они отвечали на эти факты эмоциональными излияниями о героизме Сталинградской битвы. Чтобы опровергнуть показания людей, перенесших ужасы лагерей и другие страдания, они выставили таких свидетелей, как настоятель Кентерберийского собора Х. Джонсон и некий Конни Зиллиакус. Последние сочли для себя возможным заявить, что в СССР процветает полная или во всяком случае достойная восхищения свобода. Советское правительство также выставило группу свидетелей, но они, как правило, не выдерживали перекрестного допроса.

Вот, например, ответы советского свидетеля Василенко, который во время репрессий занимал ответственный пост на Украине:

Изар (адвокат Кравченко): Что случилось с нижеследующими членами Политбюро, избранными на Украине до начала репрессий: Косиор?

Василенко: Я его не знаю.

Изар: Затонский?

Василенко: Не припоминаю этой фамилии.

Изар: Они были членами правительства Украины, когда вы там работали. Балицкий?

Василенко: Не припоминаю этой фамилии.

Изар: Петровский?

Василенко: Он работает в Москве.

Изар: Его не репрессировали?

Василенко: Нет.

Изар: Хатаевич?

Василенко: Не знаю, где он сейчас.

Изар: Естественно! Любченко?

Василенко: Не припоминаю этой фамилии.

Изар: Исчез! Сухомлин?

Василенко: Я не помню этой фамилии.

Изар: Якир?

Василенко: Не знаю⁷⁶.

Василенко, вероятно, забыл от растерянности, что о смерти Якира и Любченко было объявлено официально. Его спросили, что произошло с четырьмя секретарями обкома, к которому он тогда принадлежал, и Василенко «не знал». Затем ему задали вопрос о судьбе пятнадцати директоров и инженеров главных предприятий области, где он был одним из ведущих промышленных руководителей. Свидетель утверждал, что о последующей судьбе десяти из них

ему не известно (двое умерли естественной смертью). Но допрос продолжался, и тогда Василенко, не выдержав, огрызнулся: «Почему вы становитесь в позу защитников таких людей, как они?»⁷⁷ — это замечание, естественно, несовместимо с неосведомленностью об их судьбе. Значение этой иллюстрации официального советского мышления — иллюстрации, продемонстрированной публично, — выходит за рамки данного процесса.

Кравченко выиграл процесс. Некоммунистическая западная пресса признала за ним полную и безоговорочную победу. Высокую оценку получило искусство его защитника, мэтра Изара, героя Сопротивления, бывшего депутата-социалиста и узника гестапо. Но главную роль в успехе сыграли ум и сообразительность самого Кравченко, которому пришлось иметь дело с весьма опытными французскими адвокатами. Однако после победы детали начали забываться; поток грязи и клеветы зажурчал снова и оставил неприятный осадок. Мне не известно о том, чтобы г.г. Джонсон и Зиллиакус, не говоря уже о французах, попытались восстановить свое доброе имя соответствующими заявлениями. Что касается парижских интеллектуальных кругов, то им нужно было знать только одно: что Кравченко — противник советской системы. А это означало, что он неправ⁷⁸.

Факт существования лагерей в СССР был признан, но их пытались представить в виде весьма гуманных воспитательных учреждений. Английский коммунист Пэт Слоун, который занимался главным образом налаживанием культурных связей с СССР, опубликовал в 1937 году книгу под заглавием «Советская демократия». В ней он писал: «Если сравнить тюремное заключение в Советском Союзе и в Великобритании, то первое может показаться почти приятным времяпровождением. Ибо суть заключения в СССР — это изоляция от общества. Человек, находящийся в изоляции наряду с другими, имеет возможность заниматься полезным трудом, получать зарплату за свой труд и участвовать в управлении своим изоляционным пунктом, или «тюрьмой», так же, как дети участвуют в управлении школой, рабочие — в управлении предприятием»⁷⁹.

А вот выдержка из следующей книги Слоуна «Россия без иллюзий» (1938 г.): «Советские лагеря предоставляют заключенному свободу, необычную для тюрем нашей страны»⁸⁰.

В 1966 году Пэт Слоун прокомментировал свою деятельность на страницах журнала «Спектейтор»: «Среди людей, писавших об СССР в тридцатые годы, у меня меньше всего

оснований стыдиться своих слов или пытаться взять их обратно»⁸¹.

Главный редактор коммунистического еженедельника «Леттр Франсез» Пьер Дэ писал: «Лагеря по перевоспитанию граждан в Советском Союзе — это достижение, свидетельствующее о полном устранении эксплуатации человека человеком; решительный показатель того, что победивший социализм стремится освободить людей от эксплуатации путем освобождения и самих угнетателей, рабов своего эксплуататорского положения». По иронии судьбы Пьеру Дэ было поручено написать предисловие к французскому изданию «Одного дня Ивана Денисовича», появившемуся при содействии Общества друзей Советского Союза...

Однако активное фальсификаторство поклонников Советского Союза и, что еще хуже, — теоретическое обоснование лжи, сделанное «философами», не были единственным источником заблуждений. Общая смутная доброжелательность по отношению к СССР, наблюдавшаяся даже в тридцатых годах, породила тенденцию к замалчиванию и игнорированию фактов.

Сам побывавший в советском концлагере доктор Юлий Марголин пишет, что «целое поколение сионистов умерло в советских тюрьмах и в ссылке». Зарубежные сионисты никогда не могли им помочь — не потому, что это было трудно, а потому, — продолжает Марголин, — «что нам было все равно. Я не помню ни одной статьи о них в предвоенных газетах. Не было затрачено ни малейшего усилия, чтобы мобилизовать общественное мнение и облегчить их судьбу»⁸².

Если так вело себя сионистское движение, состоящее из образованных, любознательных людей с международным кругозором и имеющих к тому же особый интерес к данной категории заключенных, то что же говорить о Западе в целом? Ведь интерес жителей Запада (если он вообще был) мог быть порожден лишь отвлеченными общечеловеческими чувствами.

Западу потребовалось много времени, чтобы переварить последствия сталинской эры. И странно — доказательства, которых было бы достаточно для разоблачения любого другого режима, продолжали наталкиваться на сопротивление. Это явление отлично проиллюстрировано в предисловии Жан-Поля Сартра к книге Анри Аллега о пытках в Алжире. Сартр пишет, что пытки, как нам теперь стало известно, существуют и в коммунистических странах. Мы

узнали об этом от Хрущева и из показаний на суде над венгерским руководителем госбезопасности Фаркашем. То есть Сартр по сути дела говорит, что сами по себе свидетельства очевидцев и лиц, самих претерпевших пытки,— наподобие тех, которые собрал в своей книге Аллег,— действительны для Франции, но недействительны в применении к Советскому Союзу.

Разоблачение Сталина в феврале 1956 года не поколебало убежденных коммунистов на Западе, но вызвало у них беспокойство за тех, чья вера менее крепка. Вскоре после того, как содержание выступления Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС стало ему известным, член компартии Франции, нобелевский лауреат и известный «сторонник мира» профессор Жолио-Кюри сказал Илье Эренбургу⁸³: «Многие наши интеллигенты после XX съезда заколебались». И добавил: «Я никогда не обманывался». Это подтверждает Кестлер, сообщая, что Жолио-Кюри вместе с Переном и Ланжевром дал свою подпись под телеграммой Сталину, ходатайствующей об арестованном в Харькове физике А. Вайсберге⁸⁴. Тем самым Жолио-Кюри давал понять, что сознавал необоснованность по крайней мере некоторых обвинений, предъявленных в советских судах.

Подобно многим другим, Жолио-Кюри вероятно думал, что радикальные изменения в структуре государства и общества сопряжены с трудностями и личными трениями; такого рода трудности могут возникнуть в любой стране, и лично его это не трогало. Но неприятные факты могут оказать нежелательное влияние на тех, кто знает меньше! Поэтому профессор попросил Эренбурга: «Пожалуйста, при детях расскажите о том хорошем, что у вас делается. А теперь поговорим о прошлом...». «Теперь»— значило «наедине».

Таково, вероятно, рациональное мышление коммуниста. Как бы то ни было, Жолио-Кюри — это всего лишь один, хотя и показательный пример в чрезвычайно пестрой картине антигуманизма и самообмана. Возможно, новые поколения примут эти события ближе к сердцу.

НАСЛЕДИЕ

5 марта 1953 года, когда умер Сталин, его наследники призывали народ не допустить «паники и разброда»⁸⁵. Эти призывы были излишни — единая воля, исходившая от созда-

теля нового государства, исчезла, но созданная им машина осталась. Стремление к переустройству жизни, охватившее советских граждан, по-прежнему не имело выхода и организационных возможностей.

Отрезок времени, отделяющий нас от того момента, равен по длительности периоду сталинского правления от ежовщины до смерти диктатора. Не стоит подробно углубляться в послесталинский период советской истории. Достаточно сказать, что над политической жизнью все еще висит проблема сталинщины, что официальная линия колеблется между решительным, хотя и частичным развенчанием диктатора (1956-1961 гг.) и позитивной оценкой его деятельности (например в 1957 году и в последние годы).

В данный момент взят курс на прямую реабилитацию Сталина. Но в разгар критики сталинского прошлого время от времени появлялась литература, на которую мы ссылаемся в этой книге.

Определение «культ личности» — это рамки, в которых ведется критика. Оно звучит недостаточно сурово, вызывая ассоциации с тщеславием и подобострастием — а это совсем не те компоненты, которые сделали правление Сталина столь прискорбным. Его жертв гораздо меньше волновало то, что именем Сталина назывались города, и гораздо больше — засилье террора и лжи. В определении «культ личности» есть оттенок деспотизма, но все же оно бьет мимо цели.

В угоду политическому лозунгу в него удавалось впихнуть такие понятия, как разнузданная тирания и — намек на легкие перегибы в оправданном применении силы. Но главное — определение дает возможность утверждать, что советское государство и партия в своей основе остались неизменными. В резолюции XX съезда КПСС мы читаем: «Успехи, которые одерживали трудящиеся Советского Союза под руководством своей Коммунистической партии, вселяли законную гордость в сердце каждого советского человека и создавали такую атмосферу, когда отдельные ошибки и недостатки казались на фоне громадных успехов менее значительными...». И дальше: «Никакой культ личности не мог изменить природу социалистического государства, имеющего в своей основе общественную собственность на средства производства, союз рабочего класса с крестьянством и дружбу народов...»⁸⁶.

Но, как писал итальянский коммунистический руководитель Пальмиро Тольятти: «Сначала все хорошее приписыва-

лось сверхъестественным положительным качествам одного человека. Теперь все плохое приписывается его столь же исключительным и просто поразительным недостаткам. В первом случае, так же, как и во втором, мы выходим за рамки критериев, присущих марксизму. Истинные проблемы остаются в стороне — вот почему советское общество приобрело формы, чуждые демократии и законности, к которым оно стремилось. Оно дошло до грани вырождения»⁸⁷.

Советское руководство снова и снова повторяло, что оно решительно и непримиримо выступает против любых попыток, под видом борьбы с культом личности, подорвать основы марксистско-ленинской теории и оживить анимарксистские взгляды и течения, осужденные партией. Сталинский тезис об обострении классовой борьбы (а, следовательно, и возрастании роли террора) по мере того, как побежденные эксплуататорские классы теряют свои позиции, был осужден. Но в официальной формулировке, включенной в программу партии на XXII съезде, об этом сказано лишь с оговорками:

«Общая тенденция развития классовой борьбы внутри социалистических стран в условиях успешного строительства социализма ведет к упрочению позиций социалистических сил, к ослаблению сопротивления остатков враждебных классов. Но это развитие идет не по прямой линии. В связи с теми или иными изменениями внутренней и внешней обстановки классовая борьба в отдельные периоды может обостряться. Поэтому требуется постоянная бдительность...»⁸⁸.

За это время произошла некоторая эволюция в методах правления. Особое совещание МВД было упразднено в сентябре 1953 года⁸⁹. 19 апреля 1956 года было отменено террористическое постановление ЦИК от 1 декабря 1934 года, изданное после убийства Кирова.

25 декабря 1958 года новый «Закон об уголовной ответственности за государственные преступления» заменил соответствующие статьи Уголовного кодекса, составленного при Сталине. Некоторые чудовищные меры, например, статья, карающая семьи людей, бежавших за границу, даже если родственники ничего не знали, — были отменены. Но новый закон остается драконовским во всем, что касается антигосударственных действий, организаций и дискуссий.

Судопроизводство также претерпело некоторые изменения. Вышинского разоблачили, и с его уходом теория о том,

что «признания» составляют главный элемент всякого хорошо составленного дела, потеряла прежнюю силу. Но к получению признаний все еще прибегают, придавая этому большой вес — как, например, сейчас (1973 г.) на процессе Петра Якира и Виктора Красина. Суды над Андреем Амальриком, Владимиром Буковским и многими другими, издевательское содержание инакомыслящих — как ген.-майора Григоренко — в психиатрических больницах, показывают, что о правах личности говорить еще не приходится.

Система исправительно-трудовых лагерей остается, и из официальных источников никакой информации о ней получить нельзя. Создается впечатление, что в 1950-51 годах были приняты меры, направленные на сокращение смертности среди заключенных и повышение эффективности принудительного труда. После смерти Сталина лагерный режим был немного ослаблен, что частично объясняется массовыми забастовками в северных лагерях. Большое число заключенных вышло на свободу по реабилитации и амнистиям, но этот процесс прекратился где-то в 1957 году.

Получается такая картина: население одних лагерей резко сократилось, а в других осталось почти на том же уровне. Во многих лагерях заключенных выпустили на вольное поселение. После лагерных бунтов 1953 года (Воркута) и 1954 года (Кунгур) заключенных переправляют дальше на Восток. Сообщения конца 1956 года, когда операции по сокращению числа заключенных фактически прекратились, показывают, что комплекс Колыма-Магадан изменился очень мало. Репатриированные военнопленные подсчитали, что в то время в дальневосточных лагерях сидело еще более миллиона. Сейчас, видимо, наиболее страшные комплексы типа Колымы и Воркуты значительно урезаны, а более мелкие, как например Дубровлаг на Потьме (там расположено по меньшей мере семнадцать лагерей) продолжают существовать в том же виде.

Подсчитать число заключенных в советских лагерях (которые сейчас гуманно перекрестили в «колонии») трудно. Андрей Синявский иронически замечает в повести «Суд идет»: «После амнистии лагерь опустел. Нас, крупных преступников, здесь осталось каких-нибудь тысяч десять»⁹⁰. Заместитель Генерального прокурора СССР П. И. Кудрявцев в интервью с профессором юридического факультета Гарвардского университета Г. Берманом сказал, что в мае 1957 года, после амнистии, две трети лагерей было закрыто, но упомянул, что строятся новые. По словам Бермана, Кудряв-

цев старался создать впечатление, что население лагерей составляло в 1957 году 800-900 тысяч человек⁹¹. Эти цифры кажутся заниженными, поскольку они отсчитывались от трех миллионов, находившихся якобы в заключении в последние годы жизни Сталина. На самом деле их, конечно, было больше. Бывшие заключенные сообщают, с другой стороны, что основные старые комплексы все еще действуют⁹². В неофициальных разговорах советские граждане склоняются к цифре в один миллион, оговариваясь, что не более десяти процентов от этого числа составляют политические заключенные. И все же это число превышает население гитлеровских лагерей в мирное время.

Лагерная дисциплина остается суровой. Указом Президиума Верховного Совета от 5 мая 1961 года впервые была введена смертная казнь за агрессивные акты в отношении администрации (не доходящие до убийства). Словом, после смерти Сталина карательная и полицейская системы СССР были несколько реформированы, но радикальных изменений не произошло.

Эта двусмысленность относится и к советской действительности в целом. Она имеет глубокие политические корни. Власти могли бы укрепить свое положение, если бы им удалось освободиться от бремени прошлого. Ежовщина и последние годы жизни Сталина очень непопулярны даже в партийных кругах — тогда никто не чувствовал себя в безопасности.

Сегодняшний советский режим вырос из сталинщины. Он неуклонно защищает правильность генеральной линии Сталина в борьбе с левыми и правыми уклонистами в двадцатых-тридцатых годах, а значит — защищает основы сталинской политики вообще. Поэтому «десталинизация» удерживается в определенных рамках. Тело Сталина удалено из Мавзолея, но оно все еще покоится на почетном месте у кремлевской стены, среди других «положительных» советских деятелей второго эшелона. Знаменательно, что могила Сталина соседствует с могилой Дзержинского, создателя советской тайной полиции.

Многие из личной свиты Сталина умерли вслед за диктатором, окруженные почестями: Шкирятов — в 1954 году, Вышинский — в 1955 (хотя поговаривают, что он покончил с собой). Но Поскребышев (к моменту написания книги) еще жив и на свободе; он, если верить слухам, пишет мемуары. Кагановича и Маленкова обвинили в «преступном нарушении социалистической законности» и... тоже оставили на

свободе. Большинство руководителей сталинского НКВД расстреляно после серии судов в 1953-1956 годах. Но другие еще здравствуют — например, Серов, ставший в 1959 году начальником разведки в армии. Генерал Горбатов совершенно равнодушно вспоминает о своем «изверге-следователе» Столбунском: «не знаю, где он сейчас»⁹³.

Пока еще не было сделано серьезной попытки оправдаться за террор в целом. «Великий заговор», во главе которого якобы стоял Троцкий, который поддерживали нацисты, в который были вовлечены политики, военачальники, инженеры, врачи и тысячи рядовых граждан, еще не был вразумительно разоблачен как фальшивка. С другой стороны, прозвучали заявления, которые в пух и прах разбивают главные обвинения на показательных процессах. Группа «заговорщиков» с процесса 1938 года реабилитирована десять лет тому назад, что превращает весь «заговор» в посмешище. Главное «преступление», инкриминированное осужденным 1937 года — покушение на жизнь Молотова — было открыто названо на XXII съезде КПСС ложью. А убийство Кирова, составляющее сердцевину карательной деятельности Сталина? Хрущев дважды — в докладе на закрытом заседании XX съезда в 1956 году и в докладе на XXII съезде партии в 1961 году — назвал официальную версию недостаточной и неубедительной. Причем оба раза он намекнул, что убийство было организовано Сталиным. Итак, правда вытягивается по кусочкам, медленно и болезненно, как крепко засевший гнилой зуб. Но сказанного уже достаточно для того, чтобы вскрыть абсолютную лживость доводов, которыми прикрывался Сталин.

Реабилитация 1956-57 годов отмечена тем же недостатком логики. Доброе имя военных жертв восстановлено. Казненным сталинцам — Рудзутaku, Чубарю, Постышеву, Эйхе, Косиору и другим — посмертно возвращены все почести. То же можно сказать о Енукидзе и Карахане, осужденных в 1937 году. Но ни один участник процессов Зиновьева и Пятакова еще не удостоился реабилитации.

Что касается бухаринского процесса, то часть осужденных полностью реабилитирована (Икрамов, Ходжаев, Крестинский, Зеленский и Гринько сейчас в фаворе), а другие — нет. Неувязки поистине фантастичны.

Осенью 1962 года югославские источники сообщили, что вскоре будет реабилитирован Бухарин⁹⁴. Но этого не произошло, хотя на Всесоюзном совещании по улучшению подготовки научно-педагогических кадров в исторических

науках академик Поспелов сказал: «Студенты спрашивают, были ли шпионами иностранных государств Бухарин и другие, и что вы нам посоветуете прочесть? Я могу заявить, что достаточно внимательно изучить документы XXII съезда КПСС, чтобы сказать, что ни Бухарин, ни Рыков, конечно, шпионами и террористами не были»⁹⁵. Это частичное оправдание важно в принципиальном смысле, но честное имя Бухарина и Рыкова до сих пор не восстановлено. В момент, когда пишутся эти строки, Зиновьев, Каменев, Пятаков, И. Смирнов, Сокольников — это не все, а лишь некоторые видные деятели партии, павшие жертвами показательных процессов, — остаются не реабилитированными. Не говоря уже о многих других, которые даже не фигурировали на публичных процессах — Преображенский, Смилга, Угланов, Шляпников, Медведев, Сапронов, Сосновский.

Реабилитация, при всей ее нелогичности и ограниченности, проводится на разных уровнях. Максимумом до сих пор была отдельная статья, в конце которой говорилось, что данный человек пал жертвой клеветы в условиях культа личности. Минимум — это упоминание имени в нейтральном или доброжелательном контексте. Есть, правда, еще один показатель, который нельзя включить даже в категорию «минимум»: он состоит в том, как именно фамилия данного лица фигурирует в биографической справке, прилагаемой к трудам по истории страны и партии. Если человек уже вышел из немилости, то наряду с годом рождения и смерти дается год вступления в партию. Например — «член партии с 1910 года». Если же человек еще не реабилитирован, то формулировка будет иной — «в 1910 году состоял в партии». Руководствуясь этим критерием, можно определить, что Сырцов, например, уже в какой-то мере реабилитирован, а Преображенский — нет.

Боязнь взглянуть в глаза прошлому естественно порождает недомолвки и невнятицу. Причина этого ясна — ведь машина, заведенная Сталиным, продолжает работать и по сей день. Принцип однопартийного правления, полное господство партии во всех сферах жизни, сохранение ее монолитности, авторитарное руководство, сосредоточенное в руках кучки людей, — все это остается неизменным. Все кадры нынешнего руководства выкованы старой сталинской машиной. Каналы, по которым они пришли к власти, были установлены при Сталине. Тогда же были выработаны и отшлифованы методы управления, действующие поныне.

Критика сталинского террора, начавшаяся в период хрущевской «оттепели», носила общий характер, была полна недомолвок и не преступала пределов дозволенного. Реабилитация проводилась тогда непоследовательно и наобум. Сейчас этот процесс более или менее прекратился, но, возможно, он возобновится на более поздней стадии. Можно однако сказать, что в настоящий момент политические преимущества, которые хотел получить Хрущев в ходе десталинизации, с точки зрения нового руководства уже использованы — группа потенциальных претендентов на власть отстранена от общественной жизни.

После падения Хрущева в октябре 1964 года все спекулятивные и рискованные начинания были пресечены. Это относится и к проблеме сталинщины — письменные дискуссии о наиболее щекотливых местах сталинского прошлого прекратились. В отношении к Сталину сначала стало высказываться холодное уважение, а потом стала заметна и благосклонность, хотя историки партии этому всячески противились. Так была консолидирована система, созданная Сталиным, исправленная и улучшенная Хрущевым.

Масштабы реакции, воцарившейся после Хрущева, ясно очерчены отношением к делу Ф. Ф. Раскольников. Во введении к его мемуарам (опубликованным в 1964 году) совершенно недвусмысленно говорится, что он полностью реабилитирован, посмертно восстановлен в правах члена КПСС и советского гражданина. Еще в 1968 году отмечаются его заслуги в гражданской войне⁹⁶. Вскоре после этого, однако, его фотографии исчезают со страниц иллюстрированных изданий и работники редакций, давшие о нем лестные отзывы, получают взыскания или увольняются.

В данный момент внутреннее положение в Советском Союзе противоречит всякой логике. Если эту систему приняли все классы общества (а они теперь сплошь «некапиталистические»), то, казалось бы, можно слегка разжать кулак. То есть, выражаясь западным языком, за тридцать лет «промыывания мозгов» и террора можно было создать страну, где оппозиция существующему строю, даже если ее допустить, была бы ничтожной. Похоже, что в 1956 году одному-двум партийным руководителям эта идея стала забредать в голову — если не Хрущеву, то по крайней мере Шепилову. На какое-то время ей, можно думать, поддались и в Китае: самое убедительное объяснение кампании «Пусть расцветают сто цветов!» состоит в том, что китайское руководство решило допустить некоторую свободу в надежде, что она

будет способствовать укреплению режима. Но это оказалось тактическим просчетом — и в СССР, и в Китае мгновенно произошли вспышки ереси.

Советский режим являет собой забавное зрелище: с одной стороны, он утверждает, что пользуется всеобщей поддержкой, а с другой — проявляет крайнюю чувствительность к критике, даже самой безобидной, как это было продемонстрировано в деле Синявского и Даниэля. Ясно, что время для примирения с народом, для создания демократической партии марксистского толка, как было запланировано первоначально, еще не наступило. Сейчас, во всяком случае, после сорока лет беспросветных лишений, обещания лучшего будущего еще далеки от исполнения. Люди, ведущие советский караван, если так можно выразиться, привыкли к безжизненному окружению пустыни; они наслаждаются своей властью и знают: попади караван в более плодородный и живописный край — они сразу потеряют эту власть.

У Пятакова была идея, что партия, силой своей политической организации, может создать промышленность и пролетариат (которые по Марксу предшествуют социализму), а после этого — вернуться в русло, предсказанное марксизмом. Но «чуда» Пятакова не произошло по совершенно очевидной причине. Думать, что партия, сделав затяжной антимарксистский крюк, снова сможет стать представителем пролетариата на гуманных и демократических началах, было, конечно, ошибкой. Временное отчуждение стало постоянным. Ибо сталинские методы нельзя испробовать, а потом, достигнув нужных экономических и политических целей, — отбросить. Террор создает свои кадры, свои учреждения и институты, свою психологию. А партийная машина, которая так долго действовала только в своих собственных, ограниченных интересах, превратилась в «новый класс» Джиласа. Этот класс не более способен изменить свои привычки, чем бюрократические классы прошлого.

Эра Сталина была таким кошмарным прошлым, что ее разоблачение принесло явные политические дивиденды режиму, пришедшему на смену. Но одновременно он унаследовал в готовом виде систему институтов и правящую касту с укоренившимися верованиями и навыками. Партийные бюрократы очень неохотно идут на изменения, даже когда это не ущемляет их права управлять. В СССР же попыток ослабить это право предпринято не было, и вряд ли подобные попытки могут рассчитывать на успех до тех пор, пока не начнется массовое брожение. Сталинизм — это не толь-

ко особые методы террора и своеобразные взгляды на индустриализацию, но и создание особой политической структуры. В определенном смысле это составляет его суть. Структура же остается без существенных изменений.

«Десталинизация» обычно приравнивается к «либерализации». Но десталинизация, которая проводилась в Советском Союзе во времена Хрущева, состояла лишь в отходе от перегибов и злоупотреблений, допущенных покойным диктатором. Качественно это не меняет систему политического управления СССР или основные принципы, стоящие за этой системой. Россией по-прежнему правит партаппарат; принцип партийности — доктрина, обеспечивающая верхушке право решать все вопросы скорости и направления, — остается неизменным. На практике десталинизация сводится лишь к отказу от чрезмерного пользования кнутом и шпорами:

В последнее время мы неоднократно были свидетелями попыток реабилитировать НКВД. Под огонь критики попали люди, которые, исходя из роли, сыгранной этой организацией в проведении репрессий, «непрочь в связи с ликвидацией последствий культа личности набросить тень чуть ли не на все чекистские кадры»⁹⁷. Отметим, что после падения Хрущева появилась целая серия романов и пьес, в которых агенты тайной полиции выведены героями. Например — «Операция «С Новым Годом!»» (М., 1964) и «Я отвечаю за все» (М. Л., 1965) Юрия Германа; «Щит и меч» (М., 1965) Вадима Кожевникова; «Улицы гнева» (М., 1966) А. И. Былинова или «Камешки в руке» Салынского.

Параллельно с этим в вышедшем в «самиздате» третьем выпуске сборников «Преступление и наказание», посвященном разоблачению палачей сталинских времен, указано, что, например «бывший комендант НКВД Грузии Надрая, специализировавшийся на поставке женщин и девочек для Сталина и Берии, был осужден на десять лет, вышел на свободу в 1965 году и живет в Грузии», что полковник КГБ в отставке Монахов, ликвидировавший несколько сот иностранных коммунистов в Соловецких лагерях в начале советско-финской войны, проживает на благоустроенной даче под Ленинградом, и что попытка исключить его из партии наткнулась на сопротивление тогдашнего первого секретаря Ленинградского обкома Толстикова; что бывший заместитель начальника КГБ Тимирязевского района Москвы А. В. Сугак, «особенно свирепствовавший, преследуя врачей-евреев» в 1952 году, получил место заместителя директора Центрального музея Ленина и живет на даче под Москвой и т. д. Аналогично

обстоит дело и с доносчиками. Так, например, В. Н. Астров, «автор сотен доносов», в 1966 выпустил книгу «Круча», в которой «вывел под псевдонимами и вновь оклеветал ранее оклеветанных им людей»⁹⁸.

Относительная свобода оппозиции, существовавшая в начале и даже в середине двадцатых годов, не восстановлена. Внутриполитическое положение СССР на сегодняшний день во многом напоминает то, что было в начале тридцатых годов. Репрессии начались в аналогичном общественно-политическом климате и никаких конституционных или иных гарантий против повторения сталинского террора нет. Советское общество не больше застраховано от рецидивов тирании, чем древний Рим, где на смену Веспасиану, восстановившему здравомыслие на развалинах империи Нерона, пришел Домициан.

Больше того, как раз во взглядах на сталинщину в последнее время наблюдается устойчиво реакционная тенденция. Уже к началу 1966 года осторожно нащупывается путь к восстановлению положительного отношения к сталинской системе правления. «Правда», например, в январе 1966 приветствует «развенчание партией и народом культа личности», но тут же предостерегает: «К сожалению, однако, и в этом деле сказались чуждые марксизму субъективистские влияния, нашедшие отражения также в некоторых трудах историков»⁹⁹.

В сентябре 1966 года Уголовный кодекс пополнился статьей 190-ой, карающей в своем § 1 «систематическое распространение в устной форме заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй, а равно изготовление и/или распространение в печатной или иной форме произведений такого же содержания», а § 3 «организацию, а равно активное участие в групповых действиях, нарушающих общественный порядок или сопряженных с явным неповиновением законным требованиям представителей власти»¹⁰⁰.

Цель этого законодательства, проливающего определенный свет на характер послехрущевского руководства — пресечь протесты против несправедливостей типа процесса над Синявским и Даниэлем. На это указывали советские писатели и ученые.

Выступая на пленуме итальянской компартии (ноябрь 1961), сенатор-коммунист Секкиа сказал: «Путь, приведший к казням членов КПСС, был долгим. Он начался не в 1937 и не в 1934 году, а гораздо раньше — когда меньшинство

было лишено права выражать свое мнение. Меньшинства были изолированы, взяты под подозрение, затем исключены из партии и ликвидированы»¹⁰¹. С другой стороны, мысль о разрешении нескольких мнений внутри партии получила резкий отпор на XXII съезде КПСС, и с тех пор о ней никто не упоминал.

Но вместе с тем нынешнее положение в СССР отличается от положения тридцатых годов: партийный энтузиазм выветрился, остались только инерция, сила привычки и прежние институты. Если стать на эту точку зрения, то советский режим может показаться чем-то наподобие монархий начала XIX века: они были величественны и могущественны, но их сердце уже перестало биться; осталась только оболочка, которая лопнула, уступив путь демократии.

Более того, сталинская хозяйственная система могла действовать лишь при условии суровых политических и полицейских ограничений — подавления потребительского спроса и замены экономических стимулов тактикой кнута. В эпоху угля и стали она еще была пригодна, но ей весьма трудно совладать с современной техникой. Давление экономических факторов требует коренных перемен, а не мелких реформ, которые были проведены в последнее время.

Каким путем пойдет дальнейшее развитие Советского Союза? Здесь можно выдвинуть несколько вариантов, но следует учесть (как напомнил итальянский социалист Пьетро Ненни), что нет никаких гарантий против повторения того, что произошло в тридцатых годах.

Милован Джилас пишет: «К сожалению и сегодня, после так называемой «десталинизации», можно сказать то же, что и до нее: общество, созданное Сталиным, существует в полном — и тот, кто хочет в мире, отличном от сталинского, должен бороться»¹⁰².

Это, быть может, сказано слишком сильно. Но, тем не менее, нынешняя система правления в Советском Союзе, да и в других коммунистических странах, продолжает покоиться на монолитной партии, созданной Сталиным после подавления и всяческой оппозиции. Это еще не означает, что в любой момент должна или может произойти вспышка сталинского террора. Однако сегодня с большей чем когда-либо силой звучат слова коммунистки-мученицы и героини Розы Люксембург: «Без всеобщих выборов, без неограниченной свободы печати и собраний, без свободной борьбы мнений жизнь каждого общественного института замирает, становясь подобием жизни, в которой единственным актив-

ным элементом остается бюрократия... Более того, такое положение вещей ведет к одичанию общественной жизни»¹⁰³.

В этих словах, сказанных о ленинском режиме, нет моральных доводов. Но Роза Люксембург смогла в них ясно предвосхитить все развитие советской страны — от революции до победы Сталина. Пока ее заветы не выполнены, Советский Союз будет страдать — в более или менее острой форме — хроническим недомоганием, достигшим критической точки в годы Ежова. Нам остается только надеяться на полное выздоровление. Признаком такого выздоровления был бы честный разбор прошлого — чтобы советские люди смогли свободно и досконально изучить события, о которых рассказывается на страницах этой книги.

ЭПИЛОГ

1. И. Эренбург, Собр. соч., т. 9, стр. 189 («Люди, годы, жизнь», кн. 4, гл. 28).
2. Р. Иванов-Разумник, «Тюрьмы и ссылки», стр. 342-5.
3. Beck and Godin, *The Russian Purge and Extraction of Confession*, pp. 182-3.
4. Там же, стр. 93, 203.
5. Adolf Hitler, *Mein Kampf*, B. I, München, 1928, s. 181.
6. Beck and Godin, p. 194.
7. «Записки из мертвого дома», ГИХЛ, Москва, 1965, стр. 595.
8. Georg Lukács in *Nuovi Argomenti*, oct. 1962.
9. См. Souvarine, *Stalin*, London, 1937, p. 661 (Postscript).
10. Zh. Medvedev, *The Rise and Fall of T. D. Lysenko*, New York, 1969, p. 267.
11. Материал о Катынском убийстве см. *Bulletin d'Information de la Commission pour la Verité sur les Crimes de Staline*, n. 3, Janvier 1964.
12. «Wspolczesnosć», 16 февр.-1 марта 1966.
13. См. R. Conquest, *The Soviet Deportation of Nationalities*, London, 1960.
14. Эрнст Генри (Ростовский) в «Гранях» № 13, 1967, стр. 194.
15. Хрущев, Доклад на закр. заседании XX съезда КПСС, стр. 35.
16. К. Симонов, «Солдатами не рождаются», стр. 694-5.
17. Горбатов, «Годы и войны», стр. 154.
18. Ю. П. Петров, «Партийное строительство в Советской армии и флоте (1918-1961)», Москва, 1964, стр. 304.
19. Хрущев, Доклад на закр. заседании XX съезда КПСС, стр. 35.
20. Там же, стр. 35.
21. XVIII съезд ВКП[б], Стенограф. отчет, Москва, 1939, стр. 276.
22. Erickson, *The High Command*, p. 583.
23. Там же.

24. Там же, стр. 552.
25. См. *Nazi Conspiracy and Aggression*, vol. VI, Washington, 1946, p. 981
26. Ю. П. Петров, стр. 332.
27. Erickson, p. 583.
28. Там же, стр. 578.
29. Эренбург, Собр. соч., т. 9, стр. 246 («Люди, годы, жизнь», кн. 4, гл. 37).
30. Там же, стр. 713 (кн. 7, гл. 30); см. также стр. 735 (кн. 7, гл. 33).
31. Полк. Б. С. Тельпуховский «Великая Отечественная война Советского Союза 1941-45 гг.», Москва, 1959, стр. 40; см. также Erickson, p. 583.
32. См. Erickson, Chap. XVII, p. 565-87
33. Deutscher, *Stalin*, p. 486.
34. Симонов, стр. 675.
35. См. Український рад. енциклопедичний словник, Киев, 1967, 1968, стр. 362, 307; Українську рад. енциклопедію, т. 16, стр. 383; см. также А. Светланин, «Дальневосточный заговор», стр. 105 (прим.).
36. Маршал С. С. Бирюзов, «Советский солдат на Балканах», Москва, 1963, стр. 140-1.
37. Эренбург, Собр. соч., т. 9, стр. 307-12.
38. Herling, *A World Apart*, pp. 175-6.
39. Там же, стр. 221-4.
40. Beck and Godin, pp. 189-90.
41. Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 405.
42. Там же, стр. 282.
43. El Campesino, *Listen, Comrades*, p. 198.
44. Пастернак, «Доктор Живаго», стр. 586-7.
45. Сталин, Собр. соч., т. XIV, стр. 206; «Правда», 27 июня 1945.
46. См. «Nova Mysl», № 7, 10 июля 1968.
47. «Комсомольская правда», 15 ноября 1964.
48. См. Хрущев, «Строительство коммунизма в СССР», т. 8, Москва, 1964, стр. 265 (докл. на Пленуме ЦК 9 дек. 1963).
49. Информация автора; см. также «Один день Ивана Денисовича», Солженицын, Собр. соч., т. 1, стр. 27, 51, 130.
50. Ленин, Собр. соч., т. 3, стр. 490 («Развитие капитализма в России»).
51. «Коммунист» № 17, 1962 (С. Старостин и Е. Фролов, «Экономическое развитие и совершенствование планирования»).
52. См. Souvarine, pp. 578-9.
53. «Совещание историков», стр. 69.
54. Там же, стр. 56.
55. В. В. Парин в «Литературной газете» 24 февр. 1962 («Авторитет фактов»).
56. «Совещание историков», стр. 338 (Выст. А. С. Сумбат-Заде).
57. См. «Октябрь» № 2, 1949, стр. 147-8 (Доклад секретаря правления ЦСП СССР А. Софронова).
58. Хрущев, Доклад на закр. заседании XX съезда КПСС, стр. 44.
59. *Bulletin d'Information de la Commission pour la Verité sur les Crimes de Staline*, n. 3, Janvier 1964.
60. «Московский процесс» в «Соц. вестнике» № 1-2, янв. 1937.
61. Victor Serge, *Memoires d'un revolutionnaire*, Paris, 1951, pp. 345-7
62. Report of the Dewey Commission, New York, 1937.
63. Julian Symons, *The Thirties*, London, 1960, p. 142.
64. *The New Leader*, 10 Oct. 1964.
65. Bertold Brecht, *Der Spitzel*, Szene 10 aus «Turcht und Elend des Dritten Reiches», Berlin, 1948; (Приведенную здесь цитату см. на стр. 71).
66. См. БСЭ, 2-е издание, Москва, т. 28, 1954, стр. 310.

67. «Комсомольская правда», 2 сентября 1962 («Пролетарский орленок»).
68. См. Herbert Luthy, *Preuves*, Mars 1953
69. Koestler, *Arrow in the Blue*, vol. 2, p.208.
70. Symons, p. 143.
71. С. и Б. Вебб, «Советский коммунизм», т. 11, стр. 60-2.
72. См. его книгу Jerzy Gliksmann, *Tell the West*, New York, 1948.
73. Herling, pp. 9-11.
74. Письмо Британскому комитету защиты Троцкого, июнь-июль 1937 см. Deutscher, *The Prophet Outcast*, p. 369.
75. D. Dallin and B. Nicolaevsky, *Forced Labor in Soviet Russia*, London, 1948.
76. Kravchenko, *I Chose Justice*, pp. 134-5.
77. Там же, стр. 135.
78. Silone в сборнике *The God that Failed*, p. 256.
79. Pat Sloan, *Soviet Democracy*, London, 1937, p. 111.
80. Pat Sloan, *Russia without Illusions*, London, 1938, p. 246.
81. *Spectator*, 3 June 1966.
82. См. Dallin and Nicolaevsky, p. 33.
83. Эренбург в «Юности» № 1, 1965 («Два портрета»).
84. А. Кестлер в сборнике *The God that Failed*, p. 79.
85. КПСС в резолюциях, 7-е издание, Ч. II, Москва, 1953, стр. 1146 (Постановление от 6 марта 1953).
86. Там же, Ч. IV, Москва, 1960, стр. 230-1. (Постановление от 30 июня 1956).
87. «Девять вопросов о сталинизме», см. *Nuovi Argomenti*, 16-6-1956.
88. Программа КПСС, Москва, 1961, стр. 23-4 (Ч. I, Гл. III).
89. В свое время этот немаловажный юридический акт опубликован не был. Мы узнаем о нем из «Советского государства и права» № 1, 1956, стр. 3 (Передовая).
90. Абрам Терц (Синявский), «Фантастические повести», издательство Международного литературного содружества, 1966, стр. 273 («Суд идет!», эпилог).
91. См. *Yale Law Journal*, n. 8, 1957, vol. LVI.
92. Положение ко времени написания этой книги см. Paul Barton, *Problems of Communism*, March-April 1962.
93. Горбатов, стр. 130 (Из «Хроники» № 9 [см. «Посев», 2-й спецвыпуск, 1969, стр. 56] мы узнаем, что Столбунский «живет в Москве и получает высокую пенсию»).
94. См. «Политика», Белград, 16 окт. 1962.
95. «Совещание историков», стр. 298 (Заключительное слово акад. Пospelова).
96. См. «Историю СССР», т. 3, Москва, 1968, стр. 103, 523.
97. «Казахстанская правда», 17 янв. 1965, статья Г. Аксельрода: «Верность чекиста».
98. «Хроника» № 9 (См. «Посев», 2-й спецвыпуск, 1969, стр. 56).
99. «Правда», 30 янв. 1966 («Высокая ответственность историков»).
100. «Ведомости Верховного Совета РСФСР» № 38 (416), 22 сент. 1966 (Ст. 1038).
101. Сенатор Секкиа (Senator Secchia), выступление на ноябрьском пленуме ЦК компартии Италии, 1961 г.
102. Джилас, «Разговоры со Сталиным», стр. 184.
103. Rosa Luxemburg, *Die Russische Revolution*, Zweite unveränderte Auflage, Frankfurt/Main, 1963, s. 75.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

МАСШТАБ ПОТЕРЬ

Точное число репрессированных в годы большого террора сейчас не может быть установлено. Обычно советские люди говорят о «миллионах жизней», разбитых сталинским террором, об «этом девятьсот проклятом годе, ставшем рубежом для миллионов»¹. Примерные оценки, данные в главе 10, по различным причинам кажутся автору наиболее близкими к действительности. Мы можем быть, в общем, уверены, что они отражают действительный масштаб репрессий; их можно будет уточнить, однако, лишь после того, как откроются архивы НКВД.

Тем не менее по этому вопросу имеется немало данных. И не пытаясь вывести из них что-либо с точностью, для которой они не дают оснований, мы можем, однако, перечислить главнейшие соображения, следуя которым я пришел к моим оценкам.

Это удобнее всего сделать, распределив материалы по пяти разделам. Во-первых, следует рассмотреть число арестованных. Во-вторых, число приговоренных к высшей мере и тех, кто был уничтожен. В-третьих, число концлагерей. В-четвертых, смертность в этих лагерях. В-пятых, в дополнение, мы можем попытаться оценить потери от террора на основе цифрового материала последней советской переписи населения. Мне показалось наиболее целесообразным рассмотреть каждый раздел в отдельности, не предпринимая попыток связать их между собой. Степень, в которой они подтверждают друг друга, как и неясные области, проявляются при этом достаточно отчетливо.

1. АРЕСТЫ

1. Из подписанной Сталиным и Молотовым секретной инструкции от 8 мая 1938 года² известно, что в тот момент «в местах заключения . . . не включая исправительно-трудо-

вых лагерей и колоний» — т. е. в тюрьмах — находилось 800 000 человек. Все свидетельства совпадают в том, что скученность в тюремных камерах в 1937–38 годах была большей, чем в любой предыдущий период: миллион человек это, во всяком случае, минимальная цифра. Она совпадает с прямым наблюдением по камерам. В Бутырской тюрьме сидело около 30 000 заключенных³. Если мы осторожно примем для остальных московских тюрем цифру 20 000 плюс число заключенных в тюрьмах Московской области, это даст в итоге 950 000 для всей страны: Московская область с ее девятью миллионами жителей составляла примерно 1/19 всего населения страны. Москва, конечно, не вполне типична. В ней был сосредоточен относительно высокий процент партийцев и работников госаппарата, репрессированных особенно сильно; с другой стороны, однако, рядовые граждане в столице преследовались, как показывают многие свидетельства, меньше, чем на периферии; в общем и целом эти два фактора уравнивают друг друга. (В тюрьмах Ленинграда и Ленинградской области с населением примерно в 6 миллионов, в 1940 году сидело, по некоторым свидетельствам, около 40 000 заключенных).⁴ Цифра порядка одного миллиона заключенных представляется скорее заниженной по отношению к числу действительно сидевших по тюрьмам в 1937–38 гг.

2. Другая система расчетов приводит к цифрам того же порядка. В январе 1927 года советские тюрьмы могли принять около 113 000 человек; в это время перегрузка тюрем выражалась примерно пропорцией 1,7 к 1, и в них содержалось около 198 000 заключенных. Если мы со всей осторожностью предположим, что между 1927 и 1937 годом не было произведено никакого расширения тюрем, и примем коэффициенты перегрузки, как они указаны в главе 9, т. е. в пропорции от 4,5 к 1 до 15 или 16 к 1, получаются цифры порядка от полумиллиона до полутора миллиона заключенных.

3. По поддерживаемой многими оценке, в 1937 и 1938 годах средний заключенный проводил в тюрьме от трех до четырех месяцев⁵. Общее число арестованных в течение этих двух лет выражается в таком случае (т. е. если мы примем население тюрем в 1 миллион з/к) цифрой 6–8 миллионов человек.

Дополнительная цифра, которую назвал после своего ареста один из бывших следователей, говорит, что в одной только Москве было занято 3 000 следователей⁶. (Если допустить, что на каждого из них приходилось в среднем по одному делу в неделю, т. е. отнюдь не много), это дает по всей стране за два рассматриваемых года цифру порядка 6 миллионов одних только политических дел.

4. Доктор Александр Вайсберг, физик, находившийся в Харьковской тюрьме с марта 1937 года по февраль 1938 года, считает, что в течение этого времени было арестовано около пяти с половиной процентов населения этого района⁷. В числе других показателей была нумерация квитанций, выдаваемых арестованным на конфискованные у них вещи, деньги и т. п. Но это подтверждается и другими методами, (А. Авторханов, бывший крупный работник на Северном Кавказе, считает, что около четырех процентов населения этого края было арестовано в одном 1937 году, хотя он, по-видимому, готов признать эту цифру выше средней цифры по Союзу в целом)⁸.

Против названной Вайсбергом цифры говорит то, что Харьков тоже не показателен. Но Вайсберг позаботился сравнить полученную им цифру с выводами других заключенных («в каждой камере обнаруживался хоть один статистик»)⁹ и нашел, что обычно все приходили к цифре в 5-5,5% (Другой интеллигентный наблюдатель, занимавшийся теми же подсчетами, пришел к выводу, что 5% населения — минимальное число арестованных)¹⁰.

Применительно к общей численности населения, указанной в переписи 1939 года, это означает около 8,5 миллионов арестованных. Трудность здесь заключается в том, что переписи 1939 года нельзя доверять. Проведенная в январе 1937 года перепись населения была объявлена «неудовлетворительной», хотя осуждена только в общих чертах «за грубейшие нарушения элементарных основ статистической науки»¹¹. Руководителей ее, кажется, расстреляли. Но что именно оказалось в ней негодным, осталось неизвестным. В НКВД говорили, что численность населения оказалась намного ниже, чем требовалось и ожидалось (по слухам, в январе 1937 г. была выведена цифра в 147 миллионов вместо 170 миллионов)¹². С другой стороны, опубликованная численность населения по внешней видимости совместима с наблюдающимися и предполагаемыми тенденциями развития, что подсказывает другое объяснение причин со-

крытия цифр переписи 1937 года, а именно — неудовлетворительность социального расслоения¹³. Как бы то ни было, но в этих условиях безоговорочно доверять переписи 1939 года нельзя ни в одном из ее аспектов.

5. По наблюдениям заключенных, зимой 1937 года, в период, когда арестов было больше всего, из Бутырской тюрьмы отправлялись главным образом в лагеря и заменялись новыми свыше 4 000 человек в неделю¹⁴. Для всей Московской области можно принять цифру в 7 000. Если принять, что средняя величина для рассматриваемых двух лет была несколько ниже четырех тысяч, то в двухлетнем итоге мы получим 416 000; в пересчете на всю страну это дает общее число арестованных чуть меньше 8 миллионов.

6. В 1934 году, во время XVII съезда ВКП[б], было зарегистрировано 2 817 000 членов партии и кандидатов. По принятому тогда Уставу кандидатский стаж мог продолжаться не более трех лет. Это значит, что все, числившиеся к XVII съезду кандидатами, должны были к XVIII съезду, т. е. к 1939 году, либо войти в партию, либо выбыть. Число членов и кандидатов во время XVIII съезда равнялось, однако, 1 568 000, из которых около 400 000 в 1934 году еще не были ни членами, ни кандидатами партии. Потеря составляет около 1 640 000. Около 300 000 было исключено в 1934 году, когда были в ходу сравнительно легкие обвинения. Остальные, в том числе исключенные в 1935 году по типичному обвинению в связях с «кулачеством, белогвардейцами, троцкистами, зиновьевцами и прочей сволочью»¹⁵, были первым жесточайше разгромленным объектом чистки. Едва ли четвертая часть избежала ареста. Это дает почти миллион арестованных партийцев.

По осторожной оценке Бржезинского, в течение 18 месяцев, между январем 1937 и июнем 1938 года, из партии было вычищено 850 000 человек¹⁶, что полностью согласуется с вышеприведенной оценкой. Соотношение арестованных беспартийных и коммунистов выражается по многим наблюдениям как 7-9 к 1. Это дает число порядка от 7 до 9 миллионов арестованных.

7. Другие оценки носят аналогично обобщенный характер. Югослав Дедьер считает, что в 1936-38 годах было арестовано около 7 миллионов человек¹⁷. Авторханов-Уралов (в прошлом ответственный работник советского аппара-

та) считает, что в результате решений июльского пленума ЦК 1937 года было репрессировано не меньше 3% населения¹⁸, т. е. свыше 5 000 000 человек.

Таким образом, все элементы нашей оценки (обработанные, разумеется, обобщенно и достаточно осторожно) приводят, хоть и без претензий на какую-либо точность, к цифрам такого порядка.

2. ЛИКВИДАЦИЯ

1. Что касается смертных приговоров, то осторожные наблюдатели считают, что «они не превышали 10 от общего числа арестованных»¹⁹. В выбранном наугад 471 случае ареста в период 1936-40 годов (материал дали эмигрировавшие затем родственники 2725 арестованных) оказалось 52 ставших известными смертных приговора²⁰, т. е. 10-11 процентов. На установленное нами число арестованных это дает около 700 000 «законно» ликвидированных.

2. Советский автор сообщает в своих воспоминаниях, что в Лефортовской тюрьме в августе 1937 года расстреливалось по семидесяти человек в ночь²¹. В первые пять месяцев 1937 года это число должно было быть значительно ниже, но, с другой стороны, зимой 1937-38-го дело было еще хуже, и мы, вероятно, не очень ошибемся, если примем итог в 40 000 на годы 1937-38. Такой итог дает по всей стране цифру около 800 000, если принять, что во всех остальных тюрьмах ликвидировано всего лишь в двадцать раз больше народу — что представляется осторожной оценкой, даже учитывая особые условия Лефортовской тюрьмы. К тому же областные управления НКВД получали время от времени распоряжения ликвидировать определенное число находившихся в их руках «врагов народа», — следовательно, ликвидировать в тюрьмах, а не в лагерях, находившихся в ведении ГУЛАГа. Так, например, бывший работник НКВД Владимир Петров рассказывает о телеграмме, которую он видел своими глазами и которая безусловно принадлежит к числу многих, рассылавшихся по всему Союзу, настолько обычен и формален был ее тон. Это была телеграмма Ежова начальнику управления НКВД во Фрунзе, в Киргизии:

«Вам поручено ликвидировать 10 000 врагов народа. Сообщите исполнение кодом». Форма ответа была такая:

«В ответ на ваше указание от . . . сообщаем ликвидацию следующих врагов народа». Следует список имен, снабженных порядковыми номерами²². Аналогичный приказ Свердловскому управлению НКВД содержит цифру 15 000. Другой, направленный в небольшой городок недалеко от Новосибирска,—500; местное НКВД имело, правда, в своих руках лишь сравнительно безобидных обвиняемых, и было вынуждено расстрелять в конце концов священников и членов их семей, всех, за кем числились критические высказывания, амнистированных бывших белогвардейцев и т. д.— иначе говоря, людей, которым давали обычно по 5 лет, а то и меньше²³. Один пример такой бойни стал известен во всех подробностях. В 1943 году в Виннице, во время немецкой оккупации Украины, были вскрыты массовые захоронения²⁴, они были обследованы, как и Катынские могилы, международной медицинской комиссией. Всего обнаружено больше 9000 трупов; все были убиты пулей в затылок, за исключением нескольких, у которых головы были разmozжены прикладом или дубиной. Было осмотрено 1670 трупов. По всей видимости, этот расстрел имел место в 1938 году. В результате опознания, произведенного родственниками, установлено, что самый поздний срок ареста — июнь 1938 года. Трупы были захоронены практически в пределах города, в плодовом саду и на части кладбища, превращенного затем в городской парк. В данном случае риск раскрытия был явно выше обычного (предполагается, что для захоронения расстрелянных обычно выбирались более укромные места). И действительно, захоронение в Виннице обнаружилось потому, что многие жители города в свое время наблюдали подозрительные действия НКВД или слышали о них. Допустимо предположение — на него наводит и Катынь,— что другие аналогичные места убийства остались необнаруженными. (По выбору таких неудобных, как в Виннице, мест можно, впрочем, оценить свойственную НКВД в 1938 году наглую самоуверенность в обращении с населением).

Население Винницы накануне войны достигало примерно 70 000, а вместе с областью примерно 1 000 000. Если эти 9000 представляют всех расстрелянных по всей Винницкой области и если тот же процент действителен для всей страны, то общее число всех ликвидированных достигает 1 500 000. Тот же расчет, проведенный на основе ликвидаций во Фрунзе и Свердловске (документированных слабее), да-

ет на всю страну цифру свыше миллиона только от одной, описанной у Петрова операции²⁵.

3. К расчетам, опирающимся на установленные случаи расстрелов, весьма существенно присоединить и приговоры к принудительным работам «без права переписки». Никто из бывших эков никогда не встречал людей, отбывающих этот вид репрессий. Больше того, в ходе обследования винницкого захоронения отмечен ряд случаев, когда члены семей расстрелянных опознавали их в числе убитых, в то время как им было сообщено об осуждении на 10 лет (обычная «катушка») «без права переписки». Напрашивается вывод, что эта формулировка — всего лишь прием для сокрытия числа расстрелянных. У нас нет никакой возможности оценить число замаскированных таким образом смертных казней. Но эта хитрость была бы бессмысленна, если бы не употреблялась в широком масштабе; один москвич называет несколько случаев среди своих немногочисленных знакомых, а один бывший сотрудник НКВД утверждает, что это была вполне нормальная процедура²⁶.

Борис Ефимов пишет, что его брат Михаил Кольцов был осужден на 10 лет «без права переписки». Когда в 1955 году его реабилитировали, Ефимову сказали, что он уничтожен. Когда же Ефимов заметил, что этого не может быть, потому что Ульрих лично сообщил ему о приговоре, занимавшийся делом Кольцова служащий только сказал: «Ах, Ульрих . . .» и с непередаваемой интонацией махнул рукой²⁷. Верно, что дата смерти Кольцова указывается теперь на два года позже суда над ним. Похоже, поэтому, что данная форма репрессии, будучи по сути дела смертным приговором, не означала, что приговор обязательно должен быть немедленно приведен в исполнение.

Академик Сахаров описывает отдельные лагеря как «прообразы фашистских лагерей смерти» (в которых «практиковались, например, массовые расстрелы тысяч заключенных из пулеметов при перенаселенности» лагерей или при получении «специальных указаний»)²⁸. А это безусловно означает, по меньшей мере для части случаев, что осуждение «без права переписки» оказывалось отсрочкой.

4. Массовые ликвидации имели места и в лагерях. Почти везде они производились замаскированно и втайне. Заключенных увозили в спеццентры, и они исчезали таким образом из производимых их товарищами оценок смертности.

Отдельные подлинные старые троцкисты, дожившие до 1938 года, обычно формально проводились через ускоренные суды, но они были исключением. Свидетель из центрального изолятора БАМЛАГа (группы лагерей Байкало-Амурской магистрали), в котором расстреливали в полной тайне и без всяких приговоров, считает, что в 1937-38 гг. там было ликвидировано таким образом около 50 000 человек²⁹. В добавление к этому надо отметить, что расстрелы за саботаж, антисоветскую агитацию и, конечно, попытки к побегу были в лагерях обычным делом³⁰.

5. Из этого ясно, что хотя точной оценки числа расстрелянных сделать нельзя, но можно сказать, что это число, по всей вероятности, недалеко от миллиона.

Работник центрального аппарата НКВД считает, что в 1936, 1937 и 1938 годах было ликвидировано около двух миллионов человек³¹. По югославской оценке число ликвидированных в течение 1936, 1937 и 1938 годов, как мы уже знаем, — три миллиона³². Эта цифра нам представляется завышенной или охватывающей также и гибель людей в лагерях помимо расстрела.

3. ЧИСЛЕННОСТЬ ЗАКЛЮЧЕННЫХ В ЛАГЕРЯХ

Оценки числа заключенных в лагерях так же неточны, как и предыдущие. Но и здесь есть приемы, верные по своей принципиальной основе и не могущие при правильном их применении привести к слишком большой ошибке. Будучи независимы один от другого, они, тем не менее, поддаются согласованию. Вместе с тем, полученные с их помощью результаты согласуются и с результатами, полученными, если можно так выразиться, «с другого конца», исходя из численности арестованных.

1. В первую очередь в нашем распоряжении ряд цифр, вполне достоверных, но нуждающихся в истолковании: это рабочая сила, которую Главное управление лагерей (ГУЛАГ) НКВД рассчитывало иметь в 1941 году³³. Эти цифры даны в секретном разделе государственного плана развития народного хозяйства СССР на 1941 год. Имеющийся документ неполон. Из перечня запланированных видов продукции можно сделать некоторые выводы о применении принуди-

тельного труда на лесозаготовках, в добыче угля и в других областях. Не хватает данных для золотодобычи, сельского хозяйства и некоторых других отраслей, а главное — для строительства, которое велось силами ГУЛАГа для других наркоматов и составляло один из главных видов его деятельности. Профессор Сваневич, на основе тщательного и осторожного анализа имеющихся в этом плане данных, приходит к цифре в 7 миллионов заключенных. Следует оговорить, что конец 1940 года был периодом, когда население лагерей было сравнительно невелико; профессор Уайлс, оценивая число заключенных в 1939 году в 8 миллионов, дает оценку в 6,5 миллионов для 1940 года.

2. Другой метод, тоже принципиально верный, основывается на свидетельствах заключенных. Так, например, автор воспоминаний о лагерях Юлий Марголин побывал, начиная с 1940 года, в ряде лагерей ББК, расположенных в зоне Беломорско-Балтийского канала. Он попал на «48-й квадрат», один из лагпунктов 2-го Онежского отделения ББК, и рассчитал, что если по всей стране имеется 10 000 таких лагпунктов, то число заключенных в Советском Союзе составляет 10 миллионов³⁴. Работавший с лагерной администрации плановиком и статистом заключенный с десятилетним стажем Михаил Розанов на основе знакомства с лагерной документацией дает динамику развития Ухто-Печорских лагерей от 15 000 человек в 1931 году до 750 000 в 1941 году, а для всего несвободного населения СССР (включая один миллион в тюрьмах и 4 миллиона в ссылках) приходит к цифре в 11 миллионов человек³⁵. Разумеется, такого рода личные оценки могут быть только очень приблизительными. Но если собрать их вместе и сопоставить друг с другом, можно сделать довольно уверенные общие выводы. Это и было с достаточным основанием сделано Далиным и Николаевским для всего ГУЛАГа на середину сороковых годов. Ряд свидетелей из числа 440 000 польских граждан, отправленных в 1939-41 гг. в лагеря и освобожденных в 1942-43 годах в связи с войной, дали со своей стороны ценные указания³⁶. Основанные на всех этих данных расчеты показывают, что в 1940-41 годах в лагерях было 8-12 миллионов человек.

3. В опубликованных в конце тридцатых годов советских статистических данных имеется ряд неувязок, дающих, по-видимому, некоторые указания на возможное число

заклученных. Так, например, существует расхождение между официально опубликованным общим фондом зарплаты по народному хозяйству в целом и общим расчетом зарплаты на основе официальной же статистики труда, причем это расхождение достигает 18,5 процентов всего фонда зарплаты. Часть этого расхождения следует отнести за счет армии, но и после этого 13,5 процентов остается на долю принудительного труда, в который, однако, следует включить и принудработы по месту службы — обычный в те годы, хоть и краткосрочный вид репрессии.

С другой стороны, автор наиболее солидного исследования о населении СССР Франк Лоример оставляет неразрешенным вопрос об остатке в 6 790 000 человек (не отразившемся ни в числе занятого населения, ни в числе пенсионеров, военнослужащих и т. д.) плюс чуть меньше миллиона с четвертью, проходивших под рубрикой «социальная группа не указана». Точно так же, если к цифрам переписи 1939 года применить не указанное в ней отношение числа работающих к общей численности населения — такое, какое дано в переписи 1926 года, — то обнаруживается остаток порядка 10 миллионов человек. Каждый, что захочет признать такой метод правомочным, сможет вывести цифры того же порядка. Непреодолима здесь лишь формальная трудность, потому что о каждой из этих неувязок можно сказать, что она объясняется как-либо иначе.

Ясно одно: перепись 1939 года не учитывает заключенных там, где они находились в действительности. В республике Коми, например, указано 319 000 жителей, половина из которых коми-зыряне, а в Магаданской области — 173 000 (цифра, вероятно, достаточная, чтобы охватить вольнонаемный состав и окружение лагерей). К сожалению, однако, у нас нет реальной возможности установить, каким образом отражаются заключенные в цифрах переписи, и отражаются ли вообще.

Приходится признать, что ни перепись, ни какие-либо иные опубликованные в СССР цифровые данные того времени не могут служить надежной основой для оценки, хотя стоит отметить, что предполагаемая на 1937 год численность населения в 180 070 000 человек, как это было указано в 1936 году в предисловии ко «Второму пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР», не соответствует зарегистрированным двумя годами позже 170 467 000.

4. Дальнейшие материалы можно почерпнуть из рассказов, которыми не следует, однако, пренебрегать по той простой причине, что они основаны на утечке засекреченных данных или, что хуже, на слухах из информированных кругов³⁷. Распространенная в самих лагерях оценка на период 1938-41 годы превышала 15 миллионов; она разделялась многими попавшими под репрессию чекистами. Таковы были слухи и в руководящих кругах. Арестованные в 1938 году работники ГУЛАГа оценивали число заключенных в 10 миллионов. Имеется несколько более низких оценок, так, например, оценка одного руководящего работника, назвавшего в начале 1941 года цифру в 6 миллионов, но с «сильной тенденцией к повышению». Командир полка, занимавшийся инспектированием ВОХРа между 1934-41 годами, считает, что накануне войны в лагерях было от 12 до 14 миллионов заключенных. Эти оценки оказываются на несколько миллионов выше, чем полученные другими методами; объяснение, вероятно, в том, что они включают осужденных не по статье 58 УК, т. е. иных преступников — бандитов, растратчиков, нарушителей трудовой дисциплины и т. д. Большинство их не проходило по описанным выше путям и содержалось в домах заключения при отделениях милиции. (В Москве было еще одиннадцать домзаксов кроме упомянутых в литературе о большом терроре). Здесь дела, строящиеся из несложных и достоверных фактов, обрабатывались в течение двух или трех дней и осужденные направлялись прямо в суд и затем в лагерь. Репрессированные в 1948 году сотрудники органов госбезопасности называли цифру в 12 миллионов. Начальник одного из «репатриационных лагерей», из которых люди направлялись на принудительные работы, оценивал общее число заключенных в послевоенные годы в 15-17 миллионов. Солженицын отмечает, что эки нередко преувеличивали число заключенных, называя огромные цифры в 20-30 миллионов, «когда на самом деле сидело всего лишь двенадцать-пятнадцать миллионов человек»³⁸.

5. Таким образом, даже при невозможности точного подсчета, нетрудно усмотреть, что все эти оценки, если их сопоставить с оценками числа арестов и расстрелов, не противоречат в высшей степени осторожной оценке примерно следующего порядка (не считая обычных уголовников, которых ведь нельзя рассматривать как жертв сталинского террора):

В тюрьмах и лагерях на январь 1937 г. — около 5 миллионов
Арестовано между январем 1937 г.

и декабрем 1938 г. — около 7 миллионов

Итого — около 12 миллионов

Из них расстреляно — около 1 миллиона

Умерло в заключении в 1937-8 гг. — около 2 миллионов

Итого погибших — около 3 миллионов

В заключении на конец 1938 года — около 9 миллионов

Из них в тюрьмах — около 1 миллиона

В лагерях — около 8 миллионов

4. СМЕРТНОСТЬ В ЛАГЕРЯХ

Считалось, что, как правило, третья часть заключенных погибала в течение первого года, главным образом вследствие истощения³⁹. Это значит, что люди, физически непригодные к суровой лагерной нагрузке, исчезали быстро. В пересчете на арестованных в 1937-38 годах это выражается в потере 1 миллиона человек в год в период «акклиматизации».

Эта тридцатипроцентная смертность новоприбывших не равна, разумеется, общей смертности населения лагерей. Внимательное изучение вопроса дает 10 процентов на 1933 год. В 1938 году смертность возрастает до 20 процентов⁴⁰. Это изменение связано с другой трудностью; дело в том, что имеющаяся информация охватывает различные зоны с сильно отличающимися друг от друга условиями. На Колыме, насколько нам известно, смертность была выше тридцати процентов, и если принять среднюю численность там (возможно, занижено) в 500 000 человек, то только в одной этой зоне до 1950 года погибло не менее 2 миллионов. Лесозаготовки и другие работы на Дальнем Севере, — в частности, на строительстве железной дороги на Воркуте — тоже стоили немалого числа жизней. Но в общем и целом, не считая отдельных особенно суровых и отдельных явно более легких лагерей, складывается вывод, что питание всегда и везде было недостаточным, что вплоть до 1950 года влекло за собой смертность не ниже 10 процентов в год.

Обобщенная, хотя, конечно, и здесь лишь приблизительная оценка может быть сделана для заключенных-поляков

1939-42 годов. Из 1 060 000 польских граждан, завезенных в исправительно-трудовые лагеря, лагеря для военнопленных или направленных в ссылки, умерло около 270 000. Подавляющее большинство погибло в ИТЛ, куда попало 440 000. Даже отбросив расстрелы в Катыни, а возможно и в других местах, и гибель от голода и болезней в ряде спецпоселений, находим, что не меньше 40-50 процентов заключенных поляков умерло в течение двух — двух с половиной лет лагерной жизни⁴¹.

На свободу люди выходили редко. Кроме того, и тех, кого выпустили в начале сороковых годов, как это теперь признается, забрали снова. На долю среднего зэка, таким образом, приходились как «хорошие» годы, так и «плохие», и (кроме обитателей немногих привилегированных лагерей) он имел очень мало шансов выжить. Из трех тысяч человек, «сотрудничавших с оккупантами» и отправленных в лагеря после очистки Курска в 1943 году, к 1951 году осталось в живых только шестьдесят⁴².

После 1950 года смертность в лагерях, по меньшей мере в основных зонах Севера (если исключить гибель в результате дисциплинарных взысканий), была не на много выше, чем в соответствующих зонах на воле. Физически пережить заключение стало возможно, хотя вероятность этого оставалась столь малой, что даже и хорошо приспособившийся Иван Денисович говорит: «Эта полоса была раньше такая счастливая: всем под гребенку десять давали. А в сорок девятом такая полоса пошла — всем по двадцать пять, невзирая. Десять-то еще можно прожить, не околевав, — а ну, двадцать пять прожить?!»⁴³.

К счастью, не всем этим последним жертвам пришлось ждать так долго. Но средний зэк, взятый до 1950 года, должен был пройти убийственные годы, подобные тем, что унесли курских «сотрудников с немцами». Жертвы 1937-38 годов, не погибшие в первой волне смертей, дожили до войны. Но начавшееся с войной лихолетье унесло большинство из них. В послевоенных свидетельствах они встречаются только как исключение.

Со всей осторожностью принимая за среднюю на период 1936-50 годов цифру в 8 миллионов заключенных и цифру в 10 процентов годовой смертности, мы получаем в итоге 12 миллионов погибших. К ним следует прибавить еще миллион расстрелянных; цифра отнюдь не преувеличена. Были потери и до начала ежовщины, в период 1930-36 гг., охватывающие три с половиной миллиона жертв коллективизации

плюс еще столько же заключенных и спецпереселенцев, практически вымерших в последующие годы; это опять же по минимальной оценке. В итоге все это составляет 20 миллионов, причем цифра эта, вероятно, занижена, и к ней следовало бы прибавить еще процентов пятьдесят, чтобы охватить весь урон в народонаселении за двадцать три года сталинщины.

5. ПЕРЕПИСЬ 1959 ГОДА

Численность всего населения СССР в 208 827 000 оказалась примерно на 20 миллионов ниже того, что ожидалось на Западе с учетом военных потерь и даже сталинского террора в той мере, в какой он отразился в переписи 1939 года. С другой стороны, потери военного времени, по-видимому, преуменьшены, и это несколько меняет картину. Главное, однако, выясняется из анализа соотношения полов в различных возрастных группах.

Возраст (на 15.1.1959)	Численность (в тыс. чел.)		Соотношение в %	
	Муж.	Жен.	Муж.	Жен.
0-9	23 608	22 755	50,9	49,1
10-19	16 066	15 472	50,5	49,5
20-24	10 056	10 287	49,4	50,6
25-29	8917	9273	49,0	51,0
30-34	8611	10 388	45,3	54,7
35-39	4528	7062	39,1	60,9
40-44	3998	6410	38,4	61,6
45-49	4706	7558	38,4	61,6
50-54	4010	6437	38,4	61,6
55-59	2906	5793	33,4	66,6
60-69	4099	7637	34,9	65,1
70 и старше	2451	5431	31,9	68,1
Не указан	4	4	-	-
Итого	94 050	114 777	45,0	55,0

В результате войны и террора погибло немало женщин. Но и тут и там основную массу жертв, без сомнения, составляли мужчины. Ни война, ни террор не могли существенно повлиять на соотношение полов в населении, не достигшем 30 лет в 1959 году (т. е. родившихся после 1929 года). Для массы 30-34-летних соотношение 453 мужчин на

547 женщин — сравнительно небольшая разница, предположительно отражающая гибель молодых солдат, не достигших во время войны двадцатилетнего возраста. В группе 35-39-летних, на которую должна была лечь главная тяжесть военных потерь, на 391 мужчину приходится 609 женщин. Казалось бы, это максимум⁴⁴, но разрыв еще увеличивается, и для возрастов 40-44, 45-49 и 50-54 — на 384 мужчин приходится 616 женщин. Больше того, для старших возрастов 55-59 лет соотношение оказывается 334 к 666; мужчин почти точно вдвое меньше, чем женщин. Цифры для возраста 60-69 лет (349 к 651) и возраста старше 70 лет (319 к 681) были еще хуже, чем для призывных возрастов. Верно, конечно, что в них отразились еще и потери в первой и гражданской войнах, но надо учесть при этом, что в переписи населения 1926 года число женщин ни в одном возрасте не превышает числа мужчин больше, чем на 10 %.

Все исследователи согласны в том, что сталинский террор коснулся, в основном, мужчин в возрасте от тридцати до пятидесяти пяти лет. «Как правило, забирались люди тридцати лет и старше. Это опасный возраст, в нем все понимают и помнят»⁴⁵. Среди них были и старики и молодежь, но в большинстве это были люди во цвете лет. В 1959 году все они стали на двадцать лет старше.

Точный расчет невозможен. Мужчины старших возрастов тоже умирали на войне. Но, с другой стороны, массовая отправка в лагеря военнопленных, вернувшихся из нацистской Германии в 1945 году, не могла не привести к дополнительной уже послевоенной смертности среди мужской молодежи. То же надо сказать о партизанской борьбе в Прибалтике и на Западной Украине, продолжавшейся еще годы после войны; к тому же результату вели выселения целых народов из Крыма и с Кавказа и возобновление террора после войны. Общий характер имеющегося цифрового материала достаточно ясен. Недостаток миллионов мужчин старших возрастов настолько велик, что его нельзя замаскировать никакими оговорками и допущениями. В застывших цифрах переписи отразился масштаб потерь, нанесенных террором.

ДОБАВЛЕНИЕ КО 2-МУ ИЗДАНИЮ (1970)

Со времени первого издания настоящего приложения в 1968 году (за исключением пункта 3 раздела 2) из Советского Союза поступила дополнительная информация, хотя и не из вполне официальных источников.

Академик Сахаров пишет, что «лишь в 1936-39 годах было арестовано более 1,2 миллиона членов ВКП[б] — половина всей партии. Только 50 тысяч вышло на свободу — остальные были замучены при допросах, расстреляны (600 тысяч) или погибли в лагерях»⁴⁶. Как видим, Сахаров берет цифру репрессированных партийцев несколько выше моей оценки. Его оценка в 600 тысяч расстрелов тем не менее перекликается с моей приблизительной оценкой, выявляя в ней, однако, тенденцию к занижению. Его утверждение, что из более чем 600 000 отправленных в лагеря вернулось всего 50 000, также подтверждает мой расчет, по которому «едва ли десять процентов осталось в живых». Советский историк Рой Медведев тоже утверждает, что «90 процентов арестованных перед войной и осужденных на исправительно-трудовые работы погибло»⁴⁷.

Сахаров утверждает также, что «не менее 10-15 миллионов советских людей погибло в застенках НКВД от пыток и казней, в лагерях для ссыльных кулаков и так называемых «подкулачников» и членов их семей, в лагерях «без права переписки»⁴⁸. Эта оценка (если отбросить включенные мною потери вследствие голода во время коллективизации) близка к моей, тем более, что Сахаров осторожно говорит «не менее». Примечательно также, что сахаровские цифры принимает и бывший в то время членом Политбюро компартии Франции Роже Гароди⁴⁹, в то время как среди коммунистов Италии рассказывают, что сам Хрущев в беседе с итальянской делегацией в Москве в 1956 году называл цифру в 8 миллионов.

ПРИЛОЖЕНИЕ А

1. Гинзбург, «Крутой маршрут», стр. 39.
2. Fainsod, *Smolensk under Soviet Rule*, pp. 185-7.
3. Lipper, *Elf Jahre in Sowjetischen Gefängnissen und Lagern*, s. 11.
4. Herling, *A World Apart*, p. 8; Иванов-Пазумник, Тюрьмы и ссылки, стр. 250.
5. Weissberg, *Conspiracy of Silence*, p. 89.
6. Иванов-Пазумник, Тюрьмы и ссылки, стр. 176.
7. Weissberg, pp. 314, 319.
8. А. Авторханов в «Посеве», 24 дек. 1950. Он же Uralov, *The Reign of Stalin*, p. 163.

9. Herling, p. 9.
10. Beck and Godin, *The Russian Purge*, pp. 66-7.
11. «Правда», 26 сент. 1937; «В Совете народных комиссаров Союза ССР
О Всесоюзной переписи населения».
12. Beck and Godin, p. 68.
13. Lorimer, p. 222.
14. Иванов-Разумник.
15. См., напр., «Советскую Сибирь», 28 дек. 1935.
16. Brzezinski, *The Permanent Purge*, p. 99.
17. Dedijer, *Tito Speaks*, p. 102.
18. Uralov, *The Reign of Stalin*, p. 157 (В «Посеве» эта глава не печаталась).
19. Beck and Godin, pp. 71-2.
20. Brzezinsky, *The Permanent Purge*, p. 108.
21. Гинзбург, стр. 179.
22. V. and E. Petrov, *Empire of Fear*, p. 73-4.
23. Там же, стр. 74-5.
24. Brzezinsky, pp. 108-9.
25. V. and E. Petrov, *Empire of Fear*, pp. 73-5.
26. Там же, стр. 71.
27. Борис Ефимов, «Михаил Кольцов, каким он был», стр. 77.
28. Сахаров, «Размышления», стр. 21.
29. См. Abramovitch, *The Soviet Revolution*, pp. 420-1
30. См., напр., Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 237
31. V. and E. Petrov, p. 72.
32. Moša Pijade in Dedijer, *Tito Speaks*, p. 102.
33. См. J. Miller in *Soviet Studies*, April 1952.
34. Ю. Б. Марголин, «В стране ээка», Изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1952,
стр. 21
35. М. М. Розанов, «Завоеватели белых пятен», Лимбург, 1949, стр. 65
и прил. 2.
36. См. Mort Zwizniak, *Sprawiedliwosc Sowiecka*.
37. См. «Le Livre Blanc»; см. также оценки у Липпер, Кравченко,
Марголина, Розанова, Герлинга, и особенно Swaniewicz, *Forced Labor and
Economic Development*; Dallin and Nicolaevsky, *Forced Labor in Soviet Russia*.
38. Солженицын, Собр. соч., т. 4, стр. 441 («В круге первом», глава 52).
39. См., напр., Ekart, *Vanished without a Trace*, p. 11
40. См. Swaniewicz, pp. 17 (в ссылке на P. J. de la F. Wiles).
41. Swaniewicz, pp. 41-42.
42. Информация проф. Т. Самуэли (Tibor Szamuely).
43. Солженицын, Собр. соч., т. 1, стр. 51 («Один день Ивана Денисовича»).
44. Lorimer (*The Population of the Soviet Union*, p. 182) приводит для
сравнения проценты потерь по возрастам в германской армии в Первую
мировую войну: возраст 15-19 лет — 2,81%; 20-24 — 15,25%;
25-29 — 22,9%; 30-34 — 15,48%; 35-39 — 11,6%; 40-44 — 5,38%;
45-49 — 3,49%.
45. Weissberg, p. 291; см. также Beck and Godin, p. 80.
46. Академик А. Д. Сахаров, «Размышления о прогрессе, мирном сосу-
ществовании и интеллектуальной свободе», Цит. по изд., вышедшему в 1968
г. в Турине (Италия), стр. 49 (прим.).
47. Roy Medvedev, *Faut-il rehabiliter Staline*, p. 45.
48. Сахаров, «Размышления», стр. 46.
49. Roger Garaudy, *Le grand tournant du Socialisme*, Paris, 1969, p. 124

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

ЛЕНИН О СВОИХ ПРЕЕМНИКАХ*

(Так называемое «Завещание Ленина»)

Продолжение записок
24 декабря 1922 г.

Под устойчивостью Центрального Комитета, о которой я говорил выше, я разумею меры против раскола, поскольку такие меры вообще могут быть приняты. Ибо, конечно, белогвардеец в «Русской Мысли» (кажется, это был С. С. Ольденбург) был прав, когда, во-первых, ставил ставку по отношению к игре против Советской России на раскол нашей партии и когда, во-вторых, ставил ставку для этого раскола на серьезнейшие разногласия в партии.

Наша партия опирается на два класса и поэтому возможна ее неустойчивость и неизбежно ее падение, если бы между этими двумя классами не могло состояться соглашения. На этот случай принимать те или иные меры, вообще рассуждать об устойчивости нашего ЦК бесполезно. Никакие меры в этом случае не окажутся способными предупредить раскол. Но я надеюсь, что это слишком отдаленное будущее и слишком невероятное событие, чтобы о нем говорить.

Я имею в виду устойчивость, как гарантию от раскола на ближайшее время, и намерен разобрать здесь ряд соображений чисто личного свойства.

Я думаю, что основным в вопросе устойчивости с этой точки зрения являются такие члены ЦК, как Сталин и Троцкий. Отношения между ними, по-моему, составляют большую половину опасности того раскола, который мог бы быть избегнут и избежанию которого, по моему мнению, должно служить, между прочим, увеличение числа членов ЦК от 50 до 100 человек.

* Полное собрание сочинений, Москва, 1958-65, т. 45, стр. 344-46.

Тов. Сталин, сделавшись генсеком, сосредоточил в своих руках необъятную власть, и я не уверен, сумеет ли он всегда достаточно осторожно пользоваться этой властью. С другой стороны, тов. Троцкий, как доказала уже его борьба против ЦК в связи с вопросом о НКПС, отличается не только выдающимися способностями. Лично он, пожалуй, самый способный человек в настоящем ЦК, но и чрезмерно хватающий самоуверенностью и чрезмерным увлечением чисто административной стороной дела.

Эти два качества двух выдающихся вождей современного ЦК способны ненароком привести к расколу, и если наша партия не примет мер к тому, чтобы этому помешать, то раскол может наступить неожиданно.

Я не буду дальше характеризовать других членов ЦК по их личным качествам. Напомню лишь, что октябрьский эпизод Зиновьева и Каменева, конечно, не являлся случайностью, но что он также мало может быть ставим им в вину лично, как небольшевизм Троцкому.

Из молодых членов ЦК хочу сказать несколько слов о Бухарине и Пятакове. Это, по-моему, самые выдающиеся силы (из самых молодых сил), и относительно их надо бы иметь в виду следующее: Бухарин не только ценнейший и крупнейший теоретик партии, он также законно считается любимцем всей партии, но его теоретические воззрения очень с большим сомнением могут быть отнесены к вполне марксистским, ибо в нем есть нечто схоластическое (он никогда не учился и, думаю, никогда не понимал вполне диалектики).

25.XII. Затем Пятаков — человек несомненно выдающейся воли и выдающихся способностей, но слишком увлекающийся администраторством и администраторской стороной дела, чтобы на него можно было положиться в серьезном политическом вопросе.

Конечно, и то и другое замечание делается мной лишь для настоящего времени в предположении, что эти оба выдающиеся и преданные работники не найдут случая пополнить свои знания и изменить свои односторонности.

Ленин.

25.XII.22

Записано М. В.

* * *

Добавление к письму от 24 декабря 1922 г.

Сталин слишком груб, и этот недостаток, вполне терпимый в среде и в общении между нами, коммунистами, становится нетерпимым в должности генсека. Поэтому я предлагаю товарищам обдумать способ перемещения Сталина с этого места и назначить на это место другого человека, который во всех других отношениях отличается от тов. Сталина только одним перевесом, именно, более терпим, более лоялен, более вежлив и более внимателен к товарищам, меньше капризности и т. д. Это обстоятельство может показаться ничтожной мелочью. Но я думаю, что с точки зрения предохранения от раскола и с точки зрения написанного мною выше о взаимоотношении Сталина и Троцкого, это не мелочь, или это такая мелочь, которая может получить решающее значение.

Ленин.

Записано Л. Ф.

4 января 1923 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ В

ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО ЦК 1919-1938

	Канд.	Член
В. И. Ленин		1919 умер 1924
Л. Б. Каменев		1919 расстрелян 1936
Л. Д. Троцкий		1919 убит 1940
И. В. Сталин		1919 умер 1953
Н. Н. Крестинский		1919 расстрелян 1938
Г. Е. Зиновьев	1919	1921 расстрелян 1936
Н. И. Бухарин	1919	1924 расстрелян 1938
В. М. Молотов	1921	1926
М. И. Калинин	1921	1926 умер 1946
А. И. Рыков		1922 расстрелян 1938
М. М. Томский		1922 покончил самоубийством 1936
В. В. Куйбышев	1922	1927 умер (естественной смертью?) 1934
Г. Я. Сокольников	1924	умер в тюрьме 1939
Ф. Э. Дзержинский	1924	умер 1926
М. В. Фрунзе	1924	умер 1925
К. Е. Ворошилов		1926 умер 1969
Я. Э. Рудзутак	1926	1926 расстрелян 1938
Н. А. Угланов	1926	расстрелян или умер в заключении 1940
Г. К. Орджоникидзе	1926	1930 ? покончил с собой 1937
А. А. Андреев	1926	1932
С. М. Киров	1926	1930 убит 1934
А. И. Микоян	1926	1935
Л. М. Каганович	1926	1930
В. Я. Чубарь	1926	1935 расстрелян ? 1941
С. В. Косиор	1927	1930 расстрелян 1939
К. Я. Бауман	1929	расстрелян 1937
С. И. Сырцов	1930	расстрелян 1938

П. П. Постышев	1934		расстрелян 1940
А. А. Жданов	1935	1939	умер (естественной смертью?) 1948
Р. И. Эйхе	1935		расстрелян 1940
Н. И. Ежов	1937		? расстрелян около 1939
Н. С. Хрущев	1937	1939	умер 1971

ПРИЛОЖЕНИЕ Г

СОСТАВ ЦК ВКП[б] 1934 г.

ЧЛЕНЫ

Алексеев, П. А.	Криницкий, А. И.
Андреев, А. А.*	Крупская, Н. К.
Антипов, Н. К.	Кржижановский, Г. М.
Бадаев, А. Е.*	Куйбышев, В. В.
Балицкий, В. А.	Лаврентьев, Л. И.
Бауман, К. Я.	Лебедь, Д. З.
Берия, Л. П.*	Литвинов, М. М.*
Бубнов, А. С.	Лобов, С. С.
Варейкис, И. М.	Любимов, И. Е.
Ворошилов, К. Е.*	Мануильский, Д. З.*
Гамарник, Я. Б.	Межлаук, В. И.
Ежов, Н. И.	Микоян, А. И.*
Евдокимов, Е. Г.	Мирзоян, Л. И.
Енукидзе, А. С.	Молотов, В. М.*
Жданов, А. А.*	Николаева, К. И.*
Жуков, И. П.	Носов, И. П.
Зеленский, И. А.	Орджоникидзе, Г. К.
Икрамов, Акмал	Петровский, Г. И.
Иванов, В. И.	Постышев, П. П.
Кабаков, И. Д.	Пятаков, Ю. Л.
Каганович, Л. М.*	Пятницкий, И. А.
Каганович, М. М.*	Разумов, М. О.
Калинин, М. И.*	Рудзутак, М. Л.
Киров, С. М.	Рухимович, М. Л.
Кнорин, В. Г.	Румянцев, И. П.
Кадацкий, И. Ф.	Рынди́н, К. В.
Косарев, А. В.	Сталин, И. В.*
Косиор, И. В.	Стецкий, А. И.
Косиор, С. В.	Сулимов, Д. Е.

* Переизбран в ЦК на XVIII съезде ВКП[б] в 1939 г.

Уханов, К. В.
Хатаевич, М. М.
Хрущев, Н. С.*
Чернов, М. А.
Чубарь, В. Я.
Чудов, М. С.
Чувьрин, М. Е.

Шеболдаев, Б. П.
Шверник, Н. М.*
Эйхе, Р. И.
Ягода, Г. Г.
Якир, И. Э.
Яковлев, Я. А.

КАНДИДАТЫ

(В порядке замещения выбывающих членов ЦК)

1. Шубриков, В. П.	18. Семенов, Б. А.
2. Грядинский, Ф. П.	19. Калыгина, А. С.
3. Каминский, Г. И.	20. Кульков, М. М.
4. Пахомов, Н. И.	21. Калманович, М. И.
5. Еремин, И. Г.	22. Лепа, А. К.
6. Исаев, У. Д.	23. Лозовский, С. А.*
7. Музабеков, Г. К.	24. Багиров, М. А.*
8. Смородин, П. И.	25. Тухачевский, М. Н.
9. Михайлов, В. М.	26. Макаров, И. Г. +
10. Штруппе, П. И.	27. Михайлов, М. Е.
11. Товстуха, И. П.	28. Позерн, Б. П.
12. Уншлихт, И. С.	29. Элиава, Т. З.
13. Блюхер, В. К.	30. Голодод, Н. М.
14. Курицын, В. И.	31. Дерибас, Д. Т.
15. Булганин, Н. А.*	32. Завенягин, А. Р.*
16. Быкин, Я. Б.	33. Осинский, В. В.
17. Булин, А. С.	34. Стриевский, К. К.

* переизбран членом (+ — переизбран кандидатом) ЦК на XVIII съезде ВКП[б] в 1939 г.

Завенягин А. П. восстановлен в правах кандидата ЦК на XIX съезде КПСС в 1952 г.

Юркин, Т. А. восстановлен в правах кандидата ЦК на XX съезде КПСС в 1956 г.

35. Попов, Н. Н. (М. М.)	53. Штейнгатт, А. М.
36. Шварц, И. И.	54. Филатов, Н. А.
37. Вегер, Е. И.	55. Комаров, Н. П.
38. Юркин, Т. А.	56. Павлуновский, И. П.
39. Гикало, Н. Ф.	57. Сокольников, Г. Я.
40. Мехлис, Л. З.*	58. Бройдо, Г. П.
41. Птуха, В. В.	59. Бухарин, Н. И.
42. Угаров, А. И.	60. Полонский, В. И.
43. Саркисов, С. А.	61. Уборевич, И. П.
44. Благоднравов, Г. И.	62. Кубяк, Н. А.
45. Розенгольц, А. П.	63. Вейнберг, Г. Д. +
46. Седельников, Н. И.	64. Гринько, Г. Ф.
47. Егоров, А. И.	65. Рыков, А. И.
48. Серебровский, А. П.	66. Любченко, П. П.
49. Буденный, С. М.*	67. Томский, М. П.
50. Демченко, Н. Н.	68. Промнек, Е. К.
51. Поскребышев, А. Н.*	
52. Затонский, В. П.	

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

КАРАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ

К 1934 году политические и психологические предпосылки большого террора были уже налицо, и одного усилия сталинской воли оказалось довольно, чтобы пустить террор в ход. Техническая база террора — машина тотального властвования — была уже давно построена и отлажена.

Ленин (в отличие от Маркса и Энгельса) был горячим поклонником якобинского террора и уже в 1905 году предвидел повторение его в России¹. (В согласии с этим, руководитель политической полиции Дзержинский был охарактеризован Бухариным, наряду с другими чекистами, как «подлинный пролетарский якобинец»)². С этих ленинских позиций была создана теория, по которой «образование ВЧК вытекало из самой сути пролетарской революции. Антибуржуазный террор должен был стать неизбежным последствием»³.

Ленин, правда, сказал в своей речи на заседании Петроградского Совета 4 (17) ноября 1917 года, т. е. непосредственно после октябрьского переворота, что хотя «нас упрекают, что мы применяем террор, но террор, какой применяли французские революционеры, которые гильотинировали безоружных людей, мы не применяем и, надеюсь, не будем применять»⁴. Но Троцкий, несмотря на заверения, что не предвидится никаких расправ, вскоре дал понять, что может оказаться невозможным ограничить проявления народного гнева, что «буржуазный класс сходит со сцены и потому этими мерами насилия мы помогаем ему скорее уйти»⁵.

Тайная политическая полиция под различными наименованиями действующая до сего дня, была основана 20 декабря 1917 года под названием ВЧК (Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией и саботажем) и заняла на Лубянской площади здание страхового общества «Россия», которым владеет и до сих пор. Неформальное «решение» Совнаркома было потом представлено как официальное постановление. Устав ЧК, выработанный, наконец, в ноябре 1918 года, никак не определил границы ее полно-

мочий, и это не было сделано и при реорганизации ее в ГПУ в 1921 году.

«Решение» от 20 декабря 1917 года формулировало задачи ЧК следующим образом:

1. Расследовать и ликвидировать любые попытки или действия, связанные с контрреволюцией и саботажем, откуда бы они ни исходили на всей территории России.

2. Передавать на суд Революционных Трибуналов всех контрреволюционеров и саботажников и вырабатывать меры борьбы с ними.

3. Комиссия проводит только предварительные дознания в той мере, в какой это необходимо в целях предупреждения.

Этот документ, опубликованный только в 1924 году в статье известного чекиста Якова Петерса⁶ и рассматриваемый как «учредительный декрет», даже в советской литературе признается лишь грубой наметкой. На практике же ВЧК должна была быть карательным органом диктатуры, несущим ответственность исключительно перед ее верховными руководителями, и любая предпринятая ею мера санкционировалась без оглядки на протесты. В частности, ЧК не имела права производить расстрелы. Однако первый произведенный ею и ставший известным бессудный расстрел имел место уже 24 февраля 1918 года. Левые эсеры, в то время уже входившие в правительство, пытались поднять вопрос об этом, но Ленин не позволил внести его в повестку дня. «Сама жизнь», писал позже старый чекист Лацис, узаконила право чекиста казнить людей на месте без суда и следствия, и в этом отношении Ленин был согласен с Дзержинским⁷.

Уже в апреле 1918 года⁸ ЧК ввела собственные суды из трех человек, названные «тройками» и превратившиеся в постоянное учреждение, оформляющее карательные меры.

Убийство Урицкого в сентябре было использовано для оправдания расширения масштаба террора и власти ЧК. Первыми были расстреляны 500 заложников⁹. 5 сентября 1918 года был издан знаменитый декрет «О красном терроре»¹⁰. Согласно этому декрету Чека была укреплена откомандированием в ее ряды большого числа членов партии; намечено было создание концентрационных лагерей; лица,

уличенные в связях с контрреволюцией, подлежали расстрелу, а имена их и основания для расстрела должны были предаваться гласности.

«Инструкция» от 17 сентября 1918 года формально уполномочивала Чека судить и расстреливать без обращения к революционным трибуналам¹¹.

Дзержинский уже в то время оправдывал расстрелы невинных людей военным положением, указывая, что на войне тоже убивают невинных солдат противника. Сравнение, конечно, хромает. В бою ведь не приходится делать различия между солдатами противника и никто никогда не предлагал вести войну иначе. Привлечение к суду, напротив, нормально имеет целью расследование фактов и установление личной вины.

Взгляды Дзержинского не разделялись всей партией. Они наткнулись на сопротивление в среде местных Советов, мнение которых обсуждалось в 1918 году¹². Старый большевик журналист Ольминский поместил в «Правде» несколько критических статей, из которых стало ясно, что не вся партия одобряет массовое применение расстрелов и что полномочия ЧК кажутся многим чрезмерными. В одном случае Ольминский протестовал также против скандального и бесчеловечного поведения местной организации ЧК, в которой раздевали и пороли крестьян¹³. Собственный орган ЧК «Еженедельник» печатал перед этим письма местных чекистов с требованием пытать заключенных перед расстрелом.

Видные чекисты контратаковали Ольминского. Один из них, Петерс, так и объявил безо всяких обиняков, что «весь этот шум и плач против энергичных и твердых мер чрезвычайных комиссий не заслуживает того внимания, которое ему придают; он мог появиться лишь среди товарищей, занятых кабинетной журналистикой, а не активной борьбой с врагами пролетариата»¹⁴.

Ленин поддержал их. Он нападал на «близорукую интеллигенцию» в партии, которая топчется на ошибках Чека, и добавлял, что когда нас упрекают в жестокости, нужно только удивляться забвению элементарных основ марксизма¹⁵. Ленин, правда, попрекнул и чекиста Лациса за его требование террора исключительно на основе классовой принадлежности, без достаточных доказательств прямой враждебности к режиму. Обещая, что они скоро будут вычищены, Ленин признавал также, что вполне понятно, что чуждые элементы проникают также и в ЧК¹⁶.

Это первое указание о том, что недостойные люди проникают в тайную полицию подхватывается и ее собственным представителем Лацисом, который признает, кроме того, что работа в ЧК разлагает и лучших людей. Лацис пишет:

«... работа чрезвычайных комиссий, протекающая в обстановке физического воздействия, привлекает аферистов и просто уголовный элемент... Как бы честен ни был человек и каким бы кристально-чистым сердцем он ни обладал, работа чрезвычайных комиссий, производящаяся при почти неограниченных правах и протекающая в условиях, исключительно действующих на нервную систему, дает себя знать. Только редкие из сотрудников остаются вне влияния этих условий работы»¹⁷.

Другой чекист, Петерс, заявил со своей стороны, что поскольку чекистам приходится иметь особенно много дела с умирающей буржуазией, они порой заражаются¹⁸, а Дзержинский осенью 1923 года сказал однажды Радеку и Брандлеру, что «святые или негодяи могут служить в ГПУ, но святые теперь уходят от меня и я остаюсь с негодяями»¹⁹.

И как иронически звучат ныне сказанные уже в 1931 году слова Бухарина, всегда, впрочем, выражавшего неумеренный восторг перед машиной террора²⁰:

«... когда вспоминаем прошлое, не забудем, сколько безымянных героев нашей ЧК погибло в боях с врагом. Не забудем, сколько из тех, кто остался в живых, представляют собой развалину с расстроенными нервами, а иногда и совсем больных. Ибо работа была настолько мучительна, она требовала такого гигантского напряжения, она была такой адской работой, что требовала поистине железного характера»²¹.

После гражданской войны власть политической полиции продолжала расти, а методы ее не становились гуманней. В марте 1920 года ВЧК получила право направлять людей в лагеря принудительного труда на срок до пяти лет простым административным решением в случаях, когда следствие не давало достаточно материала для обычного судопроизводства²². Да и «судопроизводство» того времени никак не заслуживает похвал. Архивы Смоленской ЧК за февраль-апрель 1921 года содержат несколько записей судебных заседаний, краткий обзор дела и приговор. Ссылки на какой-либо закон в обосновании приговора отсутствуют, обвиняемого не вызывают, защиты нет²³.

Кронштадтские мятежники в марте 1921 года писали, что ленинский режим принес рабочим вместо свободы вечный страх попасть в «застенки ЧК», ужасы которых «во много раз превосходят» охранку царского времени²⁴. И это было общее мнение о ВЧК, насчитывавшей к тому времени «до 31 000 человек сотрудников»²⁵.

ВЧК была расформирована декретом от 6 февраля 1922 года и функции ее перешли к ГПУ (Главному политическому управлению) НКВД; Дзержинский стал одновременно Наркомом внутренних дел и начальником ГПУ.

ГПУ были переданы законные полномочия и поставлены задачи, включая «выполнение специальных распоряжений Президиума ВЦИК Совнаркома по охране революционного порядка». Оно имело право держать людей под стражей не больше двух месяцев без одобрения свыше, но на практике это означало почти неограниченную власть. В 1923 году ГПУ было переименовано в ОГПУ (Объединенное государственное политическое управление), было выделено из состава НКВД и стало самостоятельным органом власти, возглавлявшимся по-прежнему Дзержинским.

Дзержинский, верный политический сторонник Сталина, умер в 1926 году, оставив руководство ОГПУ Менжинскому, происходившему тоже из польской шляхты. Но на передний план уже выдвигалась мрачная фигура Генриха Ягоды. Это был грубый человек с угрюмым взглядом и маленькими усиками на лице красно-кирпичного цвета. До революции он был аптекарем в Нижнем Новгороде (что помогло ему потом солидно поставить изучение и использование ядов в НКВД). Насколько известно, он начал работать в ЧК во время гражданской войны и вскоре был замечен Сталиным в Царицыне (будущем Сталинграде). К середине двадцатых годов Ягода уже играл значительную роль в руководстве политической полицией, поскольку Дзержинский, помимо своей политической нагрузки, вел еще несколько экономических управлений.

Роль руководителей ОГПУ в период внутрипартийных раздоров второй половины двадцатых годов истолковывается различно. И хотя один из наблюдателей говорит о большом числе троцкистов и лишь отдельных правых уклонистах в рядах чекистов²⁶, можно заметить и признаки, что руководство органов террора скорее с опаской смотрело на перспективу новых восстаний в деревне. В отчете о разговоре с Бухариным 11 июля 1928 года Каменев утверждает, что Бухарин сказал ему: «Ягода и Трилиссер (глава иностранно-

го отдела ОГПУ) с нами. Было уже полтораста мелких восстаний»²⁷. Был также слух, что представители ОГПУ Менжинский, Ягода и Трилиссер ходили к Сталину предупредить его, что не могут обеспечить безопасность в деревне и получили жесткую отповедь²⁸.

Расчет Бухарина на поддержку ОГПУ был, однако, очевидно не обоснован. У чекистов несомненно были основания бояться, что недовольство крестьян политикой Сталина может развиваться в массовые восстания, но эти тактические соображения не влекли, по-видимому, за собой желания видеть власть в руках Бухарина и Рыкова.

Наоборот, по мере втягивания их в борьбу карательные органы, как и вся партия, оказались в руках у Сталина. Имеется целый ряд непосредственных описаний крестьянских бунтов, главным образом на Украине и на Северном Кавказе. Трехдневные бои в Днепропетровской области закончились массовыми расстрелами в окружающих балках и тысячами приговоров к принудительным работам²⁹. Такого рода операции превращали чекистов в клику карателей.

В самом деле, среди них росли товарищеские чувства к Сталину, проявившему здесь умение и чувство такта. По мере дифференциации сталинского общества, чекисты приобретали особые привилегии. Больше того, Сталин был единственным из вождей, высказывавшим постоянную симпатию к чекистскому стилю работы. Бывшая заключенная передает следующую оценку работника НКВД: «Из товарища Сталина был бы отличный чекист. Мы, чекисты, чувствуем это в нем. Он и душой и телом один из наших. Мы друг друга без слов понимаем. У нас общий язык, общие методы работы. Понимаете, что я имею в виду? В самые трудные моменты Сталин обращался за помощью к чекистам и каждый раз чекисты оказывали ему эту помощь. Многие из его друзей и соратников изменяли Сталину, но ни один чекист не изменил ему никогда! И Сталин умеет это ценить»³⁰.

Коллективизация и общее напряжение начала тридцатых годов привели к колоссальному росту ОГПУ, как в размерах, так и в масштабах работы. Численность заключенных, поступающих из деревни, вызвала в 1930 году учреждение ГУЛАГа, Главного управления исправительно-трудовых лагерей, во главе которого встал Ягода.

Мысль о том, что следует арестовывать всякого, кто мог бы сделать что-либо предосудительное, таким образом закрепились. Так, например, в 1930 году, когда Великобрита-

ния еще имела Генеральное консульство в Ленинграде, ОГПУ затеяло операцию против возможных источников его информации. «Органы» просто-напросто забирали всех, кто имел или мог иметь малейшую связь с англичанами — капитанов всех судов, ходивших между Ленинградом и Лондоном, руководящих работников порта и так далее. Около двухсот человек получили пятилетние сроки³¹. (В определенном смысле мягкость выносимых приговоров была нелогичной и указывала на то, что осужденных в сущности не считали шпионами.) Имеется еще немало других свидетельств из этого раннего террора о таких же раздутых и ни на чем не основанных делах, как и в последующий период большого террора.

Для защиты собственной персоны Сталин провел такую же тщательную подготовку. Личная охрана Ленина состояла из двух человек и была увеличена до четырех после покушения Фанни Каплан. Личная охрана Сталина состояла из нескольких тысяч человек, и НКВД держал, кроме того, резервные части в постоянной боевой готовности. Дорога на дачу Сталина, протяженностью свыше тридцати километров, охранялась тремя тысячами агентов, снабженных автомашинами, телефонной связью и т. п. Когда Сталин в самом деле ехал о этой дороге, она находилась практически на военном положении³². Безопасность Кремля охранялась особенно строго. Пользоваться можно было двумя воротами, Боровицкими и Спасскими. Проверка документов была чрезвычайно тщательной и не допускала исключений даже для крупнейших руководителей НКВД. У входа в Совнарком и Политбюро документы и фотографии сверялись еще раз и кроме того дополнительные проверки производились время от времени еще и в коридорах.

В 1931 году Сталин на короткое время ввел в ОГПУ А. И. Акулова — человека из своего ближайшего окружения. Акулов был сделан первым заместителем Менжинского, но в том же году отозван из «органов», так как Сталин нашел общий язык с новым шефом ОГПУ Ягодой. В 1933-34 годах Сталин нацелил полицейскую машину на дальнейшие действия. В марте 1933 года было подведено, если не законное, то официальное основание под право ОГПУ расстреливать людей — с помощью нового толкования прежних инструкций³³. 20 июля 1934 года специальным декретом был утвержден принцип заложничества³⁴ (см. гл. 5). Хотя этот декрет формально должен был применяться исключительно к семьям дезертиров и невозвращенцев, но принцип,

положенный в его основу, был выражен совершенно ясно. Преследование родственников стало нормой сталинского террора.

Тогда же, 10 июля 1934 года, ОГПУ снова вошло в состав реорганизованного НКВД. Этот наркомат и стал главной полицейской силой, а его Главное управление государственной безопасности выполняло функции тайной политической полиции.

Год от года чекисты все более превращались в высокооплачиваемую элиту. Они стали в передовых рядах новой привилегированной группы, начинавшей складываться в результате сталинской политики расслоения общества.

В течение всего террора НКВД оставался в привилегированном положении, но большинство старых чекистов было вычищено и заменено новыми — столь же жестокими и наглыми, но с более низким образовательным и интеллектуальным уровнем. Если партийный отбор можно назвать, вслед за А. Вайсбергом, «негативным», то это относится в еще большей мере к чекистам. Виктор Кравченко рассказывает, что секретарь парткома одного небольшого городка привлек внимание начальства, «вскрыв» вредительскую организацию, распускавшую тифозных вшей в городском театре; в результате он был вовлечен в работу НКВД и стал выдающимся следователем в Донбассе³⁵.

Отличный портрет энкаведиста, продвинувшегося в ходе сталинских чисток, дал не так давно один советский автор³⁶. Люминарский (это имя героя) отличался исключительной бесчувственностью. Он вырос сиротой, не знавшим привязанностей. Директор детдома, в котором он рос, был холодный и грубый мужлан. Люминарский любил его ничуть не больше других, но знал, как угодить ему лестью, выдавая ее за преданность. Он научился «стучать» и сигнализировать. Он заметил, что сигналы лучше всего основывать на фактах, обычно незначительных, но пригодных для создания правдоподобной клеветы. Затем жертву нужно было спровоцировать на возмущенные опровержения, чтобы поймать потом на противоречиях. Люминарский пользуется этими методами на всех ступенях служебной лестницы. В НКВД он делает карьеру с помощью интриг против таких же бессердечных, но менее одаренных товарищей по работе. Он умеет произвести впечатление безотказным выполнением и перевыполнением заданий. Это требует инициативы в преследовании все новых и новых жертв. Так, в деле о дефектной турбине, например, оказывается необходимым не только обвинить во

вредительстве главного инженера, но и подобрать ему разного рода помощников, раздувая, таким образом, значение случившегося и приобретая престиж и доверие начальства.

Таковы те, кому достались плоды сталинских чисток, люди последних лет сталинщины. В их лице тиран уже мог пользоваться силой, не способной ни к состраданию, ни к правде; их деятельность мы проследили на страницах этой книги.

ПРИЛОЖЕНИЕ Д

1. См. Ленин, Собр. соч., т. 11, стр. 47 («Две тактики социал-демократической революции»); см. также т. 10, стр. 5, 15 («Социал-демократия и временное правительство»).
2. См. сборник «Феликс Дзержинский 1926-31», Москва, 1931, стр. 141.
3. «Правда», 18 дек., 1927; статья К. Покровского: «ВЧК-ГПУ (20 декабря 1917—20 декабря 1927)».
4. Ленин, Собр. соч., т. 35, стр. 63 (Речь на заседании Петроградского Совета 4(17) ноября 1917).
5. См. «Известия», 6 дек. 1917.
6. «Пролетарская революция» № 10 (33), 1924 («Воспоминания о работе в ВЧК в первый год революции»).
7. М. Лацис в «Пролетарской революции» № 9 (56), 1926.
8. E. J. Scott in *Soviet Affairs*, n. 1, p. 10 (St. Antony's Papers n. 1, 1956).
9. «Известия», 3 сент. 1918.
10. «Законы РСФСР», 1918, 65-710.
11. *Soviet Affairs*, n. 1, p. 9.
12. Там же, стр. 16.
13. «Правда», 19 дек. 1918.
14. «Известия ЦИК» № 226; статья Петерса цитируется в «Правде», 26 окт. 1918.
15. Ленин, т. 37.
16. Там же.
17. М. Лацис, «Чрезвычайные Комиссии по борьбе с контрреволюцией», Москва, 1921.
18. *Soviet Affairs*, n. 1, p. 21.
19. Эти слова были потом переданы Брандлером биографу Троцкого И. Дейтчеру. См. Deutscher, *The Prophet Unarmed*, p. 109.
20. См. напр. его выступление к 10-летию ВЧК в «Правде», 18 дек. 1927.
21. Сборник «Ф. Э. Дзержинский», стр. 143.
22. «Законы РСФСР», 1920, 22, 23, 115.
23. См. Wolin and Slusser, *The Soviet Secret Police*, pp. 36-37.
24. «Известия» Временного Революционного Комитета матросов, красноармейцев и рабочих города Кронштадта, 8 марта 1921.

25. М. Лацис, «Чрезвычайные Комиссии», стр. 12.
26. Ciliga, *The Russian Enigma*, p. 48.
27. См. Souvarine, *Staline*, p. 484.
28. «Социал. вестник» (Париж), № 12, 14 июня 1929.
29. Kravchenko, *I Chose Justice*, p. 99.
30. Lermolo, *Face of a Victim*, p. 36.
31. Ciliga, p. 177.
32. Orlov, *Stalin's Crimes*, pp. 339-40.
33. См. «Известия», 12 марта 1933.
34. См. также Собрание Указов № 30, ст. 173 или УК РСФСР (сталинского времени), ст. 58, пар. 1.
35. Kravchenko, *Justice*, p. 149.
36. Александр Розен в «Звезде» № 1 и 2, 1965 («Последние две недели»).

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

РАННИЕ СУДЕБНЫЕ ПРОЦЕССЫ

В какую бы глубину ни вели политические корни сталинского террора и как бы тщательно террор ни готовился, его наиболее характерная или, по крайней мере, наиболее бросающаяся в глаза черта — осуждение на основе признания обвиняемого, — ни в коем случае не была новшеством.

Единственными политически значительными процессами после гражданской войны были процессы украинского и московского эсеровских «центров» в 1921 и 1922 годах, причем процесс 1922 года, по злой иронии судьбы, проходил под председательством Пятакова. Если отвлечься от пропагандной травли, использования провокаторов и т. д., этот процесс был проведен относительно корректно. Под сильнейшим давлением европейских социалистов дело обошлось без смертных приговоров, несмотря даже на то, что их добивался Ленин. Затем, вплоть до 1928 года, больших публичных процессов не было, а когда открылся Шахтинский процесс, в нем тотчас же выразился новый стиль судопроизводства.

Считается, что Шахтинский процесс был пущен в ход уполномоченным ОГПУ на Кавказе Е. Г. Евдокимовым (не смешивать с зиновьевцем Г. Е. Евдокимовым!). Е. Г. Евдокимов сообщил о наличии в городе Шахты и его районе многочисленной вредительской организации, состоящей из старорежимных инженеров. Сам Евдокимов — в прошлом уголовник, выпущенный из тюрьмы во время революции, присоединившийся к большевикам и отличившийся в гражданской войне. Он сумел сблизиться со Сталиным, получил немало отличий и в течение ряда лет сопровождал «вождя» в отпуск¹.

Говорят, что когда Менжинский просмотрел рапорт Евдокимова, он заметил в нем полное отсутствие доказательств. Евдокимов заявил, что отдельные частные письма подозре-

ваемых инженеров зашифрованы, но признал, что не смог их расшифровать. Менжинский пригрозил, что если в течение двух недель ему не будут представлены достаточные основания дела, он сам обвинит Евдокимова во вредительстве. В самом деле, предложение ликвидировать ряд опытных инженеров без достаточных к тому оснований было, по сути дела, экономическим вредительством. Оказавшись в затруднительном положении, Евдокимов поехал прямо к Сталину. Сталин, хоть и не имел на это законных полномочий, дал ему «зеленую улицу». Евдокимов вернулся и арестовал инженеров. Менжинский, поддержанный Рыковым и Куйбышевым (по понятным причинам Куйбышев, как председатель ВСНХ, был сильно задет), решительно протестовал. Сталин заставил их замолчать, показав им телеграмму Евдокимова, в которой содержался намек, что в Москве будут делаться попытки замять дело. Никакого решения принято не было и расследование продолжалось.²

Политический замысел Сталина заключался в том, чтобы дискредитировать бухаринский курс на мирное сотрудничество с беспартийными специалистами, представив доказательство обострения классовой борьбы. Ему нужно было иметь основание сказать своим менторским тоном: «Мы имеем врагов внутренних, мы имеем врагов внешних. Об этом нельзя забывать, товарищи, ни на минуту»³.

Дзержинский всегда подчеркивал значение признаний обвиняемого. Евдокимов и его помощник Курский принялись добывать такие признания. В конце концов, в Москве состоялся открытый судебный процесс. Председательствовал Вышинский; Крыленко вел обвинение.

Суд открылся в Колонном зале Дома Союзов под вой газетной кампании «Смерть вредителям!», в ходе которой двенадцатилетний сын одного из обвиняемых требовал смертной казни отца. Пятьдесят русских и трое немецких инженеров и техников угольной промышленности обвинялись во вредительстве и шпионаже. Десять обвиняемых полностью признали свою вину, а шестеро признали ее частично. Других доказательств не было. Легкая неувязка обнаружилась сразу. Один из арестованных, «обвиняемый Некрасов», отсутствовал. Как объяснил его адвокат, он «страдал галлюцинациями». На суде были оглашены письменные признания. Они представляли всех присутствующих как соучастников преступлений, в том числе и нескольких из тех, кто не признался.

Затем Крыленко — как рассказывает присутствовавший на суде американец, — «прищулив глаза и скривив губы в улыбку», злобно напал на инженеров. Один из обвиняемых, Бебенко, попробовал было взять обратно свое признание. Его продержали в ГПУ почти год: «Я едва понимал, что я подписывал... Я пробовал взять это обратно до суда, но...» Крыленко пристально вгляделся в него, потом спокойно сказал: «Вы хотите сказать, что вас запугивали, что вам угрожали?» Бебенко поколебался и ответил: «Нет»⁴.

Другой обвиняемый, Скорутто, последовательно отрицал за собой вину. Однажды вечером объявили, что он нездоров и не может присутствовать. На следующее утро в зал ввели «серую дрожащую фигуру»; он заявил, что прошлой ночью признал свою вину и вину других. Из публики раздался крик: «Коля, родной, не лги! Ты же знаешь, что ты невиновен!» Скорутто зарыдал и упал на скамью. После десятиминутного перерыва его ввели снова и он продолжил, что хотя ночью он подписал признание, сегодня утром он взял его назад. Крыленко перешел в атаку. Под интенсивным допросом Скорутто рассказал, что не спал восемь ночей подряд и, в конце концов, оклеветал товарищей, а они оклеветали его. Ему казалось, что суд отнесется к нему снисходительней, если он признает свою вину. Но вины за ним нет. На следующее утро Скорутто подтвердил свою вину и объяснил, что это его жена своим возгласом поколебала его решение признать свою вину⁵.

Так шел процесс. Еще один обвиняемый не явился, и было объявлено, что он покончил самоубийством.

Рабинович, семидесятилетний старик, «и не думал сдаваться страшному и до того непобедимому Крыленко в интеллектуальном бою». И когда другой обвиняемый заговорил о его вредительских связях, Рабинович обратился к нему и резко осадил его, сказав: «И что вы лжете? А? И кто это научил вас так лгать?» Крыленко выглядел при этом растерянно⁶.

Другой старик, Иминейтов, до конца стоял на том, что ни в чем не виновен. Он уверенно утверждал, что будет день, когда новый Золя напишет новое «Я обвиняю», чтобы реабилитировать их.

Присутствовавший на суде американский наблюдатель отметил, что эти проблески правды — невинность, самоубийство, попытки взять признание назад и новое признание — «позволяют только смутно догадываться о воздействии пережитых ужасов... Как должны были вести себя

люди, подобные Крыленко, который даже на людях грозил и глумился над жертвами, когда вокруг не было свидетелей и стенографисток?»⁷

Суд вынес одиннадцать смертных приговоров, из которых шесть были заменены долгосрочным заключением в результате чистосердечного признания обвиняемых.

Хотя публичный процесс-спектакль и не был безукоризнен, Евдокимову и его помощникам удалось создать образец, послуживший моделью для дальнейшего судопроизводства. И, что еще важнее, Сталин получил в руки новую технику. Поскольку обвинения расследовались органами государственной безопасности с помощью методов, проверить которые у политических кругов не было реальной возможности, любая попытка оспорить действия НКВД выглядела как защита преступников и нападение на государственную власть и ее следственные органы. Даже членам Политбюро стало непросто выступать на эту тему. А позднее, когда оппозиционеры оказались уже в руках НКВД, Сталину было достаточно сказать, что следствие еще не кончено и, возможно, они будут оправданы; в Политбюро не принимали никаких решений, ожидая результатов следствия, и Сталин, добившись нужных признаний, мог доложить, что «вина доказана».

Начиная с 1930 года, в области экономики и культуры было проведено немало закрытых судов или просто бессудных расстрелов. Так, например, в августе 1930 года состоялся закрытый суд над группой видных бактериологов, обвиненных в том, что они вызвали падеж лошадей; в сентябре 1930 года сорок восемь руководящих работников пищевой промышленности во главе с профессором Рязанцевым были расстреляны без суда по обвинению в порче продовольственных запасов (прием, помогающий если не справиться с хроническим недостатком продуктов питания, то, по крайней мере, объяснить его); в феврале 1931 года ряд крупных историков, в том числе Тарле, Платонов, Бахрушин, Лихачев были негласно осуждены на долговременное заключение (оставшиеся в живых были освобождены и в последние годы вернулись на кафедры); в марте 1933 года тридцать пять директоров и ответственных работников совхозов были расстреляны и сорок заключены в тюрьмы без суда, но по обвинению в принадлежности к «контрреволюционной вредительской организации»; в том же марте 1933 года тридцать пять руководящих служащих Наркомзема вместе с замнаркома Конаром были расстреляны без суда⁸ (в данном

случае складывается впечатление, что Конар и в самом деле был иностранным шпионом)⁹.

Но полновесный суд-спектакль состоялся снова лишь в ноябре-декабре 1930 года. Это так называемый процесс Промпартии, центральной фигурой которого был профессор Л. В. Рамзин. Он был большевиком в 1905-07 годах и в течение двадцатых годов служил советской власти, затем, однако, пошел, как говорилось, «на поводу у классового врага» и стал вредителем. Его «Промпартия» состояла якобы из 2000 членов, хотя на скамье обвиняемых оказалось всего лишь восемь. Большинство обвиняемых были крупными работниками куйбышевского Госплана, сорок восемь служащих которого, как известно, были уже расстреляны. Обвиняемые якобы работали на президента Франции Раймона Пуанкаре, на английского агента полковника Лоуренса, нефтяного короля Генри Детердинга и других, с целью расшатать индустриальную мощь страны Советов и подготовить почву для иностранной агрессии. Снова развернулась широкая пропагандная кампания. Опять ребенок одного из обвиняемых, Ситнина, требовал смертной казни отца. В деле не было ни одного свидетеля, оставшегося на свободе, и никаких документальных доказательств.

В числе свидетелей были представители так называемой «трудовой крестьянской партии», главным образом экономисты сельскохозяйственного профиля. Они обвинялись в отдельном, хотя и дополняющем картину заговоре, нацеленном на передачи власти кулачеству. Открытого суда над ними не было, и судьба их не выяснена. Они просто исчезли. Один из причастных к этому делу, инженер Пальчинский, по слухам, был убит в ходе предварительного следствия¹⁰.

Были заслушаны подробнейшие признания в связях с бывшим крупнейшим промышленником Рябушинским, с указанием дат и деталей полученных от него вредительских инструкций. Выяснилось, однако, что Рябушинский к тому времени давно уже умер. Обвинение, которое вел все тот же Крыленко, схватилось тогда за какого-то родственника Рябушинского и, хотя у того не было ни денег, ни какого-либо положения в промышленности, приписало этому ничтожеству роль, предназначенную было умершему.

Министром финансов в новом правительстве, которое заговорщики якобы намеревались составить, намечался Вышнеградский, занимавший этот пост при царе, но тоже, как оказалось, умерший несколько лет тому назад.

Имеются сведения, что работники Госплана и в самом деле вели между собой невеселые частные разговоры (конечно, не в приписываемой им форме) об экономической политике партии и «рассматривали возможность создания социалистического правительства в случае краха, могущего поставить вопрос о преемнике Сталина»¹¹.

Смертный приговор был вынесен пяти обвиняемым, но всем пятерым высшая мера была заменена тюремным заключением, а несколько лет спустя Рамзин был освобожден и возвращен на прежние должности.

В марте 1931 года был проведен процесс меньшевиков. За одним единственным исключением все посаженные на скамью подсудимых меньшевики давно оставили политическую деятельность и использовались как экономисты или по иным специальностям. Единственный активный меньшевик-одиночка поддерживал связи с меньшевистской делегацией за рубежом. Его шантажировали с помощью сына. ГПУ раздуло эту слабую связь в поездку в Москву Рафаила Абрамовича, одного из меньшевистских лидеров в эмиграции.

Абрамович тотчас же выставил целый ряд свидетелей, доказавших, что в то время, когда он якобы был в Москве, он на самом деле участвовал в съезде Социалистического Интернационала. (Это обеспечило ему возможность предъявить обвинение в диффамации берлинским газетам, печатавшим отчеты о процессе, и выиграть дело после того, как даже адвокат противной стороны, коммунистический депутат Рейхстага, вынужден был признать, что указанные даты не могут быть верными).

Показательно также, что двое действительных меньшевиков, в самом деле нелегально приехавших из-за границы в Россию (Ева Брауде и М. Браунштейн) не судились, хотя имя Браунштейна упоминалось в ходе процесса¹². Предположительно, они отказались помогать следствию. Один из обвиняемых, Базаров, необъяснимым образом не был выведен на суд.

Обвиняемым обещали, что если они возьмут на себя вину, их тайно освободят и наградят. Говорят, что историк Суханов, мемуары которого о временах революции высоко ценил Ленин, разоблачил этот трюк, рассказал другим заключенным о коварных лживых обещаниях и провел затем ряд продолжительных голодовок¹³. После 1934 года следы его теряются; по всей вероятности, около этого времени он умер или был ликвидирован.

Одного из обвиняемых бывших меньшевиков, М. П. Якубовича, осужденного на 10 лет заключения, в 1941 году судили снова и дали ему еще 10 лет; его освободили затем в 1953 году, через два года после окончания второго срока, а реабилитирован он был — причем только от вторичного осуждения, — в 1956 году. В 1967 году в заявлении на имя Генерального прокурора Якубович объявил, что все дело меньшевиков было полностью фальсифицировано, и отметил, что Крыленко, с которым он был связан в революционном движении, в свое время признался ему в этом. В 1967 году Якубович виделся с Микояном, тоже старым своим знакомым. Микоян сказал ему, что никогда и не сомневался в его невиновности. Тем не менее, осталась в силе прежняя официальная точка зрения, согласно которой меньшевики были осуждены справедливо¹⁴.

Суд послужил благоприятным поводом впутать в дело старого большевика-демократа Рязанова и исключить его из партии якобы за недозволенную связь с меньшевиками¹⁵. Он был затем освобожден, чтобы в 1938 году погибнуть в пучине сталинского террора¹⁶.

Судилище было задумано как удар по идее социалистической коалиции, бродившей тогда в определенных партийных кругах. В то же время это был еще и удар по умеренным в экономике. Обвиняемым, часть которых играла немаловажную роль в подготовке пятилетнего плана, приписывались попытки установить плановые задания намного ниже потенциальных возможностей страны. На самом деле официальные цифровые данные показывают, что обвиняемые плановики весьма точно предвидели действительное выполнение планов. Почти во всех случаях их оценки обнаруживают скорее склонность к незначительным ошибкам в сторону завышения. Так, например, им было предъявлено обвинение в преступном предложении довести выплавку стали в 1932 году до 5,8 миллионов тонн. План требовал 10,3 миллиона. Обвиняемые признали на суде, что было можно и нужно планировать больше. Действительная же продукция оказалась 5,9 миллионов тонн. По прокату они предполагали 7 миллионов тонн, в то время как по плану требовалось 17 миллионов. Действительная же продукция в 1932 году оказалась 6,1 миллиона тонн¹⁷.

Процесс над меньшевиками не был сплошным выигрышем. Прежде всего он заставил задуматься лидеров социалистических партий во всей Европе; те не могли не следить за ходом суда и разглядели подлог.

Последний большой показательный процесс, предшествовавший большому террору, привлек особое внимание Запада, потому что из восемнадцати обвиняемых шестеро были британские граждане. Это был нашумевший процесс специалистов фирмы «Метрополитен-Виккерс» в апреле 1933 года. Задача была доказать, что британские инженеры организовали вредительскую сеть.

На суде председательствовал Ульрих, в прошлом работник органов, но уже в двадцатых годах председательствовавший на аналогичных процессах. Обвинителем выступал Вышинский. Таким образом, сложился «коллектив», которому предстояло в дальнейшем проводить подобные дела. Брауде и Коммодов, адвокаты в дальнейших процессах, вели защиту и здесь. Брауде, «защитник» британского инженера Торнтон, сказал, что «против Торнтон мы имеем то, что называется замкнутой цепью улик, и это ставит его защиту в чрезвычайно трудное положение». «И тем не менее,— продолжал он,— обвиняемый Торнтон категорически настаивает на своей невинности». (Другие адвокаты, стремившиеся помочь своим подзащитным, больше не появились в суде. Один из них обстоятельно развил мысль о том, что «неизбежный интерес иностранца к тому, что его окружает», не обязательно означает шпионаж.) Следствие тоже нередко вели те же люди, что и в предыдущих делах. Следовательно по особо важным делам Шейнин, который вел дело Макдональда, вел впоследствии дело И. Н. Смирнова¹⁸. Процесс был в известной степени полезной репетицией, из которой и режиссеры и артисты могли почерпнуть ряд уроков и подготовиться к будущему.

Технической особенностью этого процесса было создание чрезвычайно сложной структуры, что крайне затрудняло наблюдение. Этого было особенно легко добиться в таких сложных вопросах, как инженерные просчеты. К тому же любая мелочь, которую можно было показать с дурной стороны, инкриминировалась англичанам: так, например, случайные подарки или ссуды, дававшиеся низко оплачиваемым и полуголодным советским техникам, назывались «взятками». Тем не менее, хотя вся отчетность и все личные записи и счета за восемь-девять лет оказались в руках у следователей, из них можно было выжать очень немного.

Если, в общем и целом, процесс трудно назвать успешным, то это произошло главным образом потому, что британские инженеры не захотели помочь суду. На их стороне был ряд преимуществ. Прежде всего, их трудно

было просто вывести в расход во время следствия. Иначе говоря, было затруднительно арестовать шестерых, а привести в зал суда лишь одного, готового дать более или менее удовлетворительные ответы. (Ибо ведь в других, обычных, делах организаторы процесса не останавливались перед тем, чтобы просто-напросто ликвидировать без суда тех ведущих «подпольщиков», которые не годились для дела.) Во-вторых, семьи арестованных англичан были вне досягаемости следственных органов. В-третьих, англичанам было, конечно, на что опереться, они чувствовали за собой солидарность своей страны, в то время как русские обвиняемые были лишены этого. Больше того, британское правительство оказывало в их поддержку максимально возможное экономическое и дипломатическое давление.

И все же большинство из них признало свою вину в ходе предварительного следствия, а один из них, Макдональд, бывший, по-видимому, в особенно плохом состоянии, подтвердил это признание еще раз и в конце судебного заседания, после попытки взять его назад в начале суда. Вышинский долго допрашивал Макдональда, опираясь на протоколы следствия и демонстрируя его собственноручно написанные показания, и очень обижался, когда Макдональд отвечал, что подписывал все это только «потому, что это не был открытый процесс».

Главный обвиняемый, англичанин Торнтон, заявил, что подписанные им признания были сделаны им «под большим давлением», прибавив: «меня допрашивали очень долго». Между его арестом 11 марта и 1 апреля его допрашивали ежедневно, пропустив только один-единственный день. Из официальных протоколов известно, что после ареста его допрашивали четыре с половиной часа, а затем, после часового перерыва, еще восемь.

В конце концов, он признал свою вину в неконкретизированных преступлениях вроде шпионажа, но не захотел признаться во вредительстве; обвинение и суд особенно раздражало то, что он не столько отказывался от этих признаний, сколько оценивал их как пустую формальность, нужную лишь для того, чтобы привести дело к открытому суду и защищаться на нем.

Монкгауз заявил, что он хорошо понимает, как добываются признания, потому что его самого допрашивали восемнадцать часов сразу после ареста. Вышинскому удалось, однако, доказать, что это было преувеличение: лишенный всякой возможности измерять время, Монкгауз рассчитал его на

основе перерывов между едой; фактически же Монкгауза арестовали в 3 часа 15 минут ночи, после чего допрашивали четыре часа; затем был двухчасовой перерыв с приемом пищи и снова допрос, длившийся семь часов. Вышинский придавал большое значение протестам, вызванным в Англии замечанием Монкгауза о восемнадцатичасовом допросе; он, очевидно, думал, что, доказав, что на самом деле допросы были короче, он подрывает любые нападки на правильность следствия. И в самом деле, приняв настойчивое утверждение Монкгауза, согласно которому допрос продолжался и во время еды, выходит, что он длился тринадцать часов.

Монкгауз защищался с твердостью и на определенной стадии процесса сделал уничтожающее замечание: «после вчерашних показаний Сухоручкина мне совершенно ясно, что дело против «Метро-Виккерса» построено на свидетельствах терроризированных заключенных»¹⁹.

Имеются и другие, столь же ясные ответы других обвиняемых. Так, например:

Рогинский (обвинение): Вы слышали свидетельство Зиверта о том, что вы допускали вредительство на работе?

Грегори (обвиняемый): Да. Но я не придаю ему никакого значения!

Другой англичанин, Кушни, в своем последнем слове назвал действия государственной прокуратуры «бумажной фабрикой» и повторил еще раз, что «здесь не было даже подобия подлинных доказательств моей вины».

Приговоры были относительно мягкими. Советские граждане получили тюремные сроки от восемнадцати месяцев до десяти лет. Торнтон получил три года, а Макдональд — два. Кушни и Нордуэлл были высланы из страны, а Грегори и один из советских обвиняемых — оправданы.

Таким образом, уже за годы до больших показательных процессов-спектаклей система их режиссуры была отработана и опробована. Сценаристы и постановщики этих процессов многому научились. Число обвиняемых в ранних показательных процессах было слишком большим, и выяснилось, что оптимальное число — около восемнадцати. Выяснилась и полезность сложного построения, за подробностями которого обычному читателю и наблюдателю трудно уследить, так что остается лишь общее впечатление. А в лице Вышинского нашелся человек, способный не только справиться с усложнением дела и запутать в этой сложности свидетелей,

но и разбить на части, а в случае надобности истолковать подходящим образом различные непредвиденные отклонения; кроме того, он умел «опровергнуть» вполне обоснованные возражения, энергично и впечатляюще направив на расхождения в деталях.

Разумеется, в ведении процессов, как и указано, были ошибки. Их видно и в сделанном мною кратком изложении. Но нельзя забывать, что за исключением дела британских инженеров они касались лишь небольших звеньев в цепи доказательств и прорывались на фоне множества связанных между собой и подтверждающих одно другое признаний. Даже если отдельные обвиняемые не признавали за собой вины, против них говорили свидетельства других обвиняемых. И хотя критическое мышление видело в них, — как и в позднейших процессах, — неувязки и нелепости, подрывающие доверие к суду, но ведь одной из основ сталинщины была уверенность в том, что мышление большинства — некритическое. Верный член партии не мог не верить официальным заявлениям, и против партийного правосудия не протестовали и те, кому суждено было стать его жертвами. Что же касается советской общественности, то эти процессы поставляли ей по крайней мере козлов отпущения: на обвиняемых ложилась ответственность за экономические провалы, за которые в ином случае должна была бы отвечать советская власть. Это опять же один из основных приемов сталинщины, применявшийся в течение всех последующих лет. Советские люди, кроме того, разумеется, получали лишь одобренную партией версию каждого дела. Однако и среди присутствовавших иностранных журналистов, а тем более среди иностранных наблюдателей, получавших информацию из вторых рук, эти процессы принимались или не принимались в зависимости от общего отношения к советской власти. Как отметил Артур Кестлер (в «Коричневой книге о гитлеровском терроре», которую он помогал составлять и которая, как оказалось потом, содержала целый ряд неверных догадок), «это не уменьшило результаты. В тоталитарной пропаганде детали не имеют значения»²⁰.

ПРИЛОЖЕНИЕ Е

1. Orlov, *The Secret History of Stalin's Crimes*, p. 28.
2. Авторханов, «Технология власти», стр. 25.
3. Сталин, Собр. соч. т. II, Москва, 1949, стр. 63 (о работах апрельского пленума ЦК 1928 г.).
4. Eugene Lyons, *Assignment in Utopia*, London, 1938, pp. 123-4.
5. Там же, стр. 124-6.
6. Louis Fischer in *The God That Failed*, pp. 211-12.
7. Lyons, p. 117.
8. См. G. P. Maximoff, *The Guillotine at Work*, Chicago, 1940, p. 304; V. Serge, *Memoires d'un révolutionnaire*, p. 268-72; K. F. Shteppa, *Russian Historians and the Soviet State*, New York, 1962, pp. 48-49; «Правда», 25 сент. 1930; «Правда», 12 марта 1933.
9. Orlov, p. 153.
10. V. Serge, *De Lenine a Staline*.
11. Souvarine.
12. Abramovitch. *The Soviet Revolution*, pp. 382-7.
13. V. Serge, *Memoires d'un révolutionnaire*, p. 270.
14. «Хроника» № 10 (См. «Посев», Спец. выпуск № 3, стр. 12-14).
15. Schapiro, *The Communist Party of the Soviet Union*, p. 394.
16. XI съезд РКП[б]. Стеногр. отчет, Москва, 1960, стр. 846 (биограф. справка).
17. «Процесс меньшевиков», Ленинград. Год изд. не указан, стр. 59, 62; «Итоги выполнения первого пятилетнего плана», Москва, 1934, стр. 103-5; см. также T. Szamuely in *Soviet Studies*, Jan. 1966, vol. XVII, № 3.
18. «Дело Зиновьева», стр. 45.
19. *Wrecking Activities at Power Stations in the Soviet Union*, Verbatim Report, Eng. ed., Moscow, 1933, стр. 423 (Русское издание, если таковое было, недоступно).
20. Koestler, *Arrow in the Blue*, vol. 2, p. 201.

ПРИЛОЖЕНИЕ Ж

Уголовное законодательство СССР и Союзных
Республик
Москва (Госюриздат) 1957, стр. 48-50

Статья 58 Уголовного кодекса РСФСР (в действии до декабря 1958 г.)

ОСОБЕННАЯ ЧАСТЬ ГЛАВА ПЕРВАЯ*

Преступления государственные

1. Контрреволюционные преступления

58¹. Контрреволюционным признается всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими, на основании Конституции Союза ССР и конституций союзных республик, рабоче-крестьянских правительств Союза ССР, союзных и автономных республик, или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции.

В силу международной солидарности интересов всех трудящихся такие же действия признаются контрреволюционными и тогда, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в Союз ССР. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

58¹а. Измена родине, т. е. действия, совершенные гражданами СССР в ущерб военной мощи Союза ССР, его государс-

* Глава первая введена в действие со времени вступления в силу положения о преступлениях государственных, принятого 3-й сессией III созыва Центрального Исполнительного Комитета СССР 25 февраля 1927 г. (СЗ СССР 1927 г. № 12, стр. 123).

твенной независимости или неприкосновенности его территории, как-то: шпионаж, выдача военной или государственной тайны, переход на сторону врага, бегство или перелет за границу, караются —

высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества, а при смягчающих обстоятельствах — лишением свободы на срок десять лет* с конфискацией всего имущества.

58^{1б}. Те же преступления, совершенные военнослужащими, караются высшей мерой уголовного наказания — расстрелом с конфискацией всего имущества. (20 июля 1934 г. [СУ № 30, ст. 173]).

58^{1в}. В случае побега или перелета за границу военнослужащего, совершеннолетние члены его семьи, если они чем-либо способствовали готовящейся или совершенной измене, или хотя бы знали о ней, но не довели об этом до сведения властей, караются —

лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией всего имущества.

Остальные совершеннолетние члены семьи изменника, совместно с ним проживавшие или находившиеся на его иждивении к моменту совершения преступления, — подлежат лишению избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет. (20 июля 1934 г. [СУ № 30, ст. 173]).

58^{1г}. Недонесение со стороны военнослужащего о готовящейся или совершенной измене влечет за собой —

лишение свободы на десять лет.

Недонесение со стороны остальных граждан (не военнослужащих) преследуется согласно ст. 58^{1г}. (20 июля 1934 г. [СУ № 30, ст. 173]).

58². Вооруженное восстание или вторжение в контрреволюционных целях на советскую территорию вооруженных банд, захват власти в центре или на местах в тех же целях и, в частности, с целью насильственно отторгнуть от Союза ССР и отдельной союзной республики какую-либо часть ее территории или расторгнуть заключенные Союзом ССР с иностранными государствами договоры, влекут за собой —

высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнани-

* См. ст. 28

ем из пределов Союза ССР навсегда, с допущением, при смягчающих обстоятельствах, понижения до лишения свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

58³. Сношения в контрреволюционных целях с иностранным государством или отдельными его представителями, а равно способствование каким бы то ни было способом иностранному государству, находящемуся с Союзом ССР в состоянии войны или ведущему с ним борьбу путем интервенции или блокады, влекут за собой —

меры социальной защиты, указанные в ст. 58² настоящего Кодекса. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

58⁴. Оказание каким бы то ни было способом помощи той части международной буржуазии, которая, не признавая равноправия коммунистической системы, приходящей на смену капиталистической системе, стремится к ее свержению, а равно находящимся под влиянием или непосредственно организованным этой буржуазией общественным группам и организациям, в осуществлении враждебной против Союза ССР деятельности влечет за собой —

лишение свободы на срок не ниже трех лет с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах, вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела или объявления врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики и, тем самым, гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда, с конфискацией имущества. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

58⁵. Склонение иностранного государства или каких-либо в нем общественных групп, путем сношения с их представителями, использования фальшивых документов или иными средствами, к объявлению войны, вооруженному вмешательству в дела Союза ССР или иным неприязненным действиям, в частности: к блокаде, к захвату государственного имущества Союза ССР или союзных республик, разрыву дипломатических сношений, разрыву заключенных с Союзом ССР договоров и т. п., влечет за собою —

меры социальной защиты, указанные в ст. 58² настоящего Кодекса. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

58⁶. Шпионаж, т. е. передача, похищение или собирание с целью передачи сведений, являющихся по своему содержанию специально охраняемой государственной тайной,

иностранным государствам, контрреволюционным организациям или частным лицам, влечет за собою —

лишение свободы на срок не ниже трех лет, с конфискацией всего или части имущества, а в тех случаях, когда шпионаж вызвал или мог вызвать особо тяжелые последствия для интересов Союза ССР — высшую меру социальной защиты — расстрел или объявление врагом трудящихся, с лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнанием из пределов Союза ССР навсегда с конфискацией имущества.

Передача, похищение или собирание с целью передачи экономических сведений, не составляющих по своему содержанию специально охраняемой государственной тайны, но не подлежащих оглашению по прямому запрещению закона или распоряжению руководителей ведомств, учреждений и предприятий, за вознаграждение или безвозмездно, организациям и лицам, указанным выше, влекут за собою —

лишение свободы на срок до трех лет. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

Примечание 1. Специально охраняемой государственной тайной считаются сведения, перечисленные в особом перечне, утвержденном Советом Народных Комиссаров Союза ССР по согласованию с советами народных комиссаров союзных республик и публикуемом во всеобщее сведение. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330])^{*}.

Примечание 2. В отношении с действиями шпионажа, упомянутых в ст. 193 настоящего Кодекса, сохраняет силу ст. 193 того же Кодекса (9 января 1928 г. [СУ № 12, ст. 108]).

58⁷. Подрыв государственной промышленности, транспорта, торговли, денежного обращения или кредитной системы, а равно кооперации, совершенный в контрреволюционных целях путем соответствующего использования государственных учреждений и предприятий или противодействия их нормальной деятельности, а равно использование государственных учреждений и предприятий или противодействие их деятельности, совершаемое в интересах бывших собственников или заинтересованных капиталистических организаций, влекут за собою —

^{*} См. постановление Совета Министров СССР 8 июня 1947 г. (стр. 152).

меры социальной защиты, указанные в ст. 58² настоящего Кодекса. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

58⁸. Совершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов, хотя бы и лицами, не принадлежащими к контрреволюционной организации, влекут за собою —

меры социальной защиты, указанные в ст. 58² настоящего Кодекса. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

58⁹. Разрушение или повреждение с контрреволюционной целью взрывом, поджогом или другими способами железнодорожных или иных путей и средств сообщения, средств народной связи, водопровода, общественных складов и иных сооружений или государственного или общественного имущества влечет за собою —

меры социальной защиты, указанные в ст. 58² настоящего Кодекса. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

58¹⁰. Пропаганда или агитация, содержащие призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. ст. 58²—58⁹ настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление, или хранение литературы того же содержания влекут за собой —

лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.

Те же действия при массовых волнениях, или с использованием религиозных или национальных предрассудков масс, или в военной обстановке, или в местностях, объявленных на военном положении, влекут за собою —

меры социальной защиты, указанные в ст. 58² настоящего Кодекса. (6 июня 1927 г. [СЗ № 49, ст. 330]).

58¹¹. Всякого рода организационная деятельность, направленная к подготовке или совершению предусмотренных в настоящей главе преступлений, а равно участие в организации, образованной для подготовки или совершения одного из преступлений, предусмотренных настоящей главой, влекут за собою —

меры социальной защиты, указанные в соответствующих статьях настоящей главы. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

58¹². Недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении влечет за собой —

лишение свободы на срок не ниже шести месяцев.
(6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

58¹³. Активные действия или активная борьба против рабочего класса и революционного движения, проявленные на ответственной или секретной (агентура) должности при царском строе или у контрреволюционных правительств в период гражданской войны, влекут за собою —

меры социальной защиты, указанные в ст. 58² настоящего Кодекса. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

58¹⁴. Контрреволюционный саботаж, т. е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата, влечет за собою —

лишение свободы на срок не ниже одного года, с конфискацией всего или части имущества, с повышением, при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела, с конфискацией имущества. (6 июня 1927 г. [СУ № 49, ст. 330]).

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИСТОЧНИКАХ

Источники, на которые мы ссылаемся, можно разделить на две категории: «официальные», т. е. опубликованные в СССР, и «неофициальные», т. е. свидетельства иностранцев или людей, покинувших Советский Союз и опубликовавших свои материалы за рубежом.

Мы можем считать, что эти источники дополняют друг друга. Так, например, то, что рассказывают о жизни в концлагерях Александр Солженицын, генерал Горбатов и другие опубликованные в Советском Союзе авторы, лишь подтверждает и дополняет многочисленные книги и статьи бывших заключенных, изданные в течение последних тридцати лет на Западе. Сейчас как раз подходящий момент объединить весь этот разнохарактерный материал. Ибо со времени падения Хрущева поток разоблачений преступной практики сталинской эпохи практически иссяк. Как выразился в марте 1966 года первый секретарь компартии Белоруссии Машеров, число случаев, в которых «под видом борьбы с культом извращалась вся история КПСС», резко сократилось.

1. Сопутствовавшие событиям официальные сообщения не требуют особых разъяснений. Разумеется, они лживы, но они, тем не менее, содержат важнейшую информацию (неверно, скажем, что Мдивани был британским шпионом, но верно, что он был расстрелян). Кроме того, очень показательное оформление, придаваемое официальным сообщениям. Достаточно проследить вариации и усложнение версии убийства Кирова от простого первого сообщения до запутаннейшего заговора 1938 года.

2. Новейшие официальные сообщения. После доклада Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС в феврале

1956 года в СССР было опубликовано немало материалов, дающих верное или, по меньшей мере, более верное описание общего развития, конкретных событий и судеб отдельных лиц. Известная неполнота картины сохраняется, однако, в силу того, что весь этот материал сконцентрирован почти исключительно вокруг жертв, понесенных партией, причем практически игнорируются даже коммунисты-оппозиционеры. Тем не менее, этот материал содержит драгоценнейшую информацию по целому ряду вопросов, хотя эти сведения порой отрывочны, неполноценны и поданы скорее в журналистском, чем в научном оформлении. Как решительно настаивал в 1962 году на совещании историков А. В. Снегов, «недостойные, неприличные приемы еще подвизаются на седьмом году после XX съезда партии и имеют хождение»¹. С тех пор, однако, положение только ухудшилось.

Доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда, как и открытые выступления на XXII съезде в октябре 1961 года, руководствовались принципом одностороннего отбора отдельных эпизодов террора. А поскольку совершенно ясно, что главным мотивом хрущевских разоблачений было стремление опорочить его политических противников пятидесятих годов — Берию, Молотова, Кагановича, Маленкова и Ворошилова, — то не все, что о них говорилось, следует принимать за чистую монету, особенно в последнее время, когда эти враги были вынуждены молчать.

Пример такого курьеза в поведении Хрущева, — да, впрочем, и всего руководства КПСС, — приводит сенатор Реале, в то время один из лидеров итальянской компартии, который сам слышал от Хрущева рассказ о том, как Берия был убит на месте во время заседания Президиума в июне 1953 года, а затем Реале должен был сидеть и в течение нескольких часов слушать якобы подлинную пленку с записью суда над Берией в декабре.

Но хотя хрущевский период и характеризуется определенным объемом сочинительства, думается, что когда он сам или кто-либо из его соратников ссылаются на документы, то, по всей вероятности, эти документы подлинные. Да и вообще, хоть и не без остатков сомнения, следует принять за правду большую часть сообщений, сделанных в публичных выступлениях или еще где-либо. Те же соображения относятся к целому ряду книг, появившихся в СССР в течение последних десяти лет и посвященных реабилитированным политическим и военным деятелям. Как и во всех

апологетических биографиях, в них, без сомнения, сказывается стремление изобразить описываемое лицо в максимально благоприятном свете. Верно, конечно, что в тех случаях, когда таких биографий было несколько,— как в случаях Тухачевского, Кирова, Якира, Блюхера и других,— в них имеется ряд расхождений в подробностях, по большей части (хотя и не всегда) незначительных. Это, несомненно, чаще всего объясняется тем, что авторы сами наткнулись на фактические затруднения. Во многих случаях документы были им тоже недоступны, и нередко приходилось полагаться на память оставшихся в живых родственников или иных свидетелей.

Неудовлетворенность документации с очевидностью обнаруживается в расхождениях советских источников по вопросу о датах смерти даже таких видных деятелей, как член Политбюро Влас Чубарь или начальник Генерального штаба маршал Егоров. Поскольку в целом ряде случаев в литературе называются две (а порой и больше, чем две) даты смерти, мне кажется уместным истолковывать их следующим образом: более ранняя дата отмечает время вынесения смертного приговора и является последней, отмеченной в следственном деле обвиняемого, казнь которого совершалась в ближайшие же дни. Если приговор был затем смягчен в результате нового административного решения, это не было отмечено в документах, доступных исследователю, и может быть установлено лишь на основе ряда других документов или свидетельств еще живущих работников НКВД. Но это всего лишь гипотеза. А в ряде случаев не менее вероятна просто путаница.

Когда в несколько другом контексте академик И. М. Майский на основании опыта эпохи культа заявил, что не каждому документу следует верить², он высказал также и пожелание, чтобы мемуарная литература осветила мотивы поведения людей даже и там, где документы достойны определенной степени доверия. И в самом деле, значительная часть недавней информации советского происхождения появилась в форме мемуарного и биографического материала. Материал этот весьма неравного качества. Вплоть до 1962 года (по крайней мере) только один Воениздат организовал специальную редакцию и допустил мемуаристов к своим архивам³.

Как мы уже говорили выше, воспоминания советских граждан, переживших террор, представляют собой один из важнейших источников, подтверждающих, в частности, опи-

сания жизни в тюрьмах и лагерях, вышедшие за рубежами социалистического лагеря. Вспоминаются имена генерала Горбатова, маршала Рокоссовского, Григория Шелеста и других. Одно из лучших описаний жизни в лагере принадлежит перу Йожефа Лендьела, венгерского коммуниста с большим партстажем; его книга «От начала до конца» вышла в Будапеште, где в период оттепели ей была присуждена премия имени Кошута. К другой категории, конечно, относится повесть А. Солженицына «Один день Ивана Денисовича», дающая в беллетристической форме замечательно точное описание жизни за проволокой. Как отметил один советский критик⁴, автор показал нам день из относительно благополучного периода лагерной жизни своего героя.

Солженицын описывает, правда, период более поздний, чем большой террор; период, когда смертность в лагерях существенно сократилась. Я, тем не менее, щедро цитировал эту повесть прежде всего потому, что, будучи исключительно живо написанной, она не дает возможности обвинить автора в искажении действительности. Кроме того, изменения, которые имели место в системе ГУЛАГа, не столь существенны, и их хорошо видно из сравнения с другими, тоже цитируемыми здесь источниками, в то время как день солженицынского героя — квинтэссенция этой системы в стадии полного совершенства.

3. Имеется также и некоторое число «официальных» материалов обоих периодов, не предназначенных для публикации. Самые содержательные из них — материалы «Смоленского архива»: документы Смоленского обкома ВКП[б], охватывающие период до 1938 года и захваченные в июле 1941 года немцами. Из этих документов было отобрано почти наугад около 500 папок, отосланных затем в Германию, где они попали в руки к американцам. Этот «архив» содержит живую документацию террора — больше в партийном, чем в общенародном разрезе — на территории Западной области, охватывавшей в 1929-1937 годах все пространство между Белоруссией, Украиной, Московской и Ленинградской областями с населением в шесть с половиной миллионов человек. Профессор Мерль Файнсод блестяще обработал эти документы в своей книге «Смоленск под советской властью».

В нашем распоряжении, хотя в неполном виде, имеется также секретная редакция государственного плана на 1941 год, с помощью которой можно составить понятие об объеме принудительного труда в системе ГУЛАГа НКВД.

Некоторое число документальных свидетельств из самих ИТЛ тоже имелось на Западе уже в сороковых годах. Доклад Хрущева на закрытом заседании XX съезда также попал на Запад по тайной линии связи; он до сих пор так и не опубликован в Советском Союзе, а полученный за границей текст никогда не был официально признан правильным. В последнее время из Советского Союза поступила еще кое-какая, хоть и менее значительная документация. Это стенографические записи или обзоры дискуссий на доверительных встречах советских историков.

4. Свидетельства жертв, выехавших за пределы коммунистического мира и опубликовавших свои воспоминания на Западе. Среди них весьма замечательные личности, умеющие наблюдать, живо описывать и заслуживающие полного доверия. В нашем распоряжении имеются воспоминания видного литературного критика Иванова-Разумника, вдовы члена Политбюро компартии Германии Маргариты Бубер-Нойман, замечательного историка профессора Штеппа. К счастью (только в интересах исследования, конечно), один из ведущих исследователей проблемы принудительного труда, профессор Сваневич сам побывал в лагерях и едва-едва избежал расстрела в Катыни. Не менее драгоценны свидетельства и не столь выдающихся бывших з/к: Солоневича, бывшей швейцарской коммунистки Элиноры Липпер и получивших право убежища в Австралии Владимира и Евдокии Петровых.

Мы находимся в благоприятном положении в отношении получения взаимодополняющей информации о концлагерях — причем с существенными подробностями — из советских и несоветских источников. Д. Далину и Б. Николаевскому уже в 1948 году удалось, опираясь на свидетельства оказавшихся на Западе бывших заключенных, составить список в несколько сот лагерей и лагерных зон. Существование некоторых наиболее отдаленных и малоизвестных из них подтвердилось потом из советских источников, как, например, существование лагеря при золотом прииске Мальдяк в глубине Колымского края, о котором рассказал в своих воспоминаниях генерал А. В. Горбатов. Точно так же условия жизни в лагерях обрисовываются аналогичным образом в источниках обеих категорий. Свидетельство генерала Горбатова о том, как уголовные преступники «урки» обращались с политзаключенными, вполне аналогично свидетельствам заключенных, опубликованным на Западе. Хлебный

паяк на Колыме описан на Западе Элиной Липпер совершенно так же, как Григорием Шелестом в его «Колымских заметках», опубликованных в советском журнале «Знамя». И так далее.

Полноценным и честным свидетельствам вырвавшихся на Запад заключенных не верили. Вайсберг так и пишет в своей книге:

«Я знаю, что я стану предметом нападок тех, кто сделали своей профессией защитой системы всеобщего обмана. Я знаю, что подобно всем моим предшественникам, я стану объектом бессовестной клеветы. Я не могу избежать этого, потому что нет законных средств для доказательства того, что я говорю правду. Советские карательные органы освобождают своих заключенных без бумаг и документальных свидетельств. Но История дает правде оружие, которого она лишает ложь. Ложь существует во множестве облиций, правда только в одном. Несколько сот человек выехали из СССР одновременно со мной. Некоторые из них, возможно, умерли или снова попали в тюрьму, но другие остались, наверное, в живых и пользуются свободой. Я не знаю, где они сейчас, но в один прекрасный день они также могут заговорить. И они скажут то же, что говорю я, и содержание их свидетельств подтвердит правдивость моего рассказа»⁵.

5. Последний и наиболее спорный из наших первоисточников — свидетельства лиц, имевших доступ к политической и полицейской информации. Сюда относятся несколько книг особого рода.

В тоталитарном государстве проблема научного доказательства принимает специфические формы. Официальные заявления власти не заслуживают в нем доверия, потому что многие из них совершенно очевидно лживы. В результате, правдивая информация просачивается лишь в форме слухов.

Новейшие советские признания подтверждают, что утечка даже самых секретных данных продолжалась и в самом 1937 году; это видно хотя бы из того, что насильственный характер смерти Орджоникидзе не остался тайной даже для низовых партийных работников, как и для нескольких эмигрантов, появившихся в то время на Западе. Разумеется, не всякий слух верен и не все, что передается из уст в уста — правда. В политической информации самый верный, хоть и не безупречный, источник — слухи на высоком политическом или полицейском уровне. Один из ярчайших примеров — нашумевший в свое время очерк «Московский

процесс» (Письмо старого большевика). Это «Письмо» впервые появилось в номерах от 22 декабря 1936 и 17 января 1937 г. меньшевистского «Социалистического вестника», выходившего в то время в Париже, а затем было перепечатано отдельной брошюрой в 1937 году в Нью-Йорке. Его автором оказался потом (оставшийся поначалу анонимным) Борис Николаевский, никакой не старый большевик, но старый меньшевик, работавший некоторое время после Октября директором Института Маркса и Энгельса и сохранивший, кроме того, свои еще дореволюционные связи кое с кем из большевиков. Рыков, например, приходился ему шурином. А с Бухариным, когда тот приезжал в Европу в 1936 году, Николаевский имел несколько встреч. Бухарин и послужил источником для описания определенных настроений в партии, как они поданы в очерке. Большая часть информации Николаевского, однако, и, в частности, все места, оценивающие положение в конце 1936 года, опираются на другие источники — главным образом, на сведения, полученные от Карла Раппопорта, известного французского и русского коммуниста и друга Ленина. В господствовавшей в то время обстановке, более свободной, чем в последовавший период сталинщины, разговоры и настроения, имевшие место на довольно высоком уровне старого состава партии, могли просочиться в этом виде за границу, что, впрочем, повторилось и при Хрущеве. «Московский процесс» не должен, конечно, расцениваться как первоисточник; используя его, мы старались не забывать, что это информация из вторых рук.

Неплохим предварительным критерием для оценки такого рода сведений может служить вопрос о том, кто таков автор — реальная личность или просто имя на обложке (не забудем, что даже в ученых кругах Запада необъяснимым успехом пользуются порой книги вымышленных авторов); затем важно выяснить, подтверждаются ли сведения автора другими — в особенности более поздними — свидетельствами и созвучны ли они политическим и общим условиям времени. К лучшим и наиболее верным источникам следует отнести те, которые стали предметом упорной и ожесточенной диффамации и личной клеветы против автора (что со сталинской точки зрения вполне понятно). Так, например, книга «Я выбрал свободу» Виктора Кравченко в широчайших кругах изображалась как фальшивка организаторов холодной войны (термин «холодная война», как порой и теперь, употреблялся для обозначения не какой-либо определен-

ной международной политики, а лишь нежелательной руководством КПСС элементарной гласности вокруг определенных фактов и убеждений); полился поток голословных нападок на личные качества автора. Кравченко дает не так много интересующих нас сведений, хотя его вторая книга «Я избрал правосудие» — отчет о его процессе против французского коммунистического журнала «Леттр Франсэз» — полезна тем, что содержит свидетельские показания ряда бывших заключенных, многие из которых без этого, несомненно, остались бы неопубликованными.

Другой автор, тоже ставший объектом упорной травли — это Вальтер Кривицкий, для нашей работы полезный, хотя и не столь важный источник. У него есть недостатки. Во-первых, его память (или его способность сопоставлять свои воспоминания с опубликованным материалом) оставляет желать лучшего. В результате, его рассказ страдает порой «хронологическими провалами». Это значит, что совершенно верная информация смещается у него во времени. Это обычно можно исправить. Во-вторых, близость В. Кривицкого к подлинным источникам сведений не так уж велика. И, наконец, особенность, которая, между прочим, мало отмечалась исследователями: Кривицкий очень следит за тем, чтобы вместе с теми или иными действиями правящей клики не выдать и подлинной государственной или военной тайны. Кривицкий покинул советскую службу 5 декабря 1937 года, этот момент позволяет провести грань между сведениями, полученными им непосредственно из источника, и позднейшими спекулятивными построениями.

Более крупный работник НКВД, Александр Орлов, занимал в свое время должность заместителя начальника экономического отдела ОГПУ и поддерживал тесные сношения с определенным числом руководящих работников карательных органов — в частности, с Мироновым, одним из ближайших помощников Ягоды по подготовке процесса Зиновьева. Его книга, неудачно названная «Тайная история преступлений Сталина», представляется нам достойным большого доверия источником, во всяком случае, примерно до конца 1937 года, т. е. до времени последнего возвращения автора в Советский Союз. Орлов покинул советскую службу 13 июля 1938 года. Правда, его ближайшие товарищи по работе в НКВД были к этому времени давно уже вычищены, а немногие пережившие чистку, во-первых, едва ли продолжали говорить с ним откровенно и, во-вторых, едва ли могли добиться полноценной информации от новых хозяев терро-

ристической машины. Помимо этих двух фактов, проявившихся в убывающей степени подробности и уверенности в сказанном, свидетельство Орлова отлично выдерживает проверку. (Мне удалось, например, с помощью одного коммуниста из Восточной Европы, незнакомого с книгой Орлова, проверить два из описанных им незначительных, но характерных фактов, касающихся знакомых моего собеседника). А недавно целый ряд описанных у Орлова фактов, как, например, подробности самоубийств начальника Горьковского областного управления НКВД Погребинского и начальника политического отдела Украинского НКВД Козельского, подтверждены в Самиздате⁶.

Другой источник, хорошо выдерживающий сопоставления с позднейшими свидетельствами,— это все, что написано бывшим крупным советским командиром Александром Барминым.

Свидетельства ряда других эмигрантов не столь солидны. С одной стороны, положение их авторов в советской жизни не поддается полноценной проверке, и их личная близость к событиям представляется преувеличенной; с другой стороны, невозможно проверить всю предлагаемую ими информацию — порой входящие в нее отдельные сведения не совпадают или плохо увязываются с другими источниками; впрочем, вполне возможно, что в силу недостаточной посвященности в кухню партийной политики, они просто передают слухи, распространявшиеся в более наивной среде. Сюда относится верная или искаженная передача рассказов, услышанных в тюрьмах и лагерях от людей, по всей вероятности, ближе стоявших к политике того времени. Значительная часть этих сообщений лишена познавательной ценности, но среди них есть книги, содержащие зерна подлинной информации; они, по меньшей мере, точно передают слухи, не противоречащие установленным фактам и дающие порой дополнительные сведения. Я пользовался иногда такими сведениями, отмечая их словами «как говорили» — в тех случаях, когда объективная вероятность и отсутствие оснований для фальсификации оправдывали в моих глазах это использование.

Вторичные источники по большей части ясны. Это работы, охватывающие массы первичного материала, как например, «Принудительный труд в СССР» Николаевского и Далина.

ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ИСТОЧНИКАХ

1. «Совещание историков», стр. 271 (Выступление А. В. Снегова).
2. Там же, стр. 148 (Выступление акад. Майского).
3. Там же, стр. 148.
4. В. Лакшин в «Новом мире» № 1, 1964, стр. 223-245: «Иван Денисович, его друзья и недруги».
5. Weissberg, *Conspiracy of Silence*, p. 14.
6. P. Yakir in *Survey* No. 70-71, 1969. Письмо в редакцию журнала «Коммунист» 2 марта 1969 г. Оригинальный русский текст см. «Посев» № 5, 1969.

ИЗБРАННАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

Цитируемые в тексте две сотни названий даются полностью только при первом их упоминании. В дальнейшем нередко указывается лишь имя автора; сокращенное же название книги дается только в начале главы или если цитируются две или несколько работ того же автора. Предлагаемый ниже список охватывает лишь важнейшие или наиболее содержательные работы, трактующие тот или иной аспект сталинского террора.

ОБЩЕЕ

- Armstrong, John A., *The Politics of Totalitarianism*, New York, 1961.
- Balabanoff, Angelica, *Impressions of Lenin*, Ann Arbor, 1964.
- Barmine, Alexander, *One Who Survived*, New York, 1945.
- Carr, E. H., *Socialism in One Country*, 3 vols., London, 1958-64.
- Ciliga, Anton, *The Russian Enigma*, London, 1940.
- Daniels, Robert V., *The Conscience of the Revolution*, Oxford, 1960.
- Deutscher, Isaak, *Stalin*, London, 1949.
- Deutscher, Isaak, *The Prophet Unarmed*, London, 1962.
- Джилас, Милован, «Разговоры со Сталиным», изд. «Посев», 1970.
- Эренбург, Илья, «Люди, годы, жизнь» (цитируется по собр. соч., Москва, т. 8, 1966; т. 9, 1967).
- Fainsod, Merle, *Smolensk under Soviet Rule*, Cambridge, Mass., 1958; London, 1959.
- Fischer, Louis, *Men and Politics*, London, 1941.
- Jasny, Naum, *The Socialized Agriculture of the U.S.S.R.*, Stanford, 1949.
- Krivitsky, Walter, *I Was Stalin's Agent*, London, 1940.

- Lorimer, Frank, *The Population of the Soviet Union: History and Prospects*, League of Nations, Geneva, 1946.
- Медведев, Жорес, «Биологическая наука и культ личности», изданная на английском языке под названием *The Rise and Fall of T. D. Lysenko*, New York, 1969.
- Orlov, Alexander, *The Secret History of Stalin's Crimes*, London, 1954.
- Schapiro, Leonard, *The Communist Party of the Soviet Union*, London, 1960.
- Serge, Victor, *De Lénine à Staline*, Paris, 1937 (Le Crapouillot, № special, Janvier, 1937).
- Serge, Victor, *Memoires d'un révolutionnaire*, Paris, 1951.
- Souvarine, Boris, *Staline*, Paris, 1935.
- Троцкий, Лев, «Моя жизнь», т. 2, изд. «Гранит», Берлин, 1930.
- Ulam, Adam, *The Bolsheviks*, New York, 1965.
- Uralov, Alexander (A. Avtorkhanov), *The Reign of Stalin*, London, 1953.
- Wolfe, Bertram D., *Three Who Made A Revolution*, Penguin ed., London, 1966.
- Большая советская энциклопедия, 1-е изд., 1926-47; 2-е изд., 1949-58; 3-е изд., 1970.
- Малая советская энциклопедия, 3-е изд., 1958-60.
- Энциклопедический словарь, 1963.
- Советская историческая энциклопедия, 1961.
- Краткая литературная энциклопедия, 1963.
- Українська радянська енциклопедія, 1959-65.
- Українськи радянськи енциклопедичний словник, 1966.

КАРАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ, СУДЫ, ТЮРЬМЫ, ЛАГЕРЯ И Т. Д.

- Anon, *The Dark Side of the Moon*, with Preface by T. S. Eliot, London, 1946.
- Beck, F. and Godin, W., *Russian Purge and the Extraction of Confession*, London, 1951.
- Broué, Pierre, *Le Proces de Moscou*, Paris, 1964.
- Brzezinsky, Zbigniew, *The Permanent Purge*, Cambridge, Mass., 1956.
- Buber-Neumann, Margarete, *Als Gefangene bei Stalin und Hitler*, Munchen, 1949.
- Dallin, D. J. and Nicolaevsky, B. I., *Forced Labor in the Soviet Union*, London, 1948.
- Dewey Commission, *Report of the: Not Guilty: The Case of Leon Trotsky*, London, 1937.
- Ekart, Antoni, *Vanished Without Trace*, London, 1954.
- Гинзбург, Евгения, «Крутой маршрут», Франкфурт-на-Майне, 1970.
- Горбатов, А. В. ген., «Годы и войны», Москва, 1965.
- Herling, Gustav, *A World Apart*, New York, 1951.
- Иванов-Разумник, Р. В., «Тюрьмы и ссылки», изд. им. Чехова, Нью-Йорк, 1953.
- Kravchenko, Victor, *I Chose Justice*, London, 1951.
- Lengyel, Jozsef, *From Beginning to End*, English ed., London, 1966.
- Lipper, Elinor, *Elf Jahre in sowjetischen Gefängnissen und Lagern*, Zurich, 1950.
- Macleane, Fitzroy, *Eastern Approaches*, London, 1941.
- Medvedev, Roy, *Faut-il rehabiliter Staline?*, Paris, 1969.
- Никонов-Сморodin, «Красная каторга», София, 1938.
- Petrov, V., *It Happens in Russia*, London, 1951.
- Пионтковский, А. А. и Меньшанин, В. Д., «Курс советского уголовного права», Москва, 1955.
- Розанов, Михаил, «Завоеватели белых пятен», изд. «Посев», 1951.
- Roeder, Bernhard, *Katorga: An Aspect of Modern Slavery*, London, 1958.
- Солоневич, И. Л., «Россия в концлагере», Белград, 1935.
- Сахаров, А. Д. акад., «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», изд. «Посев», 1968.

Солженицын А. И., цитируется по собр. соч. изд. «Посев», 1970: т. 1 — «Один день Ивана Денисовича»; т. 3 и 4 — «В круге первом».

Stypulkowski, Z., *Invitation to Moscow*, London, 1951.

Swaniewicz, S., *Forced Labour and Economic Development*, London, 1965.

Вышинский, А. Я. акад., «Судоустройство в СССР», Москва, 1936.

Weissberg, Alexander, *Conspiracy of Silence*, London, 1952.

Wolin, Simon, and Slusser, Robert M., *The Soviet Secret Police*, New York, 1957.

Судебный отчет по делу троцкистско-зиновьевского террористического центра, Москва, 1936 («Дело Зиновьева»). (Поскольку этот отчет отсутствует даже в крупнейших библиотеках Англии, Франции, Германии и США, мы цитировали его в обратном переводе с *Report of the Court Proceedings in the Case of the Trotskyite-Zinovievite Terrorist Centre*, English ed., Moscow, 1936).

Судебный отчет по делу антисоветского троцкистского центра, 1937 («Дело Пятакова»). (На русском языке в нашем распоряжении был лишь сокращенный текст этого отчета. Недостающие в нем места цитируются в обратном переводе с *Report of the Court Proceedings in the Case of the Anti-Soviet Trotskyite Centre*, English ed., Moscow, 1937).

Судебный отчет по делу антисоветского правотроцкистского блока, Москва, 1938 («Дело Бухарина»). (Цитируется везде по оригиналу).

ПАРТИЯ

- Авторханов, Абдурахман, «Покорение партии». См. «Посев».
- Впоследствии переработано автором в книгу: Uralov, Alexander, *The Reign of Stalin*, London, 1953.
- Авторханов, Абдурахман, «Технология власти», изд. ЦОПЭ, 1959 (не полностью совпадает с англ. изд.).
- Бега, Ф. и Александров, В., «Петровский», Москва, 1963.
- Дробжнев, В. и Думова, Н. «В. Я. Чубарь. Биографический очерк», Москва, 1963.
- Дубинский-Мухадзе, И., «Орджоникидзе», Москва, 1963.
- Красников, С., «Киров», Москва, 1964.
- Марягин, Г., «Постышев», Москва, 1965.
- Синельников, С., «Сергей Миронович Киров. Жизнь и деятельность», Москва, 1964.
- «Станислав Викенътьевич Косиор» (по-украински), Киев, 1963.
- Kostiuk, Hrihory, *Stalinist Rule in the Ukraine*, Munich, 1960.
- Matossian, Mary, *The Impact of Soviet Politics in Armenia*, Leyden, 1962.
- Nikolaevsky, Boris I., *Power and the Soviet Elite*, New York, 1965.
- Sullivant, Robert S., *Soviet Politics and the Ukraine, 1917-57*, New York, 1962.
- КПСС в резолюциях и т. д., 7-е изд., Москва, 1953.
- Очерки истории Коммунистической партии Украины, 2-е изд., Киев, 1964.
- Очерки истории Ленинграда, т. 4, Москва-Ленинград, 1965.
- Стенографический отчет Первой сессии Верховного Совета, Москва, 1938.
- Стенографический отчет VII съезда ВКП[б], Москва, 1958.
- Стенографический отчет VIII съезда ВКП[б], Москва, 1961.
- Стенографический отчет XI съезда ВКП[б], Москва, 1961.
- Стенографический отчет XVII съезда ВКП[б], Москва, 1934.
- Стенографический отчет XVIII съезда ВКП[б], Москва, 1939.
- Стенографический отчет XXII съезда КПСС, Москва, 1961.
- Стенографический отчет Всесоюзного совещания по усовершенствованию подготовки научно-педагогических кадров в исторической науке, Москва, 1964 («Совещание историков»).

АРМИЯ

- Bialer, Seweryn, *Stalin and His Generals*, New York, 1969.
- Erickson, John, *The Soviet High Command*, London, 1962.

Wollenberg, E., *The Red Army*, London, 1938.
 Дубинский, И. В., «Наперекор ветрам», Москва, 1964.
 Душенькин, В., «От солдата до маршала», Москва, 1961.
 Кондратьев, Н., «Маршал Блюхер», Москва, 1965.
 Корицкий, Н. И. и др., «Маршал Тухачевский», Москва, 1965.
 Никулин, Лев, «Маршал Тухачевский», Москва, 1964.
 Петров, Ю. П., «Партийное строительство в Советской армии и флоте (1918-1961)», Москва, 1964.
 Якир, П. И. и Геллер, Я. А., «Командарм Якир», Москва, 1963.
 Hoettl, Wilhelm, *The Secret Front*, London, 1954.
 Schellenberg, W., *Memoiren*, Köln, 1959.

РАЗНОЕ

В описании убийства Троцкого я в основном следовал за Исааком Дон-Левиным (Isaak Don-Levine, *The Mind of an Assassin*, New York, 1959). Я не указывал источников для описания массовой ликвидации польских военнопленных в Катыни, так как это убийство лежит за пределами сталинского большого террора. Интересующимся следует обратиться к книгам: *The Crime of Katyn*, London, 1965 (с предисловием ген. В. Андерса); Joseph Mackiewicz, *The Katyn Wood Murders*, London, 1951; J. K. Zawodny, *Death in the Forest*, Notre Dame, 1962.

Дальнейшие справки по темам, затронутым во вступлении и эпилоге, читатель найдет в цитируемой литературе.

ПЕРИОДИКА

Советские газеты и журналы

«Правда», «Известия», «Красная звезда», «Казахстанская правда», «Заря Востока», «Комсомольская правда», «Бакинский рабочий», «Правда Украины», «Правда Востока», «Рабочий» (Минск), «Советская Белоруссия», «Ленинградская правда», «Коммунист» (Армения), «Вопросы истории», «Вопросы истории КПСС», «Вопросы литературы», «Военно-исторический журнал», «Більшовик України», «Вісти», «Советское государство и право», «Знамя», «Октябрь», «Новый мир», «Литературная газета», «Нева», «Беларусь», «Наука и религия», «Вечерний Ленинград», «Огонек», «Литературная Россия», «Молодой коммунист», «Советская Сибирь».

Зарубежные издания

«На рубеже», «Новый журнал», «Бюллетень оппозиции», «Социалистический вестник», «Посев», *Bulletin d'Information* (Commission pour la vérité sur les crimes de Staline), *The New Leader*, *Trybuna Ludu*, *Soviet Affairs* (St. Antony Papers), *Problems of Communism*, *Soviet Studies*, *Survey*, *Studies in Comparative Communism*.

СОДЕРЖАНИЕ

Глава девятая.	3
Вакханалия	3
Доносы	6
Массовый охват	11
Процедура	17
Камера	20
Крупнейшие центры	26
Товарищи по несчастью	28
Обработка	39
Разбор дела	47
На культурном фронте	56
Глава 9 (библиография)	75
Глава десятая.	83
Во глубине	83
Этап	88
Женская доля	94
На новых местах	96
Распорядок дня	99
Невидимая империя	107
Колыма	108
Печора	115
Рабовладельческое хозяйство	116
Рацион и жизнь	122
Глава 10 (библиография)	132
Глава одиннадцатая.	137
Большой спектакль	137
Признание, взятое обратно	140
Бывший глава правительства	155
Восточные мотивы	159
Дела хозяйственные	163
Номер один	170
Дела медицинские	183
Последний акт	207
Глава 11 (библиография)	220

Глава двенадцатая.	225
Чужестранцы	225
На высшем уровне	225
За пределами	240
Под небом Испании	242
Мексика, 1940	247
Глава 12 (библиография)	258
Глава тринадцатая.	261
Вершина	261
Дипломаты	267
Молодежь	271
Особая Дельневосточная	274
Падение карлика	281
«Нормализация»	288
Март 1939	293
Глава 13 (библиография)	299
Эпилог.	303
Наследие	303
Война	310
На старые рельсы	321
Недостаток взаимопонимания	329
Наследие	342
Эпилог	354
Приложение А.	357
Масштаб потерь	357
1. Аресты	357
2. Ликвидация	361
3. Численность заключенных в лагерях	364
4. Смертность в лагерях	368
5. Перепись 1959 года	370
Добавление ко 2-ому изданию (1970 г.)	371
Приложение А (библиография)	372
Приложение Б	374
Ленин о своих преемниках	374
Приложение В	377
Члены Политбюро ЦК 1919-1938	377
Приложение Г	379
Состав ЦК ВКП[б] 1934 г.	379
Приложение Д	382
Карательные органы	382
Приложение Д (библиография)	390
Приложение Е	392
Ранние судебные процессы	392
Приложение Е (библиография)	403

Приложение Ж	404
Статья 58 Уголовного кодекса РСФСР	404
Особенная часть	404
Замечания об источниках	410
Замечания об источниках (библиография)	419
Избранная библиография	420
Карательные органы	422
Партия	424
Периодика	426

Р. Конквест
«БОЛЬШОЙ ТЕРРОР»

II

Сдано в набор 15.10.90. Подписано в печать 20.12.90. Формат 84×108/32. Бумага типографская. Журнально-рубли. гарнитура. Высокая печать. 22,68 уч.-печ. л.; 13,5 усл. кр. отт.; 21,93 изд. л. Тираж 50 000 экз. Заказ № 95—5. Цена 8 руб. За пределами республики — цена договорная. Издательство «Ракстниекс». № лицензии 000005. Отпечатано в типографии «Рота», 226011 Рига, ул. Блауманя, 38/40.

13-10

ЮЗ
Советских
Соединенных
Республик

Политико-административная карта
Масштаб 1:8 000 000

